

Петр Баренбойм

МАКИАВЕЛЛИ.
МОСКВА.
ФЛОРЕНТИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Флорентийское Общество
Московско-Петербургский философский клуб

Петр Баренбойм

**МАКИАВЕЛЛИ.
МОСКВА.
ФЛОРЕНТИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

*К двадцатилетию создания в Москве
Флорентийского общества*

Москва
ЛУМ
2020

УДК 91.7.034.5
ББК 85.143(4)
Б24

Баренбойм Пётр.

Б24 Макиавелли. Москва. Флорентийское общество (к двадцатилетию создания в Москве Флорентийского общества). — М. : ЛУМ, 2020. — 404 с.

ISBN 978-5-6043304-3-2

История. Исторические науки. История зарубежных стран. Италия. XV - середина XVI вв. Культура. Идеология. Быт. Итальянское Возрождение. Право. Философские науки. История философии. Философия Италии. Итальянское Возрождение (XV – XVI вв.). Данте – Макиавелли – Микеланджело – Павел Муратов – Флоренция. Флорентийское общество в Москве.

Barenboim, Petr.

Machiavelli. Moscow. Florentine Society (twenty years of the Moscow Florentine Society), Moscow, LOOM. 2020.

ISBN 978-5-6043304-3-2

Machiavelli, Niccolò, 1469 – 1527. Florentine Platonic Academy. Russian Federation. Politics and government. Machiavelli, Niccolò, 1469 – 1527. Influence (Literary, artistic, etc.). Michelangelo – New Sacristy – Medici Chapel. The Moscow Florentine Society 2001 – 2020.

ISBN 978-5-6043304-3-2

*Посвящается памяти
Екатерины Юрьевны Гениевой
и Леонида Михайловича Баткина*

Рецензенты

Кандидат юридических наук
Лев Олегович Иванов

Доктор юридических наук
Анатолий Иванович Ковлер

Доктор исторических наук
Олег Федорович Кудрявцев

Доктор исторических наук
Евгений Борисович Рашковский

СОДЕРЖАНИЕ

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ КАК ОСНОВА УТОПИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ	7
Московский Макиавелли	8
Гражданское интеллектуальное общество города-республики	19
Флорентийская Платоновская академия	38
Планетарно-глобалистский подход как фундамент флорентийского интеллектуализма, основанного на религиозных и правовых идеях Данте	45
Флорентийский Макиавелли	73
Новая Сакристия Капеллы Медичи – Мавзолей Лоренцо Великолепного и последний монумент Флорентийского Кватроченто	123
Наша Флоренция	163
ДЕКАДЫ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. ОТКРЫТАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ МОСКВЫ	195
Материалы заседания 22 мая 2017 г.	195
Материалы заседаний о Макиавелли	238
Материалы других заседаний	324

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ КАК ОСНОВА УТОПИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

Только в этом спокойном, чистом и немного холодном воздухе могло высоко подняться вверх голубое пламя флорентийского интеллектуализма.

Павел Муратов

Город создают не камни, а люди.

Марсилио Фичино

Расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру... Хотя по причине завистливой природы человеческой открытие новых политических обычаев и порядков всегда было не менее опасно, чем поиски неведомых земель и морей, ибо люди склонны скорее хулить, нежели хвалить поступки других, я, тем не менее, побуждаемый естественным и всегда мне присущим стремлением делать, невзирая на последствия, то, что, по моему убеждению, способствует общему благу, твердо решил идти непроторенной дорогой, каковая, доставя мне докучи и трудности, принесет мне также и награду от тех, кто благосклонно следил за этими моими трудами.

Никколо Макиавелли

МОСКОВСКИЙ МАКИАВЕЛЛИ

К изданию этой книги меня, кроме карантина весны 2020 года и кружащегося вокруг вируса, не настраивающего на откладывание ничего никуда, подтолкнуло совпадение почти двадцатилетия с начала фактической деятельности Флорентийского общества (ФО) в 1996 году установки в Москве бюста Макиавелли, до посвященного Макиавелли заседания ФО в 2017, стенограмма которого по стечению обстоятельств была до сих не оформлена и не опубликована. Прошли почти два десятилетия с момента формального заявления об учреждении Флорентийского общества в 2001г., после чего первые два заседания подряд были также посвящены Макиавелли. С этим именем оказались тесно связаны обе указанные декады активности Флорентийского общества и первые две декады нового столетия.

Кроме того, у автора возникло интуитивное ощущение, что реальные рубежи истории, и так далеко не всегда совпадающие с григорианскими, рубежи 20-го (реально начавшегося в 1914) века и 21 века, 2-го и 3-го тысячелетий проходят как раз через 2020 год, хотя ко времени написания этих строк не прошло и его половины. Считанные месяцы мировой эпидемии как будто навсегда изменили привычную жизнь. В России это усугубилось одновременным искусственно созданным конституционным кризисом, привлечшим повышенное внимание к вопросам единовластия, демократии и морали в государственной политике. Еще интерес к разделению властей, сдержкам и противовесам, самостоятельности судебной власти по отношению к власти исполнительной. И опять к морали правителей. То есть, адресное внимание к патриарху политической науки и философии права Никколо Макиавелли. И еще возникло ощущение зыбкости проходящего времени, определённости и возможную ясность которому необходимо придавать нам самим, не дожидаясь будущих историков, то есть опять же идти по пути, указанному великим флорентийцем.

На обложке книги размещена фотография бюста Макиавелли (подарок члена Флорентийского Общества Антонио Темила), установленного директором ВГБИЛ Екатериной Юрьевной Гениевой по

моей идее и при моем соучастии во дворе Всероссийской библиотеки иностранной литературы, где автор тогда был председателем Международного попечительского совета. Поскольку прижизненных портретов флорентийца нет, можно сказать, наш бронзовый бюст работы итальянского скульптора Джампьеро Кудина лучше стоящего сейчас в здании флорентийской Синьории. Гордый, уверенный в себе флорентиец смотрит вперед и вверх, в новые горизонты Италии и человечества. Это наш московский Макиавелли!

В Москве по случаю открытия бюста в 1996 году была издана небольшая книжка, где, вероятно, впервые кратко сформулирована концепция о значении Макиавелли как философа права и автора современной доктрины разделения властей, что по инерции все еще приписывают жившему на два века позже французу Монтескье. В составе авторов этого сборника – два Председателя Конституционного суда России, Владимир Александрович Туманов и Валерий Дмитриевич Зорькин, принявшие участие в церемонии открытия бюста. Москвич и еще один председатель КС РФ Марат Викторович Баглай как-то пришел на заседание нашего общества, конечно и не случайно посвященное Макиавелли. (За три десятилетия существования Конституционного суда у нас участвовали все его три председателя).

В Москве жил первооткрыватель флорентийца для нашей страны Федор Михайлович Бурлацкий... Тут работают мирового значения знаток творчества Макиавелли – Марк Аркадьевич Юсим, а также его коллеги, – автор лучшей в мире монографии о Флорентийской Платоновской академии Олег Федорович Кудрявцев, тонкий знаток идей Пико делла Мирандолы Ованес Львович Акопян и другие, входящие в блестящую плеяду наших академических исследователей Ренессанса. Здесь заседания Флорентийского общества собирают вице-премьеров правительства, губернаторов, академиков, депутатов парламента, председателей и судей высших судов. Многие века замалчивания и запрета Макиавелли в России компенсируются «московским временем» на переломе тысячелетий.

Мы невнимательно изучали уроки Макиавелли, и поэтому потеряли свою страну. Между СССР и современной Россией открытый исторический и географический разлом. Люди, родившиеся 30 – 35 лет назад, просто не понимают советских реминисценций. Они из другой страны. Но Москва скрепляет все прошлые и буду-

щие поколения, в том числе и в изучении граней гениальности Макиавелли, возвращенной неповторимым флорентийским интеллектуализмом Кватроченто.

Попытка создать Флорентийское общество в Петербурге запомнилась учредительным заседанием в «Каземате» Петропавловской крепости, продолженном затем в ресторане «Белый и Чёрный кот», но прошло, видимо, на половине Чёрного кота, поскольку не имело никакого продолжения. В Москве же Флорентийское общество (ФО) стало открытой и неперевернутой страницей истории города, первые слова на которой написал ещё в 2018 году Павел Муратов. Кроме десятков заседаний и публикаций московское «флорентийство» получило юридическое обрамление подготовленными по инициативе и при содействии ФО протоколами о сотрудничестве Москвы с Флоренцией (2003 г.) и Тосканой (2016 г.), оформленные руководством Московской городской думы.

Здесь, чтобы не полностью поддаться примеру Марсилио Фичино, слегка мистифицировавшего и преувеличивавшего свою роль как руководителя на самом деле разрозненных и самостоятельных «академиков» – интеллектуалов флорентийского Кватроченто, попробую упомянуть хотя бы на уровне учредительства, почетного членства и вице-президентства тех, кто начинал, развивал и развивает наше ФО. Среди них: Е. Гениева (1946 – 2015), В. Дажина (1944 – 2014), К. Муратова (1941 -2019), О. Кутафин (1937 – 2008), С. Капица (1928 – 2012), Ф. Бурлацкий (1928 – 2014), С. Шиян (1961-2016), Г. Тазетти, М. Миронова, Л. Тимофеева, А. Захаров, Е. Джани, Г. Бурбулис, А. Гусейнов, В. Гуревич, А. Кара-Мурза, А. Крутов, В. Платонов, Б. Мещеряков, В. Радченко, А. Сорокин, А. Темил, М. Трушин, А. Хит и другие.

Сердцем Флоренции, а, значит, и флорентийского интеллектуализма является Собор Санта Мария дель Фьоре, Так его буквально и изобразила в своём цикле «Анатомия Флоренции» вице-президент ФО итальянская художница Лолита Тимовеева. Когда-то не случайно Фичино был там каноном – главным священником. А совсем недавно эту должность занимал сейчас директор Музея Дуомо епископ Тимоти Вердон, которому как лучшему в мире современному знатоку творчества Микеланджело посвящена одна из последних публикаций Флорентийского общества.

Необходимость опубликования стенограммы заседания Флорентийского общества (ФО), чтобы сохранить мысли участников заседания 22 мая 2017 года (а у нас уже не сохранилась стенограмма 2013 г. содержательного совместного заседания ФО с Институтом философии РАН, посвященного 500-летию написания «Государя» и еще ряда интересных заседаний на другие темы), и организационная неудача создать ранее вокруг этой стенограммы еще и сборник статей, натолкнули автора на идею данной публикации, где можно, во-первых, собрать все сохранившиеся записи заседаний, и, во-вторых, высказать свои иногда интуитивные подходы к некоторым вопросам флорентийского Ренессанса и сказать о своем Макиавелли.

Американский профессор Джон Покок назвал «моментом Макиавелли» любой исторический период, когда государство сталкивается с ситуацией временной сильной нестабильности. Момент Макиавелли наступает, когда в условиях потери стабильности, «во время экономической и социальной турбулентности республики и их граждане проходят процесс самопознания с целью нахождения путей для эффективного установления хотя бы относительной политической, экономической, социальной гармонии перед лицом потока иррациональных хаотических негативных событий». Временем концептуализации и внутреннего осмысления является «момент Макиавелли», повторяющийся в истории от городов-республик Италии до современных государств¹.

«Момент Макиавелли» для России начала XXI века – это выбор между все еще незнакомой свободой гражданского общества и демократического правления, описанных в основных работах Макиавелли, или заведомо обреченной на неудачу попыткой возврата к единоличному правлению, в надежде на «чудо-правителя», описанного в книге «Государь», где Макиавелли показал такой вариант развития и почти недостижимые условия его успешного осуществления. Для России «момент Макиавелли» становится моментом истины.

И раз уж так проявилась связь Флорентийского общества с флорентийским секретарем за эти оба вышеуказанные двадцатилетия, её стоит осмыслить. И ещё раз попробовать понять истоки бессмертия и продолжающейся актуальности этого мыслителя. Попы-

---

¹ *Роскок J. G. A The Machiavellian Moment, Princeton; London, 1975. P. VII–VIII.*

таться осмыслить... Автор сам из города Пятигорска, команда КВН которого уверенно со сцены просила власти платить материнский капитал не только за рождение детей, но и за попытки достижения этой цели. Юмор Макиавелли был его подспорьем в самые трудные минуты жизни и составной частью творчества. Поэтому всегда серьезные люди его не понимают. Позволим себе привести цитату из одного из последних и, как всегда, ироничных писем Макиавелли, адресованного Ф. Гвиччардини: «Когда прибыл ваш гонец, я сидел в отхожем месте и как раз раздумывал над причудами этого мира и весь погрузился в то, что воображал некоего проповедника для Флоренции, чтоб он был на мой лад, потому что я хочу и в этом быть своенравным, как и в прочих своих мнениях. И поскольку я всегда старался не упустить случая, чтоб услужить этой республике, где только мог, если не делом, так словом, если не словом, так знаком...» Ранее он писал: «Тут, во Флоренции, на того правоведа, который не состоит на правительственной службе, и собака не тявкнет». Сам, вероятнее всего, считал себя правоведам – важная подсказка для биографов. Притом Макиавелли был потомственным правоведам, которые во Флоренции в качестве отцов прославились «артистическим ДНК», породив, например, Данте, Петрарку, Брунеллески, Мозаччо, Леонардо, Микеланджело.

А общая недооцененность флорентийской правовой мысли того времени является одной из тем этой книги.

О внешности Никколо (да простит мне эту фамильярность за бюст, установленный в Москве) – современника Боттичелли, Микеланджело, Леонардо де Винчи и других великих художников не свидетельствует ни одно прижизненное изображение, но в последующих всегда присутствует какая-то усмешливая полуулыбка, для чего основанием, видимо, послужила сквозная ирония и самоирония, проходящие через его письма и произведения.

В связи с этой изобразительной традицией, исследователь Г. Элтон, простояв полчаса перед портретом Мора в музее Фрика в Нью-Йорке, вдруг увидел на его лице «макиавеллиевскую улыбку»².

---

² *Harvey M. Machiavelli's Virtue*. University of Chicago Press, Chicago, 1998. P. 8.234

Кстати, тема соотношения идей живших в одно время Томаса Мора и Никколо Макиавелли является одной из интереснейших. Оба они реалисты в жизни и утописты в своих произведениях, только у флорентийца в сочинениях реализма много больше. Интересно, что оба являются, по моему мнению, «воспитанниками» флорентийского интеллектуализма и Флорентийской Платоновской академии (о спорах вокруг последней скажу позже). Хотя Никколо, в отличие от юноши Микеланджело, не был тогда «допущен» в ее круг, а Мор связан с ней опосредствованно через Эразма и других, посещавших Флоренцию, а также через лондонскую «интеллектуальную игру» в платоновскую академию и, конечно, своё исследование творчества Пико делла Мирандолы.

В рамках выработавшегося в последнее время у автора *Dolce Stil Nuovo* (уж не знаю насколько «сладостного» для читателя), хотел бы обсудить применение к Мору и флорентийским интеллектуалам того времени термина «гуманисты». Само слово «гуманист» впервые зафиксировано в конце XV века применительно к преподавателям гуманистических дисциплин. Закрепляется и получает некоторое распространение этот термин только с середины 16 столетия, когда не было уже ни Мора, ни Макиавелли, ни большинства названных так позднее флорентийцев.

Сначала о гуманности Мора. Я когда-то им сильно увлекался и хотел написать о нём книгу, да ещё с иллюстрациями, для чего «просочился» в сохранившихся ныне в частном владении дом в Челси и в архив коллегии адвокатов, которую тот в 14 веке потомственно возглавлял. Ещё нашел в женском монастыре Брюгге его перерубленный топором палача шейной позвонок, вмонтированный в старинную раму копии его же портрета, о чём и сообщил в лондонском журнале на радость (кости святого бесценны для католиков) сотням церквей Томаса Мора в Англии и США.

В коллегии её адвокат, отвечавший за архивы, справедливо усомнился в моих заверениях, что если не дадут пофотографировать моровские реликвии, немедленно погибну (книга уже 15 лет как не написана), чтобы как-то охладить мой пыл сказал, что ведь это по приказу Мора сожгли на костре Тиндейла – переводчика Библии на английский. Далее в стиле английского юмора мы обменялись репликами, когда автор заявил, что перевод был плохим, а «сэр» (настоящего рыцарского звания, судя по визитке) ответил, что это, конечно, убедительное основание для казни. При этом мы оба ошибались, так как переводчика сожгли через год после казни самого Мора, хотя в предшествующий период своего канцлерства Мор действительно преследовал Тиндейла и, в какой-то степени, предопределил его будущий приговор. А сейчас и Тиндейла, и Мора называют «гуманистами». (Сколько раз повторилось слово «Мор», но, несмотря на первооткрывательство его мощей, фамильярно написать «Томас» рука как-то не поднимается). А вот нашего Никколо особо приставкой «гуманист» не балуют, хотя он один возвышается в памяти человечества из всего круга интеллектуалов ренессансной Флоренции. Как заметил известный автор Гарольд Блум, историческая наука может объяснить абсолютно все, кроме гения отдельных личностей. Я думаю, для объяснения гения нужен более широкий подход с привлечением других наук.

Английский философ Исайя Берлин отнес работы Макиавелли к таким же загадкам человеческой мысли, как произведения Платона, Руссо, Гегеля и Маркса. Он сравнивает значение «Государя» с точки зрения воздействия на человечество с описанием в Библии предписаний судьбы и пророка Самуила первому библейскому царю Саулу. Царь не послушал пророка и судьбу, и его род поплатился за это престолом,

перешедшим к преемнику Давиду, назначенному Самуилом. С этого же времени возникает прообраз разделения властей – доктрина, современное звучание которой заложено трудами Макиавелли.

Макиавелли снова и снова выходит на бис каждое очередное столетие. И уже видно, что XXI век не исключение. Это происходит потому, что его философско-правовое, историческое и политологическое учение при всей многогранности и в связи с этим некоторой противоречивости и неоднозначности, несет в себе мощный и еще полностью не использованный, до конца невостребованный интеллектуальный заряд. А главная составляющая его учения предопределена флорентийским ренессансным интеллектуализмом, также местами неоднозначным и противоречивым.

Макиавелли пишет о «невооруженных пророках» с энтузиазмом и сам таковым является. Есть удивительные строки Евтушенко:

*Немыслим профессионал-пророк.
Бессмертны лишь герои-дилетанты,
Неловкие с эпохой дуэлянты,
Не знающие, как нажать курок.*

Вот он и был таким дуэлянтом. Только эпоха зла и бессмыслицы, которой он пытался противостоять, уж больно затянулась. Не скоро ему придется отойти от барьера, и многим хочется стать с ним рядом. Поэтому, кроме всего прочего, мода (в хорошем смысле этого слова) на Макиавелли никак не проходит. Заметно также, что в целом ряде книг, никакого отношения, по сути, не имеющих к Макиавелли и его учению, это имя так и стараются вставить в заголовок, чтобы привлечь внимание.

Послужившая толчком к созданию этой книги стенограмма заседания Флорентийского общества от 22 мая 2017 г. показывает, что образ Макиавелли у каждого свой. У автора за десятилетия конкретных занятий его творчеством и многие часы в кабинете Никколо в здании флорентийской Синьории сложился свой образ, поэтому книга носит довольно личный характер.

В любой сегодняшней европейской толпе можно громко сказать «Макиавелли» или «Микеланджело» и часть людей, оглянется на звучание знакомого слова. (А вот «Медичи» кричи не кричи, никто не оглянется, только в Италии могут подумать, что нужен врач). Но если видимый любому взгляду гений Буонаротти «весом и зрим»,

то чудо бессмертия Никколо, писавшего слова и только слова о политических темах 500 и намного более лет давности, мало волнующих обывателя в сегодняшнем рутинном быту, это чудо требует понимания, как и весь флорентийский момент истории, совпавший с его жизнью. Один современный профессор по документам того времени обнаружил, что Козимо Медичи Старший читал «Никомахову этику» Аристотеля, а значит, по его странному мнению, «изменял» приписываемой тому приверженности идеям Платона. Что ж, задумаемся над тем, что вряд ли за весь период европейской истории кто-то из правителей читал эту книгу или даже слышал о ней. А в современной России того из членов правительства, кто сможет за нашим руководителем Института философии с первого раза повторить название книги, можно сразу назначать премьер-министром.

Размышляя о силе слова флорентийца, «русским Макиавелли» автор себя при этом не воображал (в хорошем смысле слова) не только из, вероятно, замеченной читателем с первых строк этой книги скромности, но и еще по двум весомым причинам: не проходил по комплекции сравнение с сухопарым Никколо и никогда не вовлекался в политическую деятельность. А вот двум ярким людям с подходящим сложением и высокими в прошлом политическими постами, которым это, думаю, присуще, предоставлено много места на страницах книги, как скоро увидит заинтересованный читатель.

Вообще сравнение себя с флорентийскими гигантами или даже с нашими титанами «флорентиноведения», так сказать, флористами самых ярких цветов райского сада итальянской ренессансной мысли, приводит на склоне жизни к раздумьям о несделанном, незавершенном, недостигнутом. Один из упомянутых титанов, Леонид Михайлович Баткин по случаю судьбы и совместной поездки выдал мне в аэропорту Шереметьево первый в жизни (в 40 лет!) переданный через него с оказией зарубежный паспорт с двумя (о ужас, не пропустят!) ошибками в написании фамилии. Но граница СССР в конце 80-х уже была не на замке, и я улетел в Италию, где меня, как полного новичка, любезно опекали Баткин и еще титан российской философии Зураб Мамардашвили.

Вице-президент Флорентийского общества и главный в стране эксперт по «русской Италии» Алексей Кара-Мурза как-то предложил установить на отеле «Итальянская корона», где во Флоренции часто

останавливались знаменитые соотечественники, мемориальную доску им, а заодно и нам самим. В проекте доски было написано примерно: «Здесь останавливались знаменитые путешественники и исследователи Флоренции Муратов, Осоргин, Зайцев и другие». На вопрос, а где же мы, он с «макиавеллиевской» улыбкой показал на «и другие».

Сейчас пъяцелла Палаццо Коллини названа именем вице-президента и учредителя Флорентийского общества Екатерины Юрьевны Гениевой, а на здании у моста Понте Веккьо с участием автора установлена единственная в мире мемориальная доска Рериху и Пакту рериха – еще одному великому «русскому флорентийцу».

Вероятно, единственному за всю историю российского «флорентиноведения» мне по случаю судьбы выпала честь пройти вместе вице-мэром Флоренции и бургомистром Кёльна путь от Синьории до Капеллы Медичи во главе костюмированного шествия в память о Медичи, что счастливо для автора оказалось запечатлено в документальном фильме, висящем на сайте ФО. Я такую честь, конечно, не заслужил, но шел за весь наш, как сейчас говорят, «бессмертный», пусть не полк, но батальон, в котором Муратов, Осоргин, Зайцев, Гревс, Баткин, Бурлацкий, Дживелегов, Лазарев, Комеч, Дажина, Ротенберг, Свидерская... всех не перечислишь. А в конце шествия на митинге в Капелле прозвучали слова благодарности нашему Флорентийскому обществу, являющемуся продолжателем созданного Муратовым в 1918 г. в Москве Studio Italiano, за просветительскую деятельность во благо Флоренции.

Предлагаемая работа состоит из двух неравноценных частей. В первой автор высказывает свои новые позиции по различным вопросам в сочетании с уже отработанными временем отрывками. Поэтому читатель может простить некоторые повторы в разных главах. Оправдывает также стремление сделать возможным чтение книги с любой страницы и любой главы, в подражание великому сербскому писателю Милораду Павичу. Но главной является вторая часть книги, где полновесным становится многоголосое звучание заседаний и материалов Флорентийского общества. Поэтому при желании, можно сразу с неё и начать.

Годы идут, уже несколько лет не был во Флоренции и не смог принять участие в 2016 г. в инициированном нами подписании протокола о сотрудничестве между Москвой и Тосканой (в 2003 г.

подписывали такой же протокол между Москвой и Флоренцией в Итальянском дворике Пушкинского музея), в переездах затерялся полученный в Синьории золотой флорин, далеко, в коллекции у друзей висит флорентийский портрет, выставившийся во Дворце Гвельфов и петропавловском «Каземате», все глуше в памяти звучат звонкие стихи Никколо. Хотя... ещё могу как-то вспомнить: «Но знайте, что и автор не дитя и не склонится перед владельцем лучшего плаща».

ГРАЖДАНСКОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ГОРОДА-РЕСПУБЛИКИ

Понять фигуру Макиавелли вне контекста современного ему флорентийского интеллектуализма просто невозможно. Термин «флорентийский интеллектуализм» при всей его простоте первым ввел Павел Павлович Муратов в его некротком формулировании сути интеллектуализма Кватроченто, который нельзя понять сухим научным анализом, а нужно глубоко прочувствовать как произведение высокого искусства:

Нынешняя Флоренция, видимая от Сан Миниато, мало чем похожа на ту, к которой летело когда-то воображение Данте. За шестьсот лет не переменились в ней лишь Сан Джованни, лишь этот мост «Рубаконтэ» или «алле Грацие», да еще высокие темные стены францисканской церкви Санта Кроче. За мостом и вокруг церкви все стало другим, все говорит о новых столетиях и новых людях. Видя краснеющие купола собора и Сан Лоренцо, мы задумываемся над сложной и превратной судьбой города, над его великолепной жизнью и над славой его бесчисленных гробниц. И все-таки сердце подсказывает, что эта Флоренция, та самая Флоренция Данте, святыня, – за которую он мог положить свою душу, суровую и нежную. В ней что-то навсегда осталось от тех времен, в чистоте и строгости ее очертаний, в синеве ее блаженной долины, в изгибе Арно, текущего с гор Казентина. Она запечатлевается от-

сюда в одном взгляде, памятном и хранимом потом на всю жизнь. Нет, кажется, человека, в ком этот хорошо известный «общий вид» Флоренции не пробуждал бы чувства близости к высшей, чем земная, красоте.

Упомянув лестницу, ведущую к Сан Миниато, Данте говорит, что она была построена тогда, «когда государство верно держало всему счет и во всем меру». Данте обращался мыслью к прошлому, потому что оно воплощало для него мечту о добром правлении. Но вот пришло время, когда его век сам сделался прошлым – прекрасным и сияющим, как утренняя звезда. ...История не помнит такого зла, век политической страсти недолог. Время бледнит самые яркие краски событий и заглушает самые шумные споры. Политические заботы и чувства гражданина занимают много места в поэме Данте. Их точный живой смысл утрачен для нас, но никогда не исчезнет питавшая их энергия страсти. Распри гвельфов и гибеллинов, дела Черки и Донати вошли в величайшее из всех написанных на земле произведений поэзии. В его вечном свете потонула темная сторона вещей, правое слилось с неправым, доброе со злым. Стих Данте дал всему равное бессмертие, невзирая на то, что было вложено в него, – проклятие или благословение.

Нынешнему читателю «Божественной комедии» названия мест, связанных с судьбой поэта, имена людей, с которыми он встречался, упоминание событий, которых он был свидетелем или о которых он слышал, внушают особенное, глубокое очарование. Вместе с ними в суровую и беспощадную тему поэмы вливаются притоки, берущие свое начало в жизни. На минуту тогда отходят жгущие воображение видения Ада или Рая, чтобы дать место образам, рожденным в мире и миру возвращаемым. Как раз такие строки больше, чем что-либо другое, сделали творение Данте народным. Италия вошла в него не как героический сюжет, не как пафос поэмы. Она была неотступно подле поэта во всех его мистических странствиях, наделяя его сравнениями, возбуждая воспоминаниями, давая вымыслу силу правды и слову зримую красоту.

Благодаря этим строкам «Божественная комедия» как-то слилась с Италией. Без нее неполно все, что узнает здесь путешественник, и без Италии ее терцины не перескажут самой заветной их прелести.

...Era gia l'ora che volge 'l disio A' naviganti, e'ntenerisce 'l cuore Lo di, ch'han detto a'dolci amici a Dio e che lo nuovo peregrin d'amore Punge se ode squilla di lontano, Che paja 'l giorno pianger che si muore. (Purg. C. VIII)
«Был час, который заставляет грустить мореплавателей, их сердце умягчает день, когда они сказали «прости» милым друзьям, – час, наполняющий любовью нового странника, когда он слышит далекий звон, и ему кажется, что это плачет умирающий день».

Флоренция внушила ему эту любовь к миру и к иным мгновениям короткой жизни, ради которых можно забыть даже о пути к блаженству. Не делает ли она более ценным существование каждого из нас, ее мимолетных гостей? Этот город, такой обыкновенный в своих лавках, новых домах, новых улицах, где-то хранит для каждого целый клад еще незнакомых чувств, еще неизведанных по тонкости впечатлений. Но даже обыкновенное скоро перестает здесь быть таким, по мере того как жизнь путешественника обращается в поклонение и сам он из простого любопытного становится пилигримом, – любимое Данте слово!

Есть общее в том, как воспринимается Флоренция, с впечатлением от чтения «Божественной комедии». В обоих та же стройность – стройность великолепного дерева, – та же отчетливость и завершенность, та же гениальная легкость в великом. Камни Флоренции, так кажется, легче, чем камни, из которых сложены другие города. Происхождение и природа слов Данте кажутся иными, чем происхождение и природа обыкновенных человеческих слов. В самом коричневатом цвете здешних дворцов есть высшее благородство, – плащ такого цвета был бы уместен на плечах короля, скрывшего свою судьбу под судьбой странника. И подобно тому как бесконечную нежность внушают эпизоды, включенные в суровую повесть Данте, так трепетную прелесть приобретают иные минуты, скользнувшие в строгом и простом течении флорентийской жизни.

Одну из таких минут принес октябрьский вечер, подкравшийся незаметно, когда мы были в церкви Сан Никколо и рассматривали «Успение» Алессо Бальдовинетти. Оставив погружаться в тень цветочный саркофаг простодушного Алессо, мы вышли из церкви и скоро очутились за городскими воротами. Вместо того чтобы подниматься к Сан Миниато, мы пошли в гору направо, вдоль взбирающихся по ее хребту зубчатых стен Флоренции. С дру-

гой стороны этой узкой дороги тянутся оливковые сады. В тот влажный вечер чище светилось серебро их листьев, омытое теплым дождем. Мы поднимались тихо, глубоко дыша, вдыхая запах оливок, земли, влаги – крепкий запах флорентийской осени. Тихо навстречу нам опускались сумерки. День ушел и растворился в сиянии без блеска, которое было во всем – в светлом эфире неба, в серебре садов, в мокрых камнях старинных стен. Впечатление серафической прозрачности охватило душу с никогда не испытанной до тех пор силой. Глубокое молчание было нарушено лишь шорохом капель и падением маленьких созревших плодов. Было слышно, как бьется сердце, как входит в него, чтобы никогда более его не покинуть, любовь к Флоренции. Никогда не был так светел для глаз мир, как в тот осенний теплый и влажный вечер на ее смиренной окраине. Такая минута – одна из тех минут, которых не заглушит потом повседневная суэта горожан и приезжих на Кальцайоли или Торнабуони. Влажное дыхание такого деревенского вечера способно надолго освежить сухость, возникшую от слишком прилежного общения с «пылью веков» в музеях и галереях. Флоренция жива, и ее душа еще не вся в ее картинах и дворцах, она говорит с каждым на языке простом и понятном, как язык родины. И для русского путешественника, может быть, особенно дорого, что здесь всегда чувствуется близость деревни. Смены года, оборот сельского труда и сельского житья здесь всегда заметны, заметны праздники и базарные дни: тогда люднее на улицах и в маленьких тратториях тогда готовят к обеду лишнее блюдо. Тогда на площади перед Сан Лоренцо любители искусства, которые спешат на поклон к гробницам Микельанджело, смешиваются с толпой загорелых крестьян, только что сваливших на соседнем рынке возы овощей и теперь покупающих всякую всячину на торге вокруг мраморного Джованни делле Банде Нере...

...

Флоренция явилась образом величайшего счастья и величайшего горя всей жизни, как являлась она Данте шестьсот лет тому назад... Кто полную свою душу несет сюда, – не один только интерес ума или глаза, но все свои чувства и силы, все, что было в жизни, ее правду, ее обманы, ее радости и ее боль и ее сны, – тот не уйдет отсюда без внутренних наитий.

Ближе всего к Флоренции тот, кто любит. Для пилигримов любви она священна; в ее светлом воздухе легче и чище сгорает сердце. Счастье любви здесь благороднее, страдание прекраснее, разлука сладостнее. На этом древнем кладбище любви слишком много сожжено великих душ и слишком много пролито драгоценных слез, чтобы не верить здесь в искупление. Все, что здесь создано, создано любовью. Храм и картина, фреска и барельеф – это все кенотафии ее долгого сна, не смерти, а только сна. Старое каждый миг оживает здесь, сливается с новым и в нем снова живет. Так, вечное благоухание роз в здешних монастырях приносит новому пришельцу вместе с раздумьем о прошлом весть о его любви. Так, в глубокий синий вечер на площадке у Сан Миниато, когда порывы ветра налетают из горных ущелий и когда огни Флоренции внизу кажутся тревожными, величавые исторические тени вдруг расступаются, чтобы дать место иным образам и тоске сердца, внушенной ими. Тогда хочется долго и одиноко ходить здесь, слушая, как шуршит ветер песком, встречая опускающуюся дождливую ночь, и затем подойти к решетке и, наклонившись над темным пространством, над Флоренцией, тихо позвать: «О Биче!» Флорентийский поэт сказал о себе:

...lo mi son un, che, quando Amore spira noto, e a quel modo Che detta dentro vo significando. (Purg. С. XXIV)

«Я тот, кто пишет, когда побуждает к тому любовь, и так записываю я только, что говорит во мне».

Поэма Данте есть создание его любви, и оттого она составляет гордость всех любящих. И оттого Флоренция до сих пор принимает явление каждой любви, готовая увенчать ее ветвями оливок и лавров, фиалками и розами, готовая разостлать на ее пути ковры серебряного света. Здесь нельзя поверить, что Беатриче Дантовой поэмы была лишь идеей любви. Увидя ее снова в Чистилище, Данте восклицает: *Conosco i segni dell' antica fiamma. (Purg. С. XXX)* «Узнаю знаки древнего пламени». И что-то звучит в этих словах, отчего нельзя представить себе пламя, которым вновь вспыхнула душа Данте, бесцветным пламенем идейного горения. В этом «antica fiamma» нам чудятся боль и счастье любви живой и явленной. Свет любви Данте, божественный, как все, что связано с этим человеком, навсегда остался над Флоренцией, подобно прекрасной немеркнувшей заре. Благодаря этому, быть может, Флоренция стала местом

веры и радости. Она заставляет верить каждого, что ее Дантова заря обещает и для него новый день. Каждый, кто смотрит на нее с высот Сан Миниато, принимает крещение во имя любви. И в его душе воскресает тогда Vita Nuova.

...Именем кватроченто называют ту эпоху итальянского Возрождения, которая заключена в пределы XV столетия. На необъятном кладбище истории, бесследно поглотившем целые народы, среди запутанного лабиринта могил, приютивших невечные страсти, недовоплощенные порывы, несделанные дела, памятник кватроченто возвышается одиноко и отдельно, прекрасный и законченный, как создание художника. У этой эпохи было изумляющее полнотой жизни существование. Другие эпохи проходят перед нашим умственным взором, как идейные волны нескончаемого исторического прилива. Кватроченто обращается к нашим чувствам, мы постигаем его так же, как постигаем состояние окружающего нас мира, – взглядом, дыханием, прикосновением. Для познания этого прошлого мало одного умозрения, подобно тому как мало его одного для близкого общения с человеком. И в том и в другом случае не столько важно суждение разума, сколько мгновенное впечатление глаза или бессознательное ощущение тела. При каждом приближении к кватроченто до сих пор бывает слышно биение великого сердца, переполненного благороднейшей и чистой кровью. Иногда кажется, что история напрасно заключила эту эпоху в свои владения. Ее смерть больше похожа на сонный плен – тот плен, который держит в своих легких оковах людей Флоренции, изваянных флорентийскими скульпторами на флорентийских гробницах. Чуть заметная гордая улыбка на их тонких губах знаменует счастливейшую победу человечества, победу над смертью.

Флоренция была колыбелью кватроченто и его саркофагом. В других итальянских городах путешественник встречается с накоплениями различных исторических эпох, то резко отрицающих друг друга, как в Риме, то странно примиренных, как в Венеции. На улицах Флоренции призрачно все, что было до начала XV столетия; ее «исход» лишь грезится нам над страницами священной книги Данте. Фрески учеников Джотто вмещают такую слабую жизнь рядом с излучающими все силы жизни творениями художников кватроченто. В них вошла целиком судьба чудесного города, и «двери будущего»,

по выражению Данте, оказались закрытыми. Еще столетие самоубийствующей борьбы, еще несколько ярких событий, трагических бедствий, монументальных фигур, едва успевающих прикрыть неотвратимое угасание, – и Флоренция перестала существовать. Три века новой европейской истории растаяли в лучах единственного века, который поглотил всю ее энергию. Они едва коснулись ее старых камней, покрывая их золотом и чернью, драгоценным убором времени.

Кватроченто до сих пор остается настоящей жизненной стихией Флоренции. Познание этого прошлого мало нуждается в архивных розысках, в отвлеченной работе восстановления по законам исторической логики. Для того чтобы проникнуть в дух кватроченто, достаточно жить во Флоренции, бродить по ее улицам, увенчанным выступающими карнизам, заходить в ее церкви, которые хранят на стенах фрески, напоминающие цветом вино и мед, следить взором за убегающими аркадами ее монастырских дворов. Историю ее гения можно прочесть в изгибе нарисованной линии, в тонкости барельефа, в начертании колонны. Предмет наших розысков здесь – всегда дело рук человеческих, и мы, как некогда Фома, прикосновением руки можем увериться в этом посмертном бытии, в этом торжестве над смертью. Как в евангельском событии, здесь является бессмертным не только бесплотный дух, но и телесное его воплощение, сохранившее голос, улыбку на устах, теплоту тела и свежесть незакрывшихся ран.

Кватроченто выражает все свое содержание в накопленных им вещественных образах. У этой эпохи нет стремления к глубине, она может показаться бедной идеями и прозрениями. Данте увлекает наше воображение в подземные пропасти или уносит его к небесным сферам. Даже Чистилище его имеет форму горы; его мысль знает только восхождение и нисхождение, углубление и полет, она всегда уходит от поверхности земли. Но кватроченто как раз больше всего любило землю, ее оно покорило и ей служило, разливаясь широко и свободно по ее поверхности. Когда его платоники созерцали небо, каким, в сущности, далеким казалось им сияние звезд! И когда до острого слуха его героев доходил гул подземных пустот, с каким легким сердцем возвращались они после минутного раздумья к прерванному делу своего великолепного дня!

Содержание кватроченто исчерпывается таким простым понятием, как жизнь в мире. Исполнение этого простейшего из всех назначений человека привело к полному и быстрому расцвету искусства, который представляется чудом для нас, верных иной заповеди, обреченных на жизнь в себе и отделенных от мира. Отношение флорентийца XV века к природе и жизни было беднее оттенками, чем наше, оно не могло включать всех тонкостей нашей спиритуализации. Но оно было прочнее, искреннее и вернее. Там, где мы чувствуем себя как в гостинице, где недоверчиво располагаемся на несколько дней и ворчим на равнодушного хозяина, там флорентиец кватроченто чувствовал себя как в своем родовом имени. Для него все было делом его рук или делом предков. Он знал каждое дерево в своем саду жизни и терпеливо верил, что каждое из них даст плоды если не ему, так его детям. Нас поражает чувство вечности, которым проникнуто искусство кватроченто, нам непонятна его настойчивая мысль о будущем. Но эта неожиданная на первый взгляд мудрость, не есть ли она в сущности бессознательная мудрость всякого хозяина своей земли и всякого господина своих дел? Окинуть взглядом лежащий вокруг мир, услышать зов его вещей и протянуть к ним руку, отдать им свое сердце, ничего не утаивая из дарованных ему сил, – в такую минуту человек перестает быть гостем на земле и бросает в нее полновесное зерно будущего.

Для того чтобы флорентиец кватроченто мог окинуть взглядом свои владения, они не должны были быть безмерны. Мир, в котором он жил, был невелик, и горизонт его был замкнут лысыми Апенниннами Пистойи с одной стороны и усеянными виноградниками холмами Кианти – с другой. Еще не пришло время для беспокойных и себялюбивых душ, считающих своим отечеством весь мир, но, в сущности, всему чужих и везде лишних. Отечество – это Флоренция, она – новый Рим и новые Афины, она – храм, мастерская, место, хранимое Богом и любимое богами. Все в ней должно быть понятно, все освящено историей и украшено искусством. Каждая новая жизнь, отданная ее благу, каждый талант, поглощенный служением ей, направлены рукой ее художественного гения.

Искусство кажется главным занятием Флоренции XV века. Для создания того, что остается до сих пор и что уже исчезло, были необходимы усилия целой расы художников. Было необходимо, чтобы

художественное сквозило во всем, как основа жизни. Историки культуры знают, как кватроченто сделало искусством все – любовь, просвещение, торговлю, даже политику, даже войну. Никогда человечество не было так беззаботно по отношению к причине вещей и никогда оно не было так чутко к их явлениям. Мир дан человеку, и так как это – малый мир, то в нем драгоценно все, каждое движение нагого тела, каждый завиток виноградного листа, каждая жемчужина в уборе женщины. Для глаза флорентийского художника не было ничего малого и незначительного в зрелище жизни. Все составляло для него предмет познания.

Но знание вещей, к которому стремился человек кватроченто, нисколько не похоже на то знание, которое составляет гордость нашего века. Наше положение в мире всегда напоминает положение ученого, который, прогуливаясь по саду, не узнает в нем ни одного дерева, хотя отлично знает общие законы роста деревьев. Рядом с этим флорентиец XV века кажется садовником, который зорким глазом или прикосновением любящей руки узнает каждое дерево и его отдельную судьбу. Там, где мы видим общее и, значит, всегда чужое, там художник кватроченто видел особенное и свое. Это сделало возможным торжество индивидуализма во флорентийском искусстве и флорентийской истории. К этой истории едва ли даже можно подходить с безличным собирательным понятием о народе. Может быть, единственно верным рассказом об истории Флоренции в XV веке был бы рассказ о судьбе каждого из ее обитателей, следившего мальчиком за сооружением дверей Гиберти и глубоким старцем пришедшего вместе с другими, чтобы сравнить картоны Леонардо и Микельанджело, заказанные им Флорентийской республикой.

Когда с высоты прошедших лет мы смотрим на Флоренцию кватроченто, мы не видим на ее улицах нестройной и гудящей одним звуком толпы современных городов. Наше понятие о человечестве становится облагороженным, когда мы видим там лишь отдельные фигуры, бросающие каждая свою резкую тень на гладкие коричневые стены флорентийских дворцов. Мы свободнее наблюдаем страсть на лицах немногих убийц, сжимающих кинжалы, которых заговор Пацци привел в просторный неф Санта Мариа дель Фьоре. Мы яснее слышим беседы кружка гуманистов, собравшихся вокруг Леоне Баттиста Альберти под соснами Камальдолей. Нигде,

даже в военном лагере, даже около окруженного лесами собора, даже в товарных складах Калималы, мы не увидим человека, униженного до положения обитателя улья или муравейника. Одинокие и важные фигуры виднеются там в мраморной пыли скромной мастерской или у неоконченной фрески на еще сырой и прохладной стене церкви. Их имена, медленно прочитанные одно за другим, составляют историю гения кватроченто.

Происхождение искусства кватроченто до сих пор остается одной из исторических загадок. На протяжении XIV века Италия видела начало, распространение и упадок художественных школ, представлявших в живописи традиции Джотто, в скульптуре – традиции пизанских мастеров. Как случилось, что в ту самую минуту, когда оба эти искусства оказались изжитыми и одряхлевшими, Флоренция дала жизнь новому искусству, более зрелому, более могущественному и более прекрасному? Откуда явились в ней, другими словами, Донателло и Мазаччио? Вот чего мы до сих пор не знаем. Иногда кажется, что и здесь, как перед Джотто, не остается ничего другого, кроме признания таинственной воли гения. Но история искусства не любит прибегать к этому последнему средству: слишком частые ссылки на гениальность могут сделать непрочным все возводимое ею здание. Простое объяснение давала некогда легенда о подражании Донателло античным образцам. Новейший критицизм отвергнул эту легенду, и она не принадлежит к числу тех, о которых хотелось бы пожалеть. Время первых опытов Донателло и юности Мазаччио представляется теперь в гораздо более сложном освещении, чем представлялось оно, когда господствовало убеждение, что итальянское Возрождение было только возрождением классической древности.

Это время теперь еще больше привлекает воображение угадываемым в нем великим брожением души. Начало кватроченто полно тем самым волшебством пробуждения, которое заставляет грезить и прислушиваться на летнем рассвете или ранней весной в лесу. Оно приближает к сокровенному моменту новой эпохи, к таинственному рождению ее творческих сил. Там сквозь туман столетий мы смутно различаем образование ее линий жизни, ее художественных верований, надежд и тяготений. Для нас ясно только, что источники нового существования были многочисленны и

разнообразны. Легенда о влиянии античного не была, разумеется, совершенно праздным измышлением. Записки современника и соперника Донателло, Лоренцо Гиберти, открывают в одном месте отношение художника начала XV века к сохраненному для него в итальянской земле классическому наследию. Описывая найденную статую гермафродита, он говорит: «Высота мастерства здесь была такой, что человеческая речь бессильна выразить ее красоту... Повреждения не мешали угадывать чудеса, которые статуя представляла взору, когда была в своем первоначальном виде. И когда взгляд постигал наконец в ней все, тогда оказывалось, что осязание может открыть в ней еще новые совершенства». Такой же энтузиазм перед классическим, несомненно, испытывал и Донателло, но он не сделался от этого робким учеником и подражателем древних. В его искусстве есть черты, чуждые формальности тех античных фрагментов, которые могли быть ему известны. Почти повсюду в его произведениях виден беспокойный дух, видна немного дикая энергия, находящаяся в каком-то родстве со скульптурами готических соборов.

Настоящим духовным отцом Мазаччио был Донателло. В этих двух мастерах обнаружилось подлинные черты флорентийского гения. Благодаря им Флоренция сделалась столицей кватроченто, так как от них пошла та главная, большая дорога, по которой направилось искусство этого века.

Умиленное и ребяческое отношение к природе кроткого Джентиле и романтическая мечтательность Пизанелло не пришлись к месту во Флоренции. Здесь родилась более героическая и торжественная концепция мира. Над флорентийцами как будто с самого детства тяготело сознание выпавших на их долю великих предначертаний. Оно заставило Донателло проявить колоссальное напряжение энергии. Никакой другой художник не спешил сделать так много, не стремился так настойчиво закрепить каждую мелькнувшую перед ним художественную возможность. Произведения Донателло – это сам олицетворенный труд художника кватроченто, они сохраняют весь пыл его замыслов, всю самоотверженную честность его порывов. Обращаясь к ним, мы как будто еще и теперь застаем его за работой, мы никогда не видим его почившим от дел для умудренного созерцания. Великий флорентийский скульптор всегда

кажется нам похожим на изваянного им святого Георгия, – он едва успеваает перевести дыхание между двумя совершенными им подвигами; мысль о новых подвигах никогда не сходит с его чела.

Бескорыстный Донателло, вешавший кошелек с деньгами у двери своей мастерской, откуда его друзья и ученики брали столько, сколько им нужно, являет и высочайший пример духовного бескорыстия. Он так много работал для будущего и для других, что не всегда успевавал уберечь себя для настоящего. Он тратил иногда свой дар слишком нерасчетливо, но не будет ли мелочной скупостью с нашей стороны подсчет всех его несостоятельности? Будем помнить о нем прежде всего в славе его кантории, сохраняющейся теперь в Опера дель Дуомо. Даже скульпторам лучшей поры Греции не удавалось подчинить такому гениально стройному ритму выступление танца. Целое море жизненной силы должно было кипеть в художнике, создавшем эти фигуры. Поистине железными кажутся нам его руки, удержавшие в строгих и связанных между собой формах выплеснутые в мир хаотические волны движения...

В справедливо прославленных фресках в церкви Кармине Мазаччио одним усилием гения воскресил после Джотто монументальную живопись и тем утвердил право Флоренции на первенство в искусстве кватроченто. Быть может, без этих фресок XV веке еще долго блуждал бы по цветочным коврам, усеянным птицами и бабочками, воплощавшим простодушные мечты Джентиле и его сверстников. Характерное для того переходного времени «подробное» чувство природы могло раздробить внимание художников и измельчить их задачи. Было необходимо снова, как во времена Джотто, собрать все линии искусства в одной точке, как в фокусе, – привести все его устремления к одной цели. Для Мазаччио, как и для Джотто некогда, этой целью оказался человек. На фресках в Кармине просты до неприметности пейзажные фоны, и никакие вводные эпизоды, никакие звери и птицы, никакие наряды и узоры не отвлекают внимания от человеческих фигур и образуемых ими групп. И эти фигуры таковы, что они заставили Беренсона воскликнуть: «Как быстро подобная раса должна была покорить землю, не зная других соперников, кроме сил природы! Все, что делают эти люди, внушает сознание важности просто потому, что это делают они, – каждое движение и каждый поворот их влияют на судьбы мира». С той минуты, когда

это героическое представление о человечестве было запечатлено на стенах Кармине, искусство кватроченто не могло уклониться от пути, который спустя столетие привел к Микельанджело.

...в искусство кватроченто вошли благоухающие легенды и бедные формы средневековья. И по ее направлению принялись те насаждения природного чувства, которые могли привиться в суровом и разреженном воздухе флорентийского интеллектуализма.

...хочется закрыть глаза на всякое отклонение в художественном сложении кватроченто от начал, завещанных ему Донателло и Мазаччио. Мы не можем сделать этого лишь потому, что видим, как обе линии сплелись в конце XV века в творчестве двух его величайших и прекраснейших мастеров. Боттичелли и Леонардо унаследовали так же много от Поллайоло и Вероккио, как много они унаследовали от любви к зрелищу мира, от простодушной впечатлительности и способности увлекаться других флорентийцев, менее разборчивых и менее строго сознавших миссию художника.

Там, исполняя волю одного из гордых флорентийских людей, Кастаньо написал некогда этих героев – покровителей Флоренции: ее поэтов, как Данте, Боккачио и Петрарка, ее военачальников и граждан, как Николо Аччайоли, Фарината дельи Уберти и Филиппо Сколари, и далеких прародительниц ее души, сивиллу Кумскую, царицу амазонок Томиру и тираноубийцу Эсфирь. Вся флорентийская гражданственность начала XV века выражена в этих фигурах, сила которых равно заключена в их книгах и в их оружии. Расцвет кватроченто становится понятен, когда мы взираем на это воплощение прошлых побед духа и воли. Сознание своей доли в мире и своего господства над жизнью перестает удивлять, если представить, что за своей спиной современники Кастаньо чувствовали этот жест Петрарки, благословляющий на путь открытий, этот жест Данте, говорящий о достигнутых высотах, это благоволение сивиллы к судьбам Флоренции и эту непреклонную поступь Фарината дельи Уберти, который встал некогда на ее защиту один и с открытым лицом.

...В его лице человек кватроченто является наследником подвигов великого прошлого и покорителем мира. Но он не одержал еще своей главной и последней победы – над самим собой. Художник не преодолел еще в нем себялюбия человека, и только у прошлого он научился почерпнуть высшее бесстрашие искусства. Окружающее

возбуждало в нем слишком много разнородных чувств. Для него, как для всех современников старого Козимо, как для самого Козимо, еще не наступил момент созерцания. Над Флоренцией тяготело еще слишком много дел устройства, жизненных забот и тревог. Лишь в редкие промежутки между двумя денежными предприятиями, между двумя бессовестными политическими сделками Козимо Медичи мог мечтать о радостях отвлеченного размышления. И, как настоящий флорентиец кватроченто, обращенный лицом к будущему, в одну из таких минут он призвал мальчика по имени Марсилио Фичино и возложил на него обет воскрешения философии.

В те самые годы, когда Марсилио Фичино начинал благоговейно присматриваться к начертаниям греческих букв, подрастало новое поколение флорентийских художников, наполнившее своими творениями лучшую пору XV столетия. Именно к этому поколению мы должны обращаться, если желаем увидеть душевный тип художника кватроченто в его полном расцвете. И в поисках законченной и цельной фигуры этого времени трудно найти лучший образ, чем образ живописца, скульптора и ювелира Антонио Поллайоло. Он родился в 1429 году и получил художественное воспитание под руководством Гиберти, Донателло и Кастаньо. Он умер в Риме в самые последние годы XV века. Вторая половина этого столетия видела высокие достижения его в двух искусствах, – его славу скульптора и его славу живописца, которую он делил со своим младшим братом Пьеро. Отличие его времени и его дел от времен и дел его учителя Кастаньо хорошо видно из таких простых слов, сказанных об этом Вазари: «Его жизнь и его время были счастливейшими. Он нашел щедрость и богатство у пап и видел свою родину на высоте благополучия и в процветании таланта. Он был поэтому у всех в большом уважении. Если бы время не так благоприятствовало ему, его дело, может быть, не принесло бы тех же плодов, ибо всяческие волнения препятствуют приобретению познаний, составляющих занятие человека и дающих ему наслаждение». Современники Поллайоло любили наступивший для них досуг от житейских бурь, потому что этот досуг открывал простор для их мысли. Вот почему «одним из немногих подлинных благ, оставшихся на свете», казалась для них «жизнь свободная, ясная и беззаботная», по словам Лоренцо Великолепного, сказанным во введе-

нии к его стихотворному пересказу начал Платоновой философии: *Libera vita, placida e sicura, che' quel po del ben ch'al mondo resta.*

Только при этих условиях, только в этом спокойном, чистом и немного холодном воздухе могло высоко подняться вверх голубое пламя флорентийского интеллектуализма. Вера в безграничные владения человеческой мысли и в ее верховные права составляет существеннейшую черту в духовном образе кватроченто. Проявляя ее, Возрождение провело тем самым резкую пограничную линию, отделяющую его от средневековья. Оно так дорожило ею, что охотно пожертвовало ради нее глубиной былого мистического опыта, красотой прежних чувств, не знавших над собой воли разума. Тем не менее слишком явной ошибкой кажется обычное теперь сопоставление интеллектуализма кватроченто с рационализмом XVIII века или с современным позитивизмом. При этом теряется из виду самое ценное, что было во флорентийском интеллектуализме, – его высокая напряженность, которая никогда больше уже не повторялась. Кватроченто успело создать мало идей, оно было временем, когда пробудилась лишь самая способность идейного творчества, интересная, как новая ставка в игре человеческих сил и характеров. Кватроченто не оставило после себя такого наследства «истин», какое оставил XVIII век и какое во что бы то ни стало желаем оставить мы, но оно оставило зато богатое наследство индивидуальностей. Мысль была для того времени поистине крепким напитком, кружившим голову и умножившим жизненные силы вооруженной ею бесстрашной личности. Все живое и человеческое, что было в последующих эпохах, исчезло, оставив за собой только ряд выводов, только отвлеченные формулы своего существования. Выводы флорентийского кватроченто живут неумирающе в сохранивших власть над всеми нашими чувствами образах и делах его людей.

Особенность флорентийского интеллектуализма становится ясной, если мы взглянем на его носителей. Чтобы видеть его арену, не в гостиную мы должны идти, как в XVIII столетии, и не в кабинет ученого, как теперь, но в одну из тех пыльных мастерских, наполненных шумом работы и шутками многочисленных учеников... Леонардо достиг вершин тогдашней мысли, конечно, не случайно, его судьба была уже предсказана другими художниками. Флорентийская мысль рождалась в художественной оболочке, и к познанию

мира она знала только один путь – через искусство. Для тех людей, проводивших свои дни за изучением форм человеческого тела, за отыскиванием нового способа живописи, за открытием новых тонкостей в обработке мрамора или бронзы, желание познавать было такой же необходимостью, как желание утолить голод и жажду. Оно являлось к ним вместе с первым дыханием жизни, и отнять его не могли ни бедная юность, ни скудость образования, ни суровая простота трудовых дней.

...

Последние десятилетия кватроченто полны слишком глубокой тишиной, слишком обостренными мыслями, слишком напряженными и томящими чувствами. После того как флорентийский интеллектуализм почувствовал себя готовым в лице Пико делла Мирандола ответить на девятьсот вопросов, обнимающих полное знание Бога, мира и человека, он встретился лицом к лицу с новыми тайнами. Светлая, дневная мысль кватроченто оказывалась здесь бессильной, и Пико делла Мирандола обратился к темной мудрости каббалы. Он так и умер, блуждая в непроницаемом мраке, умер молодым, прекрасным и блистательным, и с ним вместе умерла сама молодость человеческого духа. Пико делла Мирандола был настоящим героем Возрождения, что-то сверхъестественное есть в его жизни и божественное в его одаренности. Его явление кажется чудом, но это чудо было тогда не одиноким. Искусство тоже перешло на край чудесного, с тех пор как все его линии соединились в творчестве Леонардо.

После таких художников, как Боттичелли и Леонардо, искусство кватроченто не имело цели существования. Оно будто спешило еще при их жизни подвести итоги своей огромной деятельности... В те годы накопила Флоренция свои несметные художественные богатства, которые до сих пор остаются неистраченными, удивляя и радуя путешественника. Не было ремесла в тогдашней Флоренции, которое не поднялось бы на степень искусства. Но граница между ними не различима ясно в этот период еще оттого, что и ремесленное сильно примешалось тогда к художественному... Благодаря им не страшно зрелище неизбежной старости, неизбежного упадка, назначенных судьбой кватроченто, как и всякому другому искусству.

Появление в конце XV века индивидуальностей, как Леонардо и Пико делла Мирандола, вмещавших чудесно разнообразную ода-

ренность, не столь уже противоречит, как это с первого взгляда кажется, уклонению к ремесленности, обнаруженному искусством того времени. Дело гения и работа целого народа ремесленников одинаково возможны лишь при наличности колоссального накопления энергии. В одном случае она сжигается в ослепительной молнии, в другом – сгорает на тихом огне бесчисленных очагов. Важно заметить, что в обоих случаях происходит трата того запаса душевных сил, который был накоплен предшествующими эпохами. Запас, сохраненный Флоренцией от начала столетия, от современных старому Козимо собирателей и приобретателей, был так велик, что всяческая трата его была главной заботой флорентийцев конца столетия. Люди того времени спешили проявить себя, где возможно и в чем только возможно. Они брались за все, что давало выход томящей их энергии мысли в полноте чувствований. Многие из них усвоили привычки гениев, и только беспристрастное суждение потомства узнало в них простых ремесленников. Но над таким богом своего времени, как Лоренцо Великолепный, мы невольно медлим произнести суд. Мы до сих пор смущены сверканием гениальности, мелькающей в разнообразных и противоречивых делах, мыслях и чувствах этого необыкновенного человека.

История сохранила воспоминание о Лоренцо Медичи как об одном из искуснейших политиков и правителей. Едва ли можно, однако, считать Лоренцо верным продолжателем своего деда Козимо. Его дети были обречены на изгнание, и это показывает, что поли-

Автор – Кирилл Чижов

тическое искусство Лоренцо не имело власти над будущим. В этой центральной для конца кватроченто фигуре уже иссяк главный источник, питавший жизненные эпохи, – чувство будущего. Сознание настоящего наполняло людей этого времени, прелесть каждой минуты существования была понята ими как никогда. «...

Лоренцо Великолепный как бы олицетворяет собою осуществление всех разнообразных чаяний кватроченто. В нем окончен долгий путь, который предпринят был когда-то флорентийской душой с такими гордыми надеждами, с такой утренней бодростью. Можно ли удивляться, что в конце этого пути усталость и разочарование примешались к радости совершения и отдыха, что серая пыль времени легла тонким слоем на озаренные некогда лица? Такова судьба всех человеческих путешествий, и ее не избег Лоренцо со своими друзьями. Они не избежали старости, впрочем, они-то собственно никогда даже не знали настоящей молодости, – той молодости, о которой так много говорится в их поэзии. Едва ли мог быть молод душой Лоренцо, когда он слагал свои искусные сонеты в честь придуманной платонической любви. Едва ли молодость была в аристократической иронии его шуточных поэм, в тонко забавных стихах, которыми он воспевал деревенскую красоту Ненчи.

Любовь к деревне, проходящая сквозь всю поэзию Лоренцо Медичи, – это, может быть, тоже одно из чувств усталого человека. Когда силы жизни растрачены и самая жизнь прожита, мы больше умеем дорожить отдельными минутами, в которых нет ничего, кроме удержанной взором полосы полей, кроме ощущения ветра на лице и воспоминания о прозрачности неба. И Лоренцо уже умел беречь такие минуты, когда вспоминал утро соколиной охоты в Поджио а Кайяно. «Netta era l'aria fresca e cristallina...» Такого «свежего и хрустального» воздуха еще много было в его жизни. Им еще дышала тогдашняя Флоренция; он сделал образ ее нетленным. Даже сознанию ближайших поколений Флоренция кватроченто, Флоренция Лоренцо Великолепного казалась явлением древнего божества в человеке, посетившем итальянскую землю. Простое обращение к ней возвышало дух.

Зарабатывая хлеб вдали от академической деятельности, а значит, ни перед кем не отчитываясь за ВАКовские и прочие требования, я с равнодушием приму упрек в пространном «заимствовании»,

тем более, что для усиления пронзительного звучания текста я его сокращениями «почистил» от некоторых деталей, чтобы не отвлекать внимание читателя от совершенства общего образа, созданного Муратовым. Да и не просто образа, а очень развернутой и очень научной формулы флорентийского интеллектуализма (причем для любой из изучающих наук), которую пока мало кто усвоил. А сам он непрошенное «соавторство» простит за мое содействие вместе с его внучатой племянницей и духовной дочерью Ксенией Муратовой в установке единственной в стране мемориальной доски в созданном им в 1918 году московском Музее Востока. Как раз к столетию музея и одновременно столетию предшественника нашего Флорентийского общества – московской Studio Italiano.

А, главное, Муратов описал гражданское общество Флоренции, которое во многом совпадало с государством и наоборот. Была формально организованная Студио – Флорентийский университет, были неформальные учебные объединения, многочисленные лекционные и проповеднические «клубы». В церквях читались вполне светские лекции о греческой философии, на площади перед Дуомо или Синьорией собирались и обсуждали тексты Данте. А уж политику обсуждали везде, где встречались хоть два человека. Обеды в домах образованных людей не отличались от научных диспутов. Уровень грамотности в этом городе XV века был выше, чем российский начала 20 столетия. Управляемые «избирательные технологии» не особо работали при избрании для временного исполнения государственных обязанностей по жребию из числа желающих граждан.

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ ПЛАТОНОВСКАЯ АКАДЕМИЯ

Прохладная весна 2020 года выдалась для автора горячей. Разразившийся в январе конституционный кризис вызвал внутреннюю необходимость написания и электронной публикации в феврале и мае двух небольших книжек на данную тему³.

После работы с президентскими поправками и тщательного мытья рук (как требует это вирусное время) захотелось вернуться к чистым истокам сладкоголосой флорентийской мысли. Нужно было вернуться к определению понятия «флорентийский интеллектуализм», которое у многих связано с понятиями «Флорентийская Платоновская академия», «Флорентийская академия» и «Платоновская академия в Кареджи» (хотя автор не считает такую синонимичность достаточно правильной). Поэтому поневоле приходится погрузиться в полемику вокруг Флорентийской академии, чего до этого счастливо избегал, так как был более чем удовлетворён вторым изданием под эгидой Флорентийского общества толстой книги О.Ф. Кудрвцева, в предисловии к которой (совместно с М.А. Трушиным) мы написали: *Опыт небольшого круга мыслителей, составивших Флорентийскую Платоновскую академию (представлявшую собой, конечно, не нечто, подобное современным учебным или научным институтам, но типичное для эпохи Возрождения вольное ученое содружество) и поддержанных просвещенными меценатами из рода Медичи, много послужил к созданию исторического примера «государства как произведения искусства» – периода высшей гармонии между государством и обществом или того, что современная Конституция России называет «правовым государством». Именно поэтому Кватроченто является для России современным и актуальным. Флорентийское*

---

³ <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/09/85775-my-narod-ili-my-lyudi>. Уроки конституционного кризиса 2020, П. Баренбойм, Е. Мишина, «ЛУМ», 2020. Принцип сдержек и противовесов (баланс ветвей власти) как неотъемлемая часть доктрины разделения властей и его применение в рамках конституции России, П. Баренбойм, «ЛУМ», 2020.

общество за последнее десятилетие издало несколько книг, посвященных теме «государства как произведения искусства» или, говоря словами Николая Рериха, «государства, основанного на Культуре»⁴.

Мне, как юристу, кажется очевидным, что типичное для эпохи Возрождения вольное ученое содружество является достаточно понятным объяснением отсутствия формальностей, юридически оформленных уставов и членства, финансовых обязательств и расположено где-то в области необязательного для переменчивого состава участников очного или заочного, прямого или косвенного, устного или письменного общения, либо отдельного высказывания по научным вопросам общего интереса. Например, наше Флорентийское общество (ФО) создано именно по такому принципу. (Отсутствие оформления в качестве юридического лица и устава избавляют ФО не только от ласковой заботы налоговой инспекции и Министерства юстиции с его извивистым статусом «иностранных агентов», а, если до конца честно, и меня лично как президента ФО от неожиданного переизбрания и угрозы импичмента. Впрочем, когда как-то силовые органы рассердились и инициировали кампанию в российской и московской печати против ФО, они быстро заглохли,

---

⁴ Олег Кудрявцев. Флорентийская Платоновская академия: Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии (монография). Издательство «ЛУМ», М., 2018, с. 11.

вероятно, как раз из-за отсутствия возможности использовать формальные зацепки. Да и вызвано это было, скорее, раздражением по поводу деятельности автора, сначала как защитника Ходорковского, а потом адвоката «ЮКОСА»).

Широкое распространение в узких кругах специалистов сомнений американского ученого Ханкенса в реальности существования Платоновской академии во Флоренции XV века заставляет уделить внимание данному вопросу, поскольку он непосредственно взаимосвязан с содержанием флорентийского интеллектуализма XV века, воспитавшего и вырастившего нашего Макиавелли (также, как Лоренцо Медичи, Ботичелли, Леонардо и Микеланджело). Кроме того, это имеет, как будет сказано ниже, прямое отношение к нашей российской действительности, к нашей РАН и институтам гражданского общества.

Первоначально чтение статей Ханкенса было вполне комфортным⁵. Вполне понятно его академическое стремление сделать «эйнштейновского» уровня открытие и найти клад на затоптанном тысячами ног поле флорентиеведения, для чего сначала объявить несуществующее на самом деле всеобщее заблуждение о присутствии в городе в 15 веке институционализированной Платоновской академии с формальным ее главой – Марсилио Фичино, а потом многословно опровергать, до основания разрушая им же построенные бумажные мельницы. Есть здесь что-то дон-кихотское, к тому же такое заблуждение действительно кое у кого из немногих специалистов и тем более общего читателя могло быть, а значит, стоило об этом писать. То, что он путает и без него запутанную историю Пизанского и Флорентийского университета, иногда объявляя его «университетом Флоренции-Пизы», меня лично более, чем устраивает. Ведь неоднократно прилетал в аэропорт «Флоренция-Пиза», проректор Пизанского университета вручала мне его памятную медаль, а во Флорентийском как-то прочитал лекцию, после чего с полным правом на толкучке у Сан Лоренцо купил майку и куртку с надписью

---

⁵ The Myth of the Platonic Academy of Florence Author(s): *James Hankins*. Source: *Renaissance Quarterly*, Vol. 44, No. 3 (Autumn, 1991), pp. 429-475 Published by: The University of Chicago Press on behalf of the Renaissance Society of America.

университета. После этого вывод Ханкенса, что на самом деле в XV веке «настоящей Платоновской академией был университет Флоренции» создаёт какую-то личную причастность к всемирно известному содружеству ученых прошлого, смешанному с сожалением, что нет в продаже маек «Флорентийская Платоновская академия» и не каждый встречный увидит, кто идёт.

Но когда на фоне этого благодущия вдруг читаю, что признание реальности Флорентийской Платоновской академии «нужно выбросить на свалку истории», то от неожиданности хочется предложить ему по нашему, по пятигорски, прикусить... ну скажем, перо, а затем всерьёз разобраться, почему его поверхностно-легковесные выводы более или менее распространились и почти утвердились в исторической науке.

Предлагаю заинтересованному читателю проследить за его анализом опровержения общепринятого мнения и соответственно собственного утверждения об отсутствии реального интереса к платонизму (а значит, изучению и распространению идей Платона) у Козимо Медичи Старшего. Здесь Ханкенс действует как советский прокурор, требующий, чтобы ему предоставляли доказательства своей «невиновности», в том числе и у исторических персонажей. В личной библиотеке Козимо Ханкенс не нашел достаточного количества платоновских книг и «застукал» Козимо на факте (о ужас!) чтения «Никомаховой этики» Аристотеля, не нашел в его письмах и документированных высказываниях платоновских изречений и еще выдвинул смехотворный довод, что тот не мог из-за незнания языка лично объясниться с греческим мыслителем Плифоном, который вроде и завёз платонизм из Византии...

Не всех пускают в башню флорентийской Синьории, где находится самая недоступная тюремная камера города. В 1433 году там, ожидая смертного приговора либо отравления тюремной пищей и водой, сидел Козимо. Мне там пришлось побывать и задуматься, какие мысли тогда были в голове у этого влиявшего уже на общеевропейскую политику богатого банкира, кредитора пап и королей, ведущего лидера города-республики, на который был оттуда отличный вид, но через решетку окна. Когда он вышел, то Ханкенсу письма не написал и ничего такого не надиктовал, что сохранилось для американского профессора в архивах. А мыслей у него было, думаю,

много. Уже через 5 лет он решительно способствовал историческому шагу по реформе католической церкви путем принятия никогда не исполненного решения о объединении ее с православной на Флорентийском Соборе 1439-1441 годов, а на встрече с приехавшим на Собор упомянутым уже греческим мудрецом, пусть даже через переводчика, хорошо усвоил наиболее важный для него постулат философии права Платона – государственное правление философов. И этот платонический конституционный тезис он проводил сам и завещал потомкам, среди которых его внук Лоренцо Великолепный довел его до пропагандистского совершенства в том числе с помощью философов, находившихся в его окружении. Чтобы остаться в истории, чтобы выделиться среди других политиков, обязательно нужно было быть или казаться философом, выполняя утопическое предписание Платона, а значит, хотя бы в этом значении быть платоником. Мысли и Козимо, и Лоренцо были в первую очередь заняты финансовыми и политическими проблемами нахождения ответов на каждодневные вызовы того времени, ответов жестких либо даже жестоких, без чего ни они сами, ни их семья, ни Флоренция того времени бы не выжили.

Лоренцо был одним из лучших поэтов итальянской литературы, но, когда у него на глазах в 1478 году во время молитвы в соборе по приказу римского папы зарезали родного брата и только самоотверженность заслонивших его философов и друзей (один из которых принял удар кинжала на себя) дала несколько секунд, чтобы выхватить из ножен клинок, отбиться и укрыться в ризнице, тогда, и после этого, было уже не до стихов. И не до платоновской и любой другой философии. Пусть простит его разбираемый нами Ханкенс, обнаруживший у Лоренцо недостаточный интерес к Платону и «уличивший» его в выплате из своего кармана всем подряд профессорам и мыслителям, включая (снова, о ужас!) приверженцев Аристотеля. В камеру, где сидел Козимо, американского профессора могут не пустить, но у алтаря Флорентийского собора, когда-то залитого кровью Джулиано Медичи, можно было бы и постоять, подумав несколько минут об обстоятельствах времени, про которое пишет.

Думаю, пора нам расстаться с профессором, который добросовестно изучал большое количество документов, старался, заодно выявил несколько употребимых тогда значений слова «академия»,

среди которых и распространенный образ мыслей, и неформальные нерегулярные прогулочные и застольные дискуссии, что вполне нас устраивает для утверждения о жизнеспособности и непоколебимости термина «Флорентийская Платоновская академия» в применении к XV веку города-республики.

Я был в помещении виллы Кареджо (сейчас там больница), где по преданию проходили заседания платоников и могу сказать, что вместе с обязательным обеденным столом там удобно могут расположиться не более 12-15 человек. Во времена Лоренцо научные разговоры за ужином в его городском доме еще более вероятны и вспоминаемы попавшим туда ребенком Микеланджело, как и регулярные прогулки Великолепного с философами по саду. О женщинах, политике, деньгах и футболе он с ними, понятно, не особо говорил, хотя самая первая в мире флорентийская разновидность футбола, ежегодно демонстрируемая до сих пор на площади Санта Кроче, уже существовала. Наверное, хоть иногда говорили о философии и искусстве. И все они были «платониками» из-за бесспорной политической ориентации глав семьи Медичи от Козимо до Лоренцо на создаваемый ими по своему разумению платонический образ философа-правителя, совершенно необязательно совпадающий с сегодняшними представлениями о неоплатонизме. Так, именно «платониками» они, как и мыслители из их ближайшего интеллектуального окружения, навсегда и вошли в историю.

И, хоть не по Ханкенсу оказалась обычно красного цвета бархатная шапка флорентийского академика и профессора, мы благодарны ему за информацию, что ставки, выплачиваемые тогда флорентийской Синьорией за публичные лекции в церквях о Платоне, были в 5-10 раз выше гонорара лекций о других философах, что с добавлением к описанным в воспоминаниях о споре Микеланджело с Леонардо уличных дискуссиях о трактовке «Божественной комедии» Данте, дает возможность сказать, что весь город был гигантской философской аудиторией или «академией», в том числе и платоновских идей. Короче, как поют студенты: «Вива, Академия!». А чтобы два раза не вставать: «Вива, Флоренция!».

A DANTE ALIGHIERI
L'ITALIA
1880 LXX

ПЛАНЕТАРНО-ГЛОБАЛИСТСКИЙ ПОДХОД КАК ФУНДАМЕНТ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМА, ОСНОВАННОГО НА РЕЛИГИОЗНЫХ И ПРАВОВЫХ ИДЕЯХ ДАНТЕ

Нашему поколению кажется, что Данте всегда был общемировым классиком, например, как Шекспир. Однако это не совсем так. Например, в США первый перевод «Божественной комедии» знаменитого поэта Генри Лонгфелло вышел в 1867 году не без сопротивления руководства Гарвардского университета. К этой истории привлек внимание в своем романе «Дантов клуб» современный американский литератор Мэтью Перл, в предисловии к книге которого, в частности, написано со ссылкой на Т. С. Элиота: «Данте и Шекспир поделили между собой современный мир, причем Дантова половина увеличивается с каждым годом»¹.

Если отбросить детективную фабулу романа (которая, правда, сделала его самым знаменитым романом 2003 года, переведенным на 30 языков), то важно отметить, что автор цитирует и адаптирует отрывки из эссе, писем и дневников участников первого, основанного в Бостоне в 1865 году клуба переводчиков Данте, который в 1881 году преобразовался в Американское общество Данте. Предшествовавшие их работе переводы на английский, сделанные в Британии, члены клуба расценивали как «жалкие и ничтожные».

Влиятельный член клуба переводчиков Лоуэлл говорил, что Данте в своих скитаниях и мыслях возвысился до общечеловеческих проблем и писал, как бы пророчествуя в будущее, для последующих поколений всех стран. Лоуэлл говорит в романе: «Итальянцы вечно дергают Данте за полы одежды, принуждая встать на их сторону в политике и образе мысли. Ограничить поэта Флоренцией либо Италией означает отнять его у человечества»². И далее он говорит студентам

---

¹ М. Перл. Дантов клуб. М., 2005. С. 10.

² М. Перл. Там же. С. 101.

того времени, что Данте вовлекает своего читателя в путешествие, в котором читатель должен смотреть в лицо своему внутреннему аду, своим грехам с той же прямоотой, с которой это делает Данте.

Американский литератор того времени иронично писал в письме, что члены клуба Данте подхватили «тосканскую лихорадку». Интересно, что итальянец Баки в диалоге с Лоуэллом говорит, что перевод на английский не сделает Данте американцем, так как тот чересчур могуч и «не дастся в руки никому»³.

В романе Лоуэлл говорит о Данте: «С каждым днем я ценю его все более – как человека, поэта и учителя. Он дает надежду в самые темные наши часы – надежду на вторую попытку»⁴.

Трудности перевода слова и мысли Данте очень образно показаны в романе. Например: «...contrapasso – слово не имеет ни точного перевода, ни удовлетворительного толкования, ибо толкует самое себя... Тема влекла за собой слог, тот разрастался, точно море в прилив, и поток уносил читателя... временами Данте становился дерзок, и замысел бежал от слов, от самого языка»⁵.

И еще несколько ярких цитат из романа: «Данте – первый парусник, что осмелился выйти в открытое море людской мысли... Последствия гражданских войн во Флоренции как раз породили в Данте картину Ада и побудили мечтать об искуплении... Выходит, Сатану сотворила война. Ад сотворила война: Guerra. Ни единое слово у Данте не случайно...»⁶

Подтвердился ли в XX веке тезис Т.С.Элиота о возрастании роли Данте по отношению к Шекспиру? У нас есть для ответа более чем достоверные социологические данные. Они имеются в сборнике «Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901–2001»⁷.

Шекспир упомянут в Нобелевских лекциях шести лауреатов, из них два англоязычных. Данте отмечен в лекциях пяти лауреатов. Из них два итальянца, один поляк, один русский (Бродский) и один китаец. Не пытаюсь сделать из этого многозначительных выво-

---

³ М. Перл. Там же. С. 225.

⁴ М. Перл. Там же. С. 207.

⁵ М. Перл. Там же. С. 267, 301.

⁶ М. Перл. Там же. С. 316, 351.

⁷ Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901–2001. СПб., 2003.

дов, мы посчитали интересным отметить такого рода «статистику». Эти Нобелевские лекции дают более чем компетентные точки зрения на значение Данте для современной культуры.

Лауреат 1959 года итальянский поэт Сальваторе Квазимодо сказал, что поэзия Данте вызывает у эстетов подозрение именно своим величием, а «ложный культ его памяти, даже в наши дни не более чем риторика, – столь невелика аудитория у его «Комедии»⁸.

Итальянский поэт, флорентиец и лауреат 1975 года Эудженио Монтале размышляет о том, что массовое искусство, обслуживающее «психофизическим массажем», ведет к абсолютной пустоте. Он также отмечает, «что воздействие поэтического языка на прозаический подобно удару хлыста в решающий момент», и удивляется, почему поэтическое творчество Данте не вызвало равного по творческой силе взлета прозы, и это случилось только через несколько веков⁹.

Поэт из Польши и лауреат 1980 года Чеслав Милош сказал: «Покровитель всех поэтов в изгнании, посещающих родные места лишь в воспоминаниях, – конечно же, Данте. Но как возросло с того времени число Флоренций!»¹⁰

Милош говорит не только о внешнем, но и о внутреннем изгнании. «В зале, где все присутствующие единодушно поддерживают заговор молчания, одно слово правды звучит, как пистолетный выстрел... Вот почему поэт предпочитает изгнание – внешнее или внутреннее».

Здесь, пожалуй, высказана в явной форме одна из важнейших психологических причин тяготения, если не к самому творчеству, то к личности Данте. У нас в стране, как мы думаем, внутренняя эмиграция в течение многих десятилетий даже количественно превосходила эмиграцию внешнюю.

Первая нобелевская лекция XXI века в речи лауреата 2000 года китайца Гао Синцзянь отозвалась тем же мотивом. Он сказал: «Чтобы избежать самоубийства, а также не попасть в список запрещенных, писатель, если он хочет, чтобы его голос услышали, должен удалиться в изгнание. Оглядываясь на историю как Востока, так и За-

---

⁸ Там же. С. 145.

⁹ Там же. С. 227.

¹⁰ Там же. С. 253.

пада, мы можем увидеть, что так было всегда. Примеров тому много: древний китайский поэт Цюй Юань, Данте, Джойс, Томас Манн, Солженицын и многие китайские интеллектуалы, отправившиеся в изгнание после бойни на площади Тяньаньмынь в 1989 году. Такая судьба неизбежно постигает поэта или писателя, желающего отстоять свой собственный голос»¹¹.

Поэт-эмигрант и лауреат 1987 года Иосиф Бродский пишет, что «язык обладает колоссальной центробежной энергией». Потенциал культурного развития, определяемый языком, по его мнению, определяется «не столько количественным составом нации», сколько качеством поэзии, которая пишется на этом языке. В качестве примера Бродский приводит Данте¹².

Однако нельзя исключить, что лично для Бродского фигура Данте (а точнее его ахматовский образ) имела гораздо большее значение. «Он и после смерти не вернулся... Этот, уходя, не оглянувшись...» Может быть, и поэтому он так упорно не хотел возвращаться в свой любимый город, даже когда это было уже можно и его там ждал неизбежный триумфальный прием.

Россия наших дней с ее ежегодно уменьшающимся на пол-миллиона населением может спастись и остаться на тысячелетия в мировой истории и культуре с помощью языка и его носителей: писателей и поэтов. Вот почему, вероятно, такой интерес и к Данте, и к Ренессансу.

Данте и Россия. Надрыв Мережковского, писавшего в 1937 году: «Только ли случай, или нечто большее, – то, что именно в эти, страшные для всего человечества, дни, может быть, канун последней борьбы его за свою живую душу, – свободу, – русский человек пишет о Данте, нищий – о нищем, презренный всеми – о презренном, изгнанный – об изгнанном, осужденный на смерть – об осужденном?»¹³

Валерий Брюсов, всерьез занимавшийся переводом «Божественной комедии», очень точно отметил ненависть Данте к войнам всякого рода и стремление к миропорядку, обеспечивающему всеобщий мир.

---

¹¹ Там же. С. 397.

¹² Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901–2001. СПб., 2003. С. 306.

¹³ Хождения. С. 44.

*Он, веривший в величие людей,
Со стоном звал: пускай придут владыки
И усмирят бессмысленных детей.
Под звон мечей, проклятия и крики
Он меж людей томился, как в бреду...
О Данте! О, отверженец великий, –
Воистину ты долго жил – в аду!¹⁴*

«Для всех людей, которых верховная природа призвала любить истину, видимо, наиболее важно, чтобы они позаботились о потомках и чтобы потомство получало от них нечто в дар, подобно тому, как и они сами получали нечто в дар от трудов древних своих предков. Ведь тот, кто, располагая наставлениями в области права, не проявляет старания, чтобы принести какую-нибудь пользу государству, без сомнения, окажется далек от исполнения своего долга, ибо он не «дерево, которое во благовремении плодотворит течение водное», а скорее гибельный водоворот, всегда бурлящий и никогда не возвращающий поглощенное. Итак, поразмыслив об этом не раз наедине с собою, дабы не заслужить когда-либо обвинения в сокрытии таланта, я возымел желание не столько копить сокровища, сколько принести полезный плод обществу, открыв ему истины, не исследованные другими... А так как среди прочих сокровенных и полезных истин понятие о светской Монархии является полезнейшим и оно особенно скрыто, не будучи доступно всем, поскольку не имеет оно непосредственного отношения к житейской выгоде, я ставлю своей задачей извлечь его из тайников, как для того, чтобы без усталости трудиться на пользу мира, так и для того, чтобы первому стяжать пальму победы в столь великом состязании, к вящей своей славе. Спору нет, я приступаю к делу трудному и превышающему мои возможности, доверяясь не столько собственным своим силам, сколько свету того Подателя щедрот, «который всем подает в изобилии, никого не упрекая».

Приведенная цитата принадлежит великому Данте Алигьери. Документальные свидетельства о нем и его родителях весьма обрывочны, но биографы чаще всего предполагают, что отец Данте был

---

¹⁴ Хождения. С. 52.

юристом¹⁵. В цитате, открывающей книгу «Монархия», Данте относит себя к тем, кто получил «наставления в области права», то есть к юристам. Это автобиографическое указание самого Данте на полученное им образование, вероятно, должно восприниматься как решающее его биографами.

Известно, что Данте начал писать «Монархию» в 1312 году, на 48-м году жизни. К этому времени ему довелось уже неоднократно исполнять функции серьезного должностного лица Флорентийской республики. В период изгнания из Флоренции он периодически исполнял правительственные поручения в тех городах-республиках Италии, где временно проживал.

Данте заболел и умер в 56 лет, когда исполнял обязанность посла Равенны для мирных переговоров в Венеции.

Конечно, он мог знакомиться с правом в период своей государственной деятельности как политик. Любой политик знает основы права, но «наставления в области права» – это все-таки из сферы учебного процесса.

Во Флоренции не было своего университета до смерти Данте. Но зато существовала школа права, где преподавал один из его родственников. Боккаччо утверждал, что Данте учился праву в Болонском университете, а некоторые исследователи предполагают, что он учился и в Парижском университете.

Школа правоведения Болонского университета в те времена была самой передовой в Италии и во всей Европе. Профессора этой школы осуществили рецепцию норм римского права, приспособив их к современным им экономическим отношениям, чем весьма способствовали развитию рыночного хозяйства и торговли. Двум профессорам Болонского университета возведен мавзолей. Другой мавзолей-часовня возведен в Равенне для захоронения Данте Алигьери – предположительно бывшего студента Болонской правовой школы.

Существование в Европе высших учебных заведений за много веков до появления в России первого университета является историческим свидетельством нашей отсталости во многих гуманитарных науках, которая в области права еще, как нам кажется, далеко не преодолена.

---

¹⁵ И.Н. Голенищев-Кутузов. Жизнь Данте // Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968. С. 422.

Одним из свидетельств этого является политически конъюнктурная и очень неуклюжая попытка дать правовой анализ проекта указа Петра Первого о создании Академии наук в Санкт-Петербурге и «приурочить» к 1724 году создание первого университета в России. При этом предлагается некая «русская национальная идея», что был создан первый в мире гибрид академии наук и университета, поскольку при Академии наук была открыта и школа. Императорский университет был юридически и фактически создан на Неве только через сотню лет.

На самом деле слово «университет» поначалу использовалось исключительно для обозначения корпорации преподавателей и студентов (*Universitas magistrorum et scholarium*). Затем слово *universitas* уступило место названию *stadium*, к которому стали присоединять определение *generale* (правда, долгое время оно применялось только к Парижскому, Болонскому и Оксфордскому университетам), чтобы подчеркнуть универсальный характер обучения: преподавались не только гуманитарные, но и точные науки.

Первое время и преподаватели, и студенты университетов были лицами духовного звания. Позднее, во времена Данте, произошли глубокие перемены: преподавание приобрело светский характер. Полноценный университет включал в себя четыре факультета (свободных искусств, гражданского и канонического права, медицинский и богословский) во главе с деканами¹⁶.

Таким требованиям соответствовал только первый в России Московский университет, учрежденный в 1755 году и недавно отме-

Рафаэль Санти (1483–1520)
Данте, фреска в Сикстинской
капелле (фрагмент)

---

¹⁶ П. Антонетти. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М., 2004. С. 229, 230.

тивший свое 250-летие. В отношении вымышленного университетского первенства Санкт-Петербурга заметим, что в подробнейшей хронике «История Санкт-Петербурга. 1703–1782 год» (сочинение П. Н. Петрова, изданное в 1885 г.) нет ни малейшего упоминания о функционировании Санкт-Петербургского университета.

Любопытно, что среди наиболее выдающихся выпускников старейшего в России юридического факультета Московского университета представители разных видов искусств явно доминируют над собственно юристами (Фет, Собинов, Немирович-Данченко, Грибоедов). Из всех лауреатов Нобелевской премии по литературе юристы составляют около 15 процентов. Не таков Данте. Он стал не только великим поэтом, но и великим юристом. Весь трактат «Монархия» проникнут правовым подходом и юридической логикой.

Повторим за известным исследователем И. Н. Голенищевым-Кутузовым цитату из «Божественной комедии» о конституционном строе Флоренции:

*Тончайшие уставы мастера,
Ты в октябре примеришь их, бывало,
И сносишь к середине ноября.
За краткий срок ты столько раз меняла
Законы, деньги, весь уклад и чин
И собственное тело обновляла.*

Следует отметить, что и через семь веков эта цитата остается актуальной, например, для оценки конституционных и законодательных процессов в современной России.

В наше не слишком красноречивое время поражает интенсивность мысли, характерная для итальянского Ренессанса и его величайшего предтечи – Данте. Сам он подчеркивает, что ранее проблемы, поднятые им в трактате «Монархия», не были исследованы. Действительно, нам неизвестны более ранние конституционные и международно-правовые трактаты, которые рассматривали бы правильное государственное устройство в масштабе всех известных в мире государств и народов.

Данте пишет о необходимости светской, отделенной от церкви монархии, так как знание об этом «является полезнейшим и осо-

Доменико Микелино (1417–1491)
Данте и райский город, фреска

бенно скрыто». Автор сразу говорит, что готов оспорить все главные сомнения в необходимости светской монархии, правящей миром. Для него основополагающим является тезис, что «род человеческий, будучи в состоянии покоя и ничем невозмутимого мира, обладает наибольшей свободой и легкостью совершать свойственное ему дело, почти божественное».

Далее он пишет: «Всеобщий мир есть наилучшее из того, что создано для нашего блаженства... Все наши дела сообразуются со всей последней целью – всеобщий мир, полагаемый в качестве всех последующих рассуждений».

Данте ставит задачу найти «правильное государственное устройство», которое обеспечивает покой и мир. Он пишет также «об универсальной цели гражданственности человеческого рода» и

о том, что государство является единством непохожих людей (перефраз знаменитого изречения Аристотеля, любовно и уважительно называемого им в трактате Философом с большой буквы). Сейчас на многих станциях московского метро можно видеть плакаты с разными цветами и фразой Аристотеля: «Город – единство непохожих».

Творчество Данте (не только поэтическое, но и конституционно-правовое) обозначило начало Ренессанса и всего современного периода истории. Не случайно Московское правительство в XXI веке, как и Данте в XIV-м, обращается к аристотелевской идее «единства непохожих». Как и тогда, мы живем в атмосфере нетерпимости, религиозного и национального противостояния, больших и малых войн, террора и бессмысленного кровопролития.

Если Томас Мор изобразил свою Утопию как остров, где в стороне от общемировой дикости и невежества можно построить маленькое идеальное государство, то Данте сразу отбросил мысль, что можно построить счастливую и мирную жизнь на отдельно взятой территории, если не будет гармонического правопорядка между всеми без исключения государствами.

На фреске не слишком известного флорентийского художника Доменико Микелино, написанной во второй половине XV века, во весь рост изображен Данте со своей «Божественной комедией» в руках, смотрящий в сторону Флоренции и показывающий рукой на изображение ада и чистилища. Фреска называется «Данте и райский город». Поскольку рай на ней не изображен (видны только его ворота), то слова о «райском городе» следует отнести к самой Флоренции. Так художник примирил в своем произведении величайшего поэта Италии, некогда изгнанного из Флорентийской республики, с современной ему республикой под руководством Лоренцо Медичи Великолепного, период правления которого называют «золотым веком» города-коммуны.

«Свет любви Данте, божественный, как все, что связано с этим человеком, навсегда остался над Флоренцией, подобно прекрасной немеркнувшей заре. Благодаря этому, может быть, Флоренция стала местом веры и радости. Она заставляет верить каждого, что ее Дантова заря обещает и для него новый день... Флоренция внушила ему любовь к миру и к иным мгновениям короткой жизни, ради которых можно забыть даже о пути к блаженству... Есть общее в том, как вос-

принимается Флоренция, с впечатлением от чтения «Божественной комедии». В обеих та же стройность – стройность великолепного дерева, – та же отчетливость и завершенность, та же гениальная легкость в великом...»

Таково восприятие только что процитированного Павла Муратова, таково восприятие Доменико Микелино, таково, наверное, было восприятие и самого Данте. Не следует забывать, что Данте был политическим изгнанником, отвергавшим некоторые базисные конституционные идеи Флорентийской республики, в первую очередь, недопущение к власти родовой аристократии, правление через представительные органы, подчеркнутая независимость от иностранного влияния.

В «Божественной комедии» Данте грустит о прежних временах, «когда государство верно держало всему счет и во всем знало меру». П.П. Муратов пишет по этому поводу следующее: «Данте обращался мыслями к прошлому, потому что оно воплощало для него мечту о добром правлении. Но вот пришло время, когда его век сам сделался прошлым – прекрасным и сияющим, как утренняя звезда. Для нас неважно, что «черные» гвельфы дурно управляли Флоренцией и что много достойнейших граждан было изгнано ими вместе с Данте и вместе с ним обречено на «горький хлеб и крутые лестницы» чужих домов. История не помнит такого зла, век политической страсти недолог»¹⁷.

Однако конституционный анализ не совпадает с искусствоведческим, и поэтому мы должны уделить внимание конституционным взглядам Данте, который был не только поэтом, но и крупным политическим деятелем, занимавшим до изгнания ведущие позиции в управлении города. Когда однажды ему хотели поручить ведение важных дипломатических переговоров за рубежом, он довольно самонадеянно заявил, что в его отсутствие город останется без управления. Этот эпизод описан Джиноззо Манетти в его опубликованной в XV веке сравнительной биографии Данте, Петрарки и Боккаччо¹⁸.

---

¹⁷ П.П. Муратов. *Образы Италии*. М., 1999. С. 101

¹⁸ *Manetti G. Lives of the Illustrious Florentine Poets Dante, Petrarch and Boccaccio // Images of Quattrocento Florence. New Haven. London, 2000. P. 95.*

Создатель современного итальянского языка и великий поэт Данте Алигьери был прямым потомком римских поселенцев времен Суллы, человеком беззаветной храбрости, сражавшимся в первых рядах флорентийской кавалерии, книжником, читавшим на улицах среди карнавалов, песен и танцев. Но главное для нас, что он был убежденным сторонником конституционной утопии монархического толка, которую пытался претворить в жизнь, поддерживая вторжение иностранного монарха Генриха VII в Италию. Данте написал книгу «Монархия», которая пропагандировала идею всемирной монархии, с юрисдикцией, ограниченной только океаном. Управлять миром должен был император-философ (почти как у Платона), который являлся бы также верховным судьей империи. Данте особенно останавливается на обосновании того, что высшая исполнительная власть должна быть слита с судебной, так как только в этом случае можно привести в исполнение судебное решение по спору между местными правителями, вытекающему из противоречия местных законов¹⁹. Одновременно монарх является «слугой для всех», так как работает в интересах всего человечества. Таким образом, Данте был убежденным и активным противником складывающейся флорентийской демократии, которая была основана на идее республиканского патриотизма и доктрине разделения властей и сдержек и противовесов: отделении судебных функций, создании множественности органов государственного управления совпадающей компетенции и категорическим неприятием юридически оформленного единоличного правления. Императора Генриха VII Данте приветствовал как «титана, нового Моисея, второго Гектора», в то самое время, когда флорентийцы были активной частью сил, противодействующих вторжению этого иностранного монарха в Италию.

Флоренция во времена Данте была разделена на партии «черных» и «белых». Свое имя партия «белых» получила в честь жены одного из лидеров города по имени Бьянка. Сам Данте принадлежал к «белым», к которым были более привержены аристократы и сторонники императора. В рядах «черных» было больше буржуа и сторонников папы, который противодействовал распространению власти императора на Италию. Поражение «белых» привело к изгнанию Данте и разрушению его дома. Крах Данте в качестве поли-

---

¹⁹ A. Black. Political Thought in Europe 1250–1450. Cambridge, 1993. P. 97, 98.

Гробница Данте в соборе Санта-Кроче

тика и монархического конституционного утописта открыл дорогу к осуществлению республиканской конституционной утопии города-коммуны Флоренции в последующем XV веке. Кстати говоря, по свидетельству Макиавелли запрет на возвращение Данте во Флоренцию был персонально оговорен в законе в отличие от большинства других изгнанников. Интересно также, что превозносимый им император Генрих, захватив всю северную Италию и Рим, в течение 50 дней простоял лагерем рядом с Флоренцией в ожидании просьбы о мире и ключей от города, но так и не решился на штурм.

Великая республика смогла встать на ноги и достигнуть в XV веке своего (и общемирового для того времени) пика развития благодаря тому, что она имела великих друзей-врагов, каковым и был Данте. Флорентийские республиканцы отстаивали свои конституционные идеалы любой ценой, а Данте до конца жизни не отказался от своих монархических пристрастий. Он так и не вернулся в родной город – через многие столетия после его смерти приготовленная для захоронения гробница в соборе Санта-Кроче по-прежнему пуста. Уже сложилась традиция – мэр Флоренции ежегодно приезжает к мэру Равенны просить вернуть прах Данте на родину.

Счастье и трагедия жизни Данте в том, что, участвуя в политической борьбе, он руководствовался не сиюминутными и зачастую корыстными политическими интересами (как подавляющее большинство политиков последних семи веков), а принципиальным юридическим подходом. Он был убежден, что его любимая город-республика Флоренция не выживет, если не будет поддерживать власть императора Священной Римской империи, объединившей тогда Европу в некое квазиконфедеративное правовое единство. За отстаивание этого принципа Данте был изгнан и дважды заочно приговорен к смертной казни (сожжению на костре).

«Жизнь Данте была несчастливой, горькой, исполнена опасностей и потрясений; его знание правильного строя вещей и воля к осуществлению последнего столкнулись с господствующими силами времени и вынуждены были уступить, но никоим образом не были сломлены изнутри», – пишет немецкий исследователь Э. Ауэрбах²⁰. Далее он продолжает, что Данте был реакционным средневековым политиком, который не уловил роль и значение городов-коммун, представлявшим в Италии того и последующего времени наиболее прогрессивную форму развития экономики и государственности. Ауэрбах пишет:

«Он был несчастлив, так как и не должен был быть успешным и счастливым: не потому, что не видел направления развития городов-государств и вообще не умел использовать шансы в политической игре, за что его мог бы упрекнуть современный историк (задним числом комбинирующий многое, что тогда было не под силу увидеть

---

²⁰ Э. Ауэрбах. Данте – поэт земного мира. М., 2004. С. 91.

никому), а потому, что развитие городов-государств ему казалось не главным или даже заслуживающим осуждения, а также потому, что по своему образу мыслей он был выше любых расчетов... Для него «история» и «прогресс» не имели никакой самостоятельной ценности; он искал признаки, которые могли бы придать смысл происходящим событиям, но находил лишь хаос, противозаконные притязания отдельных людей, а потому смуту и бедствия. В его глазах мерилom истории служила не сама история, а совершенный божественный миропорядок – статичный и трансцендентный принцип, который, однако, вовсе не становится от этого абстрактным и мертвым»²¹.

Нам трудно согласиться с Ауэрбахом, отрицающим право Данте на создание концепции своего утопического миропорядка. Все великие флорентийцы периода Возрождения – утописты, чего, конечно, не скажешь о их нынешних исследователях. Здесь лежит одна из основных причин того, что ушедшая в детали и полная скептицизма, а также ложного чувства превосходства современная наука не уделила достаточного внимания ценности флорентийского утопизма для человечества времен начала третьего тысячелетия.

Примерно через столетие после смерти Данте конституционно-правовой строй города-республики Флоренция позволил ей почти на полвека построить государственную утопию, благодаря чему расцвели большинство гениев Ренессанса. Обособленность от соседей и неподчинение императорам и папам были в какой-то мере факторами успеха Флоренции. Однако после смерти Лоренцо Медичи Великолепного в 1492 году ренессансная Флоренция постепенно была смята превосходящими внешними силами.

Обособленность как фактор экономического и государственного прогресса рано или поздно, но всегда неизбежно сталкивается с проблемой отсутствия правопорядка и гармонии в межгосударственных отношениях.

Мы наблюдаем в современной Европе процессы распада государств (СССР, Югославия) и одновременно тяготение к межгосударственным квазиконфедеративным отношениям. Мы видим борьбу по вопросам принятия Европейской Конституции. Поразительно,

---

²¹ Там же. С. 69.

что Данте уже в те годы предвидел и отстаивал идеалы европейского единства. Причем готов был за это пойти на изгнание и подвергнуть опасности свою жизнь.

Данте пишет, что так же как одно государство является единством непохожих, так и сообщество государств является единством непохожих и имеет в своей организации ту же цель: мир и покой. А далее: «Считать, что существует цель того или иного государства, но не существует единой цели для всех них, – глупо... Весь человеческий род упорядочивается во что-то единое, следовательно, должно быть что-то одно упорядочивающее или правящее, и это одно должно называться монархом или императором».

Данте пытается вести правовой анализ в тех сферах, в которых до него, так же как в «Раю», «Аду» и «Чистилище», никто еще не бывал. Он пишет: «Самые королевства должны быть упорядочены в соответствии с одним правителем или правлением, т. е. с монархом или монархией. Шире говоря, человечество есть и некое целое, состоящее из частей, и некая часть относительно целого. В самом деле, оно есть некое целое по отношению к отдельным королевствам и народам, как это показано было выше; оно есть и некая часть по отношению ко всей вселенной». Эта «космическая конституционность» не была известна до Данте, неизвестна она и сейчас.

Мир и покой на Земле по Данте обеспечиваются из единого центра, регулирующего множественность государств и народов. Обязанности этого центра распространяются как на само человечество, так и за его пределы. Заметим, до рождения Коперника, Бруно и Галилея оставалось еще почти два века...

Задолго до осознания человечеством необходимости координации деятельности всех стран, например для предотвращения распространения ядерного оружия, экологических бедствий, отражения возможных космических угроз, – задолго до всего этого Данте с интуицией гения возводит в ранг основного правового критерия необходимость объединения всех государств мира в «единство непохожих» с единым регулирующим центром. Он пишет: «Род человеческий наиболее уподобляется Богу, когда он наиболее един... Но род человеческий тогда наиболее един, когда весь он объединяется в одном, а это может быть не иначе, как тогда, когда он всецело подчинен единому правителю, что очевидно само собою. Следовательно, род челове-

ский, подчиненный единому правителю, в наибольшей степени уподобляется Богу, а потому в наибольшей степени отвечает божественному намерению, – чтобы все было хорошо и превосходно».

Конечно, конституционная интуиция Данте имеет свои пределы. Человечество он сводит к известному ему европейско-средиземноморскому миру, а возможную форму объединения государств и народов – к аналогу Римской империи.

Мысли о разделении властей также не знакомы Данте, когда он в этом новом вселенском миропорядке решает вопросы судебной власти. Он пишет: «Всюду, где может возникнуть раздор, там должен быть и суд, иначе несовершенное существовало бы без того, что придает ему совершенство, а это невозможно, коль скоро Бог и природа всегда даруют необходимое. Между любыми двумя правителями, из которых один вовсе не подчинен другому, может вспыхнуть раздор, и они или их подчиненные могут быть виновными, что само собой очевидно. Следовательно, их должен рассудить суд. И так как один не ведает другого, так как один другому не подчиняется (ведь равный не подвластен равному), должен быть кто-то третий, с более широкими полномочиями, главенствующий над обоими в пределах своего права. И он или будет монархом, или нет. Если да, мы имеем то, что требовалось доказать; если же нет, у него, в свою очередь, будет равный ему вне пределов его правоспособности, а тогда вновь будет необходим кто-то третий. И так получалось бы до бесконечности, чего быть не может; следовательно, нужно дойти до первого и высшего судьи, чье суждение прекращает все раздоры либо косвенно, либо непосредственно, и это будет монарх или император. Следовательно, монархия необходима миру».

Мысли Данте о сути предлагаемой им мировой монархии не имеют ничего общего с господствовавшей в его времена концепцией правителя-монарха и его подданных-слуг. Он довольно неожиданно обосновывает свою идею совершенно противоположным подходом.

Данте пишет: *«Человеческий род оказывается в наилучшем состоянии, когда он совершенно свободен. Это станет очевидным, если уяснить начало свободы. Для этого следует знать, что первое начало нашей свободы есть свобода решения, которая у многих на устах, но у немногих в голове...»*

Убедившись в этом, можно также понять, что эта свобода, или это начало нашей свободы, есть, как мы уже сказали, величайший дар, заложенный Богом в человеческую природу, ибо посредством него мы здесь обретаем блаженство как люди и посредством него же мы там обретаем блаженство как боги.

Если это так, кто не признает, что человечество находится в наилучшем состоянии, имея возможность пользоваться этим началом в наивысшей степени? Но живущий под властью монарха наиболее свободен. Для понимания этого нужно знать, что свободен тот, кто существует ради себя самого, а не ради другого, с чем согласен и Философ в книгах «Метафизики». Ведь существующее ради другого обязательно определяется тем, ради чего оно существует, так, путь определяется с необходимостью его концом.

Человеческий род под властью единого монарха существует ради себя, а не ради другого; ведь только тогда выправляются извращенные государственные системы, т. е. демократии, олигархии и тирании, порабощающие род человеческий, как явствует при последовательном разборе их всех, и только тогда занимаются должным государственным устройством короли, аристократы, именуемые оптиматами, и ревнители свободы народа. Ведь так как монарх наиболее расположен к людям, в соответствии со сказанным ранее, он хочет, чтобы все люди стали хорошими, что невозможно при извращенном государственном строе. Оттого-то Философ и говорит в своей «Политике»: «В извращенном государственном строе хороший человек есть плохой гражданин, а в правильном строе понятия хорошего человека и хорошего гражданина совпадают». И такого рода правильные государственные устройства имеют целью свободу, т. е. имеют целью, чтобы люди существовали ради самих себя. Ведь не граждане существуют ради консулов и не народ ради царя, а наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа. Ведь так же, как государственный строй не устанавливается ради законов, а законы устанавливаются ради государственного строя, так и живущие сообразно законам не столько сообразуются с законодателем, сколько этот последний сообразуется с ними, как полагает и Философ в книгах, которые он оставил о трактуемой здесь материи. Отсюда явствует также, что хотя консул или король,

если говорить о них, имея в виду движение к цели, являются господами над прочими, то с точки зрения самой цели они являются слугами, в особенности же монарх, которого, без сомнения, надлежит считать слугою всех».

Важно, что фигура монарха у Данте ассоциируется с человеком, «наиболее способным к управлению». Поскольку нигде в трактате Данте мы не найдем ни слова о переходе власти мирового монарха по наследству, вполне можно предположить, что он говорит о выборной монархии, что максимально сближает его идеи уже не со старой Римской империей, а скорее, с ООН и Европейским союзом.

Трактат «Монархия» демонстрирует, что мысли Данте Алигьери были обращены в будущее и по-настоящему могут быть поняты только в наше время.

Это тонко почувствовал Осип Мандельштам, который писал «о всеобщей слепоте к Данту... величайшему дирижеру европейского искусства, опередившему на многие столетия формирование оркестра».

Мандельштам пишет о том, что ясно и отчетливо мыслящий Данте «все более и более становился не по плечу и публике следующих поколений», что в результате пышно развернулся сластолюбиво-невежественный «культ дантовской мистики», основанный на «закрытом и недочитанном Данте».

С блестящей иронией он продолжает: «Появился «таинственный» Дант французских гравюр, состоящий из капюшона, орлиного носа и чем-то промышляющий на скалах».

К выводу Мандельштама нельзя не присоединиться: «Необходимо создать новый комментарий к Данте, обращенный лицом в будущее...»²²

Сталинские чекисты убили лагерем нашего поэта, который ближе всех подошел к пониманию другого всечеловеческого поэта и мыслителя. Мандельштам не успел создать новый комментарий к Данте и, вероятно, заранее знал и тосковал об этом:

*Где больше неба мне – там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает*

---

²² Хождения. С. 336, 337, 338.

*От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.*

Поэт Волошин в своих путевых заметках сделал тонкое замечание, что поэзия Данте является «голосом десяти предшествующих молчащих веков». Он пишет: «В Италию готика перекинулась слабым ростком... Истинная итальянская готика воплотилась не в камне, а в слове. Самый великолепный готический собор Италии – это «Божественная комедия».

По мнению же крупнейшего немецкого специалиста по Ренессансу Конрада Бурдаха, Данте стал творцом Возрождения, его историческим началом. При этом Данте воспринимает, описывает и предвидит на уровне, который и до, и после него никогда не был превзойден (исключая разве что крупнейших библейских пророков). Поэтому его произведения силой, страстностью, а главное – глубиной мысли относятся к тому же ряду, что и творчество виднейших библейских святых.

К. Бурдах пишет: «Поэт хочет указать человечеству путь к внутреннему преображению и к достижению блаженства... Блаженство, доступ к которому хочет указать Данте, есть... идеальное состояние мира в свободе и справедливости, восхваляемое и ожидаемое Данте в его работе *De monarchia*... Он хочет силой своих слов очистить, возвысить, омолодить, обновить христианскую религию своего времени, его этику, его церковь, его государство, его искусство, его науку в возрождении подлинной человечности»²³.

Без понимания «Монархии» и ее идей нельзя осмыслить в полной мере и остальное творчество Данте Алигьери, как нельзя понять и поворотный пункт его судьбы – изгнание, а главное – невозвращение в родную Флоренцию. Об этом писал сам Данте:

*Гордись, Фьоренца, долей величавой!
Ты над землей и морем бьешь крылом,
И самый Ад твоей наполнен славой!*

Об этом блестяще написала Анна Ахматова:

---

²³ К. Бурдах. Реформация. Ренессанс. Гуманизм. М., 2004. С. 58, 59.

*Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятие,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, –
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной...*

Борис Зайцев, знаменитый русский исследователь и переводчик Данте, написал очень верные строки: «Так ли, иначе, над всей сумятицей, над муравейником человеческим, веками стоит облик непререкаемый. Выше его только Евангелие и Библия. Пусть в грозности средневековой иногда жуток он, но дух величия, надмирности, спускавшейся и в мир, остающейся, однако, выше мира, это некий маяк. Жизнь наша идет, все мы проходим и уходим, он же непоколебим»²⁴.

И тот же Б. Зайцев уже в конце своего долгого жизненного пути дает удивительный пример недопонимания Данте. Здесь необходима пространная цитата: «Говоря по правде, этого трактата о монархии никогда я не читал и не собираюсь читать – дело, конечно, в «Божественной комедии» и ранних лирических стихах (*Vita nuova* – стихи и проза, поклонение Беатриче)... *De Monarchia* в свое время имела большой смысл. Италия вся разодрана была на мелкие государства – республики, тирании, все равно. Вечные войны. И внутренние (гражданские – одна половина населения выгоняла другую), и внешние, «государства» эти дрались между собою непрерывно. Жизнь, разумеется, ни на что не похожая. Отсюда стремление у очень многих – если не у большинства: пусть Некто, Властелин, кто угодно, только объединил бы все это, успокоил, кончились бы войны.

---

²⁴ Хождения. Флоренция и флорентийцы в русской культуре. М.: Рудомино, 2003. С. 206.

Данте, позже Петрарка мечтали об этом – вот где корни De Monarchia. Ждать пришлось долго. Только Гарибальди, революционер и воин, через шесть веков добился Виктора Эммануила, Кавура и объединения Италии. Вот тогда-то и появились по всем почти городам Италии памятники Данте: великий поэт и символ Единой Италии»²⁵.

Если бы Б. Зайцев прочитал «Монархию», то, скорее всего, понял бы глубже и судьбу Данте, и его творчество, а также то, что конституционные идеи Данте актуальны не только для XIX (время объединения Италии), но и для нашего XXI и последующих веков. Ведь он призывал к такому порядку европейского и мирового устройства, который действительно обеспечил бы мир, а значит, повсеместную гармонию жизни. До этой цели, поставленной Данте, человечеству еще очень далеко.

Через много столетий на здании, где будет размещаться руководство организации, значительно более серьезной и сильной, чем нынешняя ООН, скорее всего, будут высечены слова из трактата «Монархия», например: «Род человеческий наиболее уподобляется Богу, когда он наиболее един».

Флорентийский интеллектуализм продолжил и развил глобалистские правовые и религиозные идеи Данте, что в первую очередь проявилось в государственной политике Медичи 15 века, как мне кажется, до конца еще не понятой. В тюремной камере, где Козимо в 1433 г. ждал смерти, через примерно 60 лет ждал (и дождался) казни Джироламо Савонарола. Это совпадение не кажется мне случайным и дает возможность высказать давно вынашиваемую на уроне интуитивного ощущения гипотезу.

Козимо задолго до Флорентийского собора был вовлечен в церковную политику, поддерживая некоторых кандидатов в папы и участвуя, например, в Соборе в Констанце. Не спонтанной была и поддержка Флорентийского Собора и перевода его из Феррары именно туда. Его, назовём так, «религиозная» политика могла отчасти послужить и причиной попытки его политического и физического уничтожения. Мне кажется, что его столь активная поддержка объединения церквей, разделившихся скорее по имперскому признаку между Римом и Константинополем, была основана на стремлении поддержать восточные границы христианского мира, а также

²⁵ Там же. С. 205.

отвлечь и ограничить постоянные мелкофеодалные порывы папского престола от вторжения во внутриитальянские дела, непосредственно угрожающие Флорентийской республике. То есть хотел сосредоточить папский Рим на духовных делах, к чему тот, собственно говоря, в итоге и призван ходом истории последующих столетий.

Развитие этой «семейной» политики он «завещал» внуку Лоренцо Великолепному, и именно это, а не просто конъюнктура и мелкая зависть толкнули папу Сикста IV в 1478 году на попытку кровавого свержения Медичи, используя не только руки их конкурентов банкиров Пацци, но и свои войска, введенные в город под предлогом сопровождения и охраны племянника папы – кардинала Риарио.

Папа благославил убийство в храме! После этого скрытые думы семьи Медичи о необходимости решительной реформы католической церкви могли, мягко говоря, только усилиться.

Как справедливо отмечает О.Л. Акопян: «Не способствовало здоровой обстановке и состояние римской Церкви. Ярким ответом на духовные вызовы времени стали проповеди Джироламо Савонаролы. С другой стороны, решение насущных вопросов искали видные интеллектуалы. Одним из них был флорентиец Марсилио Фичино, первый переводчик Платона и Плотина на латинский язык, в учении которого религиозная догматика тесно переплеталась с неоплатонической философией и магией. Предложенная Фичино теория «древней теологии» стала попыткой не просто обогатить традиционное христианство новыми, зачастую оккультными смыслами, но и найти выход из этой безрадостной обстановки»²⁶.

Лоренцо пригласил во Флоренцию своего как будто очевидного антипода монаха Джироламо Савонаролу и спокойно терпел все его обличения. Не «выращивал» ли он (как, кстати, сделали через поколение немецкие князья с Лютером) вместе с Пико делла Мирандолой – ярким самостоятельным теологом из числа условных «академиков» и еще более условных платоников, нового «католического Лютера», чтобы уже не объединять католицизм с православием, а хотя бы предотвратить его по сути начавшийся уже раскол.

---

²⁶ Акопян О.Л. Волки в овечьих шкурах: «Рассуждения против прорицательной астрологии» и ренессансная мысль Италии конца XV–начала XVI в. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018, с. 9-10

Не связана ли эта линия и с королём Франции Франциском VIII, который после смерти Лоренцо мирно со своим войском «заглянул» на пару недель в город и при этом подробно пообщался с Савонаролой. А в день его приезда был отравлен упомянутый Пико, который мог вообще быть идеологом всей этой силовой линии на изменение неизбежного хода истории. Поэтому, возможно, общая через десятилетия тюремная камера Козимо и Савонаролы является началом и одновременно концом сложного исторического круга.

Не стоит забывать, что Великолепный с детства готовил в римские папы своего сына и, заодно, племянника. (Они ими потом и стали под именами Льва X и Клементя VII, но умственные способности обоих оказались невысоки по известному принципу «отдыха на детях»). Умирая в 43 года, Лоренцо призвал к себе Савонаролу не раскаиваться, я думаю, а «дать ему инструкции или высказать свои последние пожелания». Загадка их взаимоотношений сильно волновала лучшего исторического писателя Томаса Манна, но так ему и не далась.

Больше всех из детей Лоренцо природа «отдохнула» на изгнанном из города Савонаролой старшем – Пьеро, сторонников которого подозревают в отравлении двух ключевых «академиков» молодого поколения: Пико и Полициано. Этот потомок, как и все последующие Медичи, надломил золотую ветвь фамильного дерева XV века.

Я, конечно, опасаясь взбучки за свою интуитивную концепцию от настоящих знатоков того периода Кудрявцева и Акопяна. Но обращаю внимание уважаемого Олега Федоровича, что он сам в краткой энциклопедической статье выделил тот факт, что «по настоянию Савонаролы, монахи монастыря Сан-Марко в 1495–98 приобрели коллекцию греческих и латинских рукописей, принадлежавшую Медичи, для монастырской библиотеки (единственного доступного для общего пользования книгохранилища Европы)». На фоне общепринятого мнения, что по призыву монаха жгли картины и рукописи, такая духовная преемственность с Медичи обращает на себя особое внимание. А уважаемый Ованес Львович назвал свою книгу о Пико и других «академиках» очень символично: «Волки в овечьей шкуре». Конечно, хотелось бы назвать этих «царей Ренессанса» львами, но тогда не налезла бы овечья шкура. А она была необходима в век инквизиции и наёмных убийц. Да и овечья шкура не спасала Пико от тюрьмы и не спасла от яда. Жили наши интеллектуальные волки

во времена «века-волкодава», никого не щадившего. (Как и не пощадили потом Мандельштама – автора этого образа). Это были волки, далеко прорвавшиеся в области мысли за красные флажки, а потому находившиеся в постоянной опасности. И свои сокровенные мысли они прятали под капюшонами монашеских плащей и профессорскими шапками. Не писали письменные отчеты для будущих историков. Поскольку никаких гарантий нет, что меня простят за вторжение на святую землю исследований флорентийского интеллектуализма и всё равно пропадать, выскажу еще одну мысль.

Я преклоняюсь перед самоотверженным трудом историков, годами кропотливо изучающих документы, архивы, публикации, чтобы отличить реальность от мифа, реальность от реальности и миф от мифа. На этом, в первую очередь, стоит изучение прошлого. Но если изучать прошлое как науку о будущем и настоящем, делать обобщения и выводы, нужен более широкий подход. Одна традиционная историческая наука не в силах справиться с такими темами как Макиавелли, Флорентийская Академия и, тем более, флорентийский интеллектуализм. Здесь нужен комплексный подход с привлечением правоведения, философии права и политической философии, политологии, теологии, психологии, экономики, наконец. Забыл сказать, что Медичи ведь как банкиры через свои зарубежные филиалы (Брюгге и т.д.) финансировали всеевропейскую торговлю Ганзы, начинавшейся на Востоке с Великого Новгорода, создавая праобраз будущего общего рынка, то есть мыслили глобально не только в духовных, но и в экономических вопросах.

По-моему, постсоветская система организации науки, когда её администраторы доминируют над учёными, все эти предметы, методы, отрасли, подотрасли, специальности, ВАКи и прочая околонучная мишура вообще не имеют отношения к знанию и исследованию, которые, как и сама жизнь, должны носить комплексный характер.

У Флорентийского общества был проект комплексного итало-российско-англоамериканского изучения Флорентийской Платоновской академии на 2-3 дневном симпозиуме в Флорентийском университете или на Вилле Татти с публикацией совместного сборника статей на всех трех языках, но не хватало средств, энтузиазма и воли. Исследования не только, чтобы добавить пару строк к учебникам по истории, а для сегодняшнего понимания сочетания акаде-

мической науки со свободой творчества, взаимосвязи ее с потребностями гражданского общества и собственное функционирование академических организаций как институтов гражданского общества, взаимоотношение академии и государства и многое другое, актуальное сейчас и в будущем.

В 2014 году, когда государство усиливало подчиненность Российской академии и ограничивало остатки её самостоятельности с помощью экономических рычагов, инициатора создания Флорентийского общества и академика – секретаря РАН Олега Емельяновича Кутафина не было в живых, но под руководством почётного члена ФО академика Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова в Институте философии и юридическом факультете МГУ с участием автора была разработана правовая позиция о несоответствии предлагаемой реформы конституционным нормам. Правда, РАН не решилась её использовать и отступила. Флорентийским Ренессансом нужно заниматься не только из исторического интереса, но и чтобы получить примеры и вдохновение для создания, наконец, эпохи Возрождения в сегодняшней или завтрашней России. Мы изучаем Флоренцию Кватроченто не только, чтобы изучить, но, чтобы на собственном новом моменте (чуть не написал «этапе», чур-чур!) по-своему повторить.

Пока что, не услышав еще в ответ, что все вышенаписанное научная фантастика, не имеющая отношения к реальной жизни, смотрю на карантине десятками американские документальные фильмы о звёздных пришельцах на Земле. Для автора, летавшего в Перу над рисунками и линиями пустыни Наска, существование высокоразвитой воздухоплавательной цивилизации, которая была или побывала на Земле тысячи лет назад, и так не вызывало никакого сомнения. А после просмотра документальных кадров, показывающих говорящего о инопланетянах с трибуны ООН президента Рональда Рейгана, подтверждающего переговоры о совместном отражении возможного нашествия инопланетян экс-президента Горбачева, а также президента в ту пору Медведева сообщающего после официального интервью под невыключенную камеру симпатичной телеведущей о толстой папке с фактами присутствия инопланетян, о чем публику информировать нельзя во избежании паники, – после всего этого сомневаться уже не приходится. К чему это я?.. Да вспомнил. Среди просмотренных фильмов несколько в названии или содержании повествовали

о Леонардо де Винчи. Там, в разных сюжетах о пещере в тосканских горах, исчезновении на 2 года (как будто его жизнь так подробно документирована), зеркальном изображении пришельцев на знаменитых картинах мастера (особенно убедительно, когда никто не видел оригинала), есть один повторяющийся в его технических изобре-

тениях от велосипеда до подводной лодки, до которых человечество дошло только через 3-4 столетия.

Автор, как известный гоголевский персонаж, как раз с этой стороны гения Леонардо «на короткой ноге». В Музее современного искусства в Петропавловской крепости в зале «Каземат» мы проводили заседание Флорентийского общества. Акустики там никакой даже с микрофоном не было, но в задних рядах, где ничего не было слышно, начали наливать вино, любезно предоставленное по этому случаю со своих виноградников герцогами Строщи. Помню оно очень понравилось Даниилу Гранину, который из президиума заседания туда надолго переместился. Одновременно проходила в здании с названием в память о былых временах «Конюшня» наша с Сергеем Шияном выставка о Капелле Медичи. А в другом зале там же была выставка моделей изобретений Леонардо. (Совместная популярность у нас была высокая, что, конечно, не имеет связи с находящимся в этом здании туалетом). Так вот, об изобретениях. Действительно, велосипед и подлодку и все остальное уже создали, кроме... «летающей тарелки», которую еще не производят, но зато вдоволь показывают в записях военных летчиков в упомянутых выше документальных фильмах о встречах с НЛО.

Так значит, пришельцы или какая другая связь с космосом создали гений флорентийского интеллектуализма и подсказали Леонардо его изобретения? Заодно спасли город, когда американцы подошли с юга, а эсэсовские части заблокировали их продвижение на реке

Арно, по которой через город и проходила линия фронта. США были связаны Пактом Рериха о защите культурных ценностей, но не в отношении Италии и Германии, не участвовавших в этом международном договоре. Пока пехота и танки стояли во Флоренции, американцы уже готовили дальнейшее продвижение на Болонью, где их и английские летчики без военной необходимости уничтожили почти половину зданий и башен исторического центра, составлявших уникальный архитектурный образ города. Космические силы вмешались в спасение Флоренции? Любовь к искусству у известных «искусствоведов» в форме СС? Но никто не выстрелил! В 2017 году флорентийцы установили рядом с уцелевшим тогда мостом Понте Веккьо мемориальную доску... нет, не пришельцам, а Николаю Рериху (в день его рождения!) и Пакту Рериха, на памятной церемонии открытия которой автору довелось выступить от имени нашего ФО.

А во время упомянутого заседания Флорентийского общества в Петропавловской крепости тогда вице-мэр Флоренции, а сейчас Председатель Законодательного собрания Тосканы Еудже-нио Джани руководил расчётом знаменитого орудия, которое безжалостно выстрелило холостым по Петербургу, обозначив флорентийский полдень местного времени. (Мы ответили ассиметрично, замешкавшись на верхушке башни Синьории, из-за чего ее колокол не прозвучал в положенный час).

Допустим, технический гений Леонардо «авторитетно» объясняют подсказками инопланетян, а как тогда объяснить до конца непонятый гений Макиавелли? Пришельцы надиктовали?

Раз уж заговорили о звёздах, нужно вспомнить как эти два «звездочёта», по другому в данном случае не назовешь, предложили и осуществили проект перегораживания реки Арно, чтобы затопить позиции войск тогда враждебной Пизы. Закончилось тем, что расчёты оказались неправильными, и наводнение затопило как раз флорентийские позиции. Никто их за это, как у нас водится, не расстрелял. Макиавелли остался на правительственной должности, а де Винчи продолжил рисовать Мону Лизу.

Теперь, думаю, от уместного к юбилею мемуарному оттенку изложения нужно перейти прямо к Макиавелли, а затем предоставить слово многоголосому Флорентийскому обществу.

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ МАКИАВЕЛЛИ

*Сколь доблестны основатели республик или царств,
столь же гнусны учредители тирании.*

Никколо Макиавелли

1492 год стал годом открытия Америки, которое подорвало средиземноморскую торговлю и, соответственно, экономику Флоренции, и одновременно подвел черту под первой попыткой создания исторической утопии – республики, основанной на идеях первого признанного утописта и идеалиста Платона. В том же году смерть Лоренцо Медичи Великолепного как бы подчеркнула окончание эпохи торгового и финансового могущества Флорентийской республики, на которой была основана возможность возведения на полвека в ранг идеологии правящей элиты идей древнегреческого мыслителя о правлении философов в сочетании с традиционным флорентийским стремлением к созданию высших творений искусства в качестве одной из основных государственных задач.

Особое внимание нужно обратить на роль и значение рода Медичи для Флоренции. 11 ноября 2002 года состоялось заседание Флорентийского Общества, посвященное 600-летию занятия патриархом семьи Медичи – Джованни Медичи – первой государственной должности во Флорентийской республике и 750-летию чеканки золотого флорина – первой единой валюты в Европе.

Хотя Джованни занял государственную должность в соответствии с предписаниями флорентийской конституции только на два месяца, в итоге, с перерывами, семья Медичи правила около трех столетий. Джованни Медичи был промышленник и банкир, поэтому его политический юбилей хорошо сочетается с юбилеем золотого флорина. На одном из заседаний Флорентийского Общества было рассказано о концепции европейской торговли и финансовых потоков в XV веке, которая была представлена в прошедшей в 2002 году в бельгийском городе Брюгге выставке «Ганза-Медичи». В соответствии с этой концепцией европейская торговля в рамках торгового сою-

за Ганзы шла от Великого Новгорода в России через всю Европу до порта Брюгге, а финансировалась итальянскими банками, в первую очередь, банком Медичи, который имел в Брюгге филиал. А золотой флорин был основной валютой в торговых расчетах. Кроме того, на выставке была впервые представлена структура предприятий и банков Медичи, подтверждающая, что это была первая европейская финансово-промышленная группа в современном смысле этого слова.

Главной и все еще недооцененной особенно в России фигурой в этом процессе стал Козимо Медичи Старший (еще раз: не путать с последующими Козимо Медичи – герцогами Тосканскими в XVI–XVIII веках). Банкир Козимо Медичи не только успешно продолжил бизнес своего отца Джованни, установив первую в истории (до Ротшильдов!) общеевропейскую межгосударственную банкирскую группу и развив политические идеи семьи Медичи о необходимости баланса интересов разных социальных сил в республиканском конституционном строе, но и предпринял титаническую попытку добиться объединения христианских церквей и, тем самым, спасения Византии. В течение двух лет Флорентийская республика и лично Козимо Медичи финансировали и всячески поддерживали проведение в 1439–1441 годах Флорентийского собора, означавшего интенсивные и широкомасштабные переговоры между католической и православной церквями об их объединении как условии серьезной военной помощи Византии против турок со стороны Запада. В итоге, в ходе этих переговоров и после вскоре наступившего кровавого конца Византии, Флоренция наполнилась уникальными учеными – философами и богословами, а также сохраненными в Византии рукописями Платона с его мечтой об идеальном республиканском конституционном строе и новым взглядом на древнегреческое искусство, известное в Италии в основном через римские копии.

В каком-то смысле Древний Рим, а затем Византия были во многом пассивными хранителями древнегреческих идей и традиций, в том числе их раннего симбиоза с библейскими идеями (например, в Александрии начала первого тысячелетия). Поэтому Флоренция стала в XV столетии каналом, через который несметное культурное богатство древних идей перетекло в христианское море, превратив его в океан, который мы сейчас называем западной цивилизацией.

Джорджо Вазари (1512–1514)
Портрет Лоренцо Медичи

Джованни Медичи был прямым прародителем той семьи, которая дала миру его сына Козимо Медичи Старшего и правнука Лоренцо Медичи Великолепного. Хотелось бы привести пространную цитату блестящего знатока Флоренции Леонида Баткина: «Речь идет сейчас не об оценке стиля правления, не о спорах, начавшихся еще при жизни Лоренцо Великолепного и продолжающихся до сих пор, не о том, в какой мере это правление было действительно просвещенным, на удивление мягким и гибким (даже после подавления заговора Пацци, о чем свидетельствует история беспрепятственного возвышения Савонаролы). Речь идет о самом механизме власти Лоренцо. Он, как и его дед Козимо, не имел никаких официальных прерогатив и не занимал ключевых государственных должностей, оставаясь частным лицом... Все это, пожалуй, больше напоминает, при всем анахронизме такого сопоставления, роль лидера правящей партии, чем владычество, пусть и некоронованного, государя.

Но еще примечательней то, что индивидуальность Лоренцо Великолепного утвердилась не только на главном его поприще. Свое заслуженное прозвище он получил в особенности за сочетание в нем политического дара с подлинно художественной натурой, с многообразным и часто весьма живым поэтическим творчеством, прекрасной гуманистической выучкой...

Представитель крупнейшей купеческой и банкирской семьи из «нарождающейся буржуазии» Лоренцо писал в своих знаменитых стихах, положенных на музыку и распеваемых флорентийцами на карнавалах: «Но на скуку обречен, кто вменил себе в закон наживаться бесконечно»¹. Ранний закат прожившего только 43 года Лоренцо Медичи почти совпал с возмужанием и восходом звезды Никколо Макиавелли.

Какое характерное опять-таки затруднение! – при всей пластичной осязаемости личности Лоренцо, в ней нельзя указать центр. Нельзя и укрыться за привычной отговоркой насчет «противоречивости»: напротив, контрастные свойства и склонности совмещаются в ней, ничуть ее не разрывая, легко, с непостижимой естественностью. В этом как раз и сказывается нечто очень ренессансное. Индивидуальная определенность словно бы не

---

¹ Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 82.

могла осуществиться без некоторой размытости очертаний, без тревожащего нас «сфумато». Рождение новой личности предусматривало нечеткость фокусировки (или, если угодно, «универсальность») в качестве не достоинства или изъяна, а конструктивного условия. Поэтому в зрелом Возрождении то и дело встречались люди, производящие впечатление «загадочных». Так часто называют и Лоренцо»².

Не следует забывать и о последней в роду бездетной Марии Луизе Медичи, которая завещала Тосканскому государству все состояние семьи, включавшее дворцы, виллы, а главное – бесчисленные произведения искусства.

Во время своей лекции перед студентами юридического факультета Флорентийского университета автор совсем не в шутку сказал, что Флоренция так же обязана своим юристам, как художникам, архитекторам и скульпторам. Если бы не хорошо составленное завещание Марии Луизы, большая часть шедевров была бы рассеяна по всему свету, и не удалось бы на базе этого завещания вернуть награбленное Наполеоном и Гитлером. Ошибка в завещании по поводу миниатюр, которых во Флоренции почти не осталось, показала, что могло бы быть со всеми остальными сокровищами, и также была хорошим примером для студентов-юристов.

Понадобились два века флорентийской социальной и культурной традиции, чтобы выработать подобного человека. Многие историки считают Лоренцо гением, и это, по-видимому, правда, но его одаренность сказалась не столько в отдельных сторонах и результатах его деятельности, сколько в ее «универсальности», более того, – в доведении самого типа ренессансной личности до такой полноты и шлифовки, до такой показательности, что мы говорим: «среда Лоренцо Медичи», «эпоха Лоренцо Медичи». Мы соединяем среду и эпоху с его именем отнюдь не формально хронологически, они уже немыслимы без него самого... Вовсе не только благодаря общественному положению, участвуя в интеллектуально-художественной жизни Флоренции увлеченно и на равных, он сумел занять свое место среди сошедшихся в ней в этот исторический момент гениев...

---

² Л. М. Баткин. Европейский человек наедине с собой. М., 2000. С. 690–692.

NICCOLÒ MACCHIAVELLI

Английский философ Исайя Берлин отнес работы Макиавелли к таким же загадкам человеческой мысли, как произведения Платона, Руссо, Гегеля и Маркса. Он сравнивает значение «Государя» с точки зрения воздействия на человечество с описанием в Библии предписаний судьбы и пророка Самуила первому библейскому царю Саулу¹.

Петр Вайль пишет: «Макиавелли – ключевое имя политической философии и политической истории для новейшего времени тоже. Пытаясь разобраться в чехарде первых послесталинских лет, судьбе клана Кеннеди, стилистической революции Хрущева, жесткости Рейгана, упрямства Буша, компромиссах Горбачева, этико-тактических злоключениях Клинтона, импульсах и поступках Ельцина, не обойти флорентийца XVI столетия, не обойтись без него»².

За пределами государственной фразеологии в России остаются вопросы морали, этики, эстетики и их роли в государственном строительстве. Религиозное мироощущение, которое традиционно восполняет обычную морально-этическую бедность и примитивность подходов со стороны государства к решению политических проблем, продолжает находиться на периферии сознания российского общества и охватывает незначительные слои населения. Невысокий нравственный уровень общества решающим образом сказывается на морали, этике и эстетике конституционного строя, а значит, с неизбежностью и на судьбе государства.

Без религии и морали, как учит нас Макиавелли, невозможно надолго ни сохранить демократию, ни само государство в любой его форме, и, тем более, нельзя создать полноценное гражданское общество. Кроме того, оппозиция и связанная с ней борьба политических мнений являются необходимым условием для жизнеспособности государства и общества и поддержания свободы граждан. Свобода есть самоцель и единственное условие истинной гражданственности, без которой граждане не борются до конца за свое государство, что неизбежно рано или поздно приведет к его гибели. Все эти выводы Макиавелли сделаны на основании изучения при-

---

¹ *Berlin I. The Question of Machiavelli // Machiavelli N. The Prince: A Norton Critical Edition, N. Y., 1992. P. 206, 207.*

² *Хождение во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре / Под ред. Е. Гениевой, П. Баренбойма. М.: Рудомино, 2003. С. 599.*

роды государств прошлого и современного ему настоящего, но предназначены и для будущего. Он оперировал конституционным опытом тысячелетий и поэтому предсказывал на столетия вперед. Написанные четкой прозой Ренессанса его мысли уже пять веков остаются актуальными, а для многих не утруждающих себя чтением российских политиков окажутся еще и абсолютно неожиданными.

Одновременно с республиканскими демократическими идеями Макиавелли в концентрированном виде показывает в своей небольшой книжке «Государь», что происходит при отсутствии морали, религии и свободы в государственной жизни. В этом случае гражданами страны манипулируют и ведут устрашающие войны, демонстрируя свою жестокость соседям, а заодно для острастки и соотечественникам. Заменой религии и морали становится культ личности правителя, базирующийся на жестокости и обмане. На этой основе в реальности удавалось даже на сравнительно короткое историческое время строить мощные государства. Однако действующие по вышеизложенной схеме правители должны «побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустраивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие – открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами». Кроме того, единоличные правители, способные на дело создания сильного государства «редки и подобны чудесам»³. Вспомним, например, Наполеона, который остался знаменит не только необыкновенными личными способностями, военными победами и великолепными тортами и коньяками, названными в его честь, а скорее Гражданским кодексом и учреждением Банка Франции. Кстати, правильная финансовая и правовая системы, установленные Наполеоном, немало помогли ему в последующем завоевании Европы.

Сейчас получила признание (в том числе и первых нобелевских лауреатов) отрасль знания под названием «конституционная экономика» или, как у немцев, «финансовая конституция». К концу второго тысячелетия нашей эры совместными усилиями экономическая наука и теория конституционного права освоили урок, кото-

---

³ Н. Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов-на-Дону, 1998. С. 129, 139.

рый Макиавелли преподавал почти 500 лет назад. Его подход, в свою очередь, базировался на предшествующей флорентийской государственной традиции сочетания интересов развития экономики с оптимально возможной структурно-функциональной организацией органов государственной власти. Например, в проекте выступления, подготовленном в 1502 году для пожизненного гонфалоньера Пьеро Содерини, Макиавелли обосновал обязанность граждан платить налоги для поддержания силы государства, так же как и обязанность государства надлежащим образом расходовать полученные от граждан деньги на благо республики, как основы правильного конституционного строя⁴.

Тот, кто попытается предложить рецепт «Государя» для России, должен помнить, что «чудо-правители» и «горе-правители» уже опробованы страной в XX столетии, и итогом их деятельности к началу девяностых годов стали экономическая отсталость, распад государства, опасность перехода в группу развивающихся стран. Единоличное правление, в итоге, стало трагедией России и теперь, в XXI веке, по законам истории может быть повторено только в виде фарса. Похоже, сейчас время осваивать другие уроки Макиавелли: гражданственность, мораль, религию, свободу предпринимательства и учет мнения всех слоев общества – все эти необходимые компоненты общественной жизни и неизбежные условия построения нового сильного государства. А то у нас популярна шутка, что в России общественное мнение – это мнение тех, кого не спрашивают.

Совсем недавно покойный папа Иоанн Павел II провозгласил святого Томаса Мора покровителем политиков. Канцлер Англии был не только автором знаменитой книги «Утопия», но и отказался присягнуть королю Генриху VIII, когда тот отделил английскую церковь от Рима. Хорошая доза утопизма, вероятно, необходима для любого хорошего политика. Реалистом Макиавелли сделало произошедшее на его глазах падение осуществленной государственной утопии – республики во Флоренции времен Лоренцо Медичи Великолепного, когда после смерти последнего идеалы неоплатонизма были низвергнуты монахом Савонаролой, который попытался построить свою религиозно-экзальтированную аскетическую конституцион-

---

⁴ *Viroli M. Niccolo's Smile. A Biography of Machiavelli. N. Y., 2000. P. 68–70.*

ную утопию, рухнувшую в течение 4 лет. Поэтому Макиавелли уже не ожидал практического успеха от «правителя-философа».

Правда, можно сказать, что и Макиавелли со своими идеалами республиканизма, демократии, свободы и гражданственности тоже относится к утопистам. Однако скорее можно отнести к разряду книжных теоретических утопий идеи Макиавелли о «чудо-государе», чей режим личной власти сумеет поддержать успешное экономическое и культурное развитие. Кстати, процент грамотных людей во Флоренции XV века был в десятки раз выше, чем в России начала XX столетия.

Американский профессор Джон Покок назвал «моментом Макиавелли» любой исторический период, когда государство сталкивается с ситуацией временной сильной нестабильности.

«Момент Макиавелли» наступает, когда в условиях потери стабильности, «во время экономической и социальной турбулентности республики и их граждане проходят процесс самопознания с целью нахождения путей для эффективного установления хотя бы относительной политической, экономической, социальной гармонии перед лицом потока иррациональных хаотических негативных событий». Временем концептуализации и внутреннего осмысления является «момент Макиавелли», повторяющийся в истории от городов-республик Италии до современных государств⁵.

«Момент Макиавелли» для России начала XXI века – это выбор между все еще незнакомой свободой гражданского общества и демократического правления, описанных в основных работах Макиавелли, или заведомо обреченной на неудачу попыткой возврата к единоличному правлению или правлению «Политбюро», в надежде на «чудо-правителя», описанного в книге «Государь», где Макиавелли показал такой вариант развития и почти недостижимые условия его успешного осуществления. Вопрос в уровне самосознания и понимания государственных и общественных ценностей в современной России. Для России «момент Макиавелли» становится моментом истины.

Почему Флоренция XV века и идеи Макиавелли так актуальны для современности? Нужно вспомнить, каково было отношение к государству и на каком уровне существовал конституционализм в

⁵ Pocock J. G. A The Machiavellian Moment, Princeton; London, 1975. P. VII–VIII.

*Санти де Тито (1536–1603)
Портрет Никколо Макиавелли (фрагмент)*

XIII–XV веках. Во-первых, говоря об уставах городов-республик, можем смело упоминать писанные конституции, а при анализе комплекса их законов, регламентирующих порядок организации органов государственной власти, – демократию.

За предшествующие пару столетий к XV веку уже сложились, хотя и находились в процессе непрерывного доказывания, основ-

ные политические и правовые ценности современной конституционной цивилизации: государственный суверенитет, отделение церкви (но не религиозной морали) от государства, легитимность меньшинства, широкое представительство граждан в органах государственной власти, отделение суда от других органов власти, а также право частной собственности. Однако из значительных государств XV века, только Флорентийская республика продемонстрировала торжество всех этих принципов на деле. Как правильно написал английский исследователь Энтони Блэк, события XX века показали, что период Ренессанса представляет отнюдь не антикварный интерес, так как мы можем учиться у истории, поскольку она еще продолжается и мы все еще находимся в ней⁶. Проще говоря, мы и сейчас, в начале XXI века и третьего тысячелетия, находимся в рамках того же исторического периода, в котором находилась Флоренция времен Возрождения. Отсюда такой большой интерес к ней и, в частности, к Макиавелли. Мы бы добавили, что нам есть чему поучиться у тех флорентийцев, и уже только из-за одного этого мы должны перечитать и осмыслить этот том всемирной истории. Например, интересен пример Данте, чья поэзия была «квинтэссенцией флорентийского духа»⁷, но который в политике активно противопоставил себя флорентийским конституционным ценностям. Нет ничего линейного и навсегда правильного в истории развития конституционных идей. России XXI века сейчас важно прикоснуться к флорентийским ценностям пятисотлетней давности, поскольку этот урок истории мы почти безнадежно пропустили.

Запад быстрее освоил флорентийские уроки, во-первых, потому, что город-коммуна был частью Запада, а во-вторых, из-за наличия общего языка, который использовали юристы, теологи, ученые, архитекторы, дипломаты и политики. Латынь делала любое научное открытие, любую светскую мысль достоянием всей Европы. Активное начало книгопечатания во второй половине XV века и особенно в начале XVI века широко распространило идеи просвещенных флорентийцев, которые первыми возродили к жиз-

---

⁶ Black A. Political Thought in Europe 1250–1450. Cambridge, 1993.

⁷ Alldres O., Nunisak Y., Turner A. Art of Florence. N. Y., 1994. Vol. 1. P. 181.

ни Платона, сделав достоянием всего мира его утопические идеи об идеальном государственном строе, возглавляемом правителями-философами.

В политической философии и, соответственно, в конституционно-правовых воззрениях того времени господствовал тезис о тесных взаимосвязях идеала и реальности, теории и практики. Многие верили, что государственные институты того времени даны навсегда, и главное – поддерживать их в надлежащем виде, другие считали, что конституционные схемы можно и нужно менять в интересах достижения конституционного идеала. Уже тогда выбор между разными формами монархии, тирании (единоличного ненаследственного правления) и республики был широко представлен как в реальности, так и в библейской и античной истории. Теория, несмотря на серьезный теологический компонент, не отрывалась от жизни и оперировала фактами государственной деятельности своих и чужих стран. Вселенский масштаб рассуждений того времени вполне оправдывался попыткой подражания грандиозности и глобальности мыслей библейских авторов и античных философов. Вполне серьезно стояла задача определить, какой тип государства является лучшим или идеальным как с точки зрения религиозной морали, так и с позиции подтверждения этого историческими фактами. Быть правителем-философом в духе Платона было модным, иметь самую совершенную конституцию в духе Аристотеля было важным, хотя, конечно, в политике и конституционном праве все равно доминировали соображения практического порядка. Учебник по составлению документов, вышедший в Италии в 1276 году предлагает в переписке между городами-республиками использовать такие термины, как, например, «единодушно», «гармонично», «мирный переход от противоречий к согласию», «граждане под благословением гармонии» и т.д.⁸ Использованный в праве латинский язык брал свою терминологию из древнеримских правовых источников и византийского кодекса Юстиниана, поэтому он сразу был обеспечен четкостью формулировок и разветвленным словарным запасом. Язык речей Цицерона и Сенеки стал образцом для языка профессоров права итальянских университетов и, соответственно, для юристов, выхо-

---

⁸ Black A. Op. cit. Pp. 4–5.

дивших из стен этих университетов. Имитация возвышенного цicerоновского стиля проходила красной нитью через политические споры, выступления в судах и теологические диспуты. Из работ Аристотеля в конституционное право входили и закреплялись понятия «демократия», «олигархия», «монархия», «тирания» и т. д. Поскольку Аристотель использовал этические принципы при объяснении своей позиции, почему конституция одного греческого города-полиса лучше, чем конституция другого, в конституционное право входили этические нравственные оценки как критерии эффективности достаточности и эффективности государственного строя.

Кроме того, Аристотель призывал обеспечить с помощью конституции государства необходимый баланс интересов. Он писал: «Демократы поддерживают демократию, в которой все решает большинство. Другие предпочитают олигархию, когда все решают наиболее богатые. Оба этих подхода неправильны. Если предложения немногих будут доминировать, вскоре установится тирания... С другой стороны, если мнение большинства будет превалировать, несправедливость наступит через конфискацию имущества меньшинства богатых. Идея равенства интересов, с которой будут согласны обе стороны, основывается на праве, включающем равный подход ко всем»⁹. Справедливость, которая первоначально установлена в государстве, далее, в соответствии с Аристотелем, распространяется в геометрической прогрессии¹⁰. Только в XV веке во Флоренции вновь вышли в свет произведения Платона, в первую очередь, «Государство», где указано, что государство должно гармонизировать отношения различных групп своих граждан. Впечатление от этих идей было ярким, и их влияние на подход к устройству государства значительным, тем более, что идеи Платона в XV веке пропагандировали сами Медичи, начиная с Козимо Медичи.

Флорентийский мыслитель Ремиджо Джиролами писал в 1304 году в своем трактате «Преимущества мира» о том, что общее благо является наиболее важным понятием в государстве¹¹.

Период с XIII по XV столетие был золотым веком для городов-республик. Фактически во владения Флоренции, Венеции, Генуи вхо-

---

⁹ Аристотель. Политика. Соч., т. 4. М., 1984. С. 572–573.

¹⁰ Аристотель. Никомахова этика. Там же. С. 151–152.

¹¹ Black A. Op. cit. P. 25.

дила не только городская территория, но и обширные земли вокруг нее. Так, во владения Флоренции входила вся Тосканская область, включая город-порт Пизу и даже знаменитый впоследствии, благодаря Наполеону, остров Эльба. Период XIII–XV веков был периодом конституционных экспериментов и столкновений гильдий и олигархических сеньорий, где главенствовали аристократы. Во Флоренции это, в итоге, привело к поражению аристократов в правах, они полностью потеряли право быть избранными в органы управления республикой, если не зачислялись в одну из гильдий. Необходимость компромиссов между классами и самими гильдиями привела уже в XIV век к составлению детализированных конституций городов-республик, написанных специалистами по действующему праву, опиравшимися на многие принципы и определения древнеримского права. В результате сформировался насыщенный юридический язык, которым подробно описывались распределения полномочий между различными государственными органами, порядок избрания и назначения в них и процедура голосования. Город рассматривался в качестве юридического лица, обладающего правами и обязанностями, то есть понятия гражданского и конституционного права были смешаны в уставах городов-республик. Нас не должно смущать, то обстоятельство, что до Макиавелли понятие «государство» практически не использовалось ни в теоретических работах, ни в текстах уставов и законов (в этом смысле русский перевод платоновской книги «Республика» как «Государство» – крайне неудачен). Использование терминов «конституция», «государство», «разделение властей» не является необходимым для того, чтобы отнести то или иное явление государственной жизни к сфере конституционно-правового анализа. Важна суть этих явлений, а не их названия, многие из которых были сформулированы позднее, хотя описывались с библейских и античных времен. Основная конфигурация политической и конституционной мысли современного Запада была заложена в Италии уже к середине XV столетия.

Неоплатонизм Ренессанса стал твердой основой для формулирования передовых конституционных ценностей. А ведь еще античный неоплатонизм, как писал А. Ф. Лосев, «совместив в себе Платона и Аристотеля, создал наиболее систематическую и максимально заостренную философскую систему, которая уже оказалась

не какой-нибудь одной школой, ведущей борьбу с другими школами, но совмещением всего передового и оригинального, что вообще было создано античностью в области мысли»¹².

Красота или безобразие государства пока что не являются, к сожалению, категориями конституционного права. В XVIII веке известный британский юрист и политик Эдмунд Берк, размышляя над причинами революционного взрыва в современной ему Франции, писал: «Старые государственные устройства оценивались по результатам деятельности. Если народ был счастлив, сплочен, богат и силен, то остальное можно считать доказанным. Мы считаем, что все хорошо, если хорошее преобладает. Результаты деятельности старых государств, конечно, были различны по степени целесообразности; разные коррективы вносились в теорию, подчас вообще обходились без теории, уповая на практику»¹³. Достижение такой степени развития, такой гармонии конституционного строя, при которой возможен максимальный для конкретного исторического периода уровень счастья и благополучия граждан, когда «хорошее преобладает», относится к категориям не только права, но также этики и эстетики.

Об этом говорил Иосиф Бродский в своей лекции 1986 года при получении Нобелевской премии в области литературы: «Политическая система, форма общественного устройства, как всякая система вообще, есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающаяся навязать себя настоящему (а зачастую и будущему)... Философия государства, его этика, не говоря о его эстетике, – всегда «вчера»¹⁴». В учебнике по конституционному праву по поводу высказывания Бродского написано, что «это, конечно, художественное, но довольно точное определение того бесспорного факта, что даже самая лучшая для условий своего времени конституционная система может начать сдерживать прогресс и мешать развитию общества, если в ней не заложена возможность изменения и приспособления к новым экономическим, политическим и иным условиям»¹⁵.

---

¹² Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 174.

¹³ Берк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993. С. 121.

¹⁴ Бродский И. Форма времени. Минск, 1992. Т. 2. С. 453.

¹⁵ Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2000. С. 49.

Сюда нужно добавить, что «этика государства» – понятие известное, как минимум, со времени Аристотеля. Что же касается эстетики, то, как сказал, в той же Нобелевской лекции Иосиф Бродский: «Эстетика – мать этики; понятия «хорошо» и «плохо» – понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории добра и зла. В этике не «все позволено» именно потому, что в эстетике не «все позволено»¹⁶.

В России, где все еще невероятно трудно доказывать, что государству не «все позволено», мысли об этической и эстетической стороне конституционного строя не являются праздными. Поэтому нам хотелось бы сравнить эссе Бродского «О тирании» с соответствующей главой «О гнусности тирании» (глава X) в работе Макиавелли о первых десяти книгах Тита Ливия.

Бродский в 1979 году дал портрет советского «тирана» того времени: «У тирана время, отведенное на размышления о душе, используется для расчетов, как бы сохранить статус-кво.

Это происходит потому, что человек в его положении не видит различий между настоящим, историей и вечностью – госпропаганда сплавила их воедино, потому что так удобней и самому тирану, и населению... Устойчивость пирамиды редко зависит от ее вершины, но все-таки именно вершина привлекает наше внимание... Единственная задача стареющего тирана удержать свое положение, его демагогия и лицемерие не подавляют умы подданных необходимостью в них верить или текстуальным разнообразием; в то время как молодой выскочка с его подлинным или наигранным рвением и целеустремленностью всегда, в конечном счете, повышает уровень общественного цинизма... Орудие тирании – политическая партия (или армия, чья структура не отличается от партийной)... Партия по существу – фиктивная реальность, изобретенная интеллектуальными (или обыкновенными) безработными... Создание партии – уже самодостаточное занятие и при этом всепоглощающее. Оно, конечно, не приносит немедленных плодов; но, с другой стороны, работа не трудная и для психики весьма комфортабельная ввиду невнятности устремлений... Средняя продолжительность хорошей тирании – десять-пятнадцать лет, двадцать самое большее... Скрытность –

---

¹⁶Бродский И. Там же. С. 454.

старинное пристрастие партий... Так что лица не выражают ничего. Это им особенно удается, потому что выражать нечего... Давно прошло время орлиных профилей, бород клинышком или лопатой, усов, наподобие моржовых или вроде зубной щетки, скоро и брови уйдут в прошлое... Когда тобой правит никто, это самая всеобъемлющая форма тирании, ибо никто выглядят как все... Благодаря характеру его работы, никто не знал, что он думает на самом деле. Вполне возможно, что он и сам не знал, что он на самом деле думает»¹⁷.

У Бродского и Макиавелли в подходе к тирании обнаруживается не только полная общность установки на стремление к свободе, но и весьма показательное расхождение. Бродский считает, что новые, как демократические, так и авторитарные государства все дальше уходят от духа индивидуализма к «стадному натиску масс» и что исключительность отдельного индивидуума заменяется «идеей анонимности»¹⁸. Макиавелли же, хотя и учитывает «стадный натиск масс», исходит из идеи, что только яркая личность может и должна стоять во главе государства, неважно какого: демократического или тиранического. Мысль Макиавелли вертится вокруг личности правителя, вокруг «вершины пирамиды», в то время как «умудренный» последующими 450 годами истории и особенно второй половиной XX века Бродский делает упор на основу пирамиды, лежащую в массах. Макиавелли говорит о Юлии Цезаре или, на худой конец, о Цезаре Борджиа, а Бродский, отдавая должное таланту («намного превосходят своих предшественников») Ленина, Сталина, Мао, Гитлера, Кастро, Хомейни, все же пишет свое эссе «О тирании» обзревая руководителей «политбюро» десятков стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки образца 1979 года. По Бродскому нравственная и интеллектуальная серость населения предопределяет серость и во многом неизбежность тирании.

Известный русский историк Т. Н. Грановский в 1849 году сказал о Макиавелли, что между Тацитом и ним нет историка такого масштаба, а также, что Макиавелли положил основание новым политическим идеалам¹⁹. Современность вновь и вновь возвращается

---

¹⁷ И. Бродский. Меньше единицы. Избранные эссе. М., 1999. С. 113–115, 118–122.

¹⁸ Там же. С. 115.

¹⁹ Т. Н. Грановский. Лекции по истории Средневековья. М., 1987. С. 57.

к этому удивительному мыслителю, все грани идей которого полностью еще не изучены, несмотря на значительное и все возрастающее количество исследований. Среди недостаточно разработанных идей следует выделить конституционно-правовое осмысление значения трудов Макиавелли. Это принципиально важно, так как Макиавелли, в первую очередь, является юристом-государствоведом и отцом политической науки. Он использует методологию философии и истории как подчиненные целям вышеуказанных наук.

Это, конечно, не значит, что Макиавелли принадлежит только юристам. Так, очень важен и интересен подход протоиерея Александра Меня, который писал, что замысел «создания сакрального христианского государства был в конечном счете обречен на неудачу... Отцом политического секуляризма Нового времени обычно считают Никколо Макиавелли (1469–1527). Выступая против статуса христианства как государственной идеологии, он фактически оказал ему важную услугу и освободил от чужеродной мирской стихии»²⁰. Подход А. Меня к вопросу о государственно-правовых последствиях влияния идей Макиавелли хорошо показывает, что нельзя рассматривать реформаторский подход последнего к роли церкви как примитивное антиклерикальное, тем более атеистическое воззрение. Макиавелли пишет, что религия совершенно необходима «для поддержания цивилизованности», а также что пренебрежение религией является причиной гибели государств. «Ибо там, где отсутствует страх перед Богом, неизбежно случается, что царство либо погибает, либо страх перед государем восполняет в нем недостаток религии»²¹. Как видите, более четкой формулы основной причины культа личности и диктатуры найти трудно. Однако следует подчеркнуть, что Макиавелли говорит о подлинном, а не внешнем религиозном сознании. «Государи или республики, желающие остаться неразвращенными, должны, прежде всего, уберечь от порчи обряды своей религии и непрестанно поддерживать к ним благоговение, ибо не может быть более очевидного признака гибели страны, нежели явное пренебрежение божественным культом... Если бы князь христианской республики сохраняли религию в соответствии с

---

²⁰ А. Меня. Трудный путь к диалогу. М., 1992. С. 158–159.

²¹ Н. Макиавелли. Избранные сочинения. М., 1982. С. 405.

предписаниями, установленными ее основателем, то христианские государства и республики были бы гораздо целостнее и намного счастливее, чем они оказались в наше время»²².

Традиционным является противопоставление или примирение республиканско-демократических взглядов Макиавелли из только что процитированных нами «Рассуждений» о книгах древнеримского историка Тита Ливия и абсолютистско-тиранических размышлений из его книги «Государь». Мы же, идя по направлению указанному А. Менем, предлагаем оценить любые жесткие и прозаические высказывания Макиавелли 1513 года в «Государе» с точки зрения приведенной выше религиозно-нравственной формулировки того же автора, написанной, кстати говоря, ранее «Государя» и позднее подтвержденной им в ходе работы по завершению рукописи «Рассуждений». Даже если у него и были отклонения и сомнения, мы можем сказать, что его позиция в подходе к государственной политике является нравственной и основанной на первоначальных религиозных и общечеловеческих моральных ценностях. Если он не говорит о религиозной или любой иной морали в «Государе», так это потому, что с первых строк он указывает, что пишет в этой книге только о единоличном правлении, притом тиранического толка. Вряд ли мы найдем более точное выражение его истинных взглядов, чем эта ремарка в совокупности с остальными советами абсолютным монархам, тираническим правителям, беспринципным диктаторам. Он говорил с ними на понятном им языке, адресуясь, конечно, не к Сталину и Гитлеру, у которых «Государь» был настольной книгой, а к местным князьям, кто-то из которых, как он надеялся, мог объединить тогда Италию. Не удивительно, что он, обращаясь к тиранам, даже не пытается вспоминать о религии или морали. Здесь нет противоречия. Реалист Макиавелли видит в истории две основные формы государственного строя: республику и абсолютную монархию. В «Государе» он дает практические советы единоличным правителям, не связанным конституцией и позицией других государственных органов. В «Рассуждениях» же он дает советы республикам, к которым не скрывает своей приверженности. При этом он предвидит (как оно и получилось на самом деле через почти 400 лет), что Италию объединит только единоличный правитель.

---

²² Там же. С. 408, 409.

Ведута с видом кафедрального собора Санта Мариа дель Фьоре и Баптистерия

Исследователи Макиавелли должны были понять его религиозно-моральное кредо, четко выраженное в «Рассуждениях», и оценить его значение для определения его истинных взглядов и убеждений, но, по странному стечению обстоятельств, мы не находим такого подхода у многих из них. Как говорил Каструччо Кастракани, один из исторических персонажей Макиавелли, важно не много прочитать, а много запомнить. Иначе как забывчивостью мы не можем объяснить вышеуказанное явление. Приведем еще нравственную позицию Макиавелли, сформулированную в названии главы 10 «Рассуждений». Вот это название: «Сколь доблестны основатели республик или царств, столь же гнусны учредители тирании».

Что же касается Т.Н. Грановского, который попытался дать анализ религиозно-нравственных взглядов Макиавелли, то он, вероятно, слишком увлекся приверженностью Макиавелли к античности и посчитал, что идеалом религии для того была религия Древнего Рима. Все-таки наш знаменитый историк игнорировал со-

держание главы 12 «Рассуждений», где, во-первых, прямо сказано о примитивности и устарелости древнеримских религиозных культов, а во-вторых, там же четко проведена грань между первоначальными истинами христианской религии и поведением тогдашней римской церковной иерархии. Грановский сделал правильный вывод о том, что у Макиавелли было «сознание, что христианство может быть побуждением к великому», однако в целом начало его лекции 1849 года, записанной и опубликованной под № 13, вполне оправдывает свою нумерацию, так как содержит явно ошибочные суждения о религиозных основах государственно-правовых идей Макиавелли.

Т.Н. Грановский делает выговор Макиавелли за то, что тот «допускает религию только политическую как побуждение гражданское к совершению гражданских подвигов»²³. Поэтому Макиавелли и не понимал, как считает лектор, тех нравственных изменений, которые христианство произвело в Европе. Упреки Грановского к Макиавелли здесь тем более неосновательны, что именно понимание сути религиозных ценностей заставляло Макиавелли категорически и последовательно отвергать идею религиозного государства. В этом Макиавелли видел путь повышения авторитета религии как совокупности нравственных идеалов, возврат к которым позволил бы современным ему итальянцам подняться на уровень доблести и гражданственности древних римлян.

Для Грановского в условиях николаевской России 1849 года, когда царская власть препятствовала даже полному переводу Библии на русский язык, возможно, критика Макиавелли за излишне гражданственный подход к религиозным вопросам была формой прикрытия своих передовых прогрессивных взглядов. Но все-таки его подход требует критического осмысления.

Нельзя не согласиться с М. Андреевым, утверждающим в комментариях к «Рассуждениям», что отношение Макиавелли к католической церкви не исчерпывает его отношение к религии. Он пишет: «Религия для него – форма регламентации и освящения системы общественных ценностей и связей. Религия укоренена в сфере частного права и составляет необходимую моральную основу для государственного строительства и для функционирования

---

²³ Т.Н. Грановский. Указ. соч. С. 61.

государственных учреждений. Религия – это та область, где смыкаются личное и социальное, нравственность и политика, «добрый» порядок и «добрый» закон»²⁴. Постоянное соизмерение нравственности, политики и права (в первую очередь, конституционного, а затем уже частного, как у М. Андреева) – вот это главная линия любого анализа идей Макиавелли.

Он констатирует, что древние религии сопровождалась жестокими жертвоприношениями и были уделом примитивных людей, а также решительно протестует против трактовки христианской религии, навязываемой современной ему католической церковью. «И если теперь кажется, что весь мир обабился, а небо разоружилось, то причина этому, несомненно, подлая трусость тех, кто истолковывал нашу религию, имея в виду праздность, а не доблесть. Если бы они приняли во внимание то, что религия наша допускает прославление и защиту отечества, то увидели бы, что она требует от нас, чтобы мы любили и почитали родину и готовили себя к тому, чтобы быть способными встать на ее защиту. Именно из-за такого рода воспитания и столь ложного истолкования нашей религии... в народе не заметно теперь такой же любви к свободе, какая была в то (античное – прим. авт.) время»²⁵.

Нужно отметить, что ошибка многих академических исследователей творчества Макиавелли заключается в том, что они предполагают в нем кабинетного ученого, строящего теоретические концепции. В действительности все его мысли были направлены и соизмерены с государственной практикой, в первую очередь, Флорентийской республики. Поэтому не мог он отдавать реальное предпочтение античным религиям, как не мог желать введения спартанских государственных порядков в жизнерадостной и христианской Флоренции. Макиавелли был, в первую очередь, практик и реалист, несмотря на то, что при этом он был немного и мечтателен, и утопичен. Когда он говорил о значении религии, он хотел видеть восстановление первичных библейских ценностей, которые могли укрепить в его современниках-согражданах стремление к свободе и доблести. Вероятно, с этим связано его уважительное отношение к монаху Савонароле, а также включение Моисея в ряд исторических героев, достойных подражания.

---

²⁴ Н. Макиавелли. Избранные сочинения. М., 1982.. С. 492.

²⁵ Там же. С. 450.

Игнорирование ясно выраженных религиозно-моральных взглядов Макиавелли привело, в итоге, к искажению и его государственно-правовых идей. Поэтому прежде чем перейти к конституционно-правовому анализу, хотелось бы подчеркнуть недоказанность многих оценок религиозно-нравственных взглядов Макиавелли. Например, А. Дживелегов пишет: «Никколо был настоящим атеистом», а затем в подтверждение «излагая» взгляды великого флорентийца, добавляет следующее: «Личная вера – бессмыслица. Но пока на эту точку зрения станет большинство, пройдет много времени. Религия, как настроение широких народных масс, будет существовать еще долго, и политик должен уметь этим настроением пользоваться, как пользовались им римляне»²⁶. При этом Дживелегов делает ссылку на XII главу первой книги сочинения Макиавелли «Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия». Однако эта глава начинается со знаменательной фразы, которая ранее нами уже процитирована, что «пренебрежение божественным культом является наиболее очевидным признаком гибели страны». Далее Макиавелли пишет о том, что руководители государства должны сохранить свое государство «религиозным, а следовательно, добрым и единым. Они должны так поступать, даже если сами они являются людьми неверующими»²⁷.

Другой образец неточного восприятия взглядов и личности Макиавелли можно встретить у А. Ф. Лосева в его книге «Эстетика Возрождения». Со ссылкой на биографическую статью А. К. Дживелегова, он пишет, что «уже самая личность Макиавелли обладает страшными чертами»²⁸. Но у Дживелегова никаких «страшных черт» не описано. Похоже, Лосев тоже оказался в плену клерикальных критиков Макиавелли, притом самых примитивных. Поэтому трудно согласиться с его оценкой эстетики Макиавелли. Нам было бы непозволительно дискутировать с уважаемыми авторами, писавшими в советский период, когда (Дживелегов в 1934 году) за каждое слово, неверное с позиций тогдашней идеологии, можно было поплатиться свободой или даже жизнью, если бы их вышеуказан-

---

²⁶ Жизнь Никколо Макиавелли. СПб., 1993. С. 205, 206.

²⁷ Там же. С. 343, 344.

²⁸ А.Ф. Лосев. Указ. соч. С. 558.

ная критика Макиавелли не проявилась в виде убежденной авторской концепции. Например, А.Ф. Лосев выразил это очень отчетливо. «Эстетика (Макиавелли) по своей прямолинейности и последовательности едва ли не единственная во всей истории эстетической мысли. Общество и история, возникающая как упорядоченное множество этих безличных, бездушных и аморально понимаемых единиц, если угодно, есть самый настоящий гуманизм, поскольку речь здесь только и идет о создании правильного человеческого общества. Но эти арифметические единицы – личности – внутренне опустошены и превращены лишь в строительный мате-

*Бюст Н. Макиавелли, подарен Антонио Темилом Библиотеке иностранной литературы. Скульптор Джаньетро Кудин
Фото Сергей Шиян*

риал... Во всей этой железно проводимой системе арифметических единиц есть нечто красивое, хотя и ужасное, страшное, звериное и нечеловеческое»²⁹.

Трудно даже сказать, почему произошло такое непонимание. По нашему предположению, методами одной философии не всегда можно до конца понять работы в сфере политической науки и конституционного права, имеющие свою серьезную специфику. Гениальность Гегеля подчеркивается тем, что методами философского анализа он смог глубоко осмыслить и проблемы конституционного права. Но он, скорее, исключение, чем правило. Идеологи государ-

---

²⁹ Там же. С. 563.

ства в XX столетии очень постарались, чтобы оторвать, отделить от оценки деятельности государства в целом такой критерий его деятельности, как обеспечение максимального для условий своего времени уровня экономического и культурного благосостояния населения. К сожалению, наука конституционного права в России еще недостаточно окрепла, в первую очередь, потому, что Конституция России 1993 года, возможно, со всеми понятными оговорками, первая современная и соответствующая мировым стандартам действующая конституция за всю историю страны. Даже название «конституционное право» утвердилось только в последние годы.

У нас есть свой взгляд на различие терминов «государственное» и «конституционное» право. Название «конституционное» подчеркивает приоритет конституции и ограничений прав государства, которые конституция (это ее обязательный атрибут со времен первой известной в мире писаной конституции судьи Самуила, упоминаемой в Ветхом Завете) в себе содержит. Термин «государственное» как бы подчеркивает приоритет государства перед всем остальным. Конституционное право – это описание прав и обязанностей государства. Государственное право, по крайней мере, в буквальном грамматическом толковании, – это право государства, где забыли упомянуть о его обязанностях. Конечно, в юридической науке эти понятия признаны либо равноправными, либо государственное право рассматривается как более широкое. А все-таки в России порой, по примеру немцев, со времен царя и кайзера говорят не о «конституции», а о «государстве» и даже название книги Платона «Республика», исключаящее другой перевод, напечатали под названием «Государство». Отсюда и пренебрежение к конституции в России практически всегда до наших дней, а в Германии – до послевоенного ФРГ.

Взять для примера тему эстетики и этики государства, эстетики конституционного строя, которая является почти чуждой российской юридической науке. А ведь и эстетике, и этике свойственны многие идеальные воззрения, основанные на религии, и следовательно, вполне уместно сравнить их с утопическими конституционными идеями, имеющими похожую основу. Можно даже сказать, что древние и ренессансные утопии отчасти были именно изложением эстетического и этического подхода к основам государственного строя.

Возвращаясь к вопросу о методологии исследования работ Макиавелли, должны сказать, что возможно также, что Лосев и Дживелегов не были знакомы со следующими его мыслями: «Когда человек проявляет неблагодарность по отношению к Богу, он превращает себя из ангела в дьявола, из хозяина в раба, из человека разумного в животное... Человек, не имеющий милосердия, не имеет ничего... Никто не может быть наполненным милосердием, если он не наполнен религией...»³⁰

Это из единственной сохранившейся рукописи Макиавелли (кроме служебных писем), который готовил текст своего публичного выступления в флорентийском Обществе Пьети (Piety).

Макиавелли исследовал государство и особенности его построения и развития. При этом свой анализ на уровне существовавших городов-коммун, в первую очередь Флоренции, он вел методами науки конституционного права, которую продвинул далеко вперед. Когда зародилось конституционное право? Думаю, что основателями современного конституционного исследования нужно считать Томаса Мора и Макиавелли. Анализ же проблемы создания единого государства в Италии Макиавелли вел преимущественно методами политической науки, основателем которой он и является. От красоты его исторических образов, глубины его научного поиска перехватывает дыхание даже много сотен лет спустя. Сила его мысли, высота его идеалов, высокая гражданственность, стремление к правде еще долго будут в центре внимания юристов, политологов, историков и теологов. К нему нужно отнести слова Джордано Бруно о людях, которые, «имея прирожденный светлый и сознающий дух, по внутреннему побуждению и природному порыву... В страданиях своей мыслительной способности зажигают свет разума и с ним идут дальше обычного»³¹.

И Дживелегов, и Лосев повторяют за многими другими, что Макиавелли в личном общении и в своей книге «Государь» проявил интерес к жестокому и коварному Цезарю Борджиа, сыну папы Александра VI – как к человеку, который мог бы объединить Италию. Вокруг этого строится целая система аргументации о безнравствен-

---

³⁰ *Machiavelli N. The Prince. N. Y., 1992. P. 121.*

³¹ *Дж. Бруно. О героическом энтузиазме. М., 1953. С. 53.*

ности и «страшности» Макиавелли. Но вся эта аргументация разлетается перед простым и очевидным фактом. Если бы папский сын прочитал любое высказывание Макиавелли против папства и римской курии (каковых у него множество), то атлет Борджиа, сгибавший пальцами монеты, собственноручно и немедленно расправился бы с хиловатым флорентийцем, окажись тот поблизости. Приведем цитату: «Дурные примеры папской курии лишили нашу страну всякого благочестия... А если кто пожелал бы на опыте проверить истинность вышесказанного, ему следовало бы... переселить папскую курию со всей той властью, которою она располагает в Италии, на землю швейцарцев... Он увидел бы, что порочные нравы означенной курии за короткое время внесли бы больший разлад в эту страну, нежели любое другое несчастье»³². Кстати, очень важно, что Макиавелли начал писать «Государя» уже после того, как завершил рукопись главы 1-й книги «Рассуждений», из которой и взята вышеуказанная цитата.

Е.И. Темнов справедливо указывает, что Макиавелли заложил «фундамент современной науки о государстве»³³. Но его государственно-правовые воззрения нельзя понять без осознания его генетической неразрывной связи с Флоренцией, «самой богатой, цивилизованной и просвещенной столицы Европы»³⁴. В.И. Рутенбург пишет, что Флоренция явилась главным центром великого процесса перехода от феодализма к капитализму³⁵.

Флорентийская республика XIV–XV веков стоит на особом месте среди городов-государств Европы и сравнима, пожалуй, только с Афинами до нашей эры. Первенство Флоренции перед другими городами Европы в области искусства за все прошедшие два тысячелетия нашей эры в некоторой степени мог бы пытаться оспаривать только Париж конца XIX начала XX века или «вечный» Рим. Флорентийцы вошли в число титанов Возрождения не только в науке, живописи, скульптуре, архитектуре, литературе, но также в политике и в развитии конституционно-правовых идей.

---

³² Жизнь Никколо Макиавелли. С. 346.

³³ Е. И. Темнов. Макиавелли. М., 1979. С. 39.

³⁴ Там же. С. 7.

³⁵ В.И. Рутенбург. Жизнь и творчество Никколо Макьявелли // Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1987. С. 356.

Изучая историю доктрины разделения властей, мы не можем не отметить ее фрагментарность, а также замкнутость периодов развития в рамках той или иной исторической эпохи. Развитие доктрины происходило как бы отдельными рывками, порой без непосредственной связи одного периода с предыдущим либо последующим. Историю доктрины разделения властей нужно рассматривать не только как историю развития идеи, но и как историю практического воплощения этой идеи в жизнь. Иногда доктрина развивалась де-факто – в ходе практической государственной деятельности как в древних Афинах и Риме или Флоренции XIV–XV веков, иногда чисто умозрительно, теоретически (Локк, Монтескье). При этом конкретная каждодневная деятельность флорентийской Синьории или Сената США не менее важна в истории доктрины, чем статья или книга теоретика, специально ей посвященная. Прогресс заключается не в непрерывном линейном движении вперед, но иногда и в остановке, так же как нередко в боковом движении, а порой и в возврате назад. Для развития российского конституционализма крайне важен именно возврат к конституционным ценностям флорентийцев времен Ренессанса.

Макиавелли сумел дать один из первых и лучших образцов конституционно-правового анализа реальных фактов государственного строительства города и тем самым далеко продвинул развитие конституционного права. Размышляя же в категориях будущего времени о проблеме объединения Италии, Макиавелли применил в «Государе» новую правовую методологию, что позволило ему заложить принципы современной политической науки, которая с его же легкой руки с тех пор считает право только одним из инструментов в проведении в жизнь нужной политики. Следует также уделить особое внимание незаслуженно недооцененному вкладу флорентийца в развитие науки конституционного права. Особенно обидно, что мало уделяется внимания приоритету Макиавелли в формулировании основ современной теории разделения властей.

В книге «История Флоренции» Макиавелли описал, как складывался и функционировал государственный механизм Флорентийской республики. При этом отчетливо прослеживается тенденция к юридическому закреплению независимости судебных органов и обеспечению эффективности судебных решений, коллективности

руководства, сосредоточению разных функций в разных государственных органах с тем, чтобы избежать чрезмерной концентрации власти в одном из них. Все это вместе взятое обеспечило маленькому городу свободу от тирании в течение нескольких столетий и длительное процветание, а для исследователей того времени создало необходимость придать самостоятельное значение примененным элементам разделения властей и особенно непрерывно уравниваемой путем частого принятия новых законов системе отчетливых сдержек и противовесов.

Как писал Ш. Монтескье, судебная власть в разделении властей является как бы невидимой. К этому следует добавить, что «невесомый баланс», придаваемый судебной властью системе сдержек и противовесов высших государственных органов, не всегда и не везде очевиден, пока он не выходит на первый план, как это было с Уотергейтским делом 1974 года или с избирательными разборками во Флориде на президентских выборах 2000 года в США.

При анализе разделения и взаимного сдерживания исполнительной и представительной властей очень важен опыт Древних Афин и Рима, а также Флорентийской республики XIV–XV веков, где такое разделение включало значительное число структурных и функциональных сдержек и противовесов. Древние греки и римляне развивали разделение властей на практике без сопутствующего теоретического обоснования, более на инстинкте и интуиции свободлюбивых людей, чем на книжной теории. Тем не менее, логическая эволюция государственно-правовых институтов республиканского Рима привела к созданию имперской власти, а затем к краху империи. Опыт Флоренции XIV–XV веков – другой. Во-первых, потому, что в рамках законченного исторического периода более чем в два столетия Флоренция сохраняла республиканскую форму правления и баланс представительной и исполнительной власти. Во-вторых, потому, что у нас есть возможность углубиться в этот опыт, так как величайший теоретик государства Макиавелли, жил, осуществляя свою практическую государственную деятельность, именно в этом городе, а затем подробно написал о своем отношении к его формам правления в монументальной «Истории Флоренции».

Макиавелли первым обосновал необходимость сдержек и противовесов для четкого хода отлаженного конституционного ме-

ханизма. Из анализа его работ хорошо видно, что сдержки и противовесы отнюдь не американское изобретение, а восходят как важнейший конституционный принцип еще к античным государствам. Сдержки и противовесы, в свою очередь, являются оборотной стороной медали, на которой отчеканены слова «разделение властей». Макиавелли первым открыл для нового времени этот феномен античной государственности, которую до него пытались осмыслить и обобщить Платон, Аристотель, Полибий.

Более того, нельзя понять доктрину разделения властей без макиавеллиевского анализа естественных причин, как необходимости разделения власти, так и организации постоянно действующих сдержек и противовесов. Свобода граждан и их благосостояние – вот критерии правильности конституционного развития. Макиавелли в «Рассуждениях» пишет: «Ведь опыт показывает, что города увеличивают свои владения и умножают богатства, только будучи свободными. В самом деле, диву даешься, когда подумаешь, какого величия достигли Афины... Причину сего уразуметь несложно: великими города делает забота не о личном, а об общем благе. А общее благо принимается в расчет, бесспорно, только в республиках».

Макиавелли указывал, что, поскольку необходимо учитывать интересы всех социальных слоев, то необходимо правильно организовать не подчиненные друг другу, а взаимовлияющие исполнительную, законодательную и судебную власть. Он пишет о «трех правительственных началах» в римской республике, где консулы олицетворяли исполнительную власть, Сенат – законодательную, а трибуны – квазисудебную власть.

Конечно, использование современной терминологии в анализе, как государственной практики Древнего Рима, так и самих работ Макиавелли, носит несколько условный характер, что не меняет их сути. Автор точно подмечает, что столкновение интересов различных сословий требует непрерывного правового сдерживания и балансирования, а значит, создания такой государственной схемы, которую сам Макиавелли называет совершенной. «И уже совсем безосновательно объявлять неупорядоченной республику, давшую столько примеров доблести, ибо добрые примеры порождаются хорошим воспитанием, хорошее воспитание – хорошими законами, а хорошие законы – теми самыми смутами, которые многи-

ми необдуманно осуждаются. В самом деле, всякий, кто тщательно исследует исход римских смут, обнаружит, что из них проистекали не изгнания и насилия, наносящие урон общему благу, а законы и постановления, укрепляющие общественную свободу», – писал Макиавелли в «Рассуждениях». Точность подхода Макиавелли подчеркивает то значение, которое он придает правильной организации правосудия в конституционной схеме разделения властей. Отсутствие независимого правосудия приводит к неправильным методам решения конфликтов, к расправам без суда, разрушению законности. Седьмая и восьмая главы «Рассуждений» особенно важны для понимания подхода Макиавелли к надлежащей организации независимого правосудия. Он критикует организацию судебной власти во Флоренции конца XV – начала XVI веков за то, что в ее рамках невозможно предъявить обвинение высшим должностным лицам.

Когда в 1520 году Макиавелли пережил отставку и тюрьму и именовался Синьорией просто «гражданин нашего города», он был послан в Лукку для изучения ситуации с делом о банкротстве купца, проигравшего все свое состояние и оставшегося должным многим флорентийским кредиторам. Во время своего пребывания там, он изучал конституционное устройство Республики Лукка и отметил как главное достоинство, что права на изъятие собственности или лишение жизни граждан изъяты из компетенции гонфалоньера и Синьории, что позволило избежать чрезмерной концентрации власти в руках одного органа³⁶.

Принципиальность флорентийца подчеркивается интересным фактом. После смерти в 1519 году молодого герцога Лоренцо Медичи (внука Лоренцо Великолепного) папа Лев X (сын Лоренцо Великолепного) и кардинал Джулио Медичи (сын Джулиано – брата Лоренцо Великолепного и будущий папа Клемент VII) были всерьез обеспокоены судьбой семьи Медичи во Флоренции и поэтому кардинал предложил Макиавелли написать свои предложения о путях реформирования конституционного строя. При этом папа и кардинал, оба внуки Козимо Медичи, были готовы рассматривать и возврат к государственной практике времен своего деда. Однако в адресованной им записке «Рассуждения о флорентийских делах после смерти

---

³⁶ *Viroli M. Op. cit. Pp. 193–194.*

Лоренцо» Макиавелли с необыкновенным мужеством и прямоотой пишет, что возврат к времени Козимо невозможен, так как, во-первых, тогда флорентийцы любили семью Медичи, а теперь ее ненавидят, во-вторых, граждане тогда проявляли понимание и не протестовали против выплаты налогов, а теперь для их получения нужна сила. Медичи во времена Козимо, лукаво добавляет Макиавелли, позволяли гражданам общаться с ними на равных, почти «фамильярно», что уже не сможет допустить аристократизм нынешних Медичи.

Однако далее Макиавелли пишет, что не следует устанавливать и монархическое правление, так как это противоречит флорентийским конституционным традициям и будет «трудно, негуманно и невыгодно». Поэтому он предлагает Медичи восстановить республиканскую форму правления с предоставлением главных полномочий не народным собраниям, а Большому совету, где будут адекватно представлены высший, средний и низшие классы³⁷. Кардинал игнорировал его призывы и взамен роли реформатора флорентийской конституции предложил Макиавелли написать «Историю Флоренции».

Опираясь на Макиавелли, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что когда мы говорим о разделении властей в государственном механизме Флоренции, то имеем в виду не те завершенные доктринальные требования, позднее сформулированные и воплощенные Монтескье и авторами конституции США, а хорошо развитые для того времени элементы разделения властей. Поэтому флорентийская модель разделения властей заслуживает специального анализа, как через призму взгляда самого Макиавелли, так и в связи с большим количеством фактического исторического материала. Следует еще раз решительно поставить вопрос об устарелости оценки Н. Макиавелли как теоретика единой государственной власти монархического толка, которая в России объясняется отсутствием или запоздалостью переводов основных произведений этого мыслителя на русский язык, а также неким шаблоном, заимствованным из прошлого. На самом деле, Макиавелли намного сложнее любого однозначного толкования. В «Рассуждениях» о книгах Тита Ливия он безусловно приветствует республиканскую форму правления, осуждает тиранию исполнительной власти и призывает к ее сдерживанию.

---

³⁷ Idem. P. 200, 201.

Однако в книге «Государь» он для Италии своего века, разделенной и униженной иностранными завоевателями, видит, ввиду отсутствия других возможностей, в качестве избавителя хладнокровного и жесткого полновластного диктатора. Сам Макиавелли, конечно, предпочел бы в качестве избавителя Италии видеть деятеля типа античных героев прошлого, но к XV веку уже, похоже, их время прошло.. Спор о толковании противоречий не столько у самого Макиавелли, сколько у его комментаторов, весьма показателен. Этот мыслитель-государствовед был настолько богат идеями, что из его наследия их черпали и черпают разные школы и концепции. Труды Макиавелли стали убежищем для разного рода последователей, отрицающих, тем не менее, всякое родство друг с другом. В то же время, подход к Макиавелли как к теоретику «единой и неделимой» государственной власти требует опровержения, именно из-за его распространенности. Поэтому совместный анализ практики государственных органов Флоренции и их описания и оценки, данные самим Макиавелли в его последнем по времени труде «История Флоренции», станет для нас, кроме всего остального, и основой для спора с вышеуказанными устарелыми и односторонними взглядами на его творчество.

Прежде чем проанализировать описанную Макиавелли государственную практику Флоренции с точки зрения разделения властей и сдержек и противовесов, я должен остановиться на одной из важнейших граней доктрины разделения властей в любом, но особенно флорентийском варианте. Это связь между всеобщей идеей свободы и доктриной разделения властей как конституционного выражения и одновременно гарантии принципа свободы. Гегель пишет, что «необходимое различие» государственно-правовых функций, которые получают также и различные органы государства, формирует разделение властей, которое «есть некий абсолютный момент глубины и действительности свободы. Ибо эта последняя только обладает глубиной, поскольку развивается в свои различия и достигает их осуществления»³⁸.

Разделение властей, а также сдержки и противовесы создают такой конституционно-правовой механизм, который перемалыва-

---

³⁸ Г. Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1977. С. 357.

ет на мелкие части чрезмерно амбициозные поползновения к власти, а значит, обеспечивает свободу граждан. Эта свобода, в свою очередь, обеспечивает условия, для того чтобы труд и творчество граждан создавали их собственное и государственное благополучие. Поэтому трудно понять пафос К. Долгова, когда в своей вступительной статье к избранным сочинениям Макиавелли он пишет: «Достоинством удивления представляется то, что Макиавелли, констатируя наличие этих раздоров и противоречий, видит в них источник развития, роста и могущества Флорентийской республики, источник роста и развития вообще». Флорентийское функционально-структурное разделение исполнительных, законодательных и отчасти судебных полномочий и система сдержек и противовесов обеспечили ситуацию, когда непрерывные групповые и сословные столкновения не разрушали, а развивали государство. Как отметил М. Блок, «могло ли право, которое отныне было частично зафиксировано законодательным путем и все в целом преподавалось и записывалось, не утратить вместе с разнообразием и свою гибкость? Разумеется, ничто не мешало ему эволюционировать, что и произошло в действительности. Итак, периоду скрытого глубинного вызревания приходит на смену со второй половины XII века эпоха, когда общество стремится организовать человеческие отношения более строго, установить более четкие границы между классами, устранить многие из местных особенностей и, наконец, допускать только постепенные преобразования»³⁹. Поддерживая это тонкое наблюдение французского историка, хотелось бы заметить, что главная задача конституционного принципа разделения властей – это как раз обеспечение постепенности преобразований и эволюционного пути развития государства и права.

Флоренцию отличает от других городов-государств Италии того времени, в том числе от могущественной Венеции, более четкое разделение судебных, исполнительных и законодательных полномочий. Томас Джефферсон писал о другом примере итальянской государственности: «Все правительственные власти – законодательная, исполнительная и судебная – входят в состав законодательного

---

³⁹ К. Долгов. Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 66.

органа. Концентрация этих властей в одних руках как раз и определяет деспотическое правительство. Не легче, если эти власти находятся в руках нескольких лиц, а не кого-то одного. 173 деспота, несомненно, будут угнетать народ так же, как и один. Пусть те, кто в этом сомневается, посмотрят на Венецианскую республику»⁴⁰.

Макиавелли отмечал особое положение Флоренции и отличие от других городов-государств. В первой половине XIII столетия флорентийцы, по Макиавелли, «решили, что наступило подходящее время для того, чтобы учредить такой образ правления, который позволил бы им жить свободно». Для этого они разделили город на шесть частей и избрали по два человека от каждого региона в Совет старейшин для управления городом. Четыре члена Совета старейшин подлежали ежегодной смене. «Дабы уничтожить всякий повод для вражды, возникающей по поводу судебных решений, назначались, не из числа граждан города, двое судей, из которых один назывался капитан, а другой подеста; им были подсудны все гражданские и уголовные дела, возникавшие между гражданами». Не только судебная власть отделялась от остальных, но для ее осуществления приглашались не «иностранцы», как об этом сказано у Гегеля, а итальянцы из других городов, в частности из Болоньи, которая была тогда крупнейшим центром юридического образования в Европе. Конечно, в небольшом городке с несколькими десятками тысяч населения, где все друг друга знают, очень трудно было избежать постороннего влияния на судебное решение. Стремление «разделить» судебную власть от остальных, а позднее придание судьям вооруженных отрядов, своего рода «судебных исполнителей», обеспечивающих исполнение приговоров перед лицом сплошь вооруженного населения, – все это было особенностью флорентийской модели управления. Приглашение в город «варягов» для создания непредвзятого и независимого суда заметно отличается от приглашения чужеземных правителей в некоторых других странах и демонстрирует точность конституционной интуиции флорентийцев.

Число управителей города увеличили до 36, потом уменьшили до 12, переизбираемых каждые 2 месяца, а кроме них избирался Совет из 80 человек и еще один Совет из 180 человек. Каждый ре-

---

⁴⁰ Американские просветители. Т. 2. М., 1969. С. 52.

шал различные вопросы, а вместе они формировали Общий совет. Кроме этого, был создан Совет в составе 120 горожан, который назначал должностных лиц и принимал окончательные решения по всем делам, рассматриваемым другими советами. Такая несколько запутанная система сдержек и противовесов, позволила Макиавелли написать, что «благодаря своему новому образу правления, Флоренция блистательно поддерживала свою славу, ибо во всех делах государства царила законность». Ремесленников и других профессионалов, включая юристов, разделили на цехи, а в Совет правителей, вскоре названный Синьорией, избирали только людей, занимавшихся торговлей или ремеслом. Для Синьории был построен отдельный дворец, называемый Палаццо Веккьо, который до настоящего времени своей красотой, и особенно художественным оформлением главного зала заседаний, превосходит большинство королевских дворцов и парламентов мира.

В городе были дворяне, которые порой не подчинялись решениям судов или должностных лиц благодаря своим вооруженным слугам. Тогда Синьория назначила особого гонфалоньера правосудия, которому придали тысячу вооруженных людей. Однако дворяне, как правило, находили поддержку кого-либо из членов Синьории, что мешало гонфалоньеру обеспечивать эффективность правосудия, в результате чего «правосудие действовало медленно, а приговоры не приводились в исполнение». Тогда гонфалоньеру придали четыре тысячи вооруженных человек, и он стал заседать вместе с членами Синьории. Со временем гонфалоньер из «судебного исполнителя» стал руководителем Синьории и всей исполнительной власти города. Постепенно эффективность правосудия увеличилась, и ко времени конца XIII столетия Макиавелли писал, что «никогда город наш не был в лучшем состоянии, чем в те времена». Когда некий Корсо был осужден судьей за «намерение установить тиранию», на исполнение приговора двинулись вооруженные отряды под руководством членов Синьории. Осужденный забаррикадировался в своем доме и с вооруженными сторонниками защищался в нем, пока не был убит. Таков один из образцов «торжества правосудия» того времени.

Многие при стычках брались за кинжалы, но семейство Макиавелли, вероятно, отличалось мирным нравом, и когда шайка хули-

ганов в конце XIV века (за 70 лет до рождения Никколо) терроризировала их дом настолько, что женщины боялись выглянуть из окна, они подали жалобу в суд, не пытаясь самолично разогнать нахалов. Кстати, возглавлял шайку слуга семейства Гвиччардини, потомок которого стал другом и соперником Макиавелли⁴¹.

Состав Синьории обновлялся каждые два месяца, а новые члены ее намечались на следующие 40 месяцев путем записок с фамилиями кандидатов, которые помещали в специальную сумку, а извлекались оттуда каждые 2 месяца, как в лотерее. Каждый гражданин Флоренции, имеющий профессиональный статус в одном из 12 цехов, мог быть избран членом Синьории. Дворяне же были лишены этого права, их кандидатуры даже не рассматривались. В итоге, флорентийские дворяне стали отречься от своих титулов и переходить в городское сословие. Перемены в структуре правления происходили довольно часто, особенно в названиях и функциях различных советов, а также их численности. При этом высшим органом оставалось периодически созываемое всеобщее городское народное собрание.

Было в истории города несколько эпизодов, когда в разгар партийной и сословной вражды призывался на время внешний правитель. Это происходило по договору и на определенный срок. Когда в середине XIII века таким правителем стал Готье, герцог Афинский, он пожелал распустить Синьорию и получить неограниченную власть. Макиавелли не столько цитирует, сколько домысливает от себя речь представителя Синьории, адресованную коварному герцогу: «Вы хотите обратить в рабство город, который всегда жил свободно... Подумали ли Вы о том, что означает для такого города слово «свобода»? Слово, которого сила не одолеет, время не сотрет, никакой дар не уравновесит»⁴². Так говорили, как писал Макиавелли, «флорентийцы, не умеющие ни сохранять свободу, ни переносить рабство». Народное восстание изгнало герцога из города, а для исполнения судебных функций избрали Совет из шести человек.

Макиавелли, как видно из приведенной цитаты, совсем не идеализировавший своих сограждан, пишет по поводу частых вну-

---

⁴¹ *Brucker G. Renaissance Florence. Berkeley, 1983. P. 117.*

⁴² *Н. Макиавелли. История Флоренции. П., 1987. С. 90.*

*Гробница Никколо Макиавелли
Собор Санта-Кроче*

тригородских раздоров: «На мой взгляд, ничто не свидетельствует о величии нашего города так явно, как раздиравшие его распри, ведь их было достаточно, чтобы привести к гибели самое великое и могущественное государство. А между тем наша Флоренция от них словно только росла и росла...»⁴³. Многократно волнения были связаны с тем, что судебная власть не могла вершить правосудие. Так, руководители влиятельных политических групп противопоставляли себя, в частности, членам Комиссии Восьми, которая с опреде-

---

⁴³ Там же. С. 8.

ленного времени получила право решения уголовных дел, и даже нападали на них. Макиавелли описывает эпизод, когда гонфалоньер правосудия, одновременно получавший на время право внесения на обсуждение законопроектов, которое передавалось от одного члена Синьории к другому, пытался провести закон об ограничении влияния политических групп через Коллегию – законодательный орган того периода. При этом гонфалоньер, характеризуя свои функции, сказал, что их не нужно смешивать с функциями обычных судов, которые только и должны судить дела частных лиц⁴⁴. В другой раз, когда суд вынес приговор, а вооруженная группа, недовольная этим, разгромила дворец судьи и освободила осужденного, Синьория, несмотря на популярность вождя этой группы в народных низах и опасность волнений, приняла все меры к наказанию виновного и возвращению судьи к исполнению обязанностей.

Вот эта постоянная тенденция к поддержанию правопорядка и возможности суда по отправлению правосудия, независимо от идущей политической борьбы, является важной особенностью флорентийской государственности. Не случайно Гегель писал о городах-государствах, где «впервые начал устанавливаться правовой порядок»⁴⁵. Еще важно отметить, что, в отличие от других итальянских граждан, флорентийцы признавали необходимость и обязанность платить налоги пропорционально доходу⁴⁶. Поклонник античной, особенно римской государственности, Макиавелли проводит сравнительный анализ Рима и Флоренции. Отдавая почти по каждой позиции предпочтение Древнему Риму, автор в итоге делает парадоксальный, может быть, даже для него самого вывод: в итоге Рим смог существовать только под властью императора, а вот Флоренция смогла надолго сохранить свою свободу. Республиканский Рим в зените своей государственности продержался не более 2 столетий, Древние Афины – около 100 лет, а вот Флоренция при всех перипетиях внешних войн и внутренних распрей выстояла свободным городом-государством около 250 лет, пока потомки первых Медичи не стали ее государями. О том, что конкретно дала самой Флоренции (и всей мировой цивилизации) эта государственная свобода, мы уже говорили. Гегель пишет,

---

⁴⁴ Там же. С. 114.

⁴⁵ Г. Гегель. Философия истории. СПб., 1993. С. 400.

⁴⁶ Brucker G. Op. cit. P. 144.

ориентируясь, в первую очередь, на флорентийский опыт: «Когда мы рассматриваем это беспокойство и изменчивость во внутренней жизни городов и непрерывную борьбу партий, то удивляемся, что, с другой стороны, наблюдалось цветущее состояние промышленности, сухопутной и морской торговли. Это процветание было вызвано тем же самым принципом жизненности, который поддерживался именно этим внутренним возбуждением»⁴⁷. Экономическое процветание Флоренции обеспечивалось ее раздробленной структурой государственных органов, доступностью государственных должностей для профессионалов торговли, банковского дела, любого значительного ремесла, а также вооруженной защитой авторитета суда. «В те годы накопила Флоренция свои несметные художественные богатства, которые остаются неистраченными, удивляя и радуя путешественников. Не было ремесла в тогдашней Флоренции, которое не поднялось бы на степень искусства»⁴⁸.

Флоренция в XV веке праздновала 40 праздников – нерабочих дней (кроме воскресений, когда никто не работал), во время которых все граждане участвовали в шествиях и карнавалах⁴⁹.

«История Флоренции» является главным произведением Макиавелли в качестве теоретика и историка государственного права Флорентийской республики. Л. М. Баткин справедливо отмечал необходимость учета взаимосвязи практического опыта и теоретических взглядов Макиавелли. Ведь он в течение 14 лет занимал заметную государственную должность во Флоренции, а писать книги стал только после этого. Сам он в одном из писем сказал, что может привести в качестве примера «дела греков, латинян, евреев, халдеев и добраться до Персии и Аравии, засыпав вас цитатами, если бы не довольно было примеров домашних и свежих».

Американские ученые Питер Бонданелла и Марк Муза правильно отметили тесную связь между анализом Макиавелли проблемы создания государственных институтов, регулирующих социальные конфликты, и его изучением истории Флоренции⁵⁰.

---

⁴⁷ Там же. С. 399.

⁴⁸ П. П. Мурамов. Указ. соч. С. 183.

⁴⁹ Brucker G. Op. cit. P. 44.

⁵⁰ The Portable Machiavelli. Tennessee, 1988. P. 30.

Вот почему нужно точно отличать его теоретические рассуждения об идеальном республиканском устройстве с предпочтением древнегреческой Спарты от практического анализа государственной практики своей родной Флоренции, с использованием автором собственного опыта и знания. Поэтому должно быть отдано предпочтение высокой оценке флорентийской государственности в «Истории Флоренции» перед иными ворчливыми суждениями, встречающимися в других работах. Макиавелли гордился Флоренцией и всю свою жизнь посвятил укреплению и развитию ее государственности.

Западный исследователь Николай Рубинштейн в работе «Макиавелли и мир флорентийской политики» правильно указывает, что Макиавелли критически осмысливал государственный строй Флоренции и искал пути решения конституционных проблем республики в рамках «аристотелевской концепции смешанной конституции», проще говоря, в рамках пришедшей из древности доктрины разделения властей⁵¹.

Возможно, он был самым флорентийским флорентийцем всех времен. Герцен писал, что все последующие после Ренессанса века выросли на «озлобленной мудрости Макиавелли и грозной поэзии Данте». Мне кажется, что озлобленность Никколо была направлена на некоторых его современников и поэтому осталась в XVI столетии. Мы же имеем дело с грозной мудростью Макиавелли, описавшего в «Государе» конституционный Апокалипсис и давшего в своих других работах путь конституционного развития через утверждение свободы и нравственности, которые в сочетании можно выразить одним словом: гражданственность.

Неумение политиков России учиться на ошибках прошлого, правильно оценивать настоящее и находить своевременный выход из текущих или надвигающихся кризисных ситуаций стоило стране много крови и потерянного времени, а на сегодняшний день поставило вопрос о возможности сохранения ею статуса великой державы, хотя бы на уровне Китая и Италии, где искусство политики (в каждой стране по-своему) изучается тысячелетиями и считается одним из основных интеллектуальных запасов нации. Нежелание рассматривать политику как науку, нежелание (определяемое незнанием)

---

⁵¹ Op. cit. P. 30.

изучения классических примеров политической мудрости может дорого обойтись нашей стране. Конечно, у нас нет традиций современного цивилизованного политического искусства. Речь Тони Блэра в английской палате общин в связи с началом террористической войны против человечества в сентябре 2001 года сразу назвали «черчиллевской» в память знаменитых исторических речей Уинстона Черчилля. Разумеется, трудно нашим нынешним руководителям произнести любую речь, аналогии которой считались бы классическими в российской истории. Вспомните хотя бы сбивчивые сталинские «Братья и сестры», сказанные почти через месяц после нападения немцев на СССР.

Исторический шанс России избежать погружения в болото истории заключается в осознании необходимости срочного развития отсутствующей в стране политической науки, основанной на серьезном знании конституционного права и конституционной экономики. Развитие политической науки поможет сформировать профессиональный слой политических экспертов и политиков, установить необходимые критерии политического поведения правящей элиты. Тогда инфантильные бестолковые и беспомощные объяснения по поводу причин августовского кризиса 1998 года или еще чего-то в этом роде станут невозможны. Тогда политика в России станет серьезным занятием, каковым она и является в цивилизованных странах мира. Развитие отечественной политической науки и распространение ее достижений на реальные политические процессы поможет преодолеть традиционный российский политический инфантилизм, сделает нашу демократию серьезной. До этого в России серьезной была только тирания.

Точно так же, как за последние 500 лет ни один скульптор не сумел не только превзойти, но и достичь уровня Микеланджело, так и произведения Макиавелли, посвященные сути государства и политики, остаются пока непревзойденными.

Немногие знают, что знаменитая книга «Государь» была фактически составной частью «Рассуждений», и поэтому ее смысл и контекст могут быть поняты только в связи с содержанием «Рассуждений». Анализ древних городов-республик позволил Макиавелли в «Рассуждениях» развить как основы политической науки, так и современной концепции разделения властей и сдержек и противовесе-

сов между органами государственной власти. Первым в России на это обратил внимание видный конституционалист Валерий Зорькин: «Не потому ли современная политическая мысль вновь и вновь обращается к теории Макиавелли, пытаясь через ее интерпретацию более прочно усвоить уроки прошлого, решить загадки настоящего и попытаться заглянуть в политические перипетии будущего?»⁵² Следует заметить, что во Флоренции конституционный и политический институт Синьории приобрел совершенно иное значение, чем в других итальянских городах-государствах. Там оно означало господство «синьора» и его семьи. Во Флоренции же Синьория всегда означала форму коллективного демократического правления, когда членом Синьории на срок сначала два, позднее шесть месяцев мог стать любой член гильдии старше тридцати лет. В чрезвычайных ситуациях на площадь Синьории созывалось все взрослое (мужчины старше (!) четырнадцати лет) население для избрания балии, наделенной чрезвычайными полномочиями, в первую очередь, в случае военных действий.

Совмещение современного понятия государства с древними и ренессансными городами-республиками только на первый взгляд лишено политического и конституционного содержания и значения для нашего XXI века. На первый взгляд, масштабы многомиллионных современных государств исключают принципы представительства и волеизъявления, возможные в условиях многотысячных народных собраний Древних Афин или Рима, или хотя бы Флоренции века. В то же время появившаяся в конце XX века теория конституционных революций, предусматривающих принципы конституционного договора, заключаемого со всеми гражданами, с последующими принципиальными конституционными изменениями только на основе всеобщего консенсуса, отнюдь не выглядит бессмыслицей по ряду соображений. Во-первых, автор этой теории, профессор Вирджинского университета Джеймс Бьюкенен удостоен, в том числе за эту теорию, Нобелевской премии в 1986 году. Во-вторых, обратим внимание на те моменты, которые подтверждают схожесть новых явлений современности с практикой голосования малых городов-коммун

---

⁵² В. Д. Зорькин. Никколо Макиавелли // Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века. М.: Рудомино, 2001. С. 76.

прошлого. Последние выборы в США решались пересчетом голосов в небольших избирательных округах Флориды, где разница шла на сотни и десятки голосов, практически как в Древних Афинах и Риме.

Растущие технологические возможности Интернета в ближайшие десятилетия сделают возможным одновременное голосование всех граждан любой по масштабу страны по вопросу любой государственной важности с моментальным и точным подсчетом голосов. Так что непосредственное народное волеизъявление населения большого государства из научной фантастики XX века вскоре может превратиться в реальность XXI века. Коммуникационные возможности Интернета могут вернуть в жизнь многие элементы первоначальных полисных демократий. Они также увеличат возможность граждан объединяться между собой и непосредственно общаться с властями. Возможны и негативные для демократии и гражданского общества моменты⁵³. Так что самое время изучать с помощью «Рассуждений» Макиавелли политическую практику непосредственных демократий древности и времен Возрождения. Как справедливо написал Харви Мансфельд в своей книге «Достоинства Макиавелли», мудрость Макиавелли можно обнаружить во всем, что окружает нас сегодня⁵⁴. Новая жизнь в новых переводах важнейших произведений великого флорентийца совпадает со временем, когда его мудрость должна быть особенно востребована в России.

Обожавший родную Флоренцию Макиавелли не получил классического образования, не знал греческого и был знаком с Платоном больше понаслышке. Поэтому так случилось, что все наиболее возвышенное и романтически-философское из того, что было в конституционной практике осуществленной флорентийской государственной утопии 1434–1492 годов он оставил Томасу Мору, который, ни дня не проведя во Флоренции, сумел в своей книге «Утопия» сбересть для человечества этот олимпийский огонь стремления к совершенству и красоте – идеального (с позиций того времени) конституционного строя, нацеленного на обеспечение расцвета

---

⁵³ Harvey M. Machiavelli's Virtue. University of Chicago Press, Chicago, 1998. P. 8.

⁵⁴ Harvey M. Machiavelli's Virtue. University of Chicago Press, Chicago, 1998. P. 234.

искусств и счастья граждан. «Утопия» Томаса Мора – это символ платонического, во всех смыслах этого слова, конституционного идеала, без которого развитие государственности никогда не добралось бы, например, до Конституции США 1787 года. У этой книги тот же источник, что и у практических идей правителей Флоренции XV века, хотя прямого сходства, конечно, нет.

В свою очередь, Никколо Макиавелли, из-за неудачного завершения правления философов Медичи в конце XV века, упустил эту важную утопическую составляющую конституционного развития почти современной ему республики. Сделал он это вполне сознательно, так как явно не был готов идти за свои убеждения на костер. Интуитивно Макиавелли понимал опасность и еще в 1513 году написал, что так как «расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру».

«История Флоренции» является главным произведением Макиавелли в качестве теоретика и историка государственного права Флорентийской республики – он пишет о том, что знает доподлинно, а не из написанных древними авторами книг. Л. М. Баткин правильно отмечал необходимость учета взаимосвязи практического опыта и теоретических взглядов Макиавелли. Ведь он в течение 14 лет занимал заметную государственную должность во Флоренции, а писать книги стал только после этого. Сам он в одном из писем сказал, что может привести в качестве примера «дела греков, латинян, евреев, халдеев и добраться до Персии и Аравии, засыпав вас цитатами, если бы не довольно было примеров домашних и свежих» (цитируется по статье Л.М. Баткина ⁵⁵).

Все дела, слова и знаки Макиавелли показывают его высокую оценку флорентийского государства, которому он всегда и при всех режимах был готов служить. Он даже умер в 56 лет, скорее от горя, как как ему за несколько недель до этого окончательно отказали занять должность в государственном аппарате Флоренции.

---

⁵⁵ Л.М. Баткин. Европейский человек наедине с собой: Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания, М., 2000. С. 211.

Для Макиавелли вполне характерен упомянутый нами планетарно-глобалистский характер флорентийского мышления, воодушевившего современного философа и поэта Евгения Рашковского на образ флорентийского неба как голубого купола огромного вселенского собора.

Надмирный дух этого голубого купола выражается и наглядно проявляется не только в стихотворящей материи облаков флорентийского неба, но и в стихотворной материи земной поэзии картин и скульптур флорентийцев. Об этом, по сути, наш современник и написал в стихотворении о Микеланджело.

Buonarroti

...А Бонаротти? Или это сказка...

Пушкин, «Моцарт и Сальери»

*Обойди материки и страны, –
И пронзит догадка: неспроста
В мире нераздельны-неслиянны
Истина, Добро и Красота.
Самого себя не разумея, –
Чем же ты избавлен и спасен? –
Мраморною мощью Моисея?
Затаенной щедростью Мадонн?
Но нездешней красотой скорой
Наполняет мировой простор
Всплывший над колоннами Собора
Голубого купола шатер...*

НОВАЯ САКРИСТИЯ КАПЕЛЛЫ МЕДИЧИ – МАВЗОЛЕЙ ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНОГО И ПОСЛЕДНИЙ МОНУМЕНТ ФЛОРЕНТИЙСКОГО КВАТРОЧЕНТО

*Я только смертью жив, но не таю,
Что счастлив я своей несчастной долей;
Кто жить страшится смертью и неволей, -
Войди в огонь, в котором я горю.*

Микеланджело Буонарроти

Творчество Микеланджело по созданию Новой Сакристини Капеллы Медичи отодвигает за пределы привычной хронологии в следующий век временные границы Кватроченто и флорентийского интеллектуализма XV века до навсегда отъезда Мастера из города в 1534 году. Несмотря на неоднократные призывы, он как Данте не вернулся в «милую Флоренцию свою» и как Данте создал зримую картину Ада, устрашающую неизвестно с каким результатом уже десятки поколений католических кардиналов, регулярно собирающихся в Сикстинской Капелле Ватикана.

В 1517 году Микеланджело снова вернулся во Флоренцию, где по заказу папы Льва Десятого работал над грандиозным проектом фасада собора Сан-Лоренцо, который хотел сделать «лицом Италии», а когда заказ был отменен, с 1519 года приступил к строительству Новой Сакристини Капеллы Медичи собора Сан-Лоренцо. Начал он эту работу в 45 лет, а в 59 по стечению обстоятельств навсегда покинул Флоренцию, отправившись в Рим. В период с 1527 по 1530 год Флоренция вновь вышла из подчинения семье Медичи, и испанско-германские войска императора Карла V по просьбе папы Климента VII (Джулио Медичи) осадили город и восстановили их власть. Микеланджело руководил строительством и укреплением оборонных сооружений, продолжая работать каждую свободную минуту над статуями и гробницами Капеллы Медичи, заказанными ему тем

же Климентом. Среди тех, чей прах должен быть захоронен, были останки Лоренцо Медичи Великолепного – духовного отца Микеланджело. Глубокая личная вовлеченность мастера в это творение, а также различие взаимоотношений мастера с тремя прошедшими при нем поколениями семьи Медичи оказали серьезное влияние на смысл этого необыкновенного и загадочного сооружения.

Новая Сакристия Капеллы Медичи – единственный архитектурно-скульптурный памятник, созданный Микеланджело от начала до конца. Известно, что многие его замыслы были воплощены лишь частично. Например, он построил купол знаменитого собора Святого Петра в Ватикане, но сам собор был заложен и закончен другими архитекторами. А в Капелле Медичи все принадлежит ему – архитектурные формы, скульптурные группы и, говоря современным языком, дизайн.

Капелла Медичи должна была стать усыпальницей получивших в начале XVI века дворянские титулы членов знаменитого банкирского семейства герцогов Медичи: Джулиано Немурского и Лоренцо Урбинского, и старших – Лоренцо Великолепного, одного из самых значительных покровителей художника, и его брата, Джулиано, того самого, что был зверски убит в другом флорентийском соборе в 1478 году.

С того дня веселый характер Лоренцо и открытый демократический стиль флорентийского государства изменились, но тем не менее эпоха его правления осталась в истории Флоренции как самый романтический и утопический период: люди могли развивать свои таланты, Медичи не скупилась и жертвовали огромные средства из своей казны не только на помощь бедным и больным, но и на пышные карнавалы и городские праздники. После Лоренцо Великолепного все это прекратилось, но от тех лет навсегда остались памятники искусства и архитектуры, а также легенда о «золотом веке», позднее вдохновившая Томаса Мора на написание «Утопии».

Лоренцо Медичи был не только банкиром и мудрым политиком, но еще и поэтом. Так, в одном из стихотворений он писал:

*Но на скуку обречен,
Кто вменил себе в закон
Наживаться бесконечно...*

В 1492 году Великолепный умер. Его сын, не блиставший никакими талантами, вскоре был изгнан из Флоренции, хотя Медичи несколько раз возвращались к власти и в итоге правили Флоренцией почти 300 лет.

Лоренцо Великолепный и его брат Джулиано были героями Микеланджело, чего нельзя было сказать о последующих Медичи. «Если Флоренция в течение трех поколений принимала власть Медичи, силой обстоятельств ставшую наследственной, то только потому, что они импонировали ей своими талантами и заслугами. Они были сильны тем, что их власть не была связана ни с каким определенным титулом, и поэтому никто не мог ни оспорить ее, ни упразднить. Они считались первыми людьми Флоренции, потому что все признавали их таковыми и допускали, чтобы они такими и были», – пишет Марсель Брион.

В 1519 году по заказу папы Льва X, выходца из семьи Медичи, и кардинала Джулио Медичи, будущего папы Климента VII, Микеланджело начинает работу над усыпальницей Медичи в соборе Сан-Лоренцо, ставшим последним монументом Кватроченто – Флорентийского Ренессанса XV века.

При создании великой гробницы не самую последнюю роль играет тот, кто в ней покоится. Строго говоря, в Новой Сакристии Капеллы Медичи присутствуют только два великих человека: Лоренцо Медичи Великолепный (1449–1492) и создатель гробницы Микеланджело Буонарроти. Остальные, кто там похоронен, имеют значение только как члены семьи Медичи. Джулиано – родной брат Лоренцо Великолепного (1453–1478), хотя и овеян славой последнего и скорбью о своей трагической гибели, ничем особенным сам по себе не успел отличиться, кроме того, что был отцом Джулио Медичи – будущего папы римского Климента VII (1478–1534). Герцог Джулиано Медичи (1479–1516) был сыном Лоренцо Великолепного и не отметился в истории ничем значительным. Внук Великолепного – герцог Лоренцо Медичи (1492–1519) был плохим правителем и неуспешным полководцем.

В свою очередь, Лоренцо Медичи Великолепный был не просто покровителем искусства во Флоренции, участником, хранителем Флорентийской Платоновской Академии и хорошим поэтом, а также выдающимся политическим деятелем, но и фактически ду-

ховным отцом Микеланджело. Он в юном возрасте взял его в свой дом, посадил за свой обеденный стол рядом с членами своей семьи, среди которых были два будущих римских папы, допустил на заседания философов, предоставил возможность учиться ваянию. Присутствие праха Лоренцо Великолепного в Капелле делает неуместными все «революционно-социалистические» предположения, что в смыслы Новой Сакристии Микеланджело заложил протест против семьи Медичи (Ромен Роллан, Алексей Дживелегов и ряд других авторов). Борясь против притеснителей свободы в лице представителей одного поколения семьи Медичи, Микеланджело обожествлял (по-другому и не скажешь) и увековечивал в своей Капелле представителей предшествующего поколения республиканских правителей Флорентийского государства. Собственно, создание Капеллы было единственной возможностью для мастера воздать должное своему великому покровителю. И на это ему было отпущено судьбой почти 15 лет – срок более чем достаточный.

Лучше всех сказал о Флоренции Райнер Мария Рильке, как о «единой вечной родине всего великого и великолепного». Эту мысль по отношению к флорентийскому «кватроченто» (флорентийский Ренессанс XV века) и Капелле Медичи развил Павел Муратов в книге «Образы Италии»:

В новой сакристии Сан Лоренцо, перед гробницами Микельанджело, можно испытать самое чистое, самое огненное прикосновение к искусству, какое только дано испытывать человеку. Все силы, которыми искусство воздействует на человеческую душу, соединились здесь, – важность и глубина замысла, гениальность воображения, величие образов, совершенство исполнения. Перед этим творением Микельанджело невольно думаешь, что заключенный в нем смысл должен быть истинным смыслом всякого вообще искусства. Серьезность и тишина являются здесь первыми впечатлениями, и даже без известного четверостишия Микельанджело едва ли кто-нибудь решился бы говорить здесь громко. Есть что-то в этих гробницах, что твердо повелевает быть безмолвным, и также погруженным в раздумье, и так же таящим волнение чувств, как сам «Pensieroso» на могиле Лоренцо. Чистое созерцание предписано здесь гениальным мастерством. Но в атмосфере, окружающей гробницы Микельанджело, нет полной прозрачности, она окрашена в темные цвета печали. Вместе

с этим здесь не должно быть места для отвлеченного и бесстрастного созерцания. В сакристии Сан Лоренцо нельзя провести часа, не испытывая все возрастающей острой душевной тревоги. Печаль разлита здесь во всем и ходит волнами от стены к стене. Что может быть решительнее этого опыта о мире, совершенного величайшим из художников? Имея перед глазами это откровение искусства, можно ли сомневаться в том, что печаль лежит в основе всех вещей, в основе каждой судьбы, в самой основе жизни.

Печаль Микельанджело – это печаль пробуждения. Каждая из его аллегорических фигур обращается к зрителю со вздохом: *pop mi destar*. Традиция окрестила одну из них «Утром», другую – «Вечером», третью и четвертую – «Днем» и «Ночью». Но «Утро» осталось именем лучшей из них, лучше всего выражающей главную мысль Микельанджело. Ее следовало бы называть «Рассветом», вспоминая всегда, что на рассвете каждого дня есть минута, пронизывающая болью, тоской и рождающая тихий плач в сердце. Темнота ночи растворяется тогда в бледном свете зари, серые пелены становятся все тоньше и тоньше и сходят одна за другой с мучительной таинственностью, пока рассвет не станет наконец утром. Этими серыми пеленами еще окутано неясное в своих незаконченных формах «Утро» Микельанджело.

Пробуждение было для Микельанджело одним из явлений рождающейся жизни, а рождение жизни было, по мнению Патера, содержанием всех его произведений. Художник никогда не уставал наблюдать это чудо в мире. Соприсутствие духа и материи стало вечной темой его искусства, и создание одухотворенной формы – его вечной художественной задачей.

Человек сделался предметом всех его изображений, потому что в человеческом образе осуществлено самое полное соединение духовного и материального. Но ошибочно было бы думать, что Микельанджело видел гармонию в этом соединении! Драматизм его творчества основан на драматической коллизии, в которую вступают дух и материя при каждом рождении жизни и на всех ее путях. Чтобы охватить величие этой драмы, надо было так чутко слышать душу вещей и в то же время так остро чувствовать их материальное значение, как было дано только одному Микельанджело.

Вещество скульптурных форм, материал своего искусства Микельанджело ощущал с более чем естественной силой. Он часто говорил, что всосал страсть к мрамору и камню вместе с молоком кормилицы – женщины из Сеттиньяно, городка каменотесов и мраморщиков. «Он любил, – пишет Патер, – самые каменоломни Каррары. Странные серые пики этих гор придают даже в полдень всякому виду, в котором они участвуют, какую-то вечернюю тишину и торжественность. Он бродил среди них месяц за месяцем, пока наконец их бледные пепельные цвета не перешли в его живопись. На верхней части головы «Давида» все еще остается кусок необработанного мрамора, точно это сделано ради желанья сохранить его связь с тем местом, из которого он был иссечен». Но своего «Давида» Микельанджело целиком увидел в той мраморной глыбе, которая много лет празднично лежала под аркадами лоджии Ланци. На работу ваятеля он смотрел лишь как на освобождение тех форм, какие скрыты в мраморе и какие было дано открыть его гению. Так прозревал он внутреннюю жизнь всех вещей, дух, живущий в мертвой только с виду материи камня. Освобождение духа, образующего форму из инертного и бесформенного вещества, всегда было главной задачей скульптуры. Преобладающим искусством античного мира скульптура сделалась потому, что античное мирозерцание держалось на признании одухотворенности всех вещей. Чувство это воскресло вместе с Возрождением – сперва, в эпоху французской готики и проповеди Франциска Ассизского, только как ощущение слабого аромата, легкого дыхания, проходящего сквозь все сотворенное в мире, и позднее это оно открыло художникам кватроченто неисчерпаемые богатства мира и всю глубину доставляемого им душевного опыта. Но родным домом духа, каким он был для греческих ваятелей, новой прекрасной страной его, какой он был для живописцев раннего Возрождения, мир перестал быть для Микельанджело. В своих сонетах он говорит о бессмертных формах, обреченных на заключение в земной тюрьме. Его резец освобождает дух не для гармонического и по-античному примиренного существования вместе с материей, но для разлуки с ней.

О невозможности этой разлуки, о крепости земного плена как бы свидетельствуют необработанные куски камня, вторгающиеся в совершенство его одухотворенных форм. Чувство борьбы или изнеможения от напрасной борьбы входит в творчество Микельанджело.

Вечный гнев его жизни отражает только жажду восстания, которой проникнуто его искусство. Благодаря этому вечному восстанию в сердце, титанической была деятельность Микельанджело не только по ее размерам и по вложенным в нее нечеловеческим силам, но и по снова воскресшей в ней старой трагедии титанов, боровшихся против божественной воли.

Пленный дух был настоящим героем всех помыслов Микельанджело. На потолке Сикстинской капеллы изображен ряд сидящих на пьедесталах обнаженных людей, не принимающих никакого участия в общем действии росписи. По словам Буркгардта, «эти фигуры написаны с такой красотой, что является искушение считать именно их самыми излюбленными из всех творений Микельанджело на потолке Сикстинской капеллы». Традиция сохранила за ними странное здесь имя «рабов» или «пленников», и это имя повторено таким тонким исследователем, как Вельфлин. О каком плене, казалось бы, могла идти здесь речь и почему названы рабами эти благороднейшие из человеческих форм, созданных Микельанджело? Но традиция, конечно, права еще раз, угадывая, что в странных и горьких размышлениях художника дух, светившийся сквозь совершенство этих форм, был пленным духом и что кажущийся отдых этих фигур был только презрительным отказом от напрасной борьбы. Порабощение было принято сикстинскими пленниками с той высшей отреченностью, которая не раз в жизни была долей самого Микельанджело.

Других пленников мы знаем в скульптурных эскизах Микельанджело для гробницы папы Юлия II. Долгое время, прежде чем перейти в светлые, но равнодушно-музейные залы академии, эти статуи находились в одном из искусственных гротов в садах Боболи. Было странно видеть тогда здесь их напряженные движением белые тела и задыхающиеся от усилий лица. Как будто все это нужно было только для того, чтобы поддержать игрушечные губчатые стенки грота! На их широкие и мускулистые руки могла бы спокойно опереться крыша целого мира. Но каково бы ни было их действительное назначение в архитектуре гробницы, нечеловеческое усилие, выраженное в них, это не столько забота об удержании тяжести, сколько желание освободиться от сковывающей их еще наполовину мраморной глыбы. Пленники дошли до нас

в неоконченном виде, они едва успели выйти из камня. Микельанджело оставил их в отчаянном порыве найти свою полную гармоническую форму, сбросить с себя тяжесть инертной материи. Трагическое рождение духа из сопротивляющегося ему косного вещества он нигде не изобразил лучше, чем в этих, не оконченных по воле случая, статуях. По воле случая! Или тут не было вовсе случая, а была неизбежная минута какого-то странного удовлетворения зрелищем страдающего и поработанного духа.

*Веры в освобождение духа Микельанджело не нашел в течение всей своей долгой жизни. В сакристию Сан Лоренцо мы возвращаемся снова, чтобы собрать последние плоды его мудрости и его опыта. Мы входим туда, повторяя слова его сонета, где произнесена хвала ночи и где прославлен сон, освобождающий душу для небесных странствий. «Сон и смерть – близнецы, ночь это тень смерти» – такова пересказанная Симондсом «таинственная мифология» гробниц Сан Лоренцо. Пронзительная и упорная мысль о смерти витает здесь над тяжелым пробуждением «Утра» и над глубоко склоненным челом *pensieroso*. Каждый, кто входит сюда, еще храня в памяти веселый шум и солнечный свет флорентийской народной улицы, испытывает острый укол этой мысли, ее горечь и сдавливающую сердце печаль. Сам Микельанджело не должен был знать печали, даже когда глядел прямо в лицо смерти. Ей одной вверено освобождение духа из плена жизни.*

Обратим внимание, что в этом лучшем в мировом искусствоведении описании Капеллы наш соотечественник не называет статую «Лоренцо герцог Урбинский», а пишет о «Pensieroso» – статуе Мыслителя. Эта ремарка поможет нам при дальнейшем рассмотрении вопросов трактовки Новой Сакристини.

Ярче Муратова никто об этом творении гения Ренессанса не сказал. Философ, человек блестящего интеллекта и редкого мужества, был еще замечательным искусствоведом, поэтому дал точное условие полного восприятия Капеллы Медичи – тишину, к сожалению, малодоступную сейчас в период необыкновенной популярности Микеланджело и многомиллионного потока туристов во Флоренции.

Мне, как президенту Флорентийского общества, созданного в Москве в 2001 году, фигура Муратова очень близка, как организатора нашего некоего прообраза, о чем он сам вспоминает так:

«Весной 1921 года я состоял председателем странного учреждения, носившего имя «Студио Италиано». Было оно одно время вместе с лавкой писателей последней из «вольностей российских» и непонятным вообще в советской обстановке проявлением «общественной инициативы». То был, в сущности, маленький кружок лиц, дружных между собой и связанных общей любовью к Италии. В самые тяжелые и страшные годы появлялись на стенах московских домов афиши, извещавшие о предпринятом нашим кружком «осеннем» или «весеннем», «флорентийском» или «венецианском» цикле лекций. Лекцию о Венеции или Флоренции прочесть немудрено, даже в шубе, даже в зале с температурой ниже нуля, но меня всегда удивляло, как это находились люди, готовые эти лекции слушать. Дело было даже небезопасное – наш дорогой гость, профессор В. Н. Щепкин, простудился на лекции (кажется, о Неаполе) в неопленом зале гр. Бобринского на Малой Никитской и вскоре после того умер. Как бы то ни было, наши лекции посещали, и посещали очень приятные люди. «Студио» некоторым образом укреплялось, и это привлекло внимание власти... Весной 1921 года «Студио» переживало как бы расцвет, и в то же время явные симптомы предвещали близкую его, по воле власти, кончину».

Пока мы не сталкиваемся с вышеописанными условиями, но чувство ответственности за продолжение и сохранение этого муратовского начинания существует. Среди них и стремление к поискам смыслов, заложенных Микеланджело Буонарроти в статуи Капеллы. Хотя главной задачей все же является совместная с Международным Центром Муратова программа по признанию Павла Павловича Муратова основателем современного российского искусствознания. (Эта, как кажется, очевидная истина, пока что не является всеобщим знанием и потребует времени и усилий, чтобы быть повсеместно признанной).

И еще впечатление от Капеллы знаменитого Бориса Зайцева – сподвижника Муратова:

Мы спешим к Сан Лоренцо, к огромному, красочерепичному куполу, вздымающемуся в глубине улицы. Вход в церковь с небольшой площади, залитой зноем. Мы откидываем тяжелый занавес на необделанном фасаде, входим. Светло, прохладно; два ряда колонн,

скамьи, орган играет и чуть голубеет ладан; стараясь не мешать молящимся, проходим мы направо, в закоулок, и каким-то проходом, – сразу мы в капелле Медичи, знаменитом детище Микель-Анджело.

Все здесь сурово, очень просто, почти бедно. Белое и коричневатое, два основных тона. Два героя в нишах, Созерцательный и Творящий, двое юношей, Лоренцо и Джулиано Медичи; вернее – их Идеи; два Образа, возникших как видения пред Микель-Анджело. Всесветно знаменитые фигуры возлежат у ног их, на изогнутых волютах, украшая саркофаги: Ночь и День, Сумерки и Рассвет.

В капелле очень тихо. Прохладно, беловатый свет. Беспредельно-задумчив Лоренцо, под своим тяжким шлемом; молот, богоподобен Джулиано, легко несет он голову кудрявую, тонкая шея, длинная, как у Давида. Тепла, загадочна, всех обаятельней немая Ночь у его ног; самое туманное творение, самое колдовское, и жуткое; недаром маленькая сова под ногой ее... Но отчего все так бесконечно серьезно в холодноватой капелле? Кто-то безмерно меланхоличный, и безмерно горестный заключил дух свой в мраморы, и вокруг разлил вечное очарование и волнение. Прямо, все прямо к Вечности, скорбной стезей! Там тишина, и музыка нездешняя... Здесь – восхождение от юдоли бедной. О чем задумался *Pensieroso*? [Погруженный в думы – ит.] Что видела во сне Ночь? Они, правда, думают, и видят сны, это третья жизнь великого художества. И снова жуткое, благоговейное, холодком пробегает по спине. А из церкви слышен орган. Он покоен, и равен себе, как эта Вечность, он переливает бесконечные свои мелодии, волны одной реки, без конца и начала. Как хорошо, что он играет! Церковь, музыка, тишина, Микель-Анджело... Теперь похолодели корешки волос на голове.

Здесь я не вдаюсь в детальные описания Новой Сакристии Капеллы Медичи и истории ее создания, что нетрудно найти в многочисленных публикациях. Кроме того, могу отослать заинтересованного в визуальном знакомстве читателя к нашей фотокнижке с Сергеем Шияном «Микеланджело в Капелле Медичи: гений в деталях» (www.florentine-society-ru) и любительскому фильму о Капелле на сайте Флорентийского общества ([http://www.florentine-society.ru/Video о Kapelle Medici.htm](http://www.florentine-society.ru/Video%20o%20Kapelle%20Medici.htm)).

Приведем авторитетное описание Новой Сакристии устами Джорджо Вазари (1511–1574) – современника Буонарроти, который

к тому же и завершил установку статуи и представил Капеллу в том виде, котором мы ее видим сейчас.

«И в то же время он и в названной сакристии продолжал работу, от которой остались семь статуй; из них одни законченные, другие же не совсем, приходится признать, что в них, вместе с его выдумками для архитектуры гробниц, он в этих трех областях превзошел любого другого. Об этом свидетельствуют и те им начатые и отделанные мраморные статуи, которые и теперь там можно видеть; одна из них – Богоматерь, которая, сидя, перекинула правую ногу через левую, Положив одну коленку на другую, а младенец, обхватив своими ляжками ее поднятую ногу, прелестнейшим движением обернулся к матери, требуя молока, она же, опершись на одну руку и придерживая его другой, наклонилась, чтобы его накормить, и хотя некоторые части и не закончены, все же в самой незавершенности наброска, не отделанного резцом и зубилом, опознается совершенство творения.

Однако еще больше поражает всякого, что, замыслив надгробия герцога Джулиано и герцога Лоренцо деи Медичи, он решил, что у земли недостаточно величия для достойной их гробницы, но пожелал, чтобы все стихии вселенной в этом участвовали и чтобы четыре статуи их окружали, покрывая собою усыпальницы: на одну из них он положил Ночь и День, а на другую Аврору и Сумерки. Статуи эти отличаются великолепнейшей формой их поз и искусной проработкой их мышц, и, если бы погибло все искусство, они одни могли бы вернуть ему его первоначальный блеск.

Среди прочих статуй там и оба пресловутых военачальника в латах: один из них – задумчивый герцог Лоренцо, олицетворяющий собою мудрость, с ногами настолько прекрасными, что лучше не увидишь; другой же – герцог Джулиана, такой гордый, с такими божественными головой и шеей, глазницами, очертанием носа, разрезом уст и волосами, а также кистями, руками, коленами и ступнями, – одним словом, все там сделанное им и еще недоделанное таково, что никогда очей не утолит и не насытит. Кто же присмотрится к красоте поножей и лат, поистине сочтет их созданными не на земле, а на небе. Но что же сказать мне об Авроре – нагой женщине, способной изгнать уныние из любой души и выбить резец из рук самой Скульптуры: по ее движениям можно по-

нять, как она, еще сонная, пытается подняться, сбросить с себя перину, ибо кажется, что, пробудившись, она увидела великого герцога уже смежившим свои очи; вот почему она с такой горечью и восторгается, печалась в изначальной красе в знак своей великой печали. А что же смогу я сказать о Ночи, статуе не то что редкостной, но и единственной? Кто и когда, в каком веке видел когда-либо статуи древние или новые, созданные с подобным искусством? Перед нами не только спокойствие спящей, но и печаль и уныние того, кто потерял нечто почитаемое и великое. И веришь, что эта Ночь затмевает всех, когда-либо помышлявших в скульптуре и в рисунке, не говорю уже о том, чтобы его превзойти, но хотя бы с ним сравниться. В ее фигуре ощутимо то оцепенение, какое видишь в спящих. И потому люди ученышние сложили в ее честь много стихов, латинских и народных, вроде следующих, автор коих мне неизвестен:

*Ночь, что так сладко пред тобою спит,
То ангелом одушевленный камень:
Он недвижим, но в нем есть жизни пламень.
Лишь разбуди – и он заговорит.*

На них, от имени Ночи, Микеланджело ответил так:

*Молчи, прошу, не смей меня будить!
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать удел завидный,
Отрадно спать, отрадно камнем быть!*

И нет сомнения в том, что если бы вражда между судьбой и доблестью и между добротой последней и завистью первой дала возможность довести такую вещь до конца, искусство смогло бы показать природе, насколько в любом своем замысле оно ее превосходит».

Впервые в этом описании Вазари статуя названа «герцог Лоренцо». Дальнейшая традиция назвала статую «герцог Лоренцо Урбинский» по титулу внука Лоренцо Великолепного. Сам Микеланджело такого названия этой статуе не давал. Он только сказал Кондиви, что в Новой Сакристии капеллы «есть (кроме статуй Дня, Ночи, Мадонны) и другие статуи, представляющие тех, кто там похоронен».

В своем известном стихотворении Микеланджело писал о «герцоге Джулиано», Ночи и Дне, но не в прямой привязке к скульптурам. Описывая Капеллу не видевшему ее своему ученику Кондиви, скульптор вообще не упомянул о статуях на противоположной от Дня, Ночи и Джулиано стороне, где стоит статуя, называемая сейчас по традиции «Лоренцо». Итальянский исследователь Антонио Форселлино справедливо указывает, что иконография статуй, считающихся сегодня изображениями образов молодых герцогов Медичи появилась после смерти Микеланджело, а его сонет, связывающий образ Джулиано с ночью и днем, легко может быть неправильно истолкован, если его применять к трактовке капеллы¹.

Особого внимания заслуживает краткое описание Капеллы португальцем Франциско де Холанда, который наверняка видел сам Новую Сакристию, но тогда все статуи (кроме статуи *Pesioroso*), еще не были установлены на свои места. Это описание сделано им в диалоге с маркизой Витторией Колонной в присутствии Микеланджело примерно в 1538-39 годах. Холанда при буквальном переводе с английского издания его «Диалоги» сказал следующее:

«Без сомнения Ваше Превосходительство также забыла упомянуть знаменитую гробницу в Капелле Медичи собора Сан Лоренцо, созданную Микеланджело с таким большим количеством мраморных статуй в полный рост, что она определенно может конкурировать с любой великой работой античности. Там находится богиня или образ Ночи, спящей над небольшой птицей, хотя меланхолическая Смерть в Жизни (*Death in Life*) нравится мне больше всего, при наличии и других высочайших по качеству статуй вокруг Утра»².

Примечательно, что здесь впервые произнесено (да еще в присутствии самого мастера) название статуи Утра (или Рассвета). Но что имел в виду португальский художник под статуей «меланхолической Смерти в Жизни», остается неясным. По итальянски в фраза звучит так:

«È certo che anche Vostra Eccellenza [la marchesa Vittoria Colonna] ha dimenticato la notevole sepoltura o cappella dei Medici, in S. Lorenzo di Firenze, dipinta da Michel Angelo, con tanta magnanimità di statue a tutto

¹ *Antonio Forcellino, Michelangelo: Tormented Life, Cambridge, 2005, pp.176, 178.*

² *Francisco de Holanda, Dialogues with Michelangelo, London, 2006, p. 70.*

tondo, che ben può competere con qualunque grande opera dell'antichità; là mi è piaciuta più d tutto la dea, o immagine della Notte, che dorme su un uccello notturno, e la malinconia di un vivo morto, per quanto ci siano altre nobili sculture intorno all'Aurora»³. Здесь un vivo morto переводится как «живая смерть» и не прибавляет ясности для идентификации статуи. И только на португальском – родном языке де Холанды – выясняется, что morto-vivo является оккультистским идиоматическим выражением ([Ocultismo] Cadáver que se crê ter voltado à vida por meios mágicos), означающим «покойного, воскрешенного к жизни с помощью магии», что до нас упустили все переводчики.

Хотя все мужские статуи в Капелле могут быть в какой-то мере названы «меланхоличными», но упоминание о «покойном» сразу отводит мужские аллегорические фигуры, а общепринятая трактовка относит состояние меланхолии, именно к статуе Лоренцо. Итальянская исследовательница Елизабетта ди Стефано в книге «Искусство и Идея: Франциско де Холанда об эстетике Чиквинченто» пишет о нахождении Микеланджело в «гравитационном поле Лоренцо Великолепного, а также о меланхолической статуе в Капелле, хотя и не связывает их между собой»⁴.

Если считать, статую Лоренцо «покойником», возвращенным к жизни «магией» Микеланджело, то она может относиться только к Лоренцо Великолепному. Многие исследователи справедливо видят в лице статуи Вечера улучшенный автопортрет Микеланджело. Можно утверждать, что хорошо ценивший себя мастер не «положил» бы свой автопортрет под ноги худосочного и бесславного герцога Урбинского, но с полной очевидностью был бы рад запечатлеть свою личную скорбь о покойном Лоренцо Великолепном непосредственно в Новой Сакристии.

Заслуживает цитирования и содержательное описание Капеллы англичанином Джеймсом Халлом:

«Новая Сакристия Сан Лоренцо (1519 – 1534) вся является все-

---

³ *F. de Hollanda, Dialoghi romani*, II, p. 118Arte e Idea Francisco de Hollanda e l'estetica del Cinquecento di Elisabetta Di Stefano Centro Internazionale Studi di Estetica ad integrazione del periodico Aesthetica Preprint. 2004 p.113.

⁴ Op. Cit., p. 111.

объемлющим произведением искусства, включающим архитектуру и скульптуру. Хотя она осталась незаконченной к окончательному отъезду Микеланджело из Флоренции в Рим в 1534 году, она остается самой амбициозной из когда-либо созданных *sacra conversazione*. Проект включает создание гробниц для четырех членов семьи Медичи в специально для этого построенной капелле. Впервые в истории на всех четырех сторонах капеллы ведется полифонический трехмерный (трехуровневый) диалог между скульптурами и людьми. В этом качестве капелла оказала огромное влияние на гробницы барокко в и в более общей перспективе, можно сказать, стала предсказанием современного дизайнерского (инсталляционного) искусства. Участниками этого диалога являются покойные члены семьи Медичи, святые, обнаженные аллегорические фигуры, кормящая *Madonna lactans*, а также находящиеся там «живые» священники и зрители. Свет тоже играет важную роль...

Это потрясающе печальный диалог мертвых и живых, мрамора и плоти, света и тьмы... Новая Сакристия является глубоко внутренне противоречивым и мистическим произведением. По все капелле вход и взаимодействие одновременно предлагаются и отвергаются. Парадоксы в Новой Сакристии имеют глубокую задачу и мотивированы новыми религиозными и политическими идеалами. Полный эффект воздействия не был систематически создаваемым с самого начала, поскольку Микеланджело постоянно вносил изменения в процессе работы. Тем не менее, в скульптурах Новой Сакристии он, несомненно, вдохнул в человеческое тело выразительность, не только новую и необычную, но и интенсивно наполненную определенным значением»⁵.

Студент Архитектурного института в пятидесятых годах прошлого века Андрей Вознесенский вспоминает, что его однокурсница как величайшую ценность подарила ему фоторепродукцию «Ночи».

Поэт Александр Кушнер попал во Флоренцию впервые в 1998 году, что не помешало ему написать в 1983-м по фоторепродукциям

---

⁵ *James Hall, Michelangelo and Reinvention of the Human Body, London, 2005, pp. 139, 140.*

Капеллы Медичи замечательное стихотворение:

*Ватикана создатель всех лучше сказал: «Пустяки,
Если жизнь нам так нравится, смерть нам
                                                понравится тоже,
Как изделье того же ваятеля»... Ветер с реки
Залетают, и воздух покрылся гусиною кожей.
Растрепались кусты... Я представил,
                                                что нас провели
В мастерскую, где дивную мы увидели скульптуру.
Но не хуже и та, что стоит под брезентом вдали
И еще не готова... Апрельского утра фактуру,
Блеск его и зернистость нам, может быть,
                                                дали затем,
Чтобы мастеру мы и во всем остальном доверяли.
Эта статя, эта мощь, этот низко
                                                надвинутый шлем...
Ах, наверное, будет не хуже в конце, чем в начале.*

И еще Иосиф Бродский: «Солнечный луч, разбившийся о дворец, о купол собора, в котором лежит Лоренцо, проникает сквозь штору и согревает вены...» (Кстати, у самого собора Сан-Лоренцо нет купола, он есть у Капеллы Медичи, примыкающей к собору).

Французский скульптор Огюст Роден был не просто потрясен скульптурами Микеланджело (прежде всего, в Капелле Медичи), но, кажется, поставил перед собой «микеланджеловскую» задачу превзойти великого скульптора. Грандиозность цели позволила Родену достигнуть величайших творческих вершин. Вероятно, он все же сознавал, что не превзошел великого флорентийца, и это составило драму его жизни.

Капелла Медичи – это часовня. Внутри одну стену украшает фигура Лоренцо, помещенная в неглубокую узкую нишу, противоположную – Джулиано в такой же тесной нише, а внизу размещаются саркофаги с аллегорическими скульптурными изображениями – условно названные символами быстротекущего времени: «Утро» и «Вечер» у ног Лоренцо, «Ночь» и «День» – у ног Джулиано. Напряженные изогнутые тела как будто соскальзывают с наклонных крышек саркофагов.

У стены напротив алтаря скульптор поместил Мадонну с Младенцем и фигуры святых Косьмы и Дамиана. (Последние две изваяли ученики).

Когда мы пытаемся понять смысл, замысел Капеллы Медичи, мы сразу же сталкиваемся с неким противоречием. В часовне этой есть алтарь, место для молитвы и для священника. Но здесь же находятся и две статуи обнаженных женщин – самые прекрасные в мире, превосходящие знаменитых древнегреческих Венер. В Капелле стоит классическое изображение Мадонны – и тут же две статуи мужчин, тоже обнаженных. Все это очень сложно понять, уж слишком разные символы здесь использованы художником, но ничего случайного в Капелле нет. Микеланджело делал ее четырнадцать лет. Это было трудное время для художника – он пребывал порой в состоянии глубочайшего пессимизма, чувствовал себя очень плохо, думал, что смерть его близка. Микеланджело оставил Капеллу почти в 60 лет – для XVI века возраст более чем преклонный. Великий художник не знал, что проживет еще тридцать лет и успеет создать еще много шедевров. Не знал, а поэтому мог думать, что скульптурами Новой Сакристии он завершает творческий путь. Поэтому и вложил он в них очень много.

Мыслью и руками великого Микеланджело в скульптурных надгробиях Капеллы увековечена память о великом Лоренцо Медичи Великолепном и его родном брате Джулиано. Микеланджело намеренно отказался от портретного сходства, так как работал над сохранением памяти этих политических гигантов эпохи Возрождения, а не их худосочных потомков. Что касается политики, то если она и есть в замысле Капеллы Медичи, это – глубочайшая тоска по неосуществившейся флорентийской Утопии, великой Идее, которую подрезали со смертью Джулиано и окончательно погребли со смертью Лоренцо Великолепного. Утопии, к которой успел в юности прикоснуться Микеланджело.

Существует глубокая духовная взаимосвязь между схожими между собой женскими скульптурами Капеллы и образами Лоренцо и Джулиано.

Многие ошибки в понимании замысла Капеллы Медичи связаны с недостаточным учетом различия между первым (Джованни – Козимо – Лоренцо и Джулиано Великолепные) поколением поли-

тиков и банкиров Медичи и вторым (папа Лев X, папа Клемент VII, герцог Джулиано Медичи, герцог Лоренцо Медичи, герцог Алессандро Медичи, королева Екатерина Медичи и др.), а также очевидное различие в их восприятии самим Микеланджело.

Американский автор Ирвинг Стоун в романе «Агония и экстаз» (переведенный у нас как «Муки и радости») пишет:

«Любовь и скорбь, жившие теперь в сердце Микеланджело, толкали его к одному: сказать свое слово о Лоренцо, раскрыть в этой работе всю сущность человеческого таланта и отваги, ревностного стремления к знанию; очертить фигуру мужа, осмелившегося звать мир к духовному и художественному перевороту. Ответ, как всегда, вызревал медленно. Только упорные, постоянные думы о Лоренцо привели Микеланджело к замыслу, который открыл выход его творческим силам. Не раз вспоминались ему беседы с Лоренцо о Геракле. Великолепный считал, что греческая легенда не дает права понимать подвиги Геракла буквально. Поимка Эриманфского вепря, победа над Немейским львом, чистка Авгиевых конюшен водами повернутой в своем течении реки – все эти деяния, возможно, были лишь символом разнообразных и невысказанных трудных задач, с которыми сталкивается каждое новое поколение людей. Не был ли и сам Лоренцо воплощением Геракла? Разве он не совершил двенадцать подвигов, борясь с невежеством, предвзятостью, фанатизмом, ограниченностью и нетерпимостью? Когда он основывал университеты и академии, собирал коллекции предметов искусства и манускриптов, заводил печатни, когда он воодушевлял художников, ученых, знатоков древних языков, поэтов, философов заново объяснить мир, рассказав о нем свежими, мужественными словами и тем расширив доступ к интеллектуальным и духовным богатствам, накопленным человечеством, – разве во всем этом не чувствовалась у Лоренцо поистине Гераклова мощь! Лоренцо говорил: «Геракл был наполовину человеком, наполовину богом; он был рожден от Зевса и смертной женщины Алкмены. Геракл – это вечный символ, напоминающий нам, что все мы наполовину люди и наполовину боги. Если бы мы воспользовались тем, что в нас есть от богов, мы могли бы совершать двенадцать Геракловых подвигов ежедневно». Да, необходимо изобразить Герак-

ла так, чтобы он был в то же время и Лоренцо; пусть это будет не просто сказочный силач древнегреческих сказаний, каким он показан на Кампаниле Джотто или на четырехаршинной картине Поллайоло, – нет, надо представить Геракла поэтом, государственным мужем, купцом, покровителем искусств, преобразователем... Мрамор был девственным, но не холодным: пламень, которым горел ваятель, охватывал и его. Мрамор рождает статуи, и рождает их только тогда, когда резец глубоко вторгнется в него, оплодотворит его женственные формы. Только любовь порождает жизнь. Он старательно протер изваяние пемзой, но не стал полировать его, боясь, что это нарушит впечатление мужественности. Волосы и бороду он почти не отделявал, лишь наметил кое-где завитки и кольца; при этом он действовал своим маленьким трезубым резцом так, чтобы к камню притрагивался и резал его только крайний зуб... Теперь он впервые по-настоящему задумался, как изваять лицо Геракла. Да, это должен быть образ, портрет Великолепного – и не вздернутый нос, нечистая кожа и жидкие волосы Лоренцо де Медичи, а его внутренняя сущность, его дух. В нем должна быть гордость и в то же время смирение...»

Это написано о не сохранившейся до нас статуе Геракла, но в полной мере относится и к статуе Лоренцо из Капеллы Медичи.

Руководя созданием оборонных сооружений республиканской Флоренции, защищавшейся против одного из Медичи – Джулио, папы Клементя VII, Микеланджело в каждую свободную минуту возвращался в Капеллу, чтобы продолжить работу над гробницами отца и дяди Клементя – Джулиано и Лоренцо Великолепного. Микеланджело воспитывался в доме Лоренцо, боготворил его и хорошо знал, как тосковал Лоренцо по своему брату Джулиано, безжалостно зарезанному в церкви по приказу флорентийского семейства Пацци и римского папы Сикста IV. Не вложив в работу любовь и восхищение, которые скульптор испытывал к своему духовному отцу Лоренцо и уважение к памяти легендарного Джулиано, скульптор никогда бы не создал этот шедевр.

Один из секретов Капеллы – стремление Микеланджело увековечить образы великих Медичи и, насколько можно, освободить себя от действительно «непосильных требований» увековечивать

других. Отсюда и отсутствие портретного сходства. По крайней мере, для себя он, вероятно, считал именно так. Как здесь не вспомнить Рильке: «Знайте же, что мастер творит для себя – только для себя самого. То, над чем вы будете смеяться или рыдать, он должен слепить сильными руками души и вывести из себя наружу. В душе его нет места для собственного былого – поэтому он наделяет его отдельным, самобытным существованием в своих творениях. И лишь потому, что у него нет иного материала, кроме этого вашего мира, он придает ему вид ваших будней. Не трогайте же их руками – они не для вас; умеете уважать их».

Великолепие и гениальность скульптуры и архитектуры Капеллы Медичи, посвященной Лоренцо и Джулиано Медичи и завершаемой Микеланджело одновременно с участием в вооруженной борьбе против их отпрысков, потомков тех, кого с такой любовью увековечивал, – это противоречие как раз и должно подталкивать к пониманию его замыслов, к одному из секретов Капеллы Медичи.

В романе Ирвинга Стоуна о Микеланджело много страниц отведено Капелле. Стоун считает, что в образе «Вечера» Микеланджело изобразил себя в идеализированном виде – с почти прямым носом. Статуя «Дня» не завершена, и ее портретное сходство с оригиналом установить трудно. Она представляет крупного, мускулистого мужчину с разбитой переносицей. Скульптор намеренно оставил лицо незавершенным – он ясно дает понять, что это его образ – гиганта невероятной силы, каковым он, скорее всего, себя и осознавал.

А может быть, это всё-таки образ великого и могучего Бога, лик которого, как сказано в Ветхом Завете, смертному видеть не дано и с которым Микеланджело со времён Сикстинской Капеллы был «на ты», неоднократно изобразив этот лик.

*Назойливый и тяжкий скинув груз,
Благой мой Боже, и простясь со светом,
К тебе без сил, в челне нестойком этом,
Из страшных бурь в родную тишь вернусь.*

Споры вокруг Капеллы Медичи продолжаются до сих пор. Пытаясь понять и интерпретировать произведения великого мастера, следует помнить, что сказал он сам, когда ему заметили, что

скульптуры Лоренцо и Джулиано не имеют портретного сходства с герцогами: «Через тысячу лет, – заметил скульптор, – не будет иметь никакого значения, кто на кого похож». Капелле нет еще и пятисот лет, и вполне возможно, что это великое творение будет разгадано действительно только к тысячелетнему юбилею.

В каком-то смысле широкое изучение творчества Микеланджело началось в мире только в последние десятилетия, когда качество фотоизображений и полиграфии позволило показать (понятно, с известными ограничениями) его скульптурные образы в объеме, нюансах светотени, отсветах мрамора, приближении незаметных невооруженному глазу деталей. Неотъемлемой частью скульптурных творений Микеланджело является не только само физически осязаемое творение, но и настроение, аура, созданная вокруг него самим скульптором, не только сохранившаяся, но ставшая еще более сильной по прошествии времени. И здесь фотография, как уже правильно было замечено Антонио Паолуччи, становится как бы взглядом в потемневшее от времени зеркало; мы смотрим в глубины, для осознания которых необходимо остановить мгновение, запечатлеть его, чтобы потом, не забывая свои общие впечатления, возвращаться к нему снова и снова. Фотограф словно становится в каком-то смысле учеником-соавтором Микеланджело, распространяя его творчество по миру (ведь, например, скульптуры Капеллы Медичи не отвезешь на выставку), но, в то же время помогая ценителю Микеланджело «держат» его шедевры у себя на книжной полке, чтобы вновь и вновь осмысливать свои впечатления и чувства.

Личную причастность к своим творениям Микеланджело изображал, вводя автопортрет (иногда гротескный) в композицию произведения. Наиболее знаменитым является его автопортрет с содранной кожей во фреске «Страшный Суд» в Сикстинской Капелле в Ватикане. Есть основания предполагать, что он поместил свой автопортрет и в росписи другой ватиканской капеллы, а также в скульптурной группе флорентийской «Пьеты». Можно предположить, что и в лице «Дня» скульптор мог изобразить свой героический, а в маске у ног «Ночи» – гротескный образ.

Ирвинг Стоун увидел автопортрет Микеланджело в статуе «Вечер». Если писатель прав, тогда, вероятно, оба мужских образа и гротескная маска несут в своем облике черты скульптора. Это еще раз

говорит о том, насколько важны были для него эти скульптуры, как много личного, идущего из самой глубины души, он вложил в них.

Вмешательство Жизни или, еще лучше сказать, Бога придает признанным произведениям Капеллы еще больше «божественности». Ведь об их «богоподобности» (divineness) словами, продиктованными Кондиви, говорил сам Буонарроти. Бог в этом случае как бы становится соавтором Капеллы и ее участником. Неотшлифованный мрамор лица Мадонны, полная непроработанность лица статуи «День» (а может быть, самого Бога или «Дня Судного Дня» по Джеймсу Халлу), не ослабляют, а скорее усиливают магию Новой Сакристии. (Изображать Бога Микеланджело было привычно со времен росписи потолка Сикстинской капеллы). В своих стихах он также часто обращался непосредственно к Богу. Известный российский дирижер Валерий Гергиев в недавнем интервью заметил: «Разговаривать с Богом удается единицам за столетия»⁶. Я бы уточнил: «единицам за тысячелетия». Понятно, мы здесь говорим не о молитвах и просьбах, а о виртуальном диалоге, в котором Бог отвечает. (Надеюсь, понятно также, что речь идет не только о религии, а о боговдохновенности как синониме высшей одухотворенности и глубины).

Ирвинг Стоун в романе «Муки и радости» ярко изобразил Микеланджело, когда тот после четырнадцати лет работы, перед отъездом в Рим осматривает Капеллу и приходит к выводу, что для него она закончена, он высказал в ней все, что хотел. При этом критерием для скульптора была только одна мысль: что Лоренцо Великолепный был бы доволен Капеллой в том виде, котором он ее сделал. Джеймс Бек писал, что статуи Новой Сакристии являются триумфом скульптора, хотя все они отчасти не закончены⁷.

Я считаю, что Микеланджело практически воплотил свой замысел главных идей Капеллы. Уезжая из Флоренции в 1534 году, он и помыслить не мог, что он никогда не вернется и не сдаст архитектурно-скульптурный комплекс Новой Сакристии своему заказчику, папе Клименту Седьмому. Только смерть папы за пару дней до прибытия

---

⁶ «Российская газета» за 12 мая 2017 года.

⁷ *James Beck, Antonio Paolucci, Francesco Santi, "Michelangelo: The Medici Chapel", London, 1994, p. 23.*

Микеланджело в Рим могла предоставить ему возможность не возвращаться, предопределенную правлением во Флоренции уже ничем не сдерживаемого и враждебного мастеру тирана – герцога Алессандро Медичи. Почему-то эти хорошо известные обстоятельства проходят мимо большинства исследователей, которые упорно пишут о сознательном прекращении работы в Новой Сакристии. Так что работа навсегда прервалась не по воле скульптора, а по воле Бога.

Вероятно, что-то он не закончил, но необработанное лицо Дня и невыполнение дополнительных ранее планируемых статуй речных богов и т.д., скорее всего, соответствовало его тогдашнему в 1534 году новому видению Капеллы. Статую Лоренцо он перед отъездом единственную установил в нише, не оставив ее на полу Сакристии, как другие.

В Новую Сакристию ведут два входа: один из собора Сан Лоренцо и другой из прохода в Старую Сакристия Капеллы. При Микеланджело, конечно, предполагался вход из собора как основной. Сейчас он закрыт, так как собор и капелла – разные музеи с разными входными билетами для посетителей. Но планируемый Микеланджело первый взгляд зрителя на статуи при входе можно восстановить, став вплотную спиной к двери, ведущей в собор Сан Лоренцо. В этом первом рассчитанном мастером впечатлении не видно статуи Мадонны и Джулиано, как и статуй Ночи и Дня, хотя они ближе всего к этому входу. Перед зрителем разворачивается только скульптурный комплекс статуй Лоренцо, Утра и Вечера, как бы развернутый к нему и центру Новой Сакристии. Когда зритель сделает несколько шагов в Сакристия, он увидит уже все 7 статуй, которые там находятся, и, скорее всего его внимание будет привлечено/отвлечено двумя потрясающими по своей красоте обнаженными женскими статуями, расположенными у подножья Джулиано и Лоренцо. К тому же эти женские скульптуры значительно ближе к зрителю. При этом он не сразу заметит, что Джулиано с ним не взаимодействует, а голова статуи почти демонстративно и максимально отвернулась от него и всего происходящего в Сакристии. Если войти в Новую Сакристия через ту дверь, которая непосредственно соединяет ее с собором Сан Лоренцо, как и было задумано Буонарроти, то сначала не видишь статуи Джулиано, Ночи и Дня, а также Мадонны и скульптурной группы около нее. В поле зрения от этого

входа сразу только алтарь, статуя Лоренцо и скульптурная группа ниже нее: Утро и Вечер. Сейчас этот точно рассчитанный мастером эффект первоначального зрительского восприятия искажен тем, что данная дверь не используется, а зритель входит через другую дверь. (То же можно сказать о заложённых в более поздний период кирпичами нескольких окнах, что мешает понять световой замысел архитектора и скульптора Микеланджело (солнечные лучи на мраморе).

Нет сомнений, что Буонарроти учитывал все детали, например, освещение от дневного света из окон. Солнечные лучи на его мрамор ложатся по особенному и разное время дня статуи выглядят по-разному.

Мог ли Микеланджело не отдать должное памяти Лоренцо Великолепного? Это трудно, почти невозможно представить. Но также скульптор не мог официально выделить Великолепного среди всех других покойных членов семьи, с учетом сложного заказчика Папы Климента (сына Джулиано Старшего) и надзирателя Флоренции Алессандро (сына Лоренцо Медичи, герцога Урбинского). Оба эти персонажа вряд ли поняли бы предпочтения Великолепному перед лицом их отцов. Похоже, что Микеланджело приходилось свои замыслы как-то маскировать в такой обстановке.

Один из знатоков творчества Микеланджело француз Марсель Брион пишет: «Почему Микеланджело начал с надгробных памятников двум герцогам, персонам довольно незначительным, вместо того, чтобы сразу приняться за Лоренцо Великолепного, который был ему другом, покровителем и всецело заслуживал того, чтобы его прославил гений этого скульптора? Пусть каждый желающий объясняет это по-своему».

Знаменитые исследователи Капеллы Панофский и де Толнай согласны между собой, что «гробница Великолепного так и не была сделана». Г.Ф. Янг писал в 1910 году: «Лоренцо Великолепный по единодушному мнению всей Европы был одним из наиболее замечательных людей, которые когда-либо руководили государством... Он был лидером поколения, полного великими людьми. И он был признан как одна из главных движущих сил, прославивших пятнадцатое столетие... Очень странно, что нет монумента, отмечающего могилу Лоренцо Великолепного... Микеланджело должен был вы-

сечь монумент для его могилы, но уехал из Флоренции, не сделав этого.» Он также цитирует другого автора, Эдварда Амстронга, который в своей книге пишет, что «Флоренция никогда не увековечила должное признание Лоренцо»⁸.

Но почему эти добросовестные «фанаты» Лоренцо Великолепного как-то решили, что они больше заботятся о увековечении его памяти, чем этим был озабочен сам мастер, когда речь шла о его духовном отце? Почему не делает выводы из своего резкого заявления Мэри Маккарти, что память о бесславном герцоге Урбинском заслуживала уже тогда не увековечения, а забвения?⁹ Почему так много исследователей считают, что, вложив весь свой гений и превзойдя сам себя, Микеланджело постарался для никого, забыв про того, кто был для него всем?

Конечно, это один из секретов Капеллы и самого Микеланджело, поскольку он никогда и нигде не мог сказать вслух и написать все, что он думал. Однако известный искусствовед Джеймс Бек предполагает, что сидящие фигуры «герцогов», несмотря на отсутствие портретного сходства, прежде всего представляют двух старших Медичи, не имевших никаких герцогских титулов и руководивших республиканской Флоренцией. Неудивительно, что всеми признается как одна из важнейших в капелле статуя с условным названием «Лоренцо». На самом деле – это главная статуя Капеллы, самая высокая и доминирующая над всем ее небольшим пространством. Нельзя забывать, что Микеланджело был не только скульптором, но и архитектором Новой Сакристии. Поставив скульптуру Лоренцо в нишу, он тем самым предопределил и положение статуи Джулиано, который сидит, отвернувшись от алтаря (был убит у алтаря недалеко стоящего собора Сан Мария дель Фьоре) и смотрит в стену своей ниши и в стену над входом из собора Сан Лоренцо. Если продлить направление его взгляда на несколько сот метров, то он кажется упрется в собор, где Джулиано Старший был зарезан. Все в этой статуе свидетельствует об отрешенности Джулиано от всего, находящегося в Капелле, включая, разумеется, и зрителей. Только

---

⁸ *Colonel G.F. Young, The Medici, New York, 1930, pp. 222, 223.*

⁹ *Mary McCarthy, The Stones of Florence and Venice Observed, London, 2006, p. 40.*

по невнимательности некоторые авторы пишут, что он смотрит на Мадонну. В отличие от пустых глазниц статуи Лоренцо, глаза Джулиано прорезаны скульптором, вероятно для того, чтобы направление его взгляда подчеркивало его отрешенность. Это еще больше подчеркивает доминирующую роль статуи Лоренцо в Новой Сакристии. Статуя Мадонны заметно ниже статуи Лоренцо. Она одиноко грустит между двумя святыми и также, как Джулиано, отрешена от всего. Только статуя Лоренцо развернута к зрителю и взаимодействует с ним, хотя и смотрит на гробницу Великолепного, единственную, о принадлежности которой имеется соответствующая надпись.

Сейчас вход в Новую Сакристию ведет из Старой Сакристии Капеллы Медичи через коридор с совершенно неуместными в такой близости от великолепных произведений Микеланджело статуями военных доспехов с крупными могильными червями внутри. Зато статуя Лоренцо встречает каждого входящего через этот (запасной при Микеланджело) вход. С одной стороны, к каждому входящему зрителю развернуто лицо Лоренцо и открытая ладонь правой руки, со сложенными на буддистский манер пальцами. Однако, такая случайно сложившаяся ситуация не помогает зрителю оценить доминанту этой скульптуры для всей Новой Сакристии.

Столетиями практически всеми выделялись как основные статуи Ночи или Утра, находящиеся ближе к зрителю и отвлекающие своей обворожительностью все его внимание. Но подчиненный характер этих статуй совершенно очевидно предопределен всем порядком скульптурного ансамбля каждой гробницы.

Статуя Лоренцо удерживает неофициальное звание «Мыслителя» уже почти пять веков, при этом многие исследователи указывают на отсутствие подобных скульптур в Европе, подчеркивая новаторство мастера. Многие пытались разгадать идеи, заложенные автором в статуи Капеллы, но среди них особенно заметен классик искусствоведения Эрвин Панофский (1892–1968), который пытался обращать внимание на все возможные детали, в том числе на сообщение Асканио Кондиви (1525–1574) о желании Микеланджело изваять в Капелле мышь как символ всепожирающего Времени. Он даже написал отдельную статью на эту тему. Внимание великого искусствоведа Панофского к вроде бы небольшой детали замысла Капеллы дает возможность поставить целый ряд дискуссионных вопросов.

Первый из них затрагивает особенности преломления и выражения философского мышления Микеланджело в его творчестве. По моему мнению, искусство может в отдельные периоды истории быть силой равновеликой с текстами философов и богословов, а то и движущей силой развития мировой мысли. Такова и трактовка взглядов великого художника и мыслителя Мани, скорее всего, известная Микеланджело. Ренессанс, в том числе и флорентийское кватроченто, был создан не только философами флорентийской Платоновской академии, а и предшествующими им в первой половине XV века и их современниками: скульпторами, художниками, архитекторами. Среди них главное место занимает Микеланджело. Новую сакристию Капеллы Медичи, оставленную Микеланджело в 1534 году, в разгар так называемого периода Высокого Возрождения, можно считать монументом, мавзолеем Лоренцо Великолепного и последним памятником флорентийского кватроченто.

Раньше я, опираясь на мнение Джеймса Бека, полагал, что из-за вышеприведенных соображений нужно считать статую на гробнице герцога Лоренцо в действительности идеализированным памятником его деду – Лоренцо Великолепному. Но сейчас мне хотелось бы развернуть эту мысль на всю Новую Сакристию по аналогии с идеей Джеймса Бека о примыкающем к Капелле Медичи соборе Сан-Лоренцо как гигантской гробницы Козимо Медичи Старшего – деда Великолепного. Микеланджело сам определял содержание Новой Сакристии, и поэтому, когда вопрос об усыпальнице для действующего Папы Римского Климента VII (Джулио Медичи) отпал, мог посвятить всю Капеллу своему покровителю при формальном соблюдении памяти остальных трех членов семьи, особенно отца Климента VII – старшего Джулиано. Эта формальность требовала неформально назвать скульптуры на гробницах герцогов в их честь, что и было сделано. Для каждого современника, еще помнившего бездарного и неумного герцога Лоренцо, могло быть ясно, что красивейшее изображение глубоко задумавшегося одухотворенного человека не имеет с ним ничего общего. Философ и поэт Лоренцо Великолепный был в жизни, конечно, очень похож на мыслителя, но отнюдь не был красавцем. То есть статуя с условным названием «Лоренцо» заведомо не имеет портретного сходства.

Вопрос о незавершенности отдельных элементов Капеллы Медичи не относится к обсуждаемой статуе Лоренцо, поскольку она была поставлена в свою нишу самим Микеланджело перед его окончательным отъездом из Флоренции в 1534 году, а значит, считалась им полностью законченной. Мне кажется, что незавершенность статуи Новой Сакристии, вроде бы сложившаяся по стечению обстоятельств, возможно, только улучшила первоначальный замысел с его дополнительными статуями речных богов, «скорчившихся мальчиков» и других.

«Божественность» личности и творчества Буонарроти нам здесь важна для перехода к вопросу о Микеланджело как философе. При этом самостоятельном философе, а не визуальном выразителе чужих идей, включая идеи неоплатонизма, каким его обычно считают. Рафаэль заочно учился у Микеланджело, но в Риме начала XVI века они уже встретились как соперники. При поддержке Браманте он даже пытался «отнять» роспись Сикстинской капеллы. Рафаэлю принадлежит жесткая, но, видимо, верная фраза о Микеланджело: «Одинок как палач». Соперничество между ними за заказы от Ватикана продолжалось и при папе Юлии II и папе Льве X (последний был из рода Медичи и много раз сидел с юным скульптором за одним столом). В 1508–1511 годах Рафаэль написал знаменитую фреску «Философия» (известна как «Афинская школа»). На переднем плане он изобразил Микеланджело в образе Гераклита, известного как основателя диалектики. В то же время он написал фреску «Диспут». Там среди ведущих богословов и философов (Савонаролы, Платона, Данте, римских пап) он на переднем плане тоже, видимо, изобразил Микеланджело, в спину которого сам «автопортретный» Рафаэль указывает рукой. Уважение, оказанное гением гению, является одновременно и признанием значения Микеланджело как богослова и философа.

Современник Буонарроти, флорентийский поэт Франческо Берни, писал как раз в 1533 году – время работы над Капеллой, – что Микеланджело сравним с Платоном, но выражает мысль не словами, а визуальными произведениями (*cose* – «вещами, предметами»). Он так же, как и Кондиви, сообщал о каких-то философских текстах Микеланджело, причем явно не о стихах. До нас не дошли никакие прозаические заметки мастера на философские темы, но, возможно, они существовали.

Искусствовед и переводчик Абрам Эфрос пишет о «философских стихах», что «у Микеланджело вовсе не взятая из общих рук готовая и неизменная система взглядов, а живой процесс страстного и пытливого осмысления действительности, взаимоотношений с людьми и с миром»¹⁰. Чтобы осознать Микеланджело как философа, соответствующего вышеприведенным оценкам, нужно просто допустить, что философское произведение он мог без всяких устных и письменных пояснений и дальнейших объяснений создать в виде скульптуры.

Дюрер, любивший все пояснять и вести дневники, создал гравюру «Меланхолия» размером меньше А4 безо всяких разъяснений, и ей до сих пор посвящены многие толкующие ее философский смысл монографии (одна из них самого Панофского). Точно так же и статую Лоренцо следует рассмотреть не только как часть ансамбля Новой Сакристии, но и как отдельное самостоятельное произведение, наполненное серьезным философским смыслом, заложенным в нее титаном Возрождения.

Все любят приводить микеланджеловскую идею о создании статуй, которые как бы уже заложены в глыбу мрамора. Часто цитируют, как он выразил ее в поэтической форме:

*И высочайший гений не прибавит
Единой мысли к тем, что мрамор сам
Таит в избытке, – и лишь это нам
Рука, послушная рассудку, явит.*

Но, как кажется, философский смысл образа «освобождаемого мрамора» здесь ускользает от его исследователей. Генрих Вельфин писал, что мастер «обращался с формами с суверенной свободой...». Он отмечает «властную манеру обращения с телом и необычайную глубину, которая могла найти себе выражение лишь в бесформенном...». И далее: «Я повторю несколько замечаний, заимствованных из характеристики А. Шпрингера: “Образы Микеланджело обладают гораздо большей силой, чем это бывает в природе... Напор чувств словно разрывает фигуры, но движения их скованы: лишь изред-

---

¹⁰ Микеланджело Буонарроти. «Стихотворения. Письма». СПб, 1999, с. 240.

ка чувство преодолевает косность массы – с тем большей силой и страстностью, чем упорней было ее сопротивление”». Вельфин завершает: «Фигуры Капеллы Медичи стали вершиной его искусства. Они полнее всего выражают дух, которым проникнут этот стиль. Глядя на его так называемые аллегорические фигуры, не следует слишком много думать ни об аллегории, ни о месте, где они размещены... Все последующее развитие искусства зависело от Микеланджело»¹¹.

Мысль творца воплощается в камне, и когда она выражена, дальнейшая декоративная обработка может быть прекращена, как у скульптора часто и происходит. Это пытался каким-то своим языком разъяснить высокий профессионал Роден: «Потоки масс должны встретить сюжет, а также впитать его. План кончается не потому, что кончился сюжет, но потому, что масса кончила свое движение. Если это движение не получило полного развития, скульптура не закончена. (Я говорю об истинной завершенности, что гораздо важнее, чем тщательная отделка рук, ног, голов и т.д.)... Вы ищете в скульптуре, хороша или дурна форма и каков сюжет. Вы ошибаетесь. Главное правило: важнее всего хорошо сгруппировать массу»¹².

Многие думают, что скульптор создает для них статую как украшение, декоративный элемент бытия (что часто правда), но иногда забывают, что великий скульптор творит для себя, выражает себя, свои мысли и идеи. Точно эту мысль высказал Рильке: «Знайте же, что искусство есть средство, с помощью которого человек – одинокий человек – может достичь полноты... Знайте же, что мастер творит для себя – только для себя самого... Мастер, в сущности, может воздействовать на широкую публику лишь посредством своей личности...»¹³

Скульптурные работы Микеланджело находятся всего в пяти странах мира, причем все главные – в Италии. Их ни на какую выставку, как и роспись Сикстинской капеллы, не вывезешь. Качество фотографий только недавно достигло такого уровня, чтобы можно было приблизиться к адекватному уровню показа, который все равно не сможет отразить в полной мере особенность его произведе-

---

¹¹ Генрих Вельфин. «Ренессанс и барокко». СПб, 2004, сс. 59, 147–148, 149, 60.

¹² Огюст Роден, «Беседы об искусстве», СПб, 2006, сс. 7, 288–289.

¹³ Райнер Мария Рильке. «Флорентийский дневник». М., 2001, сс. 29–30, 102.

ний. Никакая киносъемка не отразит ауру пустой Новой Сакристии. Несмотря на это, интерес к Микеланджело только нарастает. На фоне все большего количества людей со всего света, увидевших Капеллу и Давида во Флоренции, Сикстину и Моисея в Риме, увеличивается и число исследователей, прикасающихся к его творчеству. Только на английском языке к 1970 году опубликовано 4300 книг и статей. Приведший эту статистику Уильям Уоллес написал, что за последующие три декады таких публикаций появилось еще многие сотни. XX век завершился, а XXI век продолжился непрерывным ростом «индустрии исследований Микеланджело», по выражению Уоллеса¹⁴.

Божественный. Гениальный. Титан. Никто из современников Микеланджело не достиг такой степени признания в истории, если говорить и о научном, и о массовом знании. Ни Лоренцо Великолепный в политике, ни Плотин (основатель неоплатонизма), ни Фичино или Полициано (которых он якобы иллюстрировал) в философии. У философов похуже громкое имя есть во всемирной истории только у Платона, Аристотеля, может быть, Конфуция и Канта. Практически никто, кроме Леонардо, – в искусстве. Из современников Микеланджело в научном и массовом историческом узнавании к нему приближаются флорентиец Макиавелли и лондонец Томас Мор. Но только приближаются. Еще Лютер. Как он это достиг? Секретом полировки мрамора? Нет! Силой мысли, ее новаторством и необычностью! И не их произносимостью и текстуальностью, а визуализацией бушевавших в нем идей, воплотившихся в его произведениях, где статуя Лоренцо на одном из первых или просто первом месте! Философия в камне.

Собственно, такая мысль не чужда исследователям Микеланджело. «Микеланджело стремился не просто к переводу философских понятий Платона на язык образов, а к их художественному воплощению, и, быть может, именно здесь, в гробницах Медичи, искусство впервые выступает как средство художественного выражения философской идеи», – пишет итальянский ученый Дж.К. Арган в своей книге «История итальянского искусства». Поэт Ян Бруштейн написал о тени трагедии на мраморах Капеллы:

---

¹⁴ «Michelangelo: Selected Readings», edited by *William E. Wallace*, New York, 1999, p. VIII.

*Темна Флоренция в апреле,
В тумане прячется, дичась.
Но слышал он, что камни пели,
В последний день
и в смертный час.
Во чреве стынувшей Капеллы
Буонаротти грозный бог:
Пространство размечая мелом,
Из камня изгоняет боль.
Сметая мраморные крошки,
Ломая гаснувший сонет,
Хулу не слыша и совет,
Забыв, что есть на свете роскошь
Покоя. Сколько тишины!
Темна Флоренция в апреле,
Когда ножи достигли цели,
И этим все оглушены.
Он смотрит отрешенно, странно.
И в час, когда стоишь пред ним,
Забудь, что в жизни был другим
Богopodobный Джулиано.*

Выдающийся немецкий поэт Рильке точно почувствовал значение для того времени образа Джулиано: «В Санта-Мариа-дель-Фьоре кинжал убийцы, от которого сам он (Лоренцо) ускользает, не теряя присутствия духа, обрывает жизнь светозарного Джулиано. В разгар его весны со всей ее детски-щедрой, безмятежной красотой, не знавшей ни разочарований, ни боли, сразило его подлое и продажное оружие ничем не заслуженной вражды, вся слепая ярость которой обрушилась на ничего не подозревающего юношу... Джулиано был возлюбленным Весны, и ему пришлось умереть, когда Лето только собиралось вступить в свои права. Его летнее призвание на этом оборвалось. Вся эпоха Раннего Возрождения словно пронизана сиянием этого белокурого юноши». (Перевод В. Бакусева)

Автор этой книги лично убедился в правильности слов Муратова, что в Новой сакристии Сан-Лоренцо, перед гробницами, выполненными Микеланджело, можно испытать самое чистое, самое огненное прикосновение к искусству, какое только дано испы-

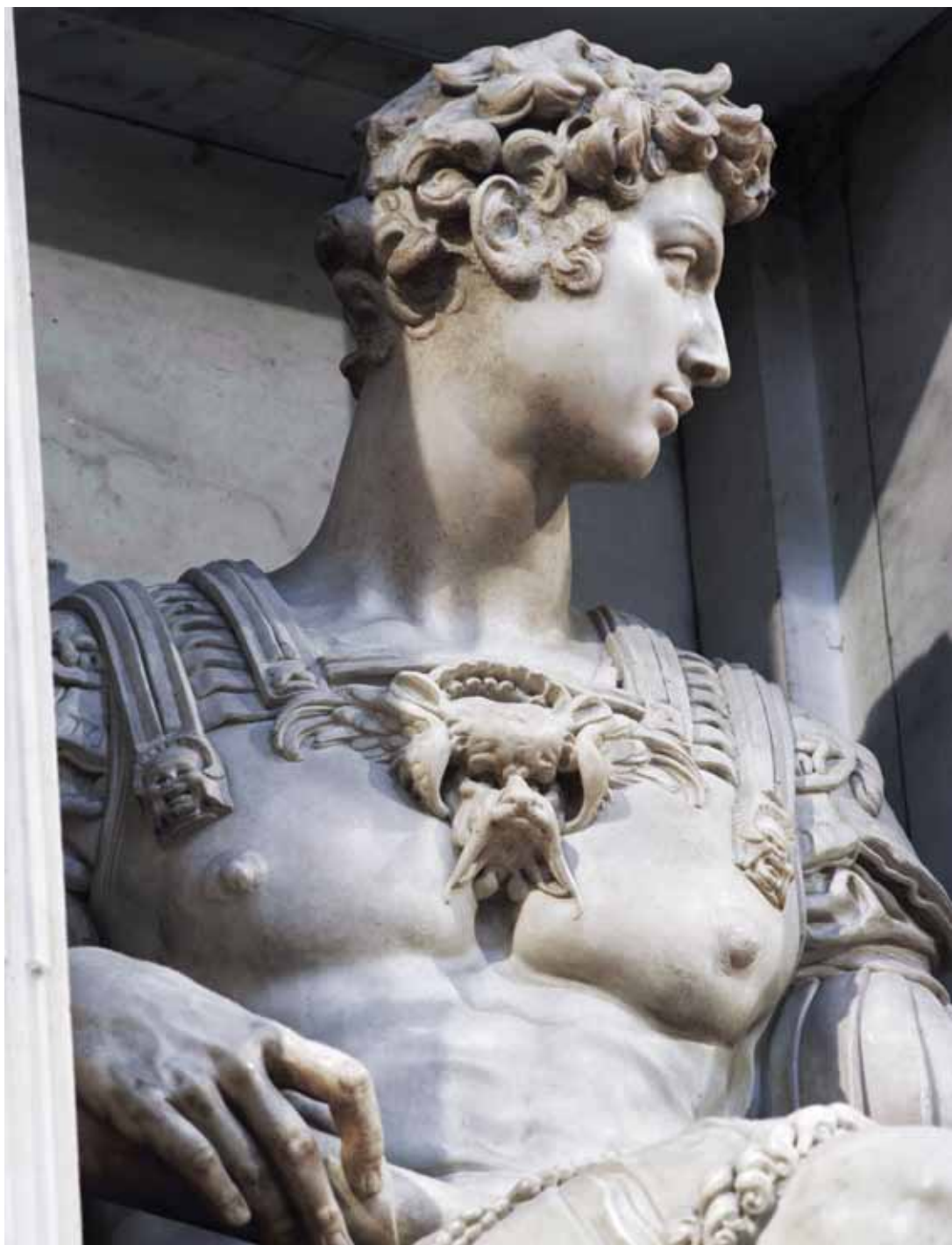
тивать человеку, и там же в Капелле на обороте факса из Москвы записал возникшие чувства и мысли, получившиеся в зарифмованной форме:

*Оковы красоты и сходства бремя
Несущие. Уснувшие навек.
Ведь только в вас и воплотилось время –
Предел того, что может человек.
Томленье Утра, чистое желанье.
Проснись и огляди Весну вокруг,
Возьми все то, чем славно мирозданье,
Открой прекрасный дня волшебный круг.
Но пики заострили облик piazza,
И красота гуманность не спасет,
Уже кинжалы заточили Пацци
И колокол к заутрене зовет.
Гудит Дуомо, кардинал бледнеет,
Сигнал к молитве – он к резне сигнал.
Последнее мгновенье цепенеет:
Граница жизни, времени, начал,
Которым никогда не завершиться...
А Утро просыпается почти
В предчувствии и страсти. Ей все снится
И слышится неясное: «прости».
В толпе крадутся папские легаты.
Флоренции последний сладкий миг
За блеск и яркость жесткая расплата.
Удар! И крик! Опять удар и крик.
Удар и крик. Повержен Джулиано.
Кровь в Синьории, кровь на алтаре.
И пробуждаться поздно или рано,
Спи до конца, люби теперь во сне.
Из Утра почти сразу станешь Ночью,
Не просыпайся, ты уже не та.
Убийство в Храме видела воочию.
Лоренцо гнев. Отчаянье Христа.*

*Автор фотографий Капеллы Медичи
Сергей Шиян*

НАША ФЛОРЕНЦИЯ

Ближе всего к Флоренции тот, кто любит.

Павел Муратов

*А если утро не настанет
И снег не стает с наших век?
Но Санта-Кроче, как Титаник,
Вплывает в двадцать первый век.*

Стихи современного поэта Яна Бруштейна как нельзя лучше отражают наше настроение, когда через несколько дней после 11 сентября 2001 года мы учреждали Флорентийское Общество. Мы сделали это, чтобы внести хоть какую-то лепту в уже становящуюся утопической надежду спасения «Титаника» культуры от затопления айсбергом невежества, жестокости и глупости, в том числе и государственной.

«Воздух технологического интеллектуализма» современной Силиконовой долины Калифорнии дает нам хоть какое-то представление об унесенном ветром истории «воздухе интеллектуализма» Флоренции XV века.

Процитируем строки Байрона о гробницах великих людей в флорентийском соборе Санта-Кроче:

*И пусть ничто в веках не сохранится
От мощи, обреченной на распад,
Они его бессмертье отстоят.
Там звездный Галилей в одном приделе,
В другом же, рядом с Альфиере,
спят Буонарроти и Макиавелли,
Отдав свой прах земле, им давшей колыбели.
Они бы, как стихи, вчетвером
Весь мир создать могли.
Промчатся годы,
И может рухнуть царственный твой дом, Италия!*

*Но волею Природы
Гигантов равных не дали народы.*

Человечество давно считает Флоренцию своей, и это во многом определяет ее международный характер. Восемь миллионов туристов ежегодно проходят по улицам и музеям этого небольшого города. 25 американских университетов имеют здесь свои летние школы. За последние 150–200 лет большинство наиболее знаменитых обитателей города были не коренные флорентийцы, а иностранцы. Историческую часть Флоренции не тяжело обойти пешком, но здесь сосредоточена пятая часть от общего мирового числа общепризнанных шедевров живописи, скульптуры и архитектуры. Если внимательно осмотреть каждый из них, на знакомство со всеми понадобится несколько лет. Местные психиатры знают «синдром Стендаля», когда бывший молодой офицер наполеоновской армии и будущий писатель почти упал в обморок на пороге собора Санта-Кроче. Впрочем, предоставим слово ему самому: «Поглощенный созерцанием возвышенной красоты, я лицезрел ее вблизи, я, можно сказать, осязал ее. Я достиг уже той степени душевного напряжения, когда вызываемые искусством небесные ощущения сливаются со страстным чувством. Выйдя из Санта-Кроче, я испытывал сердцебиение, то, что в Берлине называют нервным приступом: жизненные силы во мне иссякли, я едва двигался, боясь упасть». Стремление за короткий срок осмотреть и оценить все, что есть во Флоренции, оказывается за пределами возможностей обычной человеческой психики. Об этом должен помнить каждый гость Флоренции.

Среди 200 тысяч населения Флоренции во второй половине XIX века около 30 тысяч (15%) были англичане и американцы. Уже в те времена в городе были заметные колонии поляков, французов, немцев и русских.

В 60-е годы либеральный город стал прибежищем хиппи, в основном тоже англо-американских. В двойные годы с интервалом примерно в столетие – 1333, 1466, 1557, 1844 – в городе происходят сильные наводнения. Очередное по традиции ждут в 2055 или 2077 году. Пока самым страшным было наводнение 1966 года. И тогда с виду на все наплевавшие длинноволосые парни и девушки в рваных джинсах на недели добровольно стали в очередь по пояс в холодной воде и жидкой грязи в подвалах Национальной библиотеки, переда-

вая друг другу манускрипты, и в итоге спасли 700 тысяч редчайших книг. Стояли ночью при свете свечей. К ним присоединились многие другие иностранцы, среди которых был русский пианист Святослав Рихтер и американский сенатор Роберт Кеннеди.

Флоренцию мы рассматриваем не как иностранный, а свой, наш город. Почему Флоренция, а не Париж, Лондон, Вена, Берлин, спрашивает американский автор Давид Левитт. И сам себе отвечает, что люди здесь хотят «удовлетворить идею персональной наполненности».

«Если рано, сразу после рассвета, со стороны реки Арно мимо здания галереи Уффици выйти на пустую еще площадь Сеньории, – пишет он, – вы остановитесь потрясенные в центре мироздания». Простота и ясность окружающих шедевров, их концентрация на очень ограниченном пространстве создают небывалую (для людей впервые едущих во Флоренцию чисто интуитивную) силу притяжения к этому «центру мира».

Стендаль пишет о ходьбе «по этим величавым улицам, с которых еще не стерлась печать страстной жизни Средневековья... Флоренция, вымощенная крупными, неправильной формы плитами белого камня, отличается редкой чистотой; на улицах ее вдыхаешь какое-то особое благоухание! За исключением некоторых голланд-

ских городков Флоренция, может быть, самый чистый город в мире и, верно уж, один из самых прелестных. Его греко-готическая архитектура обладает всей четкостью и законченностью прекрасной миниатюры. К счастью для внешней красоты Флоренции, жители ее вместе со свободой потеряли энергию, необходимую для того, чтобы воздвигать мощные здания. ...Ничто не нарушает прекрасной гармонии этих улиц, еще дышащих возвышенным идеалом Средневековья. Во многих местах Флоренции, например, при спуске с моста делла Тринита и у дворца Строчи, путешественнику может казаться, что он живет в 1500 году...» На площади Синьории, по мнению Стендаля, можно увидеть «величайшие произведения флорентийского искусства, самого живого, что породила ее цивилизация».

Интересно наблюдение Стендаля о схожести Флоренции и современного ему Парижа. «Знаменитые Кашины – парк для прогулок, где показывают себя люди из общества, – расположены наподобие наших Елисейских полей. Не нравится мне то, что они постоянно наводнены русскими и англичанами: их не меньше шестисот человек. Флоренция – это музей, переполненный иностранцами... Все русские, обладающие здравым смыслом и средствами, считают своим долгом хоть одну зиму провести во Флоренции»¹.

Флоренция и Россия. Герб Демидовых на фасаде знаменитого собора Санта-Мария-дель-Фьоре – главной церкви города. Традиционная связь, но все же XXI век – особый. Россия уже не та мощная империя, которой была в течение 300 лет. Экономика и политика сами по себе ничего не могут изменить, особенно если они не подержаны признаками духовного роста. Может быть, именно сейчас нам важно осознать, как Италия, раздробленная и почти полностью утратившая мощь былой Римской империи, сумела пять-шесть веков назад произвести вулканический выброс необыкновенной духовной мощи. Такие примеры для нас, граждан распавшейся империи, уже стали значительно более важными. После разрушения советской утопии нам следовало бы разобраться с тем, как и почему осуществленная утопия Флоренции XV века (точнее, до 1492 года) осталась в веках как пример конституционного строя, обеспечивше-

---

¹ Стендаль. Рим, Неаполь и Флоренция. Собр. соч. Т. 9. С. 126.

го наивысшие возможности для выдающихся достижений не только в искусстве, но и в политике, промышленности, банковском деле.

Хождение во Флоренцию – это путешествие к истокам многих лучших образцов русской архитектуры и возвращение к памяти о хотя бы на краткое время сбывшейся мечте человечества, об осуществленной утопии.

Почему Флоренция так близка России, в чем причина этого постоянного духовного и физического тяготения к ней? Ссылка на наблюдение подобных или похожих явлений во многих других странах нам не поможет. Флорентийцы участвовали в строительстве в России: соборы и стены Кремля, позже дворцы Петербурга и других городов.

«Успенье нежное – Флоренция в Москве», – писал Осип Мандельштам. Русское прозвище «Фрязин», которое дали шести разным итальянским строителям Кремля, скорее всего, происходит от первых ремесленников или живописцев, которых первое известное историкам русское посольство в Италии, два года находившееся во Флоренции (1439–1441), должно было по традиции того времени привезти из «Фярензе» – Флоренции – и которые по традиции того времени представлялись «такой-то из Фярензе». Не случайно летописец поездки в 1439 году во Флоренцию – «в Фяренцу» – монах Симеон пишет, что после двухлетнего пребывания там глава русского посольства митрополит Исидор говорил «по-фряжски». Позднее «Фрязин», «фрязь», «фряжский» стали применять к любым итальянцам, в том числе к архитекторам из других городов Италии, а затем и вообще к любым иностранцам. Так что жители подмосковного Фрязино, наверное, даже не подозревают, что напрямую связаны с Флоренцией.

Мандельштам говорил по другому поводу о «тоске по мировой культуре». Это слово многие подхватили и до сих пор пишут и говорят о «тоске о Флоренции». Думаю, этому способствовали длинные советские десятилетия, когда о поездке во Флоренцию нельзя было и подумать, почему многим казалось, что можно только тосковать. Не заглядывая в Даля, скажу все же, что «тоска» бывает более всего о чем-то недостижимом, невозможном, а «мечта» – это стремление к тому, что осуществимо (если повезет) и прекрасно. Правильнее, по крайней мере сегодня, говорить не о флорентийской тоске, а о флорентийской мечте. Она характерна и для самого Мандельштама,

который на самом деле был в Италии эпизодически в молодости. Для него хождение во Флоренцию было движением души, основанным на прочувствованном восприятии флорентийских (фрязинских) творений, но не в Петербурге, а в Москве.

Не все знают, что Кремль и многие его знаменитые соборы строили с участием флорентийских архитекторов. Об этом снова Мандельштам:

Не диво ли дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное – Флоренция в Москве.

И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.

Особенно здесь нужно отметить, что флорентийский (фрязинский) подход сблизил в своих российских архитектурных поисках православный и итальянский католический церковный облик. Об этом тоже написал Бродский: «Что же касается всей этой истории с противопоставлением православия остальному христианству, оно никогда не заходило слишком далеко, поскольку соборы и церкви проектировались теми же архитекторами, что и дворцы. Так что пока не ступишь под их своды или не присмотришься к форме креста на куполе, невозможно определить, к какой церкви относится сей дом молитвы...».²

Мы не знаем, интуитивно чувствовал Мандельштам «фрязинскую» флорентийскую основу архитектуры и росписи кремлевских и других древнерусских соборов или вообще не думал об этом, когда писал свое знаменитое стихотворение. Может быть, для него само слово «Флоренция» просто ассоциировалось с нежным и эстетичным. «Я один в России работал с голоса», – писал он. И еще писал о

---

² Иосиф Бродский, Цит.раб. стр. 83, 84

Феодосии, что в старину «город походил не на Геную, гнездо военно-торговых хищников, а скорей на нежную Флоренцию».³

Александр Блок писал в июне 1909 года:

*«Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин?»*

*О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в нежность
Своей стареющей души...*

*Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя».*

В форме нераскрывшегося цветка, известного в ботанике как «Ирис Флорентийский», построена (1529-1532 гг.) одна из самых красивых и загадочных церквей Москвы – церковь Вознесения в Коломенском. Ирис был официальным символом Флоренции задолго до знаменитой сейчас лилии, о чем Блок, кстати, мог и не знать.

Хотя широко известно, что соборы в Кремле строили итальянцы, в советское время не признавалось, что именно церковь Вознесения в комплексе царских дворцовых строений в Коломенском построена иностранцем. Только сейчас стало известно, что эту церковь построил один из строителей Кремля Петр Малый Фрязин, а также документально доказано из недавно опубликованных материалов его допроса у Архиепископа Ревельского (после побега из Москвы), что он был флорентийцем.

Эта церковь не имеет исторических аналогов в мировой архитектуре и поэтому признана одним из только двух (еще Кремль) в Москве памятников ЮНЕСКО. По свидетельству специалистов

---

³ О. Мандельштам, Проза поэта, Избранное, Вагриус, М., 2000, с. 78

она сыграла для русского зодчества» не меньшую роль, чем смелая конструкция Флорентийского собора в архитектуре итальянского Возрождения».

Великий князь Руси Василий Третий развелся по причине бездетности супруги и вновь женился в 1526 году на княгине Глинской происходившей из литовского рода Глинских, переехавших в Москву из-за неудачного мятежа против польского короля. Этот брак был неприязненно принят русским боярством и духовенством, поэтому, чтобы придать легитимность будущему наследнику, Василий обязался построить новые церкви. Главную из них, где он сам и его семья должны были молиться за появление наследника, Василий III решил построить рядом со своим дворцом в Коломенском – тогда пригороде Москвы.

А далее начинается цепь почти мистических событий:

Василий III, видимо, при содействии дяди своей жены Михаила Глинского, который воспитывался при дворе императора Максимилиана, а затем принял в Италии католичество, направляет в 1528 году послов в Рим к папе Клементу VII с просьбой прислать архитекторов для строительства церкви. Такого никогда не было, хотя стены и церкви московского Кремля были до и после этого отстроены итальянскими архитекторами. Но никогда вопрос не решался на уровне папы.

Клемент VII (Джулио Медичи) любезно встретил послов и выразил свою приверженность к объединению католической и православной церквей. Сам папа был племянником Лоренцо Медичи Великолепного, а его прадед Козимо Медичи в 1439 году способствовал проведению Флорентийского Собора, на котором было принято решение об объединении католической и православной церкви. Московская делегация поддержала это решение. Но историческое решение Флорентийского Собора не было выполнено.

Клемент VII послал в Москву архитекторов, один из которых флорентиец Петр Малок Фрязин стал строителем церкви Вознесения в Коломенском, создав не просто шедевр, а шедевр, не имеющий аналогов в мировой, в том числе итальянской архитектуре. Мечты Медичи о религиозном единстве Восточной и Западной Европы; яростное стремление флорентийского мастера, находившегося в тени великих архитекторов у себя на ро-

дине, реализовать свой гений, слились со страстным молением правящей русской семьи о рождении наследника и вместе, в итоге, создали гениальное архитектурное сооружение.

Образ флорентийского ириса, воплощенный в церкви Вознесения, может стать символом переплетения исторических судеб Москвы и Флоренции, воплощением того, о чем писал в 1916 году Осип Мандельштам, сказавший о «итальянской и русской душе московских соборов», как о «Флоренции в Москве».

Марина Цветаева никогда не была во Флоренции и поэтому ее стих отражает российскую настроенность на флорентийскую волну:

*После бессонной ночи слабеют руки,
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга – в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.*

По преданию, род великого русского поэта Тютчева ведет свое происхождение из Флоренции, так что все его творчество можно назвать российско-флорентийским. Это придает иной окрас его самому знаменитому четверостишью:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

Иосиф Бродский заметил, что в XVIII и начале XIX века Петербург стал «подлинной Меккой» для итальянских архитекторов и декораторов. Он же написал, что итальянскому перу принадлежит характеристика Петербурга как «окна в Европу». Петр Великий, по его мнению, «представлял себе город как духовный центр новой России: источник разума, наук, просвещения, знания... Нет другого места в России, где воображение отрывалось с такой легкостью от действительности: русская литература возникла с появлением Петербурга... Возникает странное чувство, что все это не Россия, пытающаяся дотянуться до европейской цивилизации, а увеличенная волшебным фонарем проекция последней на грандиозный

Сандро Боттичелли
Рождение Венеры. 1482—1486 г.

экран пространства и воды... Неудивительно, что порой этот город производит впечатление эгоиста, занятого исключительно собственной внешностью. Безусловно, в таких местах больше обращаешь внимание на фасады, чем на наружность себе подобных... Возникновение Санкт-Петербурга было равносильно открытию Нового Света: мыслящие люди того времени получили возможность взглянуть на самих себя со стороны... Совершенная до абсурда архитектура... Город, который начинался как прыжок из истории в будущее... Любая критика человеческого существования предполагает осведомленность критикующего о высшей точке отсчета, лучшем порядке.

Так сложилась история русской эстетики, что архитектурные ансамбли Санкт-Петербурга воспринимались и воспринимаются как предельно возможное воплощение такого порядка (включая церкви). Во всяком случае, человек, проживший в этом городе до-

статочно долго, склонен связывать добродетель с пропорциональностью. Это старая греческая идея...»⁴

Петербург сразу строился как осуществленная утопия, тогда как ведущая хронологию с древнеримских времен Флоренция становилась осуществленной утопией в течение XIII–XV веков. Но оба города (каждый в свое время) стали, как писал о Петербурге Белинский, «новой надеждой старой страны». Надежда, в полной мере никогда не сбывшаяся, но уже навсегда не забытая.

Далее Бродский говорит об «утопическом характере города» и сравнивает его с Флоренцией, считая, что главная утопия здесь – это надежда на духовное содержание, которому не дают пропасть в буквальном смысле стены. Архитектурные шедевры, которые по-немногу отдают современности часть сосредоточенной в них флорентийской эстетической мысли, поддерживают хотя бы минимальный уровень культуры и духовности.

«Дома вдоль набережных все больше и больше напоминают остановившийся поезд: направление – вечность... Человек, рожденный в этом городе, нахаживает пешком, по крайней мере, смолоду, не меньше, чем хороший бедуин... оттого, что идти по набережным из коричневого гранита... есть само по себе раздвижение жизни и школа дальнозоркости. В зернистости гранитной набережной... есть что-то такое, что пропитывает подошвы чувственным желанием ходьбы».

Длительные цитаты из Бродского нам необходимы, поскольку все они, во-первых, могут и должны быть обращены к самой Флоренции, а во-вторых, являются, возможно, лучшим в русской литературе объяснением связи Флоренции и России.

Удивительно, что Бродский здесь повторился, так как в стихотворении «Декабрь во Флоренции» писал, что «набережные напоминают оцепеневший поезд», но уже о флорентийских домах. Еще более интересно, что он (конечно, невольно) повторил и Осипа Мандельштама, написавшего о «зернистом граните» не то Петербурга, не то Флоренции:

*С черствых лестниц, с площадей
С угловатыми дворцами*

---

⁴ David Leavitt. Florence, a Delicate Case. Bloomsbury, New York, 2002. Pp. 5, 25.

*Круг Флоренции своей
Алигьери пел мощней
Утомленными губами.*

*Так гранит зернистый тот
Тень моя грызет очами,
Видит ночью ряд колод,
Днем казавшихся домами.*

Поэт русского зарубежья Кирилл Померанцев, написав: «За окном флорентийское небо и на нем петербургский рассвет...» – тоже отчасти повторил образ Мандельштама из стихотворения:

*Заблудился я в небе, – что делать?
Тот, кому оно близко, ответь!
.....
Не разнять меня с жизнью, – ей снится
Убивать и сейчас же ласкать,
Чтобы в уши, в глаза и в глазницы
Флорентийская била тоска.*

Флорентийская мечта характерна для многих наиболее интересных высказываний о Флоренции.

«Когда проходят первые эмоции, появляется удивительная возможность в сохранившейся большей частью исторической атмосфере, где были написаны картины, видеть разные полотна одного и того же мастера. Приятно, когда взглядишься в ряд картин одного художника настолько, что его мирозерцание станет ясно, поймешь его идеал, вкусы, цели – его душу», – писал из Флоренции Иннокентий Анненский.

О полноте жизни, которая навеваема Флоренцией, четко и кратко сказал Чехов: «Кто в Италии не бывал, тот еще не жил». В шедеврах флорентийских мастеров, по мнению А. П. Мережковского, «флорентийский дух нашел себе полное выражение, неистребимую форму... На всем печать – мрачного, свободного и неукротимого духа флорентийского».

То, что Мережковский подробно, длинно и мучительно пытался высказать в пространном романе о Леонардо да Винчи, он лучше сказал в стихах 1894 года:

*О, Винчи, ты во всем – единый:
Ты победил старинный плен.
Какою мудростью змеиной
Твой страшный лик запечатлен!*

Интересно, что Бальмонт отозвался в 1916 году похожими строками:

*Художник с гибким телом леопарда,
А в мудрости – лукавая змея,
Во всех его созданных есть струя –
Дух белладонны, ладана и нарда.
В нем зодчий снов любил певучесть барда...*

И снова Мережковский и Леонардо:

*И тот, кого прославила молва,
Не разгадав – да Винчи, дивной тайной
Исполненный, на древнего волхва
Похожий и во всем необычайный.*

Максим Горький сразу же увлекся городом: «Флоренция меня страшно захватила своей красотой и тем, что из-за каждого дома здесь смотрят тебе в лицо спокойные глаза Истории...» В нем этот «чудесный город» вызывал не столько исторический интерес, сколько надежды на будущее человечества. Флоренция женского рода, и образ женщины доминирует во флорентийском искусстве.

*Вы, флорентийки прошлых дней! – о вас
Так ясно я мечтал в обманах лунных,
О быстром блеске ваших крупных глаз.*

Это Брюсов. И он же о «Моне Лизе»:

*Предчувствовать слова, глаза,
Утаенные в сердце речи,*

*Мечтать, как черны волоса,
Обжегшие случайно плечи.*

Глядя на огромный купол глыбы собора Санта-Мария-дель-Фьоре, Василий Розанов нашел пронзительные слова: «Какая масса труда, заботливости, любви, терпения, чтобы камешек за камешком вытесать, вырезать, выгравировать такую картину, объемистую, огромную, узорную... Нужна вера не в мой труд, но в наш национальный труд, вследствие чего я положил бы свой камень со спокойствием, что он не будет сброшен, забыт, презрен в следующем году. Это-то и образует «культуру», неуловимое и цельное явление связности и преемственности, без которой не началась история и продолжается только варварство». Насколько сегодня важна для России эта мысль, воплощенная в камнях Флоренции!

Вряд ли практически реализуема в современной жизни рекомендация Гревса: для основательного знакомства с Флоренцией в первый раз надо прожить в ней не меньше двух недель, а в конце поездки по Италии вернуться туда еще на несколько дней. Но обратим внимание на его термин «флорентийско-тосканская цивилизация», поскольку окружающая Флоренцию Тоскана за долгие столетия неразрывно слилась с городом и его историей. И еще из Гревса: «Думаю, всякий ум, жаждущий правды, всякая душа, восприимчивая к человечности, получит от Флоренции нечто единственное и незаменимое, без чего его личность останется в некоторых отношениях недоконченной...»

Там, во Флоренции, как писал известный поэт-символист Вячеслав Иванов, «желание перейти грань, где начинается чудо, тревожит и томит художника». При этом истинным художником, по его мнению, является не тот, кто может совершить восхождение в высшие духовные сферы, но тот, кто может спуститься из этих сфер к людям.

Блок, раздраженный толпами туристов и невозможностью остаться с Флоренцией наедине, то клянёт за стремление не отстать от современности: «Умри, Флоренция, Иуда», – то тут же объясняется в любви: «Флоренция, ты ирис нежный; По ком томился я один...» И, наконец, гимн Фьезоле как итог флорентийских мечтаний Блока:

*Стучит топор, и с кампанил
К нам флорентийский звон долинный
Плывет, доплыл и разбудил
Сон золотистый и старинный...*

И еще двадцатидевятилетний поэт понял во Флоренции:

*Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую плоть:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.*

А вот как пишет Петров-Водкин: «Когда попадаешь во Флоренцию, искаженную, издуманную, созданную мастерами искусства, то не знаешь, кого за это благодарить: климат ли благодатный, красоту ли окрестностей, вырастивших Джотто, или хозяйку моей комнаты, старуху Бенедетту, за то, что она и ее деды сохранили для меня Флоренцию, или благодарить сорванцов-мальчишек, ни одного носа не отбивших уличным мраморам. Итальянцы экстазны и нежны к своим сокровищам».

Карсавин писал, что Боттичелли «как следует оценить можно только в оригинале». Хорошо, что сейчас мы прочитаем эти строки не так, как в совсем недавний советский период, и, даст Бог, еще и еще увидим картины в оригинале. Особенно замечание Карсавина верно по отношению к восприятию картин «Рождение Венеры» и «Весна», где фигуры изображены в человеческий рост.

Нелишне напомнить, что Флоренция была родиной первой оперы в мире, а также, что там была завершена «Пиковая дама». П.И. Чайковский писал во Флоренции, что теперь история человечества делится на период до «Пиковой дамы» и после нее. Недаром Рахманинов работал во Флоренции над своими произведениями.

Признаваясь в своей приверженности к творчеству Фра Беато Анджелико, чьи фрески украшают монастырь Сан-Марко во Флоренции, Гумилев пишет замечательные строки:

*Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал, Буонарроти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,*

*Челлини, давший бронзе тайну плоти...
На Фьезоле, средь тонких тополей...
На всем, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.*

Образно передал свои впечатления от Флоренции Саша Черный:

*В старинном городе, чужом и странно близком,
Успокоение мечтой пленило ум.
Не думая о временном и низком,
По узким улицам плетешься наобум...
В картинных галереях – в вялом теле
Проснулись все мелодии чудес,
И у мадонн чужого Боттичелли,
Не веря, служишь столько тихих месс...
Перед Давидом Микеланджело так жутко
Следить, забыв века в тревожной вере,
За выраженьем сильного лица!
О, как привыкнуть вновь к туманным суткам,
К растлениям, самоубийствам и холере,
К болотному терпению без конца?..*

И еще одна цитата того же поэта:

*...Как бабочка ночная, замираю...
Смотрю голодными глазами за окно
И радость жизни медленно впиваю,
Как редкое, бесценное вино.*

Как с этим перекликаются флорентийские реминисценции Анны Ахматовой:

*Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утолить ненужную тревогу.*

Русским певцом Флоренции стал Павел Муратов: «Ближе всего к Флоренции тот, кто любит. Для пилигримов любви она священна; в ее светлом воздухе легче и чище сгорает сердце. Счастье любви здесь благороднее, страдание прекраснее, разлука сладостнее. На этом древнем кладбище любви слишком много сожжено великих душ и слишком много пролито драгоценных слез, чтобы не верить здесь в искупление. Все, что здесь создано, создано любовью. Храм и картина, фреска и барельеф – это все кенотафии ее долгого сна, не смерти, а только сна... Флоренция жива, и ее душа еще не вся в ее картинах и дворцах, она говорит с каждым на языке простом и понятном, как язык родины».

Алексей Кара-Мурза, которого на одном из заседаний Флорентийского общества справедливо называли «современным Муратовым», выпустил в 2001 году небольшую книжку «Знаменитые русские о Флоренции». Успех этой работы, недавно переведенной на итальянский язык, показывает огромный интерес к Флоренции среди думающих кругов современной России. Он пишет: «Многие наши соотечественники сходились в том, что Флоренция, как никакой другой город в мире, заставляет задуматься не только о смене, но и преемственности человеческих положений. Флоренция – воплощенная непрерывность истории, символ общеродового человеческого бессмертия».

Тонкий и деликатный исследователь Кара-Мурза в своей книге «дал слово» некоторым из своих знаменитых предшественников, но по всему видно, какой большой запас мыслей и информации он еще приберег для своей большой и главной книги о Флоренции, еще не изданной и, может быть, пока недописанной.

А. А. Кара-Мурза через подбор отрывков воспоминаний Николая Бердяева и его знакомой Евгении Герцык показывает атмосферу, в которой сформировались взгляды знаменитого философа на Ренессанс и Флоренцию.

Бердяев пишет: «Для многих русских, как и англичан, Италия была мечтой... Безрадостность русской жизни, отсутствие в ней пластической красоты доводит нашу влюбленность в Италию до крайнего напряжения... Русская душа не дерзает вольно творить красоту, ощущает как грех творческую избыточность... Русская тоска по Италии – творческая тоска, тоска по вольной избыточности сил, по

солнечной радости, по самоценной красоте. И Италия должна стать вечным элементом русской души».

Интересно отметить, как «мечта», по ходу рассуждений Бердяева, все-таки превращается в «тоску» – в неверие в осуществимость мечты. Возможно, такого рода смирение и неверие в собственные силы стало и остается проблемой интеллектуальной России по сегодняшний день. Если Данте дерзнул спуститься в Ад, а Боттичелли и Микеланджело бросали вызов небу и природе, то Бердяев не верит в возможность подобного в России. А ведь судя по сегодняшней ситуации, без Возрождения или хотя бы порыва к нему, без «вольной избыточности сил» исторические шансы страны становятся весьма проблематичными.

В этом, может быть, и заключается высота и напряженность «флорентийской мечты» современной России.

А пока что от вершин бердяевской философской мысли перейдем к ретроспективе поэтических строк о «флорентийской мечте», потому что настоящие поэты – это мечтатели, в нескольких строках достигающие вершин искусства. Кажется, у Пушкина хватало «вольной избыточности сил» и «пластичной красоты». Вот только во Флоренцию его не пустили... Но все равно в Пушкине была частица Данте, а в каждом настоящем русском поэте есть частица Пушкина!

Аполлон Григорьев в 1858 году написал:

*Над Флоренцией сонной прозрачная ночь
Разлила свой туман лучезарный.
Эта ночь – точно севера милого дочь!
Фосфорически светится Арно...*

В 1902 году Вячеслав Иванов отозвался похожими рифмами:

*В стране богов, где небеса лазурны
И меж олив, где море светозарно,
Где Пиза спит, и мутный плещет Арно.*

Михаил Кузмин в 1921 году, когда в России свирепствовал красный террор, написал во Флоренции:

*Блестят соломенно
Обложки книг.
В каком Апреле
Проснулись мы?
На самом деле
Нет тюрьмы?*

Несколько поэтических строк Мережковского о Микеланджело, может быть, стоят больше, чем весь его роман о великом скульпторе.

*Твое упорство вечное в работе,
Твой гнев, издатель Страшного Суда,
Твой беспощадный дух, Буонарроти...
Усиьем тяжким воли напряженной
За миром мир ты создавал как Бог...
..... и были у тебя
Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вечно невозможного хотел.*

Здесь Мережковский, как и Бердяев, говорит о невозможности достижения целей Ренессанса. В то время еще трудно было представить, что целый общественный переворот, завершившийся отставкой харизматического главы государства де Голля (как это произошло во Франции в 1968–1969 годах), может пройти под лозунгом французских студентов: «Будьте реалистами – требуйте невозможного». Высший реализм Возрождения, за который его многие приземленные потомки даже упрекают, заключался как раз в стремлении преодолеть или отодвинуть черту невозможного.

Пронзительней других из современных поэтов выразил «невыездную» советскую флорентийскую мечту Ян Бруштейн в сборнике «Тоскана на Нерли»:

*Мечта. Флоренция. Доныне
Я помню, как, невыездные,
Преградам века вопреки,
Закрыв глаза, всю бродили,
Листая улицы и стили,
Вдоль Арно — больше чем реки.*

Галерея Уффици

.....

*В моих бесцензурных по-прежнему снах
Я камни топтал и Мадрида, и Ниццы...
Но чаще всего, представляете, снится,
Ночная Флоренция с криками птах.
Здесь воздух так вкусен, бездымен и чист,
Я вижу, как время свивается в узел,
И как пролетают усталые музы
К последним поэтам, не спящим в ночи.
Флоренция словно спасательный круг
В летальной борьбе между болью и светом.
А кто победит... я узнаю об этом
В той жизни, где снова мы вступим в игру.
Мечта о Тоскане покрепче вина,
Но кто виноват в этой странной невстрече...
И пью за клеймо я, которым отмечен,
И в кованом кубке — ни края, ни дна.*

И еще также ярко Петр Вегин:

*Жить, плакать, ошибаться, целовать
И совершать обгоны – все по силам,
Мы молоды, чисты, смелы, красивы.
Единственно, кого не перегнать, –
Флоренцию. Простите нас, простите,
Палаццо, фрески, фонари, мосты,
По чистоте вы так нас обогнали –
Я сам не лгал, но за других прости.*

*О шахматная девочка моя,
Флоренция, святая, световая,
С чистойшею душою фонаря,
Я не умру, пока тебя не увидаю.*

Флоренция открывала новые, даже не земли, а континенты. Этот город не повторял и не копировал старую Грецию и античность, он создавал новое, скажем, новую Америку культуры. Кстати, сухопутная Флоренция дала миру путешественника Америго Веспуччи, в честь которого «Индия» Колумба была названа Америкой, и мореплавателя Джованни Верразано, открывшего Нью-Йоркский залив, о чем и напоминает мост его имени, соединяющий два района города Нью-Йорка: Бруклин и Стейтен Айленд.

Некоторые флорентийские политики дали образцы классического правления с точки зрения обеспечения безопасности граждан города, развития культуры, яркости и многосторонности собственной индивидуальности, создания непропорционально значительного влияния маленького города-государства на всю европейскую политику своего времени. Такими были, например, Лоренцо Медичи Великолепный (1449–1492), а также его дед Козимо Медичи (1389–1464), последний в числе прочих своих громких деяний, включающих возврат европейской культуре почти уже утраченного наследия Платона и основание первой в Европе публичной библиотеки, еще потратил два года своей жизни на последнюю в истории серьезную попытку объединения католической и православной церквей.

Христианский Восток не объединился с христианским Западом, но грандиозность этого утопического замысла Медичи является примером для политиков Европы. Видимо, добрая доля утопизма необходима для успеха каждого хорошего политика, в отличие от распространенного мнения о пользе только цинизма.

Российская делегация привезла с Флорентийского собора в Россию рецепт изготовления водки, основанный на рецепте скандинавского напитка «аквавит», коим, в том числе, угощали гостей флорентийцы.

Неизвестный член российской делегации оставил первое в русской литературе (1439 год) описание города: «Тот славный город Флоренция очень большой, и того, что в нем есть, не видели мы в ранее описанных городах: храмы в нем очень красивы и велики, и здания построены из белого камня, очень высокие и искусно отделаны».

Интересна судьба Максима Грека, который учился и вырос во Флоренции и стал католическим доминиканским монахом. Однако под влиянием идей Платоновской академии времен Лоренцо Медичи Великолепного – внука Козимо – он перешел в православную веру, а в 1517 году был приглашен Василием Третьим в Москву для перевода религиозных текстов на русский язык. В 1525 году, правда, он был арестован и подвергнут пытке, однако последующие 30 лет находил-

*Петр Баренбойм
Президент Флорентийского Общества
Картина Лолиты Тимофеевой "Человек-Вулкан"*

ся в «мягком заключении» и считался одним из главных мудрецов на Руси, с которым позже консультировался сам Иван Грозный.

Даже в подробной хронологии Византийской империи, как правило, мы не находим весьма важной даты Флорентийского собора – последней попытки объединить Европу и остановить турок. Вкратце напомним, что Византийская империя была установлена первым христианским римским императором Константином в IV веке н. э., что через несколько столетий привело к разделению церкви на католическую и православную, а как итог – к разделению Европы на Западную и Восточную не столько по географическому, сколько по политическому, религиозному и культурному принципу. Попытки объединения предпринимались, в том числе и насильственные, когда под видом Четвертого крестового похода западные рыцари в 1204 году захватили Константинополь и удерживали его до 1261 года. Однако в период с 1453 по 1461 год восстановленная после изгнания крестоносцев империя окончательно пала под ударами турок. Это привело к серьезной многовековой политической и экономической изоляции России, лишенной удобных южных торговых путей. Не случайно идея «возврата» проливов в Средиземное море была центральной в российской имперской внешней политике, по крайней мере до начала XX века. Россия в период падения Византии еще формально находилась под татарским игом и, по всей видимости, даже при желании не могла бы помочь Византии. Западная же Европа имела серьезные военные и политические ресурсы, но по множеству разных причин, осталась в стороне, хладнокровно наблюдая в середине XV столетия константинопольскую резню. А ведь дальнейшее турецкое присутствие на территории Югославии, Болгарии, Греции, Румынии, Венгрии, Польши обеспечило Европе бесконечное кровопролитие и страх вплоть до Наполеона, который своим египетско-палестинским ударом в «подбрюшье» Оттоманской империи сильно умерил амбиции сельджуков и заставил перейти к оборонительной стратегии. В это время турки еще стояли в Молдавии и под Ростовом-на-Дону. Наследницей рухнувшего второго Рима – Византии – в сфере политической и религиозной традиции стала Москва, а в сфере философии и искусства – Флоренция.

В этом главная сила и источник флорентийского Ренессанса

XV–XVI веков, в этом, возможно, разгадка той знаменитой «тайны», о которой писали многие российские авторы.

Кватроченто – Возрождение XV века – сплелось с Флорентийской республикой. Это было время оптимизма, когда казалось, что человек в состоянии переломить свою судьбу и добиться успеха. Таково же было настроение и мироощущение общности этих людей, объединенных в город-коммуна. Каждое усилие было направлено на обнаружение и совершенствование таланта в себе и в других, и применение его к каждому аспекту каждодневной жизни. Была создана и достигла расцвета почти за полвека относительно мирного времени цивилизация, которая, к сожалению, достаточно быстро исчезла под напором внешних обстоятельств. «Возрожденцы удивительным образом умели объединять самые возвышенные, самые духовные, часто даже платонические идеи с таким жизнерадостным, жизнеутверждающим, веселым и игривым настроением, которое иначе и назвать нельзя, как светским и даже земным. Как объединить неоплатонизм Флорентийской академии с царившим в ней беззаботным, привольным, порой игривым настроением – этот вопрос редко кому приходит в голову. А ведь флорентийцы – самые настоящие возрожденцы», – пишет строгий академик А.Ф. Лосев. Более восторженный П.П. Муратов пишет о том же как всегда возвышенно и красиво: «На необъятном кладбище истории, бесследно поглотившем целые народы, среди запутанного лабиринта могил, приютивших не вечные страсти, недовоплощенные порывы, не сделанные дела, памятник кватроченто возвышается одиноко и отдельно, прекрасный и законченный как создание художника».

Стендаль сформулировал трудность передачи своего чувства к произведению искусства и архитектуры или к целому городу: «Я отлично знаю, что на такие чувства можно только намекнуть, но сообщить их нельзя. Где-нибудь в другом месте подобные воспоминания могли бы показаться пошлыми, но для путешественника, находящегося на этих развалинах, воспоминания эти необъятно широки и глубоко волнуют. Человек, созданный для искусства, вроде Ж.-Ж. Руссо, читая в Париже самое правдивое описание Колизея, непременно подумал бы, что автор его впадает в крайности и поэтому смешон; а между тем автор только и думал о том, как бы приумень-

шить свои переживания, и боялся своего читателя...

Какая глупость – говорить о том, что любишь! Чего можно достичь этим? Удовольствия от своего собственного волнения, возникшего на один момент, как отражение чужого волнения. Но какой-нибудь глупец, раздраженный тем, что говорите только вы один, произнесет насмешливое словцо, которое осквернит ваши воспоминания. Отсюда, может быть, происходит стыдливость настоящей страсти...

Двадцати строк не переделал я в этих заметках... Тогда я был счастлив, а я ничего не ценю так, как счастье. Я не стану просить у публики прощенья за то, что предлагаю ей плохую книгу».

Автор этих строк впервые приехал во Флоренцию 27 мая 1993 года, утром того дня, когда террористы взорвали мощную бомбу, которая, по их расчетам, должна была полностью разрушить Галерею Уффици. С городом я был знаком скорее понаслышке, в основном по романам о любимом (по гипсовым копиям в Пушкинском музее) Микеланджело. В весеннюю сессию на юридическом факультете МГУ я вместо подготовки к экзамену по истории КПСС читал роман о Микеланджело чешского писателя Карела Шульца «Камень и боль», где о городе написаны такие строки: «Он вдыхал спящий город и вместе с ним весну, флорентийскую весну, в тысячу раз более прекрасную, чем все флорентийские весны, – флорентийскую весну, в которой всегда есть музыка, всегда что-то благоуханное и металлическое, всегда великолепие и кровь, пока из этого не возникнет флорентийская роза, из музыки, металла, красоты, крови и благоухания, прячущаяся в сумрак и молчаливая, трепещущая в голубом сне вечера».

От этих слов перехватывало дыхание, а слова «кровь» и «металл» воспринимались как яркие метафоры. С первого шага на флорентийскую почву выяснилось, что они имеют прямое значение.

В мае 2002 года один из шести Синьоров вице-мэр городского правительства Еугенио Джани показывал нам то место, где террористы оставили машину, начиненную взрывчаткой. На пути взрывной волны оказалась флорентийская башня XIII века, которая сама рассыпалась в пыль, но спасла галерею и подавляющее большинство ее шедевров. Суровые флорентийские строители дантовского времени заложили необходимый запас прочности

и прикрыли далеких потомков.

Грязные руки насилия всегда тянутся к прекрасному. Однако какой же прогресс насилия произошел с тех пор, когда даже эсэсовцы в 1944 году не решились взорвать Старый мост Понте Веккьо, а через линию фронта между немцами и американцами, которая проходила прямо по городу, по реке Арно, не стреляли орудия и танки. В 2001 году, через шесть дней после варварского разрушения гордости современной архитектуры в Нью-Йорке, мы учредили в Москве Флорентийское Общество.

Интересно, что нечто аналогичное было создано в Москве в разгар войны и террора весной 1918 года. Эта организация называлась Институт итальянской культуры, и ее возглавлял самый тонкий и страстный ценитель Флоренции – Павел Павлович Муратов. Другой признанный знаток всего флорентийского, Борис Зайцев, вспоминал о себе и Муратове: «В эти страшные годы мы виделись часто, и оба старались, уходя в литературу, совсем отстраненную от современности, уходить и от проклятой этой современности»⁵. «...А вот наше Studio Italiano. В Лавке писателей вывешивается плакат: «Цикл Рафаэля», «Венеция», «Данте»... На зимних курсах бывало в нашей аудитории холодно! Дамы и барышни, да и другие слушатели, сидели в шубах. Вряд ли когда-либо где-либо кроме России при такой обстановке шли чтения».

Но наше Флорентийское Общество не является стремлением уйти от современности. Скорее, его скрепляет желание сплотиться вокруг того лучшего, что эта современность еще сохранила. Вообще идеи флорентийских обществ и даже Всемирного Флорентийского Общества встречались в разное время и в разных странах. Русский эмигрант Александр Рогнедов пытался организовать всемирное общество друзей Флоренции под председательством знаменитого английского искусствоведа Беренсона с участием знаменитых финансистов и политиков из разных стран, но идея не получила дальнейшего развития.

Герцен в 1863 году начал рассматривать вопрос о переводе Вольной русской типографии и редакции «Колокола» из Лондона во Флоренцию, где его сын преподавал в местном университете.

---

⁵ А. Кара-Мурза. Знаменитые русские о Флоренции. М., 2001. С. 20–21.

В следующий двухмесячный приезд в 1867 году Герцен даже собрал вокруг себя небольшой интеллектуальный кружок – еще один прообраз российского Флорентийского Общества⁶.

Вице-мэр Флоренции Еугенио Джани рассказал нам, что ему известны зарубежные флорентийские землячества уроженцев города, но он впервые услышал о таком, как наше Флорентийское Общество, которое объединило в Москве в основном россиян, любящих Флоренцию и флорентийскую культуру. А еще он написал в предисловии к одной из книг Флорентийского Общества следующее:

«Эта книга представляет собой ценное свидетельство страстной любви к Флоренции людей, которым наш город обязан многим.

На протяжении нескольких лет группа влиятельных московских деятелей, основавших Флорентийское Общество, постоянно выступает с различными культурными инициативами, которые ближе знакомят Россию с Флоренцией и способствуют росту интереса к нашему городу. После падения железного занавеса, который более сорока лет разделял Восточную и Западную Европу, такие начинания, как Флорентийское Общество, сыграли важнейшую роль в организации встреч между двумя сторонами, в налаживании отношений и связей, в строительстве многонациональной и поликультурной Европы.

Петр Баренбойм сыграл ведущую роль в создании Флорентийского Общества в Москве наряду с другими выдающимися деятелями, представляющими гражданские и политические круги современной, динамично развивающейся, деятельной Москвы.

Как лицо, ответственное за международные связи Флоренции, я всегда вспоминаю то трепетное внимание, с каким Флорентийское Общество подготовило подписание Меморандума о сотрудничестве между Мэрией Флоренции и Московской думой 6 марта 2003 года. Дата подписания договора была выбрана не случайно: она совпала с днем рождения Микеланджело Буонарроти, сама же церемония проходила в Итальянском дворе ГМИИ им. А.С. Пушкина – имитации внутреннего двора флорентийского палаццо Барджелло, – в котором выставлена копия знаменитой ста-

---

⁶ Там же. С. 199–200.

туи Давида, а также копии других флорентийских скульптур. Это свидетельство жизни Флоренции в российской столице, Флоренции как центра цивилизации и культуры для всей Европы.

В тот же день прошла презентация прекрасной книги под редакцией Екатерины Гениевой и Петра Баренбойма «Хождения во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре». Я был поражен, осознав степень усердия, с которым выдающиеся русские деятели культуры на протяжении двух последних столетий занимались изучением нашего города, различных его аспектов, а также людей, которые в нем жили и творили.

Настоящая книга – еще одно свидетельство того, что изучение Флоренции в русской культуре продолжается, обогащаясь новыми ценными исследованиями. Несомненный интерес вызывает глава «Загадки капеллы Медичи», предлагающая оригинальное прочтение флорентийского шедевра Микеланджело, увековечившего память о Лоренцо Великолепном и его брате Джулиано с использованием скульптурных образов Утра и Ночи. Книга содержит много других ценных свидетельств, касающихся истории отношений Флоренции и Москвы, и закономерно завершается освещением работы Флорентийского Общества.

Если Флоренция действительно является «русской мечтой», то для сегодняшних флорентийцев большая честь с волнением осознавать, какой отпечаток оставил наш город в умах русской интеллигенции, выдающихся деятелей культуры, которые сегодня играют заметную роль в жизни московского и российского общества. Я убежден, что укрепление наших контактов приведет к еще большему взаимному духовному обогащению».

Ренессанс, который так удался флорентийцам в XV веке, является не чисто историческим (то есть оставшимся в истории) явлением, а скорее путеводителем по настоящему и по истории будущего. Воспоминания о Ренессансе – всегда «воспоминания о будущем». Когда Ренессанс станет прошлым, победит террор и закончится современная цивилизация. Не случайно информационное сообщение о создании Флорентийского Общества опубликовано в газете «Время новостей» от 17 сентября 2001 года под заголовком «Террор и Возрождение».

Приведем дословный текст этого сообщения:

«Ранним утром 27 мая 1993 года сицилийская мафия взорвала во Флоренции всемирно известную галерею Уффици и примыкающие дома. Люди и картины погибли во сне.

Галерея была символом европейской культуры. Торговый центр в Нью-Йорке был символом американской экономики и архитектуры. Это сопоставление доказывает: террор – не борьба мусульман и христиан, бедных и богатых, иноплеменников и соотечественников. Террор – прежде всего подавление духа и цивилизации как таковой.

Учрежденное в Москве осенью 2001 года Флорентийское Общество было задумано еще до американской трагедии. После нее тема Возрождения возникает как бы заново: теперь Ренессанс – это «воспоминания о будущем», о возможности подъема цивилизации после попытки ее разрушения...

Флорентийское Общество ставит своей целью способствовать Возрождению идей и ценностей Возрождения в России».

Флорентийское Общество хочет стать напоминанием о величии и возможности духовного подвига, совершенного во Флоренции XV века. Его, наверное, можно повторить или хотя бы попытаться повторить, конечно, по-другому. Не нужно отказываться насовсем от утопии. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Почему нет? Так бывает. Это навевает Флоренция, как она навеяла Рильке 100 лет назад.

I. Понимаешь – мы в самом начале.

Так, словно ничего еще не было.

За нами – тысяча

и один сон –

и никаких дел.

*II. Нет для меня ничего более блаженного,
чем знать это, Одно:*

что надо стать Зачинателем.

Кем-то, кто напишет первое слово

после тире, растянувшегося

на сотни лет.

Флоренция гордится тем, что в ней написана Чайковским опера «Пиковая дама», а Достоевским – роман «Идиот». Им она помогла. Может быть, сегодня она поможет кому-то из россиян сделать что-то великое.

Мы, конечно, играем Флорентийское общество. Не играемся, а играем. Как любительский оркестр еще не написанную «Флорентийскую симфонию» будущего.

**ДЕКАДЫ
ФЛОРЕНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
СТЕНОГРАММЫ И МАТЕРИАЛЫ
ЗАСЕДАНИЙ 2002-2017 ГГ.**

**СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ
ФЛОРЕНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ЦЕНТРА
«СТРАТЕГИЯ» «МАКИАВЕЛЛИ. ДИАЛОГ
ЧЕРЕЗ ВЕКА» 22 МАЯ 2017**

**МАКИАВЕЛЛИ: 520 ЛЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Вступительное слово М.А. Юсима

Предлагаемая вниманию читателя стенограмма является очередным изданием, предпринятым Флорентийским обществом, содружеством людей разных профессий, возрастов, жизненного опыта и так далее, объединенных любовью к Италии, итальянской истории и культуре, и прежде всего к столице итальянского Возрождения, Флоренции. Встречи Флорентийского общества происходят, насколько я знаю, не очень часто, во всяком случае, неравномерно, с перерывами, тем не менее, материалы этих встреч, как и другие подготавливаемые в рамках деятельности общества публикации, заслуживают внимания и вносят свой вклад в диалог культур и в пропаганду итальянской культуры в России; в известной степени, – и в обратном направлении, в пропаганду российской культуры в Италии.

Излишне говорить, насколько важен такой взаимообмен между двумя мировыми культурными державами: вклад Италии в копилку человечества на протяжении уже почти трех тысяч лет огромен, но огромен и вклад России, которая более тысячелетия была пространством взаимодействия самых разных духовных течений и школ Востока и Запада. За 17 лет своего существования Флорентийское общество приложило немало усилий для содействия благородной цели диалога культур, и эти усилия были оценены в том числе и на уровне послов и других официальных лиц, принимавших участие во встречах и заседаниях общества, о чем читатель сможет прочесть и в этой книге.

Настоящий сборник посвящен замечательной фигуре итальянского Возрождения, великому политическому мыслителю Никколò Макиавелли, что особенно приятно и значимо для меня, человека, на протяжении многих лет изучавшего его творчество. Макиавелли не просто прославил свою родину, Флоренцию, Тоскану и Италию, он стал одной из символических фигур в истории человечества, всегда вызывающей у тех, кто к нему обращается, пусть неоднозначный, но непременно неравнодушный отклик.

Тексты Макиавелли, как и тексты его современников, гуманистов, историков, политических теоретиков (таких как, например, Франческо Гвиччардини) на протяжении столетий умеют затрагивать струны человеческой души, они говорят о вещах, всегда нас волнующих, о мере добра и зла, о дозволенном и запретном, о законе и свободе, о видимом и внутреннем, о целях и результатах, о власти и о многом другом. Будучи плотью от плоти ренессансной культуры, они дороги нам не менее, чем самые прославленные шедевры Леонардо, Рафаэля и Микеланджело.

Макиавелли в былые времена не раз находился под запретом в разных странах и в разные эпохи; сегодня он может быть открыт и понятен для всех, но понятен по-своему. Это разнообразие мнений и суждений читатель найдет и в стенограмме, хотя его участники в подавляющем большинстве относятся к флорентийскому секретарю с симпатией и даже с пиететом. Особенность Макиавелли в том, что каждый читатель больше чем в других литературных диалогах (каковыми является всякое чтение) находит в нем себя и воспроизводит свое отношение к миру. Это заметно и в публикуемых стенограммах,

которые в силу жанра позволяют воспроизвести атмосферу живого общения, сиюминутного – иногда – рождения мыслей и слов.

В полной мере это относится к стенограмме последнего заседания Флорентийского общества, состоявшемся 22 мая 2017 г. в замечательном классическом особняке Федора Шехтеля благодаря любезности Центра «Стратегия» и Г.Э. Бурбулиса. Глава Центра в своем эмоциональном выступлении показал, насколько злободневной может быть реакция на вызовы, заложенные в сочинениях флорентийского секретаря, и насколько сильно она переплетается с личным опытом его читателей. Также он наметил несколько возможных направлений для дискуссии. Из других выступлений нельзя не упомянуть рассказ П.Д. Баренбойма о многолетней уже истории Флорентийского общества и о некоторых курьезах, связанных с Макиавелли в этом контексте. Академик РАН А.А. Гусейнов (ниже в сборнике затронул вопрос о расхождении репутации Макиавелли с его подлинными взглядами на мораль, а также о меритократии и власти. Известный политолог и историк русской эмиграции в Италии А.А. Кара-Мурза обратился к важной для него теме «Макиавелли и Пушкин». Действительно, Пушкин, не будучи одним из многочисленных «русских Макиавелли», как никто понял флорентинца, которого он назвал «великим знатоком природы человеческой». А.А. Кара-Мурза высказал несколько очень точных замечаний о российском государстве-Кентавре, Медном всаднике, его роли в нашей истории, его попытках обуздать хаос, противостоять хаосу, но и использовать хаос в своих целях – все это перекликается со знаменитым образом Фортуны как бурной реки у Макиавелли. В других выступлениях и в завершение дискуссии участники вернулись к вопросу о меритократии, который оказался одним из ключевых в разговоре, посвященном Макиавелли. Мое же мнение таково, что флорентийский секретарь, которого нередко упрекают в утопизме, прекрасно понимал, что идеал меритократии не был осуществлен ни в одном из реально существовавших государств, которые, как показывает история, зачастую были от него далеки как небо от земли.

Остальные материалы заседаний, в основном, являются переизданиями, в том числе и стенограмма заседания Флорентийского общества от 14.02.2002 г. Она не утратила актуальности и по сей день, и кроме того, ее повторная публикация является данью памяти

ушедшим ее участникам, в частности, Е.Ю. Гениевой, Ф.М. Бурлацкому и С.П. Капице. Любопытна также переключка стенограммы 2002 г. и того заседания, которое состоялось 15 лет спустя. Есть новые лица, есть прежние, что-то изменилось, но сохранение тем, аргументов и сюжетов примечательно.

Заключая это введение к сборнику «Новый Макиавелли», следует заметить, что Макиавелли всегда способен являться перед читателями в новом обличье. Возможно, это связано с такой его чертой: у тех, кому адресованы труды Макиавелли, создается впечатление, что для него обычно важнее вопрос, чем ответ. Не исключено, что сам автор разделял эту точку зрения. Макиавелли приписывали и до сих пор приписывают теорию о благой цели, которая оправдывает любые средства. Такой теории у него нет, но о взаимоотношениях целей и средств флорентинец много размышлял и писал; он хорошо понимал софистику упомянутой формулировки.

Сегодня только в России ежегодно выходят в свет несколько книг, посвященных Макиавелли, оригинальных и переводных. Данное обсуждение не предлагает систематического изложения или характеристики его учения, но разнообразие представленных здесь материалов позволяет взглянуть на флорентийского секретаря с нескольких точек зрения.

Как историк по профессии (если это профессия) я должен отметить, что далеко не все выступавшие на заседаниях придерживались исторической точности – а история, вопреки некоторым стереотипам, очень точная наука. Неточности допускались, разумеется, невольно, и, наверное, это до известной степени простительно, особенно в устных выступлениях, но главное, публикация подобных стенограмм позволяет судить о восприятии Макиавелли и его идей, иногда глубоко, часто искаженном, но всегда отражающем их сегодняшнее бытование. А это тоже история, как и богатейшая история «макиавеллизма», мифа о Макиавелли, продолжения бытия в творчестве и универсальной культуре.

Тех же, кто желает узнать «подлинного Макиавелли», хочется в очередной раз призвать к чтению его собственных сочинений и к чтению книг, позволяющих приблизиться к его эпохе.

БУРБУЛИС Г.Э.:

Добрый вечер, уважаемые коллеги, друзья, соратники! Много чудесного и необычного этот прекрасный шехтелевский особняк видел, слышал, но сегодня абсолютно уникальное событие, и его смысл очень сложно выразить в словах. Мы живем с вами в такую эпоху, когда естественная тревога за ближайшее будущее наполняется повышенным восторгом о чудесном прошлом. Мы совершенно естественно и искренне погружаемся в историко-культурное пространство разных веков, надеясь, что обретем там долгожданную душевную гармонию, желанную душевную гармонию. Каждый из нас делает это в неповторимой, индивидуальной форме. Но с этим обретенным духовным богатством невозможно жить в одиночку, возникает естественное желание поделиться, и не всегда это желание удается адекватно реализовать. Но желание это обостряется, потребность эта в высшей степени жизнотворная, и однажды наступит момент долгожданной встречи.

Есть такое чудесное историко-культурное жизненное пространство, как Флоренция. Никто из нормальных людей не может миновать своего устремления прикоснуться и погрузиться в это пространство, но среди нас есть те немногие, кто берет на себя радость, дерзость творческую и стараются это пространство приблизить. Так возникло Флорентийское общество, так возник коллектив, который с трепетом собирался в поездки, с огромной заинтересованностью поглощал и постигал все эти тайны и чудесные превращения. Ну, и вот однажды мы встретились с Петром Баренбоймом и сказали друг другу: «Хватит прятать. Этот капитал принадлежит всем, и это богатство только умножается от того, чем больше и чаще мы им делимся».

Несмотря на весь свой литовский сдержанный темперамент, я сегодня ликую, и, может быть, вы в какой-то момент это почувствуете, потому что нам предстоит прекрасная беседа. Она долгожданная, она желанная, и я надеюсь, что она будет бесконечной.

У Давида Самойлова есть такая лирически мудрая максима: «Мы – дети вечности и дня, грядущего и прошлого родня». Я ее считаю гениальной, потому что можно 15 курсов прочитать и про нашу чудесную трагическую историю, и про итальянский бесконечный мир, загадочный и привлекательный, но ощутить себя родней все-

му этому, суметь внутри себя почувствовать свою связь с вечностью и, несмотря на возраст, на звания, на награды, остаться ребенком. И еще более важный мотив этого духовного восторга – почувствовать в себе зов грядущего, того самого жизнетворного, духотворного, боготворного, рукотворного будущего, о грустном образе которого я начал сейчас это свое вступление.

Мы вам подарим вот этот прекрасный альбом «Архитектурная сказка Федора Шехтеля» и, видимо, будем чаще Флорентийское собрание проводить в нашем особняке – мы приготовим с вами что-нибудь.

В 1514 году Никколо Макиавелли был принят в очень сложное для себя время в сообщество выдающихся, блистательных людей – философов, ораторов, мыслителей, которые проводили свои диспуты в садах Ручеллаи. Если вы обратили внимание на нашу сегодняшнюю брошюру, то место проведения нашего заседания «Флоренция, 1514 год, сады Ручеллаи – Москва, 2017 год, особняк Шехтеля». Так начинается наш долгожданный диалог.

Сейчас я хочу сформулировать несколько очень важных для меня тезисов, прекрасно понимая, что среди нас есть глубокие, системные знатоки творчества Макиавелли, эпохи Возрождения и уникальных особенностей флорентийского Ренессанса. Много разных точек зрения на гений Макиавелли, но все наверняка сходились на том, что в эти годы Флоренция была центром мировой цивилизации. Это признание в такой безусловной и категоричной форме – я не знаю, заслуживал ли кто-нибудь, какое-либо пространство на планете Земля столь безусловного признания. Оказывается, одной из ключевых фигур этого выдающегося достижения мировой истории и культуры был конкретный, уникальный, во многих отношениях до сих пор не распознанный великий флорентиец.

Когда мы задумывали сегодняшнюю нашу вечеринку «В садах Ручеллаи», мы оговорились, что я предложу такую интригу интеллектуально-познавательную – диалог «Никкóло или «Никколó». Как правильно вообще, кто знает? Леш?

АЛЕКСЕЙ КАРА-МУРЗА:
– Я говорю «Ниóкколо».

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Пока угощение не принесли, будем говорить, кому как удобно.

Я подумал: он был гениальный человек, разносторонне одаренный, но с одной незаживающей травмой – его бесконечно тянуло во власть. При этом его страсть к обладанию властными полномочиями базировалась на глубочайшем убеждении, что он хорошо понимает, как надо управлять, и он справится с этой властной ролью. Ему хотелось создать Флоренцию, которая могла бы стать образцом для всей Италии, и у него был к этому безусловный дар. Ему хотелось создать новую страну, новое государство.

Геннадий Бурбулис никогда во власть не стремился. Всякий раз это получалось достаточно ситуативно, предопределенно, но – и это «но» для меня является принципиальным – нам с вами, нам с Борисом Николаевичем, нам с Егором Тимуровичем и с моими единомышленниками, удалось создать новое государство, создать новую страну. И вот в этом историческом диалоге, когда человек, безусловно рожденный для этой роли, по разным причинам так ее желая и страстно к ней стремясь и прочее, и мы, кто мечтал и до сих пор стремится к нечто иному, оказались в этом историческом выборе востребованы. Я горжусь тем, что наше правительство 1991-1993 годов было по определению изначально правительством меритократов. Мне показалось, что нужно было бы сегодня осмыслить великую жизнь, трагическую и возвышенную Никколо Макиавелли в этом контексте: как возможна меритократия в XXI веке, и почему нас бесконечно влечет и тянет погрузиться в этот мир флорентийского Ренессанса и разобраться в том, о чем мечтали, о чем переживали, к чему стремились, что было сокровенным, и что было в высшей степени важным для этих итальянских героев Возрождения.

Три тезиса я предложу сейчас для дискуссии.

Тезис первый. Мне кажется, очень важно, когда мы стремимся распознать системную сущность, системную природу того исторического культурного периода, и особенно личность и персону Макиавелли, приучить себя к некому интеллектуальному осмыслению. Почему? Да потому что если мы туда устремляемся, не имея ясного для себя убеждения, во имя чего мы туда идем, можно ли что-либо из прошлого, даже такого, казалось бы, очевидного и такого многократно изученного, переученного, что-то полезное и понятное воспри-

нять, если у тебя нет осмысленного и глубоко продуманного желанного образа будущего? Если ты погружаешься в ту действительность, не имея опоры ни в своей душе, ни в своем интеллекте, что ты там ищешь? Ты там найдешь все, что угодно. Это потрясающе, это захватывающе, это обезоруживающе как бы увлекающе, но ради чего?

Первый тезис: великая эпоха флорентийского Ренессанса и гениальная личность Макиавелли не может быть воспринята содержательно, в корректном виде, объективно, если мы не отдаем себе полный отчет, во имя чего и ради чего мы этим занимаемся. Если у нас нет своей мечты, если у нас нет своей надежды, если у нас нет своей веры, это может быть увлекательное путешествие очередное и в высшей степени беззаботное. Можно написать 15 книг, можно выступить с десятью докладами на международных конференциях, но не будет понятно, ради чего этим занимались.

Второе. Я вдруг понял, когда погрузился в очередной раз, что независимо от того, какого мы возраста, какой мы образовательной культуры и какой настоящей деятельности, мы, сознательные люди, сознательно находимся под воздействием трех историко-культурных, а может быть, немножко поглубже – ментальных установок. И они сосуществуют. Они в нас время от времени конкурентно как-то, значит, побеждают, но они сосуществуют, причем я настаиваю: это три установки, характеризующие сознание, мировоззрение каждого человека, независимо от его позиции и настоящего социального или научного статуса. Это эволюционизм, это алогизм и это утопизм.

Согласитесь, коллеги, самое типичное сегодня в среде высоких интеллектуалов, глубоких интеллектуалов – скрыто или явно присутствующая установка на алогизм, и тут даже неудобно в нашей аудитории это разъяснять. Система вызовов, угроз, потрясений, та масштабная неопределенность, сложность, разнообразие, которые сегодня характеризуют действительность в глобальном мире, внутри которого в некотором смысле утонула в своих предрассудках современная Россия, если ее отождествлять с критическим движением, не оставляет нормальному сознанию никакой надежды. Алогизм может быть смиренным, может быть активно-агрессивным, но это в нас есть.

Второе. Немало среди нас тех, кто прячется в своих исторических изысканиях и культурных устремлениях в такую форму, тоже

иногда бессознательно, как эволюционный снобизм. Социальный эволюционизм налицо, спирали крутятся, рано или поздно происходят какие-то качественные изменения, природа их сегодня все менее и менее рационально распознана, и более того, мы имеем сегодня столь мозаичную, столь разрушенную картину мира, когда невозможно в одной аудитории, собрав выдающихся социологов, политологов, философов, культурологов, конфликтологов, найти что-то друг для друга убедительно заражающее.

Ну, и, наконец, прекрасно душевный утопизм. В некотором смысле мое погружение в эпоху Макиавелли и вот этот немножечко игривый сюжет, который мы с Петром Баренбоймом согласовали, «Никколо Макиавелли и Геннадий Бурбулис: глобальный диалог о сокровенном», он связан, как я понимаю, ну, с моей принципиальной индивидуальностью. И это я могу сейчас вам, уважаемые коллеги, признаться в этом, потому что те мучения и те поучения, которыми переполнен «Государь» и все писания глубокие Макиавелли о том, в какой мере доступно для правителя насилие, жестокость, в какой мере он обязан научиться манипулировать народной поддержкой, в какой мере он не имеет права никому и ни в чем не доверять, то есть это не гимн аморализму, а это системное и последовательное признание в том, в чем Макиавелли видит глубинную сущность природы человека. И очень часто утверждается, что в этом его огромный вклад: он добросовестно и честно сказал вслух, что в большинстве своем люди злы, завистливы, склонны к насилию, им нельзя доверять, и это закон человеческой истории, человеческого общежития. И при этом он сохраняет безусловную веру в возможность создать государство как произведение искусства, в котором, в конечном счете, эта губительная сущность природы человеческой будет преобразована, будет каким-то образом обогащена стремлением к добру, к милосердию, к состраданию, к ответственности.

У Югенса Хабермаса есть потрясающее определение, когда он осмысливает феномен достоинства и прав человека. Это термин «реалистическая утопия». Я себя спокойно, уверенно и смело причисляю к таким человечкам. Я – реалистический утопист. Я всю свою деятельность публичную, властную, высоко, скажем, ответственную и с огромными полномочиями руководствовался именно этим пониманием сущности человека, своей собственной роли

и сущности и своих действий в самых невыносимых условиях, в самых непредсказуемых, самых неожиданных и нередко опасно-трагичных ситуациях.

Давайте попробуем подумать сегодня вместе. Мы олицетворяем особый совершенно, ответственный слой российского социума. Мы отвечаем за выработку ценностей и смыслов, мы отвечаем за культурную поколенческую традицию, отсутствие которой сегодня нас очень тяжело губит, и мы не можем в этом отношении особо друг перед другом похвастаться. Потрясающий в этом отношении источник, кладезь и, я бы так сказал, такой сундук разных богатств духовно-интеллектуальных нам дарит макиавеллиевская эпоха.

Я глубоко верующий человек в этом смысле, как реалистический утопист. Я могу признаться сегодня, что мое общение и мое погружение в эпоху Ренессанса и в духовную, прежде всего духовную биографию Макиавелли, укрепляет меня в моей вере. Я верю в то, что все люди рождаются равными в своем достоинстве и правах. Мы наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства. Я цитирую первую статью Всеобщей декларации прав человека. Я верю в то, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и знание и соблюдение прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Это вторая статья нашей родной российской Конституции.

Я верю в то, что существует нравственно-духовная гармония Вселенной, а каждый человек, в том числе, каждый из нас, сегодня здесь встретившийся, полномочный представитель Вселенной на планете Земля, и в этом своем предназначении представлять гармонию вселенскую, независимо от того, какой стиль, какой тип веры мы исповедуем, это наш долг, это наша обязанность, это наше призвание.

Я верю в то, что профессиональная политика XXI века является высшим видом творческой деятельности, и прежде всего потому, что ее результаты существенно влияют на жизнь миллионов и миллиардов людей. Но это высший вид творческой деятельности. Кстати, идея творчества политического, государственного, морального, правового, она тогда во времена Макиавелли очень серьезно, сильно зарождалась и укреплялась. Так вот, это творчество ни в коем случае не конкурирует и не унижает статус искусства, культуры, нравственности и духовности. Нет, просто политическое твор-

чество – изначально более сложная содержательно деятельность, потому что нужно принимать решения, опираясь на самое передовое знание, на современное научное, культуру, но никогда нет таких ситуаций, когда этого знания было бы достаточно, всегда сохраняется неопределенность. В ситуации неопределенности ценностно-смысловой каждый из нас обращается к своему опыту, можно сказать, художественного воображения. Мы из этой неопределенности выходим, создавая некий образ того, к чему мы стремимся, а это сердцевина деятельности искусств, художественный образ именно в этом и заключается по своей природе.

Хорошо, на современное знание ориентируемся, но неопределенность не снимается, художественное воображение развиваем, но нужно же принимать решения, и вот здесь для политики, как высшего творчества деятельности, ключевым выступает нравственно-духовный стержень личности. И в этом, я считаю, в этой триаде «истина – добро – красота», в этой триаде политика XXI века может и должна стать признанной как высшая форма творческой деятельности, и отнюдь не как декларация, декламация романтиков-утопистов – людей, которые создают желанное будущее, в это верят и добиваются того, чтобы их вера была воплощена.

Ну, и в заключение этого диалога с уважаемым Никколо Макиавелли я искал много-много, может быть, специалисты меня здесь выручат. В каком отношении был высочайший энциклопедист истории римско-итальянской Макиавелли по отношению к Марку Аврелию? У него есть одна реплика о том, что это был выдающийся император, обладавший безусловным авторитетом и доверием у своего народа, не допустивший ни одного поступка, который бы снизил его высокий внутренний критерий к человеческому отношению к себе и к людям, и не зря его великие размышления называются «Наедине с собой». Почему-то Макиавелли его вспоминает блестяще, безусловно, но скороговоркой. Да потому что жизнь и императорство, и воинские подвиги Марка Аврелия выпадают из общей традиции подлости и подвига «Управляй, властвуй и разделяй», «Хочешь, чтобы тебя уважали – применяй насилие власти», «Если боишься, чтобы тебя свергли, значит, озирайся по сторонам и души первым», «Если можешь, не раздумывай, поскольку возмездие может наступить уже завтра».

Ну, и в заключение, тоже может быть для дискуссии, мое кредо. Раньше стоики воспринимались с такой максимой своей, и она в веках воспроизводилась с признанием и почтением: «Делай, что должно, и будь что будет». Моя вера выражается в следующей мысли: делай, что должно, и будет то, о чем ты мечтаешь, на что ты надеешься и во что ты веришь. И мне кажется, – я даже почти в этом убежден, – что Никколо Макиавелли тоже в это верил. Спасибо. (*Аплодисменты.*)

Кто? Пожалуйста, флорентийцы.

БАРЕНБОЙМ П.Д.:

– Ну, вы даете, Геннадий Эдуардович, я такого поворота не ожидал. Это какая-то прилюдная исповедь перед Никколо Макиавелли. Вы как бы ему исповедуетесь, не спросив, готов ли он такую исповедь принять и не надо ли самому перед нами исповедаться. В глубине души, безусловно, вы сами себя считаете русским Макиавелли. Мы поэтому вас примем в почетные члены Флорентийского общества сегодня, потому что у нас во Флорентийском обществе обязательно по традиции человек считающий себя русским Макиавелли должен быть. У нас до этого членом Флорентийского общества был Федор Михайлович Бурлацкий, который, к сожалению, умер несколько лет назад, а вот он точно считал себя Макиавелли и так себя строил. Это вообще очень трудная миссия, но он Макиавелли все время уводил на советника, на помощника, то есть на свой должностной уровень. Я-то думаю, что у вас с Макиавелли как раз уровень одинаковый – первый вице-премьер правительства России, а это значит точное совпадение должностных полномочий с вторым секретарем, а по-сегодняшнему вице премьером правительства Флорентийской республики. (Большинство упускает из вида, что Макиавелли в течение более десятка лет был могущественным политическим деятелем, отвечавшим за дипломатию и оборону в сложнейшие времена флорентийской и итальянской истории. Политиком, удерживавшим за гриву такого льва как Чезаре Борджиа, который вместе со своим отцом римским папой Александром VI стремился покорить всю Италию, не исключая Флоренции.)

Это очень интересно, то, что вы говорите, потому что к Макиавелли можно подходить как угодно, и у каждого Макиавелли свой, но надо поставить вопрос о том, какой должна быть политика в XXI

веке, что мы можем в XXI веке спросить с политика через 5 веков после ухода Макиавелли. Он ушел 490 лет назад почти, без месяца, и он с нами все это время, его многообразные идеи живы, и эпоха Макиавелли продолжается до наших дней.

Здесь очень много людей, которые на самом деле о Макиавелли могут сказать очень содержательно, и я не могу надолго занимать ваше время, потому что как президент Флорентийского общества я должен пару слов сказать о нашем обществе, о Макиавелли, о том, как это тоже все завязалось, и это довольно странно, потому что Макиавелли, конечно, потенциально один из учредителей нашего общества, он на его создание тоже повлиял. Правильно уже было отмечено, что мы на начальной стадии работы флорентийского общества уделили Макиавелли чуть ли не центральное место. Это отчасти было связано с предшествующей созданию Флорентийского общества нашей с безвременно ушедшей Екатериной Юрьевной Гениевой инициативой по установке в Москве бюста великого флорентийца.

Мы можем говорить, что Флорентийское общество продолжает традиции Studio Italiano, которая в 1918 году была организована ведущими специалистами по Возрождению и просуществовала 5 лет. Кончилось, разумеется, поголовным арестом, тюрьмой, ЧК, потом освобождением и философским парходом, но далеко не для всех. Руководителем этого общества, его душой (и не одним из немногих, а единственным, я думаю, в истории российского стремления к Возрождению) был Павел Муратов, необыкновенно высокого уровня личность. У нас сегодня совершенно необычный день, потому что Ксения Михайловна Муратова, его внучатая племянница, и руководитель Фонда Муратова находится среди нас. Пожалуйста, покажитесь. *(Аплодисменты.)* Да, спасибо. Это огромная честь ваше присутствие и огромная ответственность в вашем присутствии проводить это заседание.

Флорентийское общество началось с Макиавелли. Ну, то есть оно началось, конечно, с академика РАН Олега Емельяновича Кутафина, который подал идею эту в ресторане на площади Синьории, спросив почему у нас нет Флорентийского общества? Позже общество было учреждено, а первые заседания были 15 лет назад посвящены Макиавелли, два подряд. Но перед этим так получилось – вот здесь стоит книга, и вы можете увидеть на обложке, ее автора –

Екатерину Юрьевну Гениеву, одну из учредителей нашего общества. Мы вместе установили в Москве бюст Макиавелли в 1996 году. Я горжусь, что я причастен к этому, идею подал, помог, но она установила. Гениева два года как ушла от нас и во Флоренции в честь нее названа пьезелла в одном из дворцов, Этот бюст работы итальянского скульптора, и я могу сказать, что этот скульптурный портрет Макиавелли лучший в мире, потому что если вы посмотрите на этого Макиавелли и на другие его изображения, то там человек уже во второй половине жизни – уставший, немножко надломленный, предчувствующий свою судьбу. А наш московский Макиавелли гордый, смотрящий ввысь, в то самое светлое будущее, о котором он думал тогда, и которое еще за 500 лет не наступило, а сейчас Геннадий Эдуардович предлагает снова в это поверить.

Во Флорентийском обществе много юристов, поэтому мы сразу в момент, когда еще этот бюст устанавливался, выделили момент, связанный с непонятостью Макиавелли и его роли в развитии философии права, особенно в создании современной доктрины разделения властей, которая необоснованно приписывается Монтеスキе. Вот непонятость Макиавелли, прочтение – Макиавелли по той линии, которую проводит российская конституционная школа, – человек, который лежит в основе современной системы разделения властей. А без разделения властей никакого светлого будущего у нас точно не наступит и никакой чистой политики не будет. Выделение роли Макиавелли именно как философа права, отделение его в этом смысле от политики и политической науки, создателем которой он, конечно, является, стало нашим российским вкладом в мировое «макиавеллиаведение». Эта линия началась с концептуальных работ Темнова и, особенно, Валерия Дмитриевича Зорькина в 80-е годы прошлого века и сейчас уже пару десятилетий развивается в рамках нашего Флорентийского общества.

Правильно отмечен некоторыми авторами уклон Флорентийского общества к созданию положительного образа Макиавелли, а то уж слишком много негатива на него вылили, притом часто и не читая его произведения. Это относится не только к его противникам. Я никогда не забуду, когда после установки этого бюста итальянский посол пригласил несколько человек к себе в резиденцию на ужин, и в числе приглашенных был председатель Конституцион-

ного суда Владимир Александрович Туманов, тонкий знаток Макиавелли. Посол, только что говоривший на открытии бюста речь о значении Макиавелли, когда народу стало немного и мы сели за стол, первый сказал тост: «Ну, слава Богу, мы тут одни. Конечно, никто из нас Макиавелли не читал». Прошло уже более 20 лет, но я до сих пор помню взгляд, вскинувшего голову Туманова.

К чему я это говорю? Вот мы в России тушуемся часто, а нам тушеваться не надо. У нас есть блестящие специалисты по Макиавелли. Чего стоит только присутствующий Марк Аркадьевич Юсим, который сделал новые адекватные переводы Макиавелли и нашел в нем новые смыслы.

Поэтому Макиавелли и Флорентийское общество, как-то переплелись их судьбы, и, видимо, без нахождения этого светлого будущего мы уже никуда не уйдем. Здесь каждый скажет о своем Макиавелли.

Макиавелли выходит на бис каждое очередное столетие. И уже видно, что 21 век не исключение. Это происходит потому, что его философско-правовое, историческое и политологическое учение несет в себе некий мощный и еще полностью не использованный интеллектуальный заряд. А главная составляющая его учения предопределена ренессансным гуманизмом, также местами неоднозначным и противоречивым.

Макиавелли пишет о «невооруженных пророках» без осуждения, потому что сам таким является.

Есть удивительные строки Евтушенко:

*Немыслим профессионал-пророк.
Бессмертны лишь герои-дилетанты,
Неловкие с эпохой дуэлянты,
Не знающие, как нажать курок.*

Вот он и был таким дуэлянтом. Только эпоха зла и бессмыслицы уж больно затянулась. Не скоро ему придется отойти от барьера.

И я хотел бы завершить свое выступление тем, с чего начал. У нас появился институт почетных членов Флорентийского общества, и я рад сообщить, что Геннадий Эдуардович Бурбулис при-

глашается стать почетным членом Флорентийского общества, что, вообще-то, порождает не только права так красиво называться, но и обязанности. Вам вручается галстук с флорентийской символикой Флоренции – флорентийскими лилиями. У меня на галстук они сразу видны, а здесь они почти скрыты в рисунке от первого взгляда. Мало ли что, вдруг придется переходить на нелегальное положение – мы будем узнавать друг друга по галстукам. (*Аплодисменты.*)

Спасибо!

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Спасибо большое. Я высоко ценю и признателен безмерно – и по-мальчишески, и со всей ответственностью, но, если вы меня за это сразу не лишите высокого звания и призвания, скажу, что не очень согласен с формулой «Бурбулис – российский Макиавелли». Мое кредо – я еще не договорил, и хорошо, что есть такая возможность, – каждый из нас является исторической личностью, независимо от того, какова его биография, кто он по профессии, какого он статуса. Историческая личность – прежде всего потому, что каждый из нас творит историю самого себя. Этим самым он творит историю своей семьи, этим самым он творит историю своего поколения, историю своей страны, историю нашего родного глобального мира. И пусть Бурбулис остается Бурбулисом, Макиавелли – великим флорентийцем, а мы-то с вами продолжаем этот поиск себя и своей собственной истории.

Но галстук, мне кажется, очень правильный подарок, потому что мне однажды подарили вот такую картинку. [Изображение Бурбулиса в костюме Макиавелли – *ред.*] (*Смех в зале.*) Это было задолго до того, когда мы с синьором Баренбоймом договорились пообщаться на все эти сокровенные темы. Я впервые как бы прикидываю, кто откуда и кто на кого похож, но картинка эта есть, и я признателен за признание, и давайте попробуем дальше шутить.

Вообще главный вопрос, который мы с вами мучительно для себя постоянно задаем: что мы должны делать, чтобы жить достойно наедине с собой, среди людей, в родной стране и в нашем родном глобальном мире? Что мы должны и можем делать?

Пожалуйста, коллеги. Пожалуйста, да. У нас есть Академия наук, то есть ее нет, но есть академики, которые есть.

ГУСЕЙНОВ А.А.:

– Макиавелли, как было отмечено, исследует государство объективно, беспристрастно; его анализ свободен от моральных ограничений и оценок и является в этом смысле сугубо реалистичным и научным. Но при этом для него государство – не просто объект, по отношению к которому он сам как исследователь остается сторонним и равнодушным наблюдателем. Нет, оно представляет для него высокую, даже высочайшую ценность. Он не просто изучает государство, он изучает его под углом зрения условий, которые необходимы для его укрепления и процветания. Макиавелли изучает национальное государство на самом драматичном этапе его становления, он мучим проблемой объединения Италии, её освобождения от иностранной зависимости, от позора и рабства, как он сам говорит. В признании высокого ценностного статуса государства Макиавелли продолжает антично-аристотелевский взгляд, но в отличие от последнего он отнюдь не считает, что благо государства и благо личности тождественны.

Книга Макиавелли заканчивается своего рода освободительным манифестом, в котором мыслитель говорит, ради чего и в какой перспективе он среди прочего призывал государя к решительности, способной перешагнуть через моральные ограничения. «Словно покинутая жизнью, ждет Италия, кто же сможет исцелить её раны, положит конец разграблению Ломбардии, поборам в Неаполе и Тоскане, излечит давно загноившиеся язвы. Посмотрите, как молит она Бога о ниспослании того, кто бы спас её от жестокостей и дерзости варваров! Посмотрите далее, как она вся готова стать под чье-нибудь знамя, лишь бы нашелся человек, который его поднимет». В контексте самой государственной политики зло рассматривается в качестве допустимого, политически целесообразного и необходимого, но отнюдь не желательного способа действия. «Не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступать на путь зла, если это необходимо» – такова чеканная формула Макиавелли, определяющая этические параметры политической деятельности. Тем самым мораль, хоть и в косвенной форме, играет регулятивную роль по отношению к политике, обозначая её, с моральной точки зрения, слабые, уязвимые пункты. «Таков порядок вещей, что никогда нельзя стараться избежать одного неудобства, не попадая в

другое. Благоразумие состоит в умении познавать свойства этих затруднений и принимать наименее скверное как хорошее».

Научиться отступать от добра – не значит потерять способность быть добрым и стать злым. Это значит, выработать в себе умение совершать злые дела в случае, если это будет политически необходимо. «Князю, – пишет Макиавелли, – необходимо уметь владеть природой как зверя, так и человека». Действуя так, властитель, воплощающий в себе волю государства, поднимается над противоположностью добра и зла, но не отменяет саму эту противоположность. Он перешагивает через неё во имя государства, но не отменяет, не «замораживает» на этот случай. Поскольку здесь речь идет о нарушениях морали, которые совершаются с открытыми глазами, с осознанием и пониманием того, что это именно нарушения, то сама мораль сохраняет автономность.

Стало едва ли не общим местом приписывать Макиавелли тезис, будто, с его точки зрения, морально оправдано все, что полезно государству и укрепляет его. Это неверно. Сам факт того, что Макиавелли разводит мораль и политику как различные реальности, заключает в себе определенное понимание морали. Освобождая политику от морали, он одновременно отделяет мораль от политики, и я бы добавил: отделяя, обретает. Государственно-политическое поле не является, не может быть ареной человеческой добродетельности. Различными могут быть политико-государственные устройства, их элиты, лидеры, различия эти сами по себе могут быть значительными и в определенных аспектах очень важными, но, тем не менее, ни в одном, даже самом реально (или мыслимо) оптимальном варианте они не могут быть отождествлены с моральным добром, не могут считаться образцом по моральным критериям. Излишне говорить, что этот урок Макиавелли плохо усвоен, чему доказательством является не только насыщенные моральной демагогией опыты политического тоталитаризма XX века, но и почти повсеместные стремления политиков рассуждать в терминах добра и зла, надежды на харизматических лидеров и т.п. Может и является преувеличением утверждение Альберта Швейцера о том, что гибель культуры начинается тогда, когда создание этики перепоручается государству. Но, совершенно несомненно, что признанием деградации самой этики является потеря ею критической дистанции по отношению к политике и государству.

Я тут сделал некоторые заметки по вашему выступлению, Геннадий Эдуардович.

Есть издание «Государя» (или «Князя») Макиавелли с комментариями Наполеона, но оно считается неподлинным. Оно вышло еще при жизни Наполеона, где-то, по-моему, в 1818 году. Есть апокриф об экземпляре «Государя» из библиотеки Сталина и с его пометками.

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Совершенно бесспорно, что и Гитлер, и Муссолини держали под подушкой.

ГУСЕЙНОВ А.А.:

– Сталинский экземпляр пропал. Есть предположение, что кто-то взял и не вернул его уже в последние (послесоветские) годы.

Но вот мы сейчас получили комментарий Геннадия Эдуардовича Бурбулиса. Не Наполеон, не Сталин, но ведь тоже действующий политик, который в переломный исторический момент был у руля нашего большого, великого государства.

Масштаб и значение Бурбулиса как политика – это особый и пока открытый вопрос. Важно, что он, имея опыт политика, принимавшего важные, можно сказать, судьбоносные для жизни огромной страны, решения, высказался о Макиавелли. Он, насколько я понимаю, рассматривает наследие Макиавелли сквозь призму разрабатываемой им концепции политософии. Хочу сказать, что я не встречал такой интерпретации взглядов Макиавелли, которая была бы столь противоположна тому, о чем писал сам Макиавелли в своем великом труде, чем то, что сегодня услышал от Геннадия Эдуардовича. Я бы сказал, что более противоположного прочтения Макиавелли, не только не встречал, но и невозможно представить.

Макиавелли разделял политику и мораль. Бурбулис соединяет их, более того, соединяет в такой конкретности, в рамках которой мораль рассматривается как определяющая основа (стержень) политики – и это, насколько понимаю, является не только его интеллектуальной позицией, но и личным убеждением.

Макиавелли рвался к власти, он любил власть, он и труд свой «Государь», как принято считать, ведь, написал, для того, чтобы вернуться во власть после опалы. Бурбулис не жаждал власти, как он

сам говорит, чему я на самом деле верю. Вполне верю, что он, будучи человеком убежденным и деятельным, не отказывался от возможности более активно влиять на состояние дел в обществе, от ответственности. Но все-таки не рвался во власть и не держался за нее. Его поведение после ухода из большой политики это подтверждает. Это различное отношение к власти, мне кажется, связано с различным пониманием взаимосвязи политики и морали, которое большинство исследователей находят у Макиавелли, и которое предлагает Бурбулис.

Макиавелли считается человеком, который превратил политику в науку. Он дал реалистический образ политики, который не только свободен от иллюзий, но и сами спряженные с политикой иллюзии рассматривает вполне технологически, как один из инструментов ее успешности. Бурбулис тоже реалист, реалистический утопист, как он сам говорит. И в этом смысле он рисует идеализированный образ политики. То есть мы имеем два противоположных подхода: в одном случае политика, концентрированная в государственной власти, понимается как нечто данное и заключающее в себе некую объективную логику, осмысление которой есть дело политической науки, и следование которой есть дело успешного (эффективного) государственного правления или борьбы за власть, во втором случае политика рассматривается как род долженствования.

Открытие Макиавелли, которое положило начало современной политической науке, а его имени придало нарицательный смысл политического имморализма, состояло в обосновании той истины, что успешная, ответственная и в этом смысле добротная (наилучшая), т.е. одним словом, адекватная государственная политика невозможна без посприяния определенных моральных принципов. Политика вне аморализма в принципе невозможна, она невозможна не в силу каких-то субъективных или ситуативных причин, а в силу природы самого феномена. Политика, поскольку она говорит от имени целого, от имени народа, имени государства, она не может не поспирать интересы отдельных индивидов, не может не переступать некоторые общепризнанные нормы, то есть не может не совершать действий, которые, с точки зрения морали, с точки зрения личного достоинства и представлений о том, какие действия допустимы и морально оправданы.

Богу – богово, кесарю – кесарево, сказал величайший учитель морали. Моральные действия, которые призваны оберегать душу человека и за которые он несет ответственность перед богом, исключают обман и насилие. А кесарь, который думает о благе государства и прочности своей власти, не может обойтись ни без обмана, ни без насилия. Очевидность реальных политических опытов, не знающих в этом отношении никаких исключений, избавляет от необходимости дополнительных доказательств данной истины. Поэтому к качествам хорошего князя-государя относится также его способность переступать моральные границы, делать то, что по человеческим (в том числе и по его собственным) критериям является моральным злом. Собственно говоря, в этом и состоял скандал, который был связан с именем Макиавелли, и причина, почему эта книга была запрещена, имела такую сложную судьбу. Геннадий Эдуардович, наоборот, дает нам образ политики, где истина, красота и добро соединены. Он вводит некую нравственную составляющую политики в качестве ее стержневого принципа. Его понимание политики находится в русле идей Аристотеля, который считал этику основной политической наукой, а смысл полиса и полисного существования прямо рассматривал как форму жизни ради прекрасного и в дополнение, в значительной мере в противовес которому Макиавелли развил свое политическое учение. Я не говорю, что Макиавелли прав, а Бурбулис ошибается. К политическим учениям, как и к самой политике, следует подходить исторически, их нельзя квалифицировать в рамках абстрактного противопоставления истины и заблуждения. Единственное, что я хочу сказать, состоит в следующем: это – разные, противоположно разные понимания политики.

Днями (совсем по другому поводу) я смотрел книгу Бухарина «Арабески философии», которую он написал, сидя в тюрьме в последний год своей жизни, которые он провел в тюрьме, ожидая суда, окончившегося, как мы знаем, расстрельным приговором. Это – большая книга, содержащая развернутую систему марксистской философии. Там у него есть маленький параграф об общественном идеале, в котором он говорит, что политика не может отказываться от общественного идеала, и они, эти идеалы, бывают разные. Был общественный идеал и у Макиавелли. То понимание политики, которое дает Макиавелли, точнее, та политическая реальность, тео-

ретическое осмысление которой мы находим у Макиавелли, заключается в себе определенный общественный идеал. Это был идеал национального государства. Макиавелли ведь стоял за национальное объединение Италии, он стоял за национальное государство. И вот, если иметь в виду, что политика всегда имеет ориентацию на некий идеал, рассуждения Геннадия Эдуардовича в методологическом плане можно считать продолжением линии интеллектуальных размышлений Макиавелли. Но причем тут меритократия, какую в качестве политического идеала формулирует Бурбулис? Как меритократия связана с идеалом национального государства, который вдохновлял Макиавелли? Все, шокирующие, вызывающие отторжение утверждения Макиавелли, за которые он и подвергался морализирующей критике, обосновывались и оправдывались им потребностями национального государства. Это было не просто национальное государство, а национальное государство на этапе становления, когда оно не только не может обойтись без насилия, но когда насилие выходит на первый план и приобретает открытую форму. Здесь на первом месте благо национального единства, соответствующая политика по своей природе и ориентации является демократической. А меритократия, насколько я понимаю, это же нечто другое. Это уже разновидность аристократизма, пусть не сословного, а аристократии достоинства, но, тем не менее, аристократизма.

Теперь пару слов о Макиавелли и макиавеллизме. Конечно, никто не будет отрицать, что Макиавелли связан с макиавеллизмом. Было бы, однако, большим огрублением утверждать, что он тождествен ему. Макиавелли считал, что успешная политика и вообще адекватная политика невозможна без посприя моральных норм и принципов, без действий, которые вызывают моральное негодование и осуждение. Государь должен быть способным на обман. Государь должен быть способным на жестокость и насилие. Но, о чем забывают многие критики и интерпретаторы, и что существенно для понимания позиции Макиавелли, на обман и насилие государь (т.е. государственный деятель, политик) обязан идти с открытыми глазами, с ясным пониманием и осознанием того, что он совершает моральное зло. Обман, насилие, другие аморальные действия тогда, когда они совершаются ради блага государства, тогда, когда они являются необходимым моментом успешной адекватной

политики, и в этих случаях они не перестают быть тем, чем они являются, то есть они не перестают быть аморальными действиями. Тот факт, что они служат политике, служат благу государства, не меняет их природы. И в этом смысле надо ясно понять и принять, что мораль как определенная форма культуры, мораль как определенный способ существования человека и политика, как определенный способ организации совместной жизни, – это вещи, которые различаются между собой. И между ними существуют противоречия, и их нельзя снять за счет того, что мы мораль подчиняем политике. Если мы, скажем, считаем, что с политической точки зрения необходимо совершить какое-то действие, которое с моральной точки зрения является предосудительным, то нельзя думать и исходить в своей реальной политике из того, что это действие будто теряет свой морально-предосудительный характер. Это один из моментов, показывающих, что в учении Макиавелли мораль сохраняет свою автономность, остается самостоятельной инстанцией оценки политики.

В таком взгляде, мне кажется, заключена не только трезвость, но и философская глубина Макиавелли. Его позиция в этом вопросе была искажена и извращена в понятии макиавеллизма в том расхожем виде, в каком оно закрепилось в общественном сознании... Макиавеллизм стал истолковываться как беспринципность в политике, стал синонимом политического аморализма. Вот этого сам Макиавелли никогда не утверждал, он включал аморализм в политику не как ее норму и уж вовсе не как желательной состояние, а как неизбежное зло, которое следует минимизировать в максимально возможной степени.

Мне кажется, полемика, как она здесь у нас обозначена, вполне справедливо охарактеризована как диалог о сокровенном. Если брать эту пару, этих двух государственных секретарей Бурбулиса и Макиавелли, и брать их не в их практической государственной деятельности (это уже совершенно другой вопрос), а в предлагаемых ими теоретических обобщениях, касающихся политики, брать их не как политиков, а как мыслителей, то я бы сказал, что Бурбулис это не русский Макиавелли, он скорее русский антипод Макиавелли. И это противопоставление – самое интересное в сегодняшнем нашем разговоре и вообще самое интересное в политической философии. И вопросы, которые являются центральными в рамках на-

правления, получившего название политософии, о том, как жить достойно и как возможна меритократия, суть именно те вопросы, которые мы должны обсуждать в первую очередь. Говоря применительно к герою сегодняшнего обсуждения, то вопрос сводится не к тому, чтобы понять Макиавелли и следовать ему, а к тому, как можно преодолеть его вместе с той политикой, вполне точный анализ которой он нам оставил. Может ли быть такая политика, которая не упиралась бы в необходимость перешагивать моральные принципы и законы? И если она возможна, то почему она политика, остается ли она политикой?

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Спасибо большое. У уважаемого академика Гусейнова был отнюдь не риторический вопрос – при чем здесь меритократия? Спасибо большое за эту занозу. И, дорожа культурой дискуссии и сдерживая себя, я скажу только в двух словах. Там немного в брошюре я это показываю, о том, что демократия XXI века не как ценность, а как практика, как система классических институтов, определяемых демократически, сегодня является либо декорацией, либо манипуляцией, либо опасным преувеличением так называемой воли большинства.

Я спрашиваю нас, каждого в отдельности и всех вместе – нам сколько нужно еще десятилетий, чтобы вот в этом мутном колодце священной коровы демократии терпеть сюрпризы Brexit? Сейчас они начинают с блестящим Евросоюзом торг, кто кому чего доплатит, и кто кого пошлет по нашей русской маме! Терпеть результаты референдума в Турции. И многое-многое другое, что я не буду перечислять, мы это все с вами прекрасно знаем.

Давайте вопрос зададим: что делать? Продолжать по этому кругу ходить? Партийные институты деградировали, не имеют никакого сегодня институционального значения, а являются такой реальной ширмой, маскхалатом. То, что сумела команда Трампа сделать на выборах, причем, я сейчас говорю про добросовестную работу блестящих диагностов того слоя американского общества, которое десятилетиями не голосовало.

Что делать нам с вами, мыслителям, теоретикам, историкам? У нас должна быть на самом деле такая, пусть пока воображаемая идея, идеал, без которой мы вообще не сможем быть вменяемыми.

Вот через 3-5 лет мы вообще не сможем быть вменяемыми, потому что отечественная ближайшая история нас научит многому. Там, видите ли, решили, надо 70 процентов чтоб пришло, и 70 проголосовало «за». Все остальное вторично.

Думаю, и очень буду признателен, что без идеи и идеала меритократии у нас просто нет даже познавательного, гносеологического, интеллектуального развития. Мы будем переливать консервативное, прогрессивное, прагматическое, популистское из одного кувшина в другой, но от этого не будет меняться реальность. Более того, она будет приобретать еще более зловещие формы, потому что мы имеем ситуацию глубочайшей деградации современных передовых идей, мы имеем деградацию лидеров политических, поскольку политика как раз перестала быть высшим видом творчества, а стала дежурной. Давайте думать, давайте разговаривать.

Вопрос из зала:

– Вопрос к Вам. Геннадий Эдуардович, как Вы думаете, вот сейчас Вы сказали про демократию, – а можем ли мы сейчас не смотреть на демократию как на икону? И, признавая демократию как систему, отказываться от тех элементов, которые наносят вред? В частности, сейчас под сомнение ставится всеобщность избирательного права. Для нас это кажется, может быть, как бы страшно, но, тем не менее. Можно?

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Здесь вопрос – кто заказывает музыку? Если сегодняшний режим, они с удовольствием отменят и выборы, и наши посиделки вечерние. Когда вы спрашиваете, деградировал институт волеизъявление большинством голосов? Да. Даже если не было никаких прямых фальсификаций, потому что это большинство манипулируемо. Кстати, это ключевая проблема Макиавелли. Народ, который не всегда понимает, в чем его интерес, по крайней мере, долговременный, и политик, который обязан предвидеть последствия этого непонимания и создавать какие-то формы стабильности режима и так далее. Пожалуйста, давайте. Вот эта интрига – есть ли будущее у идеи меритократии, и когда мы с вами объединимся в этом? Потому что здесь в одиночку ничего не сделать.

ФОМИН М.:

– Я, как сказал английский король Генрих VIII своей очередной жене, вас долго не задержу. Меня зовут Максим Фомин, я тоже представитель Академии наук, Институт мировой экономики и международных отношений, ИМЭМО РАН. Не просто выступать после уважаемого академика Гусейнова, но не в пику ему, а дополняя, я попробую представить свою версию, почему меритократия, почему Макиавелли. Вот вы упоминали, что у многих лидеров Макиавелли был чуть ли не под подушкой. Допустим, известен факт, что Ришелье держал на столе требник и Макиавелли одновременно.

Об этом спорят его биографы, но биографы признают один факт – что Ришелье утверждал, требовал от свиты управлять своим намерением. Этот термин пришел от казуистов, что в дословном переводе означает наметить и предпринять свои действия, которые первоначально были достойны порицания. То есть сиречь это по Макиавелли то, что о чем сейчас был разговор.

Меня, когда я еще в свое время обучался в дипломатической академии, очень поражало некоторое мнение своих однокурсников однобокое – при слове «Макиавелли» они как-то сразу начинали уходить действительно в макиавеллизм. То есть – о, это государственный переворот или конституционный переворот, это некие действия, которые попирают нормы морали и права для того, чтобы оправдать действия государя. Это очень однобокая трактовка, забывая, первое, что, прежде всего, Макиавелли – это конституционный принцип разделения властей, а второе, Макиавелли – это культ свободы, потому что Макиавелли был, прежде всего, республиканец. А республика без меритократии невозможна, это уже не республика.

Поэтому, говоря о том, что разделение властей – это адекватные времени и работающие институты, суд, образование, институт собственности, это культура свободы, которая вкупе дает реальное воспроизводящее развитие. Это то, чего сейчас нет. И пока этого принципа разделения властей не будет, пока они не будут адекватны и не будут работать, и не будет этой культуры свободы, которая будет давать это воспроизводящее развитие, мы, к сожалению, ничего не добьемся. И пока, самое главное, школьники, студенты и слушатели не будут правильно и адекватно трактовать Макиавелли в нормальной коннотации, а не в коннотации макиавеллизма, мы,

наверное, тоже ничего не добьемся. Поэтому войну выигрывает учитель, как известно. Поэтому здесь большой фронт работ. Спасибо.

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Спасибо. Мне кажется, очень интересный поворот в нашу ответственность в сфере учительства, в сфере наставничества, в сфере педагогической практики, образовательной практики. Мы же много страдаем от того, что социальный механизм значительно более эффективен с точки зрения временных целей и задач, чем классическая стабильная межпоколенческая культурная трансляция. Мы заходим в аудиторию университетскую и знаем, что из 100 слушателей твоей беседы или лекции делают это на самом деле осмысленно в лучшем случае 20 человек. В лучшем случае 20 человек. И мы понимаем, что из этих 20 человек в лучшем случае 10-15 вечером задумаются о том, что пришлось или удалось в течение дня качественно нового узнать и услышать.

Алексей Кара-Мурза, профессор, наш системный многолетний исследователь русского, российского наследства в Италии, но у него есть еще одно уникальное качество – он был советником правительства меритократов. Да. И мне тем более приятно сейчас Лешу послушать.

КАРА-МУРЗА А.:

– Спасибо, Геннадий Эдуардович. Я тут еще в одном качестве как вице-президент Флорентийского общества, у меня, кстати, такой же галстук, только другого цвета, это большая ценность, я вам подтверждаю это. Я вот свою книжечку поближе тут. Дело в том, что это загадка некоторая, почему именно русская культура, русская душа так особенно восприимчива к проблематике Макиавелли. Все занимаются Макиавелли – и Ришелье под подушкой держал, и может быть, и Гитлер тоже. Но вот так, чтобы каждый, даже не имеющий отношения к власти, а чурающийся, предположим, власти, вот чтоб так интересовался Макиавелли, это удивительно.

Эта книга уже принадлежит Геннадию Эдуардовичу, но написал все-таки ее я, «Знаменитый русский о Флоренции», 2-е издание. Прошло 15 лет, и я эту книгу удвоил, и там нынешние мои герои в основном русские философы. Одно из первых посещений – это идут

в палаццо Веккьо в кабинет Макиавелли, там стоит его бюст, а потом идут в Санта-Кроче на могилу Макиавелли. Сейчас итальянцы соорудили и берут за это деньги, между прочим. Еще мы когда ходили, вот Флорентийское общество, когда ездил, мы еще бесплатно ходили. Саша Захаров был. Многих уже нет, а Кати Гениевой покойной, и искусствоведа Комеча с нами нет.

Но Флорентийское общество живо. Вот туда почему-то тянет. Кто такой, что. Почему, во Флоренции есть из кого выбрать из деятелей культуры, искусства, в первую очередь. Нет, считается, действительно, так полагали, что политика – высшая форма искусства и культуры. Вот пощупать, какая загадка здесь, почему во Флоренции получилась политика нормальная, хотя Никколо был сослан, и что бы он там ни писал, его назад-то толком и не вернули. И противоречиво писал. Потому что «Государь» – это одно, а «Декада Тита Ливия» – это уже совсем другое. В последней и разделение властей, и республика, и так далее.

Это загадка, которую я тоже пытался разгадать, в моей книге об этом много есть. Бердяев приезжает, чурающийся политики, написал «Смысл творчества» во Флоренции. Чего его потянуло на могилу Макиавелли? Достоевский ходит. Наши философы, от Чаадаева и до Ивана Ильина, обязательно идут к Макиавелли. Что они там думали? Они многое не написали, большую часть не написали. Значит, мы додумываем эти вещи за них.

Так вот сегодняшняя тема, конечно, такая провокационная, Никколо Макиавелли и Геннадий Бурбулис. Сколько я Макиавелли занимаюсь, уже несколько десятков лет, а с Геннадием Эдуардовичем мы, по-моему, в 1992-м познакомились, и так с тех пор довольно крепко дружим и общаемся, то вот я попытаюсь здесь кое-какие стежки, новые, возможно. Я думаю, нам третья фигура здесь, Геннадий Эдуардович, понадобится. Вот здесь в зале на портрете Александр Сергеевич Пушкин. Кто его сюда поставил, я не знаю. Может быть, тот самый, который бутылку воды все время ставил? Может быть, и он как раз. Молодец, кстати. Премия по стратегии. Вы сами?

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Это я поставил.

КАРА-МУРЗА А.:

– Пушкин – декабрист без Декабря. Вот тема «Пушкин и Макиавелли» – это была моя тема, 20 лет назад начатая, и я с тех пор ее долблю в разных вариантах. Дело в том, что пушкинский «Медный всадник» – это парафраз на тему «Государя» Макиавелли. Об этом сейчас уже начинают говорить, и мне начинают говорить как очевидцы, 20 лет назад это только я говорил, сейчас итальянцы подтянулись, поляки об этом активно выступают, кое-кто цитирует правильно.

Ну хорошо. В чем дело, что Пушкин вдруг сделал? Смотрите, тут есть специалисты по «Государю» и переводчики. Главный герой «Государя» Макиавелли, правда, это там, по-моему, 26-я глава, это вот растекающееся по миру зло, против которого стоит государь Кентавр. Главная тема «Медного всадника» Пушкина – это наводнение Невы и образ Медного всадника, который удерживает русский хаос. Россию поднял на дыбы над бездной.

И вот эта тема, сейчас, Геннадий Эдуардович, вы подумаете, а потом в очень удачное время спросите. Я кого ни спрашивал из очевидцев, никак не могли понять. Тот, кто постарше – а здесь, по-моему, есть депутаты, вот Сережу вижу, может быть, еще кто-то есть, – из тех, кто первый набор гайдаровско-бурбулисовской партии, «Демократический выбор России» составил. Чего вы взяли медного всадника в качестве герба ДВР? Многие потом говорили: «Они что вообще?» Россию поднял на дыбы. Какая демократическая партия, о чем вы говорите? Какая либеральная? Петра Первого, причем, не Петра просто Первого, а фальконетовский образ государя, поднявшего Россию на дыбы. Потом говорят: «Да, они потом это с Россией-то и сделали». Честные люди оказались. Говорят: «Мы поднимем на дыбы». Они так и подняли.

Тогда это была загадка. Может быть, сейчас раскроется. В 1993 год встретились Макиавелли и Бурбулис. Что там было? Мне никто не мог сказать. Егора Тимуровича нет. Там ребята были. Не помню, говорят: «Художник пришел, нам понравилось, все проголосовали». А подноготная вот этой вещи, некоторая такая философия, что было в голове, мне кажется, очень коррелирует с тем, что сегодня происходит в зале, и тем, что вы нам говорили. Что-то здесь есть.

Дело в том, что идея и Макиавелли, и Пушкина в «Медном всаднике» – что главная задача государя, не быть моральным, а удерживать

страну от хаоса. Все, больше ничего пока не надо, о морали будем говорить потом. Ты с небытием разберись, а потом будем говорить о морали. Вот это концепция Пушкина, который считал, что империя на тот момент была права.

Посмотрите образ Александра I в «Медном всаднике» – вялый лидер вышел на балкон, смотрит наводнение, ничего сделать не может. Ненормальный лидер, плохой лидер. Хотя многие говорили: «Какой замечательный был император – тихий, ушел как-то так незаметно, неизвестно куда». А Пушкин его забраковал сразу. Он его, правда, и при жизни-то не любил, а здесь окончательно с ним расправился. Это не государь, пишет Пушкин, это ложный государь. Он не знает, что делать с хаосом.

По мнению Пушкина, на тот момент империя была права, надо было удержать Россию от хаоса. И она ее собрала, удержала, и тем самым была исторически права. А были это моральные методы? Пятерых друзей Пушкина казнили – это морально было? Естественно, он декабрист без декабря оказался. Но Пушкин не застал уже эти времена.

А времена-то изменились. И уже не только с Макиавелли, но уже и с Пушкиным начинают спорить другие русские авторы. Почитайте «Петербург» Андрея Белого. Прямая полемика с Пушкиным. Медный всадник опять действует, опять на дыбах стоит. Но, по мнению Андрея Белого, Медный всадник уже не защищает Россию от хаоса, а сам провоцирует хаос. Государство – главный хаотизатор России. Государство породило у нас революцию, в год столетия того кошмара, на мой взгляд, это чрезвычайно актуально. Не нашлось ни одной силы, которая бы победила русский хаос. Ни самодержавие, ни, увы, парламент, ни военная диктатура – никто не победил хаос. Победили те, кто сделал ставку сначала на хаос, а потом из этого собрал уже кое-что железной рукой. Поэтому тема вечная. Кто такой у нас сейчас Медный всадник, это что? Это государь Кентавр, там не поймешь, где начинается человек, и кончается лошадь. Человек с копытами, который стоит, давит змею и Россию держит над бездной. Вот надо ли Россию сейчас держать над бездной или пора уже, в общем-то, отпустить Россию, потому что общество лучше, чем государство? Не мучай государство... к государству обращаюсь, не мучай общество, отпусти чуть-чуть, как говорил Андрей

Белый, или по-прежнему на дыбах. Вот, на мой взгляд, тема, в которой, мне кажется, ваше правительство разбиралось очень долго. И я на вашей стороне всегда, как вы знаете, был. А вот сейчас что? Поэтому, мне кажется, у нас вот в этот год столетия всех наших дел, сегодня очень интересное заседание. Спасибо.

БАРЕНБОЙМ П.Д.:

– Раз так много «Медного всадника», просил бы реплику. Правильно, что поэзию вспомнили. Никколо был хороший поэт и драматург, автор пьесы «Мандрагора», вдохновившей потом Сомерсета Моэма на художественную зарисовку образа самого Макиавелли. Поэтому и яркий литературный стиль, и не отпускающая до последней страницы драматургия его произведений.

Сам я из Пятигорска, мы там больше на Лермонтове воспитаны. Но зачат, по авторитетным источникам, на 11-ой линии Васильевского острова, через реку от «Медного всадника». Так что не чужой.

И здесь два образа возникают. Вспомним стих Анненского о памятнике:

*Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.
А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.
Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.*

Первый образ связан со змеей под копытом коня Петра не раздавленной государственной бюрократии, которую сегодня никто и не давит. А второй образ с тем, что вокруг этого памятника развернулась вся конституционная история России. Сначала там расстреливали из пушек правовестников и как бы защитников будущей первой российской Конституции, а затем Конституционный суд РФ

переехал в возвышающееся над «Медным всадником» здание Сената, прихватив со стороны Английской набережной еще и особняк Лавалья, в котором когда-то декабристы и формулировали идеи первой Конституции. Поэтому образы пришпоривающего страну абсолютного самодержавия и сдерживающего его конституционного начала сошлись здесь на площади Декабристов. Самодержавному началу российской президентской власти Конституционный суд пытался дать отпор в 1993 году, но еще в старом здании в Москве, небольшая площадь перед которым не давала бы развернуть орудия. А тут все уже двести лет как пристреляно для прямой наводки. И кто выйдет на защиту Конституции сегодня? На стихе Галича и закончу:

*..Быть бы мне поспокойней,
Не казаться, а быть!
...Здесь мосты, словно кони, -
По ночам на дыбы!
Здесь всегда по квадрату
На рассвете полки -
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!*

.....
*И всё так же, не проще,
Век наш пробует нас:
Можешь выйти на площадь?
Смеешь выйти на площадь?
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!*

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Была одна очень важная акцентированная тема. Когда мы говорим – политика и мораль, – однозначно ли мы понимаем, что такое мораль, и что такое политика? У Канта, полжизни он этому посвятил, чтобы ответить самому себе на такой вопрос – как соотносятся знания, вера и нравственность. И когда вдруг он формулирует, казалось бы, односложно и однозначно, если бы не было свободы, не было

бы в нас морального закона. И знание нам нужно не для того, чтобы облегчить нашу жизнь. Для этого есть сфера должного, есть моральный закон в нас. Знание дано, чтобы нам ориентироваться и, если угодно, эффективней действовать.

Согласитесь, когда в вынужденной ситуации применяются средства и меры насилия как малое зло, в том числе, Алексей, и идея хаоса как грядущая неуправляемая катастрофа, которую ты обязан предотвратить в рамках реальных условий, оказывается, моральным и нравственным является действие, когда вы осознанно, осмысленно, в том числе и оберегая свободу как абсолют, применяете зло в той мере и в той форме, без которого нет желанного и будущего.

Согласитесь, коллеги, и наша история с Петром Первым, она доказывает, что мы были в каких-то отношениях дилетантски наивными и не имели даже багажа, чтобы взглянуть на свою ситуацию предельного выбора с тонкой образной, символически, энергетически заражающей определенностью, может быть, даже с умением варьировать, какие-то вариации предлагать, поскольку на рациональном уровне даже до сегодняшнего дня люди так и не понимают, что предлагала наша программа, и в чем заключалась эта реформаторская стратегия. Пожалуйста, много желающих.

Один из глубочайших и широчайших знатоков – Марк Аркадьевич Юсим.

ЮСИМ М.А.:

– Спасибо. Во-первых, надо сказать, что я рад присутствовать на заседании Флорентийского общества, потому что 15 лет назад тоже было такое же заседание, и я тоже в нем участвовал. Галстук пока не дали, это не страшно, еще все впереди. То заседание тоже было посвящено Макиавелли. Но я, во-первых, хотел сказать, что за эти 15 лет, конечно, много воды утекло, масса книг всяких вышло и про Макиавелли, и про Флоренцию, и в том числе у нас, и в том числе при моем участии. Я действительно занимаюсь на протяжении многих лет Макиавелли, и за это время были переизданы две моих монографии. Одна из них, кстати, называется «Макиавелли в России», и я там писал о Пушкине и о «Медном всаднике», но, конечно, коротко. Это было еще в 1995 году.

По моему предложению в Москве была проведена международная конференция «Перечитывая Макиавелли». В этой связи я написал статью «Макиавелли и новые государи в эпоху политехнологий». Интересная тема, касающаяся и России. Единственное, что мне до наших дней не удалось дойти, поскольку свыше было высказано пожелание, чтобы самых последних лет не касаться. Но, тем не менее, это на нашу тему.

И, наконец, вот сейчас я подготовил к печати перевод огромного труда Франческо Гвиччардини «История Италии». А Гвиччардини – это почти второй Макиавелли, всегда в его тени, но не менее интересный и важный писатель, близкий ему по своим взглядам. К сожалению, это издание немножко сейчас задерживается по практическим причинам, но я надеюсь, что оно будет, увидит свет, как и многие другие книги по истории Флоренции, которые уже были изданы. Вот, кстати, вышла еще «Хроника» Дино Компаньи, это флорентийская хроника времен Данте.

Теперь по теме дискуссии пару слов я скажу, и возвращаясь к тому, что предложил обсуждать Геннадий Эдуардович, выскажусь очень коротко по трем этим пунктам. Во-первых, зачем мы обращаемся к истории? Зачем Леонардо да Винчи писал свои картины, или Данте написал «Божественную комедию»? Вообще-то и ради денег тоже. Это было их профессией. Кстати, если бы Данте не оказался в изгнании, он бы «Комедию», может быть, и не написал, потому что неплохо был устроен во Флоренции, а лишь потом пришлось думать о том, как зарабатывать при разных дворах Италии на жизнь.

Но все-таки люди эти занимались искусством не для того, чтобы... не только ради профессии, а потому, что их к этому влекло. Ведь история, как и искусство, отвечает на внутреннюю потребность человека в познании, в разных формах познания, и не случайно, что человек выбирает эту стезю. К сожалению, история повторяется, я бы так сказал. Удивительно, – люди обладают свободой воли, но они не могут избежать тех же ошибок, которые совершали их предки. По пословице, все время наступают на те же грабли. Как бы мы ни старались от этого уйти, но история повторяется, и поэтому люди, тянущиеся к знаниям, пытаются все-таки в ней что-то вычитать, что-то понять, почему так происходит.

И отсюда перехожу ко второму тезису, об алармизме, утопизме. Почему Макиавелли нам ценен и так актуален наряду с другими героями эпохи Возрождения, нам близкими и важными для нас? Потому что Макиавелли как раз поставил эти вопросы, в конечном счете неразрешимые. Вот почему так получается, почему люди поступают так, хотят как лучше, по известному выражению, а получается как всегда? Почему поставленные цели никогда в полной мере не соответствуют результату, но почему же не соответствуют? Вот отвечая на этот вопрос, мы обращаемся к Макиавелли, и он заставляет нас все время об этом думать и что-то, наверное, подсказывает.

И по поводу третьего тезиса, перехожу к нему. Кто же был сам Макиавелли, какова его роль в истории? Здесь я не со всем сказанным согласен, дискуссия позволяет полемизировать, в частности, с утверждением о том, что Макиавелли жаждал власти. Я бы по-другому сформулировал – Макиавелли жаждал быть при власти. То есть он себя мыслил как ученый, политический философ, мы бы сейчас сказали, человек, который понимает что-то во власти.

Но профессия философа и профессия правителя – они совершенно разные, они требуют разных качеств и разных способностей. И Макиавелли был, в общем-то, советником государя. Наверное, это его как раз с вами, Геннадий Эдуардович, и роднит. То есть он был человек, который помогал. Его называли еще чем-то вроде «серого кардинала», его называли «маннерино», это по-итальянски такое словечко, почти «теневой правитель», его недруги так называли. Ну и как мы знаем, как практический политик он мало чего достиг, да это было и не в его власти. Оказалось, что его главное наследие – философия политики, его труды.

Если сравнить с упомянутым мной Франческо Гвиччардини, который, в отличие от Макиавелли, был не только писателем на склоне лет, но он был и политическим деятелем, он руководил всей армией Коньякской лиги как представитель папы, он как бы замещал папу, достиг высот в политике. И все это кончилось крахом, к сожалению, всей их мечты, всех их целей, для Италии все их призывы освободить Италию от варваров закончились порабощением, хотя и позднее этих мыслителей уважали за рано проявившийся итальянский патриотизм. Ну, действительно, да, цель была высокая. Но в конечном счете эти люди, мыслившие о политике, они, к сожалению, пришли к

выводу, что во многом их усилия были напрасны. Не во всем, конечно. Они оставили для нас свои идеи, свои мысли.

И теперь последнее, о политике и морали. Тема, конечно, безбрежная. Во-первых, нельзя мыслить политику и мораль как нечто навсегда и раз данное. У Макиавелли есть понимание этого присутствия, перетекания одного в другое, добра во зло и наоборот. Это важно. Вот у меня сейчас такая формула родилась, перефразируя известное выражение: политика – это проведение морали другими средствами. Примерно так. То есть это две сферы человеческой деятельности, которые очень близки. Политика – это сфера практическая, мораль – сфера этики. Они не противоречат друг другу, но политика – это своего рода антипод морали, вызванный условиями нашего существования, некое противоречие, заложенное в самой морали и в природе вещей.

К сожалению, люди тщетно пытались построить идеальное общество. Кстати, Макиавелли тоже упрекали в утопизме за то, что он был человек достаточно увлекающийся и сохранивший моральные критерии, и, может быть, поэтому в политической сфере неудачник. К сожалению, подобные попытки пока не увенчались успехом. Вот социализм, собственно, и советское общество тоже было попыткой построить такое государство, где людей ценили бы по заслугам. Вообще теоретики думали, что государство со временем само собой отомрет. К сожалению, пока не получилось. Сейчас наша страна, по-моему, движется совсем в противоположную сторону, удаленную от меритократии, и тут есть над чем подумать, почему же так получается опять.

К сожалению, есть такое противоречие. Все советники государя, все русские Макиавелли, я как раз это в своей книге исследовал, начиная от Ивана Пересветова, потом это был князь Дмитрий Голицын, потом это был Павел Пестель, которого называли русским Макиавелли, они все пытались как-то преобразовать страну, дать правителям, начиная от Ивана Грозного, свои советы, что как правило заканчивалось для них не очень хорошо. Видимо, такова природа политики, государства, что философы не совсем пригодны для этой роли, а сами государи не очень любят, когда их учат. Вот в этом, наверное, причина печальных судеб советников государя.

Но, тем не менее, есть простой критерий для суждений о политике, известный еще с античности. Когда государь действует ради общего блага, то это достойный государь и правильный. Когда он думает о себе, это аморально, это тиран. Впрочем, эти цели не всегда легко распознать и отделить друг от друга. Ну, об этом еще можно бесконечно рассуждать. Спасибо большое, что пригласили и дали выступить.

–

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Спасибо большое. Будем их изучать, читать и обсуждать. Есть такой огромный соблазн. Вообще, в чем прелесть отсутствия политических властных возможностей? Ты начинаешь, и у Макиавелли это было часто, он начинает интенсивно заниматься историей, он начинает интенсивно изучать, творить, писать. Многие здесь знают, и я очень признателен, мы с вами придумали политософию. Мне кажется, вот это вождеденное и в высшей степени востребованное распознавание внутренней взаимосвязи политики и морали, их неразлучность, политики и морали, снимается, снимается вот в нашей концепции политософии.

И за счет двух абсолютно, на мой взгляд, выстраданных и востребованных ценностей – это ценность мудрости и ценность достоинства. Когда Кант говорит, что понятие мудрости означает собственно лишь свойство воли соответствовать высшему благу. И какими бы конкретными формами мудрствования, мудрости мы для ни открывали в себе, их все объединяет вот этот ток, эта энергетика благо.

Почему я говорю, что меритократия – единственная сегодня идея и идеал, который позволяет нам, нам с вами, в нашей уже, в нашем сообществе обрести какую-то почву под ногами, и не потеряться, в том числе и в рамках своих воспоминаний и своих раздумий? Да потому что ценность достоинства тоже, безусловно, первична. И достоинство – самое сложное, и самое важное, и самое нужное, это наедине с собой.

Я вообще достоинство понимаю как высшую форму человеческого бытия, которое проявляется в человеке и личности его как способности к свободе и как гражданину к ответственности. Более того,

достоинство – это распознавание человеком своего призвания, утратив которое, не найдя которое, нам очень легко переваливаться с одной, скажем, зависимости от другой, с одного импульса морального к аморальному, и вообще все прагматически может быть объяснено.

И для меня меритократия – это не классическое определение власти достойных и не утопия. Потому что сегодня мы имеем авторскую, авторитарную меритократию Ли Куан Ю в Сингапуре. Она осмысленно, целенаправленно создавалась, культивировалась, она переросла в самые работающие институты. Мы имеем молчаливую меритократию в Норвегии, Финляндии. Они об этом не говорят в таких терминах, но они так живут. И там нет этой лирической пафосной, скажем, речевой культуры – достоинство, будь достоин, будь достоин. Но там есть некий ригоризм соблюдения того вот свободно регулируемого взаимоотношения, когда государство – это и есть высшая форма самоорганизаций, если угодно, самодеятельности. И каждый новый гражданин включается в эту форму органично.

Мы имеем меритократическую сегодня сильную традицию в Австралии, о которой мало что знаем. Просто меня смутило, вчера услышал, эти кибер-хакеры, шесть австралийских компаний были атакованы, им выставили счет кибер-бандиты в биткойнтах, и три из этих компаний согласились выплатить. И я вспомнил этих сомалийских пиратов, на лучинах, которые танкеры на abordаж берут, и выкуп дожидаются годами. Здесь высочайшая технология XXI века, а типы отношений и форма поведения абсолютно одна и та же.

Нет другого способа. Мы сегодня в технологической цивилизации, и угрожает она уже самому человеку. И вот там есть один материал, такой немного странный. Алим, мой воспитанник, студент, сейчас он магистрант, он мне написал небольшие тезисы – Конституция Макиавелли и Конституция Бурбулиса. Там три странички, почитаете, это почти как бы открытие лирическое. Но он заканчивает блестяще, я ему очень признателен.

Бернард Шоу однажды записал или выразился: «Люди научились летать как птицы. Они научились плавать как рыбы, как подводные существа. Но пора бы уже научиться жить на Земле как людям». Вот если можно какой-то такой предварительный итог подводить, идея Макиавелли жива, его совесть в таком классическом, историко-культурном значении чиста, несмотря на то, что он немало

написал в угоду желанию быть востребованным, быть как бы признанным. И его это то ли коварные, то ли наивные воспитательные беседы с этим извергом, Борджиа Чезаре, которые невозможно... То есть, есть же какой-то предел взаимоотношения с чудовищем в образе человеческого, есть же какая-то граница, когда мы себе говорим, что с этим человеком...

Хотя Ганди, который тоже нам очень близок (я все жду, когда Алексей Кара-Мурза займется той нашей, восточной), он учил меня все время так, Махатма Ганди: человек и его поступок – это разные вещи. Хороший поступок человека мы одобряем, плохой поступок человека мы осуждаем. Но человека, который совершил плохой поступок, мы сострадаем. И вот мне кажется, меритократическая философия и меритократическая утопия хороша именно тем, что она меняет нас внутренне. Мы должны, обязаны, и это, кстати, записано было в одной из ранних деклараций Конституции, по-моему, у французов, что достоинство имеет преступник, и, осуждая его по законам, которые он нарушил, мы не имеем права его достоинство не признавать и унижать.

Я хочу сейчас один приятный момент, это Никколо Макиавелли бы одобрил. У нас есть Институт философии. Мы дружим уже 20 с лишним лет, и считаем друг друга здесь соратниками, друзьями. И я был очень горд и рад, что Юлия Синеокая хороша еще тем, что была соорганизатором первой в истории европейского и мирового университетского образования кафедры политологии. Она была ее бессменным заместителем заведующего. И сейчас Юлия является победителем высочайшей премии Академии наук. Награждена за серьезную работу, которая стала и соавторством, медалью, орденом, Знаком почета и так далее и так далее.

СИНЕОКАЯ Ю.В.:

– Спасибо большое, Геннадий Эдуардович! Действительно это очень приятно. И приятно видеть в этом зале знакомые лица, любимые. И спасибо за высокую оценку нашего проекта, за то, что вы об этом вспомнили. Здесь присутствуют люди, которые сделали этот проект таким важным: Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, Владислав Александрович Лекторский, Алексей Алексеевич Кара-Мурза, Ольга Прокофьевна Зубец.

Это проект, который существует 3 года. Совместный проект Института философии и библиотеки им. Ф.М. Достоевского – это муниципальная московская библиотека.

И, собственно говоря, действительно это очень достойное событие. Каждый четверг в библиотеку приходят сотрудники Института философии. Поначалу это были только сотрудники Института философии, а потом мы стали приглашать людей из наших родственных философских институций: из Высшей школы экономики, из МГУ, из педагогического института. Из других городов и стран стали приезжать философы. И мы говорим о тех проблемах, которые нас волнуют и которые являются интересными для философов.

Собирается огромное количество слушателей, тех людей, я имею в виду, которые приходят в библиотеку. Это все транслируется онлайн и потом существует и в YouTube, и на сайте института. И там тысячные просмотры этих бесед.

Прелесть их состоит в том, что они происходят на академическом уровне, без снижения существа проблем, без снижения слога разговора и подачи интересных сведений, мыслей – это прозрение, которое случается в процессе философской работы.

Ну и действительно очень здорово. Первый цикл назывался «Анатомия философии: как работает текст» – для тех вот читателей книг. И вот мы разбирали философские тексты каждый четверг. Потом выпустили большой том очень красивый, иллюстрированный лицами слушателей и философов. Назывался он «Анатомия философии».

Потом был курс лекций о Ницше. И это известная история, потому что был приурочен курс полному собранию сочинений Ницше на русском языке, и изготовлено две книги по этому циклу лекций. Первая двуязычная, в которой приняли участие заочные участники этого проекта, 34 философа-ницшеведа из 14 стран. Это совершенно чудесная вещь. И на языке оригинала печатается статья и перевод на русский, русские статьи переведены на английский. В этом году в издательстве «Языки славянских культур» эта книга издана под тысячу страниц.

И сейчас идет уже полтора года курс, который называется «Реплики», то есть философские диалоги. Два философа рассуждают, спорят, соглашаются иногда.

Ну и все это продолжается, все это существует в Интернете. Книга «Реплики, философские беседы» будет выпущена в 2019 году.

БУРБУЛИС Г.Э.:

– О меритократии будете реплики?..

СИНЕОКАЯ Ю.В.:

– Ну начнем с того, что там опубликованы лекции профессора Кара-Мурзы о «Медном всаднике» и Макиавелли.

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Уже начало есть.

СИНЕОКАЯ Ю.В.:

– Это уже было и будет.

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Спасибо. Поздравляем! Я хочу пригласить, старого нашего меритократа, борца за знания, за просвещение.

ЕВЛАХОВ А.А.:

– Уважаемые коллеги, хотел сказать два слова вот о чем. Первое, Геннадий Эдуардович сказал, открывая нашу встречу, что речь пойдет и может идти не только о Макиавелли, но и о его реформе 90-х годов... И определенный такой мостик был проложен.

Если туда заглянуть, там есть, на что посмотреть. Ну например, о чем, кстати, и Макиавелли тоже писал – это то, как после расцвета искусств, появления действительно имен и их произведений приходит время Савонаролы, когда те же люди, которые воспевали все это, вот эти костры тщеславия они поддерживают. Они это все сжигают, они все это уничтожают. Поэтому Макиавелли – это не только на тему власти, это на тему народа, на тему толпы. И, кстати говоря, когда самого же потом Савонаролу сожгли, Макиавелли сказал очень коротко: «Безоружный пророк».

И хотел бы я сказать еще вот о чем. Вот мы сегодня, когда говорили о меритократии к сожалению, я, может быть, там детально не посмотрел всю эту книжку, которая страшно интересная вещь, но вот если говорить о меритократии, то сегодня появился еще один подход к меритократии. И он во многом как бы является антитезой, потому что ни в одной стране меритократия не состоялась.

Я хотел бы обратить внимание на относительно недавнее выступление Германа Грефа в Сколково, которое называлось «Эволюционируй или вымрешь», и основу которого составляла недавно вышедшая книга Лалу «Открывая организации будущего», который сам в принципе в своей книге, которую я в январе месяце прочитал на одном дыхании, и потом по этому поводу колонку мы тоже посвятили. И мы хотим его пригласить к нам в Москву, чтобы он выступил и в «Ельцин Центре», и выступил бы здесь в Москве – что главное, понимаете?

Ожидать, что меритократия у нас откуда-то придет сверху, и, скажем, то, что было с меритократической властью 90-х – это только в ситуации, когда революция порождает тысячу вакансий. И тогда приходят люди, которые действительно оказываются востребованы, которым ничего не нужно, кроме как сделать дело и создать действительно новую страну.

Ждать этого сегодня мы не можем, не будем, но вот его подходы об организации будущего. Прежде всего, например, так называемые «бирюзовые» организации, в которых нет начальников, где все делегировано вниз – вот отсюда, собственно говоря, и произрастает меритократия.

У Лалу есть центральная мысль. Не бывает этих фаз. Уже внутри этой фазы появляется фаза следующая, и, наоборот, присутствуют фазы предыдущие. В науке, прежде всего. Ну так же, как вот, будем говорить, основа бирюзовых организаций – они в Силиконовой долине. И у нас, прежде всего, где? В науке. И я уверен, что это общественная организация.

Я думаю, что нам можно было бы одно из заседаний, одну из встреч как раз вот этой теме посвятить. Это был бы новый подход вообще к вопросу меритократии, который, я так понимаю, волнует всех.

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Спасибо. Спасибо большое. Давайте будем подводить итоги. Я должен быть 1 июня в Лондоне, где будет проходить специальный симпозиум по меритократии.

Мы там были 2 месяца назад, и в Кембридже, и в Оксфорде, и в Лондонском университете, и в Лондонском Парламенте. И я убедился, что Brexit – это не большая радость для мыслящих англичан, а это

такая проблема на ближайшее будущее очень сложная. Загорается этот огонек интереса к реалистической утопии в форме меритократии. И мы признательны Никколо Макиавелли за то, что он был одним из тех, кто этот факел разжигал.

Пиетро Баренбойм, идите сюда, ко мне. Мы вместе вручим вот этот букет.

БАРЕНБОЙМ П.Д.:

– Макиавелли?

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Нет, не Макиавелли, а наследнице великого исследования. Давайте, поднимайтесь Ксения Михайловна. Вы сидели, терпели 3 часа эти разговоры о вечном?

МУРАТОВА К.М.:

– Я как раз думала о том, насколько я согласна с Макиавелли.

БУРБУЛИС Г.Э.:

– И о чем Вы думали?

МУРАТОВА К.М.:

– О том, в какую из моих ваз поставить эти замечательные цветы. Они очень красивые. Большое спасибо!

БУРБУЛИС Г.Э.:

– Я извиняюсь, что мы не все сумели сказать все, что хотели. Но сама формула для диалога с сокровенным, она бесконечна. Это тот случай, когда невозможно испить и исчерпать эту чашу. И большое спасибо, что мы сегодня этот вечер проводим вместе.

А сейчас наши традиционные политософские блины, итальянское вино, между прочим, из специальных запасов. Пожалуйста, милости просим! Большое всем спасибо!

МАКИАВЕЛЛИ – РОССИИ XXI ВЕКА

СТЕНОГРАММА СОВМЕСТНОГО ЗАСЕДАНИЯ НИКИТСКОГО КЛУБА И ФЛОРЕНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

14 февраля 2002 г. в Никитском клубе прошло не совсем обычное заседание. Прежде всего, эта дата связана с двумя значимыми для Клуба событиями. Первое заключается в том, что ровно два года назад было принято решение о создании Клуба. Второе – день рождения президента Клуба, профессора С.П. Капицы.

На заседании Никитского клуба состоялась презентация Флорентийского общества. В связи с этим была выбрана тема обсуждения: «Макиавелли – России XXI века».

Итальянский Ренессанс и современная Россия: политическое предвидение, взаимосвязь времен, уроки прошлого и «воспоминание о будущем» – таков лейтмотив состоявшейся дискуссии. Одна из ключевых фигур эпохи Возрождения – флорентиец Никколо Макиавелли, чьи опыты политической философии, пронизывающей все стороны государственного и общественного устройства, не теряют актуальности и в настоящее время. В частности, для России. Участники встречи обсудили этот тезис, обращаясь к основополагающим принципам политики, примеряя к действительности критерии классика политической мысли.

Собравшиеся на круглом столе ученые, политологи, известные политики, предприниматели, общественные деятели совместили деловое с приятным и поздравили с днем рождения Сергея Петровича Капицу.

А.В. ЗАХАРОВ:

Дорогие друзья! Сегодня мы начинаем очередное, двенадцатое по счету заседание, которое посвящено интересной и, по моему, весьма злободневной для России теме «Макиавелли». Перечитывая недавно «Государя», я подумал, что многое оттуда ак-

туально и сегодня. Иногда даже кажется, что в некоторых случаях мы давно переросли учителя, и он был бы весьма удивлен, узнав о сегодняшних действиях и принципах. Думаю, об этом еще будет сказано во время нашей дискуссии, которую мы проводим вместе с Флорентийским обществом.

Но наше собрание необычно не только поэтому. Сегодня день рождения президента Никитского клуба Сергея Петровича Капицы, и я предлагаю всем поздравить его, прежде чем мы начнем заседание. Если позволите, я как председатель Попечительского совета Клуба начну эти поздравления, а Петр Давидович Баренбойм как президент Флорентийского общества их продолжит.

Мой простой подарок – легкокрылый Пегас – символический по двум причинам. Во-первых, символично, что сегодня мы проводим наше первое заседание в новом году – году Лошади и, тем самым, продолжаем работу Никитского клуба. Во-вторых, Сергей Петрович, что можно пожелать высокому интеллекту? Только парения мысли! Чтобы среди нас всегда присутствовало то «Очевидное – невероятное», к которому мы – Ваша аудитория, Ваши почитатели, вся страна – так привыкли за многие годы. Дай Бог, чтобы высокие парения духа Вас никогда не покидали! Огромного здоровья Вам, Вашей супруге, семье. С днем рождения Вас!

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Перед тем как с огромным удовольствием поздравить Сергея Петровича, я хотел бы представить Флорентийское общество, которое было создано несколько месяцев назад. Благодаря небольшому числу учредителей – всего семь человек, – борьба за пост президента не потребовала обычных флорентийских методов с использованием кинжала, подкупа, яда или современных избирательных технологий. Я думаю, большую роль сыграло то обстоятельство, что я был единственным обладателем галстука, который сейчас на мне, с изображением Флоренции. Я неоднократно, будучи во Флоренции, пытался купить галстук с какой-нибудь флорентийской символикой, но нашел его в Музее китобойного промысла на острове Нунтаки. Поэтому, поскольку другие учредители не успели доехать до этого острова, я был избран президентом Флорентийского общества на 2002 год, за что искренне благодарен своим коллегам.

Сегодня Флорентийское общество, в которое может записаться каждый (пока у нас нет каких-либо формальных требований к членству), выходит в свет. 14 февраля – день рождения Сергея Петровича Капицы – наиболее уместный для этого день. Почему? Потому что Сергей Петрович – человек Ренессанса, человек невероятных, встречавшихся только в ренессансные времена познаний, широты интересов и популярности. И уважения. Все это вместе привело нас к единственно правильному решению дебютировать именно в такой день. Я бы скромно добавил, что в тени огромного дерева, может быть, солнце палящей критики нас не сожжет сразу. Поэтому сегодня у меня появилась возможность поздравить Сергея Петровича от имени Флорентийского общества.

Хочу отметить еще один факт, который у нас во Флорентийском обществе имеет значение: Сергей Петрович из хорошей семьи, и потому, что же мы могли подарить ему, кроме книг? Это полное собрание сочинений Макиавелли, «Мировая история. Флорентийское общество», Платоновская школа, из последних переводов (бар в виде раскрывающихся двух старинных фолиантов – *ред.*)

А.В. ЗАХАРОВ:

Такое украсит любую «библиотеку».

С.П. КАПИЦА:

Это напоминает мне одну историю, случившуюся когда-то в роскошном доме одного очень богатого человека, который, правда, плохо кончил. Это был Роберт Максвелл. Во время беседы в гостиной с роскошной библиотекой я, желая проиллюстрировать разговор, обратил взор на нужную мне для этого книгу. Это была «История упадка и разрушения Римской империи» Эдварда Гиббона. Но когда я попытался снять книгу с полки, Р. Максвелл сказал: «Не надо, это только корешки».

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Поэтому он и плохо кончил. У нас все настоящее. Сергей Петрович, откройте, пожалуйста, наше заседание.

С.П. КАПИЦА:

Я сегодня, по-моему, должен слушать, а не открывать.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Открыть как президент Никитского клуба. Между прочим, могу привести еще одну историческую справку. Именно 14 февраля 2000 г. было принято историческое решение (благодаря которому мы сейчас здесь) создать клуб, ставший впоследствии Никитским. То есть наше заседание сегодня отмечено своеобразным юбилеем: прошло ровно 2 года со дня появления идеи о создании такого «вольного общества». Тогда совпадение дат было случайным, но как подтверждает опыт, в жизни ничего не бывает случайного.

С.П. КАПИЦА:

Спасибо еще раз. Я, правда, вспомнил, как, будучи ребенком, присутствовал на юбилее своего деда (академик А.Н. Крылов, математик, кораблестроитель – ред.). Мой дед тогда сказал замечательную фразу о том, что юбилей напоминает ситуацию, когда «довольно нам на голову помои лили, пора и рот раскрыть». Это цитата из моего деда, который был очень откровенен в таких вопросах.

Сейчас мы открываем тему флорентийского круга и Макиавелли, который всегда привлекал людей самых разных политических исповеданий. Надо сказать, что библиография по Макиавелли – гигантская. Это можно увидеть даже в Интернете. Макиавелли привлекает, по-моему, все поколения. Наверное, секрет бессмертия автора «Государя» в том, что пока есть вопрос управления, взаимодействия людей и государства, его книги будут читаться. Повлияют ли они на управление – это уже другой вопрос.

Петр Давидович, передаю Вам слово и дальнейшее управление сегодняшним заседанием.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Флорентийское общество подходит к обсуждению серьезных проблем Ренессанса. Каждая книга наполнена глубоким содержанием. Мы хотели бы сохранить в наших обсуждениях традицию платоновской школы, где все серьезные разговоры происходили во время дружеской застольной беседы. Осталось только, чтобы наши выступления, наши речи по поводу, который сформулирован как «Макиавелли – России XXI века», были столь же содержательными.

Я не стану делать большого вступления к этой теме. К Макиавелли могут относиться по-разному, многие его даже не читали. После открытия памятника, изображение которого украшает две эти книги¹ во внутреннем дворике Библиотеки иностранной литературы, был дан обед в Посольстве Италии. После всех церемоний оказавшись в достаточно узком кругу, посол вздохнул и сказал: «Ну, выпьем за Маккиавели. Хотя конечно, никто из нас его не читал». И я помню глаза Владимира Александровича Туманова, председателя Конституционного Суда: итальянский посол не читал Макиавелли?! Действительно, многие Макиавелли не читали, но знают о нем все. В этом успех мыслителя и одна из его загадок. Есть предположение, что это означает не столько глубину исторических познаний потомков, сколько то, что время Макиавелли еще не прошло. Его идеи по истечении почти шести веков так же волнуют нас, как волновали его современников. Они так же актуальны и так же популярны.

Поэтому я предлагаю выступать, не заботясь о тематической последовательности: каждый может говорить о своем восприятии Макиавелли.

Слово Федору Михаловичу Бурлацкому.

Ф.М. БУРЛАЦКИЙ:

Я очень рад своему присутствию на таком почтенном собрании. Откровенно говоря, для меня открытие, что в России интересуются Макиавелли и его идеями. Мне казалось, что я – единственный вот уже на протяжении многих лет. Оказалось, это одно из заблуждений.

Если Вы помните, моя первая книга о Макиавели была опубликована в 1977 году. Почти четверть века назад. За последние 6 лет вышло еще 2 издания, из них третье – расширенное – называется «Никколо Макиавелли – советник государя». Эта книга открывает серию моих работ, посвященных политическим лидерам XX века, преимущественно нашим реформаторам, начиная от Хрущева до Путина. В каждой книге есть вставной номер, который идет петитом и называется «Глазами Макиавелли». Это как раз то, что мы сейчас

---

¹ Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века. Статьи. Суждения. Библиография. – М., 2001; Н. Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. – М., 2002

собираемся обсуждать, насколько я понимаю. То есть взглянуть на нашу историю, в особенности последних десятилетий, незамутненными, трезвыми, ясными, жесткими и, казалось бы, циничными глазами Макиавелли.

Мое побуждение заняться Макиавелли было странным. Я работал, как вы знаете, в ЦК КПСС и был знаком с помощником А.Н. Поскребышева – помощника Сталина. Помощника помощник. Он рассказал мне такую байку: Сталин периодически заказывал в библиотеке ЦК книгу Макиавелли – первый том (он был издан Академией Наук в 1934 году со вступительной статьей Л.Б. Каменева). Интересно, что Сталин брал эту книгу на несколько дней, а потом отсылал обратно. И это происходило не раз. То есть он как бы стеснялся держать у себя на полке книгу, которая высвечивала методы его деятельности, вероятно, позаимствованные, а может быть изобретенные им самим, – но так или иначе он проверял себя на этом оселке. Я тогда подумал: не зря Иосиф Виссарионович интересовался Макиавелли.

Прошло время, и у меня появился еще один стимул написать о Макиавелли. В годы так называемого застоя не поощрялась критика Сталина и тиранического режима. Поэтому напомнить общественности о Макиавелли для меня был способ критики сталинизма эзоповским языком. Я использовал и другие исторические персонажи с той же целью. Первой была книга о Макиавелли, потом о Мао Дзэдуне, затем о Франко и Гитлере. Все понимали, что, на самом деле, за всеми сюжетами кроется один – о тех самых «усах генералиссимуса».

Если позволите, я скажу еще несколько слов о своей книге, упомянутой выше. Книга выполнена как бы в трех планах. Первый план – загадка самого Макиавелли и модель ее «разгадки». Второй – аналогии, сравнительный анализ, реминисценция героев двух эпох, разделенных веками: Савонарола – Ленин; Борджиа – Сталин; Содерини – Хрущев; Ридольфи – Брежнев. Наконец, третий план – сопоставление советников (не по уровню таланта, а по социальной роли): Макиавелли – Бурлацкий. Особая форма – драматургические, социологические и исторические новеллы – избрана как средство адекватного изображения Макиавелли – великого историка, мыслителя, писателя.

Говорят, что это не научная, а популярная книга. Чьи же оценки она популяризирует? Прежде всего, самого автора. Сам Макиавелли

не писал скучных трактатов. И автор первой книги о нем на русском языке следовал его примеру.

Когда я погрузился в историю, связанную с Макиавелли, я почувствовал необходимость высказать свое мнение об этой уникальной личности, о его совершенно необычной биографии. Для меня нет вопроса о позиции по отношению к Макиавелли. Легенда о нем как наставнике тиранов – совершенно ложная. Макиавелли был демократом. Добрым гражданином, как о нем писали все великие мыслители. Они расценивали его как создателя политической науки и разоблачителя тирании. Максимы Макиавелли – это открытые им законы политической жизни, выхваченные ясным и рационалистическим взглядом.

Макиавелли творил в эпоху Возрождения и был едва ли не наиболее типичным ее представителем. Но в самой этой эпохе было заложено глубочайшее противоречие: зывая к разуму, она исходила из чувства, как ни одна другая.

Петрарка, Данте, Кампанелла, Шекспир, Джордано Бруно, Галилей, Коперник, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Лютер и Кальвин – все они претендовали на высвобождение разума, хотя сами были до предела начинены, как взрывчаткой, жгучим чувством протеста по отношению к господствующим нормам в жизни, в искусстве, философии, религии, политике. Макиавелли был вдвойне представителем своей эпохи, поскольку творил на поприще политики, которая всегда была ареной наиболее острых столкновений индивидуальных и социальных страстей.

При чтении «Государя» и «Рассуждений...» не покидает ощущение, что эти книги написаны разными людьми. Первый автор – иезуит, черный кардинал, инквизитор – умный, безжалостный, циничный. И только последняя глава этой странной книги, написанная как будто в другую пору и по другому поводу, пронизанная глубокой болью за страждущую, разъединенную Италию, за попранную свободу, преисполненная страстной надеждой на возрождение итальянского величия, вдруг освещает все предыдущее новым неожиданным светом. Нет, пожалуй, слово «только» здесь не годится.

Есть еще одно, быть может, главное, что на протяжении всего времени, пока вы читаете «Государя», не позволяет вам принимать всерьез все эти жестокие и страшные советы, адресованные тира-

ну: быть безжалостным, коварным, злобным, двуличным, уничтожать, душиль, обманывать. Есть едва уловимое нечто, не позволяющее вам отождествлять все эти слова с образом человека, который изобразил их на бумаге. Это нечто – тон, стиль, интонация, которая, в конечном счете, создает музыку всего произведения.

Чем больше вы вчитываетесь в книгу, тем больше чувствуете, что автор не несет ответственности за произнесенные слова, как художник не отвечает за уродство лица, которое он взялся изобразить на холсте, как ассенизатор – за «ароматы» очищаемых им сточных ям, как хирург, вскрывающий омерзительный гнойник, прикрытый нежным покровом кожи.

Музыку делает тон интеллектуального, нравственного превосходства, подобного тому, который испытывает судья, выносящий приговор, интеллектуального превосходства мыслителя, открывающего новый закон, эстетического превосходства художника, который снисходит до природы. Только эта интонация как-то примиряет нас с автором, хотя и не вполне, не до конца разрешая сомнений в чистоте его побуждений, всего собственной жизненной позиции.

Когда же вы читаете трактат о республиках «Рассуждения...», – мысли о прошлом, настоящем и будущем государства, – перед вашими глазами возникает другой автор – патриот и гражданин, республиканец, горячо любящий свой народ, боец за свободу. Вся эта книга пронизана светом справедливости, жадной добра людям, восхищением доблестью, честностью, самоотверженностью человека.

Однако исходные принципы «Рассуждений...» роднят их автора с автором «Государя», а их обоих – с эпохой, жестокой, героической, светящейся. Нет, это не два разных автора. Точнее сказать, это один человек, который писал двумя руками поочередно: то левой – с наклоном в одну сторону, то правой – с наклоном в другую. Но левой пишут доносы, а правой – выражают сокровенные чувства. И если «Государь» – это род доноса на эпоху, то «Рассуждения...» – ее оправдание.

Очевидно, что «Государь» – это не только произведение, но и поступок. Поступок человека, подавленного падением республики, которой он верно служил, травмированного тюрьмой и пытками по обвинению в заговоре, в котором он не участвовал, человека, удрученного, опального и отрешенного от активной деятельности.

Поступок великого патриота, опередившего эпоху на несколько столетий, ученого, жаждущего применить открытие им истины, поступок личности, не угадавшей своего призвания.

За этот поступок Никколо Макиавелли и несет расплату уже пятое столетие. Мало кто помнит Цезаря Боджиа, убийцу и злодея. Забыты тысячи других убийц на тронах. Но имя Макиавелли не забыто. Он не убивал, не предавал, он служил республике и любил свою родину. Но он дал ужасный совет государю – оставаться таким, какой он есть, и до сих пор его именем нередко пугают людей. Какой урок для людей духа! Воистину, нет страшнее поступка, чем злое слово!

Теперь – о Макиавелли и современности, о нашей истории последних 50 лет. Я не буду говорить о Сталине, это совершенно очевидный сюжет макиавеллистического свойства, если иметь в виду книгу Макиавелли «Государь». Но если посмотреть на историю последних десятилетий, то мы увидим, что она вполне поддается анализу, с точки зрения максим Макиавелли. На первом месте стояли вовсе не заботы о реформах, не интересы народа и даже государства, а вопросы личной власти. Говорим ли мы о Хрущеве, Брежневеве или, тем более, о Ельцине, мы, в первую очередь, видим это.

В дурном смысле этого слова, наиболее макиавеллистическое лицо, с моей точки зрения, у Бориса Николаевича. Это просто воплощение всего того, что было описано в «Государе». Вы помните, как там сказано: надо быть одновременно и львом, и лисицей. Я помню, как долго Борис Николаевич был лисицей, сидя рядом с членами межрегиональной группы. Он молчал, преимущественно наблюдал, и делал это мастерски. Как он открылся потом! Даже такая его сторонница, как госпожа Боннэр, писала о нем, как о личности тиранической, недемократической, личности, которая ловко взгромоздилась на эскалатор демократии и преуспела.

И наш сегодняшний день может быть достаточно четко оценен с макиавеллистических позиций. Идет ли речь о правительстве, о губернаторах или о депутатах нашего славного Парламента – на первом месте у них стоят интересы власти, накопления личной ответственности. Это то, что в значительной мере деформировало процесс демократизации в нашей стране. Я думаю, что тем, кто хочет преуспеть в нынешней политической системе, полезно снова и снова возвращаться к урокам Макиавелли. И не только к тем, ко-

торые касаются борьбы за власть, но и урокам, которые касаются сохранения и удержания власти. И умелого управления народом. Мы помним, что некоторые из наших реформаторов не сумели извлечь из этих уроков главное и потеряли власть – это Н.С. Хрущев и М.С. Горбачев. Хрущев рассорился с армией, с самым надежным своим сторонником Г.К. Жуковым, упустил контроль над КГБ, над своими соратниками в Политбюро. И Михаил Сергеевич Горбачев после Беловежской Пущи повел себя так, как будто никогда не читал Макиавелли. Он принял всерьез идеологию распада Советского Союза, хотя речь шла, конечно, в первую очередь, о том, что элита российской республики, элиты других республик и, прежде всего, вожди этих республик просто жаждали власти для себя, которая потом принесла многим из них мешки золота.

Завершая, скажу, что, по моему мнению, идеи Макиавелли особенно интересны для государственных советников, ученых. Они помогают открытыми глазами смотреть и ясно судить о происходящих процессах. Думаю, что никто не сделал большего для понимания политики и государства, в особенности авторитарной и тиранической власти, чем Макиавелли.

В наше время различают такие понятия: политик, политикан или, как говорят, а Аргентине, «политикастро». Поэтому, давайте читать, обсуждать труды Макиавелли, думать, в какой степени наша девственная политическая демократия может эволюционировать в лучшую сторону с учетом тех уроков, которые нам преподал этот великий «флорентийский секретарь».

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Большое спасибо, Федор Михайлович, за содержательное выступление. Мы надеемся, что Вы присоединитесь к Флорентийскому обществу.

Ф.М. БУРЛАЦКИЙ:

С большой радостью!

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

И в качестве вступительного взноса просим Вас надписать Вашу книгу Сергею Петровичу Капице в день его рождения.

Ф.М. БУРЛАЦКИЙ:

Я бы сделал это независимо от такого радостного события.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Я хочу предоставить слово заместителю директора Института Дальнего Востока Владимиру Степановичу Мясникову.

В.С. МЯСНИКОВ:

Сегодня у нас особое заседание. Мы отмечаем сразу несколько дат: и рождение Сергея Петровича, и рождение Флорентийского общества, и двухлетие идеи создания Никитского клуба.

Должен сказать, я с большим интересом и удовольствием прочитал книгу «Максима Макиавелли». И статья Петра Давидовича, которая вводит читателя в круг проблем изучения Макиавелли, его наследия, мне представляется сильной по содержанию, всеобъемлющей, универсальной и, может быть, даже заслуживающей переиздания отдельным выпуском. Поскольку, как мне представляется, раз у нас есть уже Флорентийское общество, реальный облик Макиавелли будет раскрываться все больше и больше. Реальный, а не тот, я бы сказал, деформированный, как в 20-30-е годы, когда макиавеллизм считался чем-то зазорным. Как только что сказал Федор Бурлацкий, Сталин стеснялся брать книгу даже в руки, хотя с трудом верится, чтобы Иосиф Виссарионович стеснялся чего-либо в своем-то доме.

Мне думается, реальный Макиавелли, представленный Петром Давидовичем в книге, действительно, заслуживает внимания тех, кто профессионально занимается политической наукой. И само издание этой книги уже выполняет важную просветительскую задачу.

Макиавелли – достояние западной европейской политической мысли. Он вобрал в себя греко-римскую классику, и в эпоху Возрождения дал нечто новое, продолжающее работать до сегодняшнего дня – я согласен с этим утверждением. Но мне представляется, что Макиавелли все-таки был не одинок на земном шаре. Другие цивилизации тоже имели свои политические учения, не менее сильные, не менее плодотворные. Было бы продуктивным, с моей точки зрения, провести компаративистское исследование идей Макиавелли: сравнить, как эти идеи работают на другой, не только европейской почве и совпадают ли они с идеями мыслителей других цивилиза-

ций. Я хочу немножко проиллюстрировать эту позицию, обратившись к древним временам Востока, начиная с великой Индийской цивилизации.

Индийская цивилизация выработала трактат, относящийся к IV веку до нашей эры, который называется «Артхашастра» – «Наука политики», или по-другому можно перевести, как «Наука о достижении полезного». Автор этого трактата – Чанакья, другое его имя – Каутилья. Трактат, состоящий из 15 книг, в течение многих веков служил руководством для целого ряда индийских государей. Индия не была единой, но Чанакья-Каутилья пользовался во всем ареале южноазиатской культуры непререкаемым авторитетом. Причем, как сказано в трактате, сам он основывается на 15 авторах – своих предшественниках (это в IV веке до нашей эры!). К сожалению, те трактаты не сохранились, по крайней мере, европейскому востоковедению, да и индийским специалистам они не известны.

Чанакья рисует некое идеальное государство, построенное в соответствии с идеями древних авторов. Я хочу обозначить некоторые разделы его работы. Первый – отношение с ближними: с сыновьями государя, советниками, как выбирать советников, кому можно доверять, кому нельзя, как поступать с изменниками – т.е. практическое применение политического учения. Во втором разделе изложено, чем должен заниматься государь – прежде всего, хозяйством. Как мы сказали бы сейчас, чтобы государство было достаточно сильным, должна быть эффективная экономика. Третий раздел посвящен юридическим вопросам: права собственности, отношения работодателя и работника, наказания за различного рода преступления, юридическое положение о браке.

Следующий раздел посвящен установлению общественного порядка, методам поддержки его в государстве и обществе. Кстати, поддерживать порядок – это не только, скажем, «борьба с мафией». Для Индии была очень важна борьба со стихийными бедствиями, поэтому там были выработаны правила поведения населения на случай стихийного бедствия. Например, во время разлива реки все жители прибрежной зоны должны иметь лодки, они должны знать, куда эвакуироваться, выражаясь современным языком. Жители других мест должны оказывать помощь пострадавшим – тоже в соответствии с прописанными инструкциями.

Очень важным мне кажется шестой раздел трактата: «Общие положения о государстве». Здесь идеи Чанакья совпадают с идеями Макиавелли о качествах правителя. Он говорит, что первое качество правителя – щедрость, второе – справедливость и третье – верность слову. Таков настоящий правитель, по представлению древнеиндийского политического деятеля, который сам был советником царя, привел его к власти с применением военной силы и обучал его искусству править.

В Древней Индии существовали республиканские формы правления. И особенно интересно в этом трактате, как автор сравнивает республиканские и монархические формы правления. Утверждая, что республиканские формы гораздо устойчивее, Чанакья говорит государю, что подчинить такое общество можно, только разрушив его путем засылки внутренних агентов. Там сила сцепления народа такова, что только военному силовому внешнему воздействию она не поддается.

Этот трактат интересен еще своей универсальностью. Чанакья дает советы не только своему монарху, но и республиканцам: как им защищаться в случае покушений на них всяких монархических образований. Поэтому, мне кажется, было бы интересно более подробно сравнить идеи Чанакья с максимумой Макиавелли.

И завершая, хочу обратить внимание еще на один трактат – из китайской цивилизации, – тоже относящийся к IV веку до нашей эры. Возможно, в то время сложилась пассионарная ситуация, когда почти одновременно возникли такие мыслители в разных странах. Я имею в виду политического философа, мыслителя Госунь Яна (другое имя Шан Ян – 390-338 г.г. до н.э.), который создал трактат «Шань цзюнь шу». Трактат, переведенный на русский язык профессором Л.С. Переломовым, пользуется популярностью в наших юридических кругах. Шан Ян, автор трактата, был приверженцем легизма и принадлежал к школе фацзя, то есть законников. Он считал, что основу государства и деятельности правителя составляет закон. Шан Ян не предполагает никаких республиканских форм правления. В Китае была твердая вертикаль власти на протяжении всех 5000 лет писаной истории.

На мой взгляд, есть основания попытаться рассмотреть Макиавелли и его учение в глобальном масштабе.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Спасибо, Владимир Степанович, за серьезное предложение.

Но Макиавелли был не только теоретиком политики, но и практиком, поэтому я предлагаю выступить депутату Государственной Думы Павлу Алексеевичу Медведеву.

П.А. МЕДВЕДЕВ:

Прежде всего, я хочу выразить недоумение по поводу сказанного о депутатах. Я думаю, что это неправильно, надо спросить мнение других депутатов.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Вопрос один: читают ли депутаты Думы Макиавелли?

П.А. МЕДВЕДЕВ:

Я думаю, что никто не читает.

В.М. ЗУБОВ:

Я всегда внимательно следил за публикациями Никитского клуба. Мне нравится, как он работает и как организованы здесь дискуссии. Меня в Клуб приглашали и раньше, но из-за несовпадения графиков работы я не мог присутствовать на предыдущих заседаниях, и сегодня я здесь впервые.

Готовясь к сегодняшней встрече, я собирался только поздравить Сергея Петровича, но, подумав еще раз о теме заседания, решил, что, вообще-то, мне есть что сказать о моем восприятии Макиавелли.

Я отношусь к практикующим политикам, но не к тем, про которых Макиавелли сказал, что на первом месте у них «власть и личные интересы». Здесь я присоединяюсь к протесту П.А. Медведева.

Добавлю также, что я читал Макиавелли. Случилось так, что сначала я прочел книгу Ф. Бурлацкого, которая произвела на меня большое впечатление. Конечно, появилось желание познакомиться с оригиналом. Спустя почти 10 лет я купил за границей «Государя», которого сразу же прочел, что не составило труда даже на английском языке – так это было интересно.

Сегодня, осмыслив самого Макиавелли и труд Бурлацкого, я думаю, что Макиавелли просто предложил по форме некий интел-

лектуальный изыск, в который сам не верил. Он не придерживался тех убеждений, которые излагал. Более того, он не хотел, чтобы правители были обучены этому как нравственному кодексу и чтобы они восприняли эти приемы как единственно правильные, без которых вообще невозможно управлять страной и т. д. Макиавелли выдвинул гипотезу, и предложил посмотреть, что из этого последует. Но за этой гипотезой много глубоких мыслей. В чем состоит, с моей точки зрения, одна из них?

Проиллюстрирую на примере. Во время игры на чемпионате мира по футболу в Мексике Марадона забил гол рукой, что по телевизору отчетливо было видно. Но судья этого не заметил, и гол был засчитан, несмотря на нарушение игрока, поскольку тогда действовало правило, в соответствии с которым ошибка судьи не являлась поводом для изменения результата. Постулат Макиавелли содержит следующее: твоя сила состоит в том, что ты можешь обойти правила. Если ты втихоря забил мяч рукой, это не заметили, а ты тем самым принес победу – это здорово, это правильно. Так поступали всегда почти все лидеры. Но ответить, хорошо это или плохо, невозможно без оценки позиции, с которой рассматривается действие, без учета системы ценностей. То есть, если вы беретесь тактически выиграть матч, или удержать власть, то рецепты Макиавелли, я думаю, достаточно действенны, эффективны. Но если вы по прошествии времени оцениваете, для чего нужна была эта власть – как самоцель или все-таки как некий инструмент для решения крупных задач, – то тогда и выявляется эффективность ваших действий.

Сегодня прозвучали имена государственных деятелей России XX века, которых можно с какой-то стороны «привязать» к Макиавелли: Сталин, Горбачев, Ельцин. На мой взгляд, с точки зрения эффективности власти, Сталин, конечно, был на порядок сильнее в умении держать ситуацию. Но чего стоило и к чему привело страну это умение, известно. Горбачев – плохой ученик Макиавелли, но на «его волне» мы движемся и сейчас и, думаю, что будем двигаться и дальше.

Я не сторонник утверждения, что политика – грязное дело. Это ошибочный тезис. Я твердо убежден, что любой вид деятельности – и политика, и физика, и юриспруденция – могут быть, как бездарными, грязными, так и вполне умелыми и продуктивными. Бывает, что истинный результат оценивается через много лет.

Я думаю, что читать Макиавелли надо, это подвигает к размышлению. Но как «Символ веры» я бы его рассматривать не стал. В течение своей жизни я и проигрывал, и выигрывал, но мой взгляд на практическую политику не изменился. Я считаю, что Макиавелли полезен для нас как интеллектуальный источник, но как практическое руководство и как ориентир для руководителя его учение все-таки рассматривать нельзя. Мы должны принять это как интеллектуальную игру, а не как нечто догматическое, проверенное на практике.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Кроме «Максимы Макиавелли», мы сегодня представляем также книгу самого Макиавелли «Рассуждение о первой декаде Тита Ливия» в переводе М.А. Юсима. Это первая, вышедшая после 120-летнего перерыва, серьезная работа Макиавелли. В присутствии издателя Андрея Константиновича Сорокина, который принес сигнальный экземпляр, я хочу обратиться к нему, а также к Екатерине Юрьевне Гениевой с предложением объединить усилия и обеспечить депутатов Госдумы этой книгой. Это был бы хороший практический результат нашей сегодняшней встречи.

Павел Алексеевич, Вы хотите продолжить свое выступление?

П.А. МЕДВЕДЕВ:

Да, Петр Давидович, я хочу сказать следующее в связи с Макиавелли в XXI веке. Об одном очень известном человеке частенько говорят, что он вышел из такой среды, что ничего хорошего от него ждать нельзя. В связи с этим я вспомнил об английском короле Генрихе VIII, который, пожелав жениться в очередной раз (а лимит уже был исчерпан), назначил епископом недостойного для такого поста человека, чтобы получить разрешение на брак. И этот Фальстаф стал хорошим епископом, потому что решил, что надо оправдать высокое назначение.

При оценке не только депутатов, но и человека вообще нужно помнить, что в голове каждого обязательно присутствует двоемыслие. Назначают человека на высокий пост – и он наивно думает, что он и, правда, становится тем, кем его назначают. Мне кажется, что фактор двоемыслия надо учитывать, когда мы проецируем Макиавелли на кого-то конкретно.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Двоемыслие, наверное, лучше, чем двоевластие, как показывает российская история, поэтому у нас попросил слово Вадим Борисович Луков, посол по особым поручениям МИД, в данном случае представляющий исполнительную ветвь власти.

В.Б. ЛУКОВ:

Сделаю сразу две квалификационные оговорки. Я, конечно же, не представляю здесь исполнительную власть и, более того, не представляю МИД, а высказываюсь сугубо в личном качестве – тем более по теме, отдаленной от внешней политики и современных международных отношений.

Я так же, как и уважаемые представители нашей Думы впервые познакомился с творчеством Макиавелли с помощью замечательной книги Федора Михайловича. Спасибо Вам за нее. И, тем не менее, я бы хотел высказать, быть может, ряд диссидентских соображений в этой аудитории относительно Макиавелли как практика и как теоретика политики. Ну, хотя бы для того, чтобы добавить в дискуссию адреналина. А то у нас по ходу дискуссии Макиавелли поднимается все выше над нами на огромном пьедестале из каррарского мрамора и уже почти не виден.

Прежде всего, на мой взгляд, Макиавелли изначально противоречив. В нем отразился и прорыв в будущее, и исторический утопизм. Ведь он постоянно искал идеал далеко позади – в Древнем Риме. Причем, сам Рим представлялся в идеализированной форме. Беда в том, что все его изыскания и внутренняя противоречивость с трогательной наивностью, прямолинейно воспринимались многими и многими поколениями читателей. Отсюда и непреодолимый внешний тупик: так все-таки морален Макиавелли или не морален? Я понимаю так: он попытался отринуться от церковной этики, которая объясняла действия монархов божественным промыслом, заботой господина о пастве и так далее. И монарх или государь, в этом смысле – просто инструмент. А Макиавелли, посмотревшись, как этот божий промысел реализуется в руках какого-нибудь Борджиа, сказал, что ладно, ребята, хватит: есть власть, за которую цепляются, – а вот набор правил, как удержать мяч на своей стороне. Вот в чем дело. И этот отрыв от церковной морали воспринимается как ересь.

Я бы сравнил феномен Макиавелли с Караваджо, который сделал в живописи (кстати, примерно, в то же самое время) то, что Макиавелли в политической мысли: отодвинул церковную форму представления тела, перспективы, сюжета. Многие воспринимали это как полную, извините, аморальщину.

На мой взгляд, тезис о всепроникающем разуме Макиавелли стоит рассматривать все же в диалектическом контексте. Он человек перелома – перелома в социуме, перелома в истории. На мой взгляд, именно это делает его столь интересным сейчас. Мы тоже на переломе. У нас тоже есть стремление, с одной стороны, отринуться от предыдущей догмы, а с другой – найти исторический идеал где-то в далеком прошлом. Отсюда – идея возрождения России (сразу вопрос: что будем возрождать, империю, что ли?). И такое же понятие политики как дела одновременно высокоморального на благо трудящихся, электората, и очень низкого. Эта раздвоенность изначальна, а не результат лицемерного поведения наших политиков. Правда, вовсе не поэтому я хочу взять под защиту уважаемых представителей законодательной власти, а потому, что мы стоим на переломе.

По поводу того, что Макиавелли открыл много законов политической жизни, я бы сказал, он осмыслил законы, по которым многие поколения политиков жили до него. Просто это был счастливый случай, к которому применимы слова нашего историка В. Ключевского, сказанные им о Екатерине II: «Власть впервые на минуточку встретилась с мыслью. В дальнейшем они либо не встречались, либо встречавшиеся не узнавали друг друга».

Однако зададим вопрос: чему мог бы научить Макиавелли современных ему политиков, например, на Руси? Представим себе мысленно эксперимент, который, кстати, мог быть и реальным. Макиавелли после отставки вполне мог податься служить по контракту при дворах зарубежных государей. В то время, кстати, русские цари вербовали консультантов в Италии, причем, именно во Флоренции. На мой взгляд, в Москве тогда Макиавелли потерпел бы фиаско. Почему?

Во-первых, он вырос в среде, где исход политических столкновений решался нюансами интриг. Военная сила зашла в тупик благодаря стараниям наемных полководцев – кондотьеров. Вспомните трагикомический случай сражения под Пизой. 15 тысяч конницы

шесть часов топчутся на равнине. Погиб один человек: бедняга, упав с лошади, не мог подняться из-за тяжелых доспехов, и захлебнулся в грязи. Вот виртуозы военного дела! Почему такое было возможно? Да потому, что сегодня ты служишь этому, а завтра я тоже ему буду служить – зачем нам обижать друг друга, говорят полководцы перед сражением. Мог бы Макиавелли с подобным военным опытом быть полезен московскому государю?

Что касается политического маневрирования и игры на чужих конфликтах, москвичи бы дали большую фору приезжему консультанту. Московская политика того времени показала бы Макиавелли класс. Царь Иван Васильевич за два с небольшим десятилетия правления смог в восемь раз увеличить территорию государства, в три с половиной раза – население. Он создал, практически, постоянное войско, которое было самым большим в Восточной Европе. Мастерски использовал состязание между казанскими татарами и крымскими, Крымом и Литвой, Литвой и Польшей, Польшей и Данией, добился того, что император Максимилиан прислал послов сватать дочку московского царя за себя. А ведь речь шла о породнении с православным двором, который традиционно не признавали в католической Европе как «истинно христианский»! Московский государь – вот был настоящий практикующий макиавеллист. Я думаю, Иван Васильевич дал бы Макиавелли отставку. А еще вероятнее, отдал бы татарам, как своего врача, которого, увы, эти татары за неудачное лечение одного из их князьков зарезали недалеко отсюда, под Каменным мостом.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Читал кто-нибудь тогда в России Макиавелли?

В.Б. ЛУКОВ:

Иван Васильевич – точно нет. А те, кто читали впоследствии, особенно при Иване Грозном, нередко плохо кончали. Например, дьяка Висковатого, который играл тогда роль главы внешнеполитического ведомства, по обвинению в измене и симпатиях к «латинянам» повесили за ноги, рассекли на части. Первый подъехал к несчастному дьяку Малюта Скуратов и отрезал ему ухо.

И последняя ремарка. Именно во времена Макиавелли приезжала к нам практикующая макиавеллистка Зинаида Софья Палеолог,

которая стала женой русского государя. Она жила 19 лет в Риме, в этой политической атмосфере и, уж, конечно напиталась ею. И что получилось? Конечно, Софья показала чудеса интриганства в борьбе за престол для своего сына в последние годы правления Ивана Васильевича, и даже добилась своего. Была жуткая трагедия, как вы помните. И оставила она по себе очень неприятную память у русских людей. Спустя много-много лет Ивану Грозному писал один из опальных бояр: «С тех пор, как прародительница твоя пришла на Русь, держава наша замешалась».

Н.П. ШМЕЛЕВ:

Я хочу заступиться за судьбу идей или метода Макиавелли в эпоху Ивана Грозного. Иван, ведь, был первый реформатор, удачливый реформатор. У него ушло на это, примерно, около 20 лет – вплоть до попыток ввести Магдебургское право в России. Он слушался двух людей. Один из них Алексей Адашев – замечательный, как бы мы сейчас сказали, администратор, а второй – протопоп Благовещенского собора Сильвестр. Отчасти доказано, что Сильвестр – автор изумительной книги, учебника нравов, политики, жизни под названием «Домострой», сквозная мысль которого состоит в том, что милосердие – наиболее эффективная политика, исходя из практических соображений. Не по Христу, не по Евангелию, а «посчитаем прибыли и убытки – получаем результат». Даже такой человек, как Сергей Михайлович Соловьев, лез на стенку от подобного цинизма. Как же так, говорит он, поп – и приводит такие бухгалтерские аргументы!

Но по результатам видно, у Ивана-то получалось что-то, когда с ним рядом был поп. А потом Иван завел свое НКВД, и все покатилося, вплоть до 1612 года. Ермак завоевал Сибирь не в результате какой-то военной политики, а случайно, спьяну.

Я не знаю, читал ли поп Макиавелли, вполне возможно, что читал, поп был грамотный. Наверняка, и в библиотеке у Ивана был Макиавелли. Но судя по идеологии первой половины его царствования, – это Макиавелли чистой воды.

А.Г. АКСАКОВ:

Я продолжу тему о депутатах, затронутую Павлом Алексеевичем

Медведевым. Будучи два года депутатом, я часто задаю себе вопрос: действительно ли я депутат, законодатель, сижу в парламенте, вершу судьбами страны? Хотя уже, вроде бы, несколько законов провел через Госдуму, отдельные из них подписал Президент, но некоторое противоречивое внутреннее состояние, которое П.А. Медведев назвал двоемыслием, до сих пор присутствует.

Выполняя депутатские обязанности, нам приходится также встречаться с американскими сенаторами. На одной из таких встреч я как-то сказал, что Америка ведет политику двойных стандартов: к России – одни, а к Западной Европе – другие. К Югославии вы подходите одним образом, а к Албании – иначе. Почему? На что американские сенаторы ответили, что политика – это и есть двойные стандарты, что они действуют, исходя из своих интересов. На мои возражения о том, что существуют права человека, общечеловеческие ценности, мне было сказано: правильно, но есть еще и интересы. Наши интересы – такие, и мы их проводим, прибегая, в том числе, к политике двойных стандартов. Это сказали жестко и ясно дали понять, что так будет и впредь.

Но сегодня я хочу поздравить Сергея Петровича. Сергей Петрович, Вы родились в замечательный день – день любви. Мы Вас все любим и хотим, чтобы встречи в Никитском клубе, где мы можем обмениваться мнениями, расти интеллектуально, были постоянными. Желая Вам здоровья и спасибо Вам!

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Чтобы закрепить позицию Госдумы, сейчас выступит адмирал, депутат Госдумы Валерий Федорович Дорогин.

В.Ф. ДОРОГИН:

Первый раз я познакомился с трудами Макиавелли во время учебы в Академии Генерального штаба. Мне посчастливилось, что преподаватель – генерал-лейтенант – был из тех, кто внимательно изучал историческое наследие прошлого.

Есть такая книга, наверное, немногие знают о ней: «Выдающийся флотоводец Степан Осипович Макаров». Имя Макиавелли неоднократно упоминается в рассуждениях Макарова о вопросах морской тактики, которую он изложил в трех главах: воспитание, самообразо-

вание и психология. Макаров настойчиво говорит о взаимной связи этих вопросов в морской тактике.

Я считаю, что конкретная цель любого политика – это победа. Не будет ее – нет смысла в существовании политика. С таких позиций мы должны, очевидно, рассуждать о значении того или иного учения. Если оно привело к победе, то его автор доказал значение и уровень своего таланта.

В трактате одного древнекитайского ученого сказано, что крепость могут не взять многотысячные армии, но сможет одолеть осел с мешком золота. Сейчас это, примерно, и происходит. Этот осел с мешком золота имеет еще и мощную армию. Он взял Югославию и Европу, он берет уже Афганистан и смело идет дальше, обкладывая со всех сторон Россию. А мы пока молчим. Мы занимаемся нападками на армию и считаем, сколько платить тому или иному офицеру. Кто-то говорит, что контрактник будет служить за 3 тыс. рублей и защищать Родину. Хочу сказать, что можно платить и 10 тыс. рублей, и никогда он ее не защитит. Во время Великой Отечественной войны рядовой солдат срочной службы получал 100 рублей – это были копейки, на которые ничего нельзя было купить. Но Победы достигли. А почему? Потому что в основе всего были мораль и нравственность.

Я первый раз и с большим интересом принимаю участие в заседании Никитского клуба, но цель моего присутствия сегодня состоит еще и в том, чтобы поздравить Вас, Сергей Петрович, с днем рождения. Хочу вручить Вам в подарок военно-морской, Андреевский флаг. И еще кассету с самыми лучшими записями наших моряков. Всего Вам самого доброго, самого наилучшего, и главное – долгих лет жизни!

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Сейчас слово издателю новейшей книги Макиавелли Андрею Константиновичу Сорокину.

А.К. СОРОКИН:

В данной аудитории и в данной ситуации я позволю сказать себе буквально два слова. И эти два слова будут касаться только что вышедшей книги известного вам теперь уже всем автора с его трудами «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «Государь». Мы сегодня

ня получили сигнальный экземпляр книги, которая вышла в серии нашего издательства «История политической мысли». Я бы хотел, чтобы эта книга привлекла ваше внимание и имела хорошую счастливую судьбу по той простой причине, что она представляет собой, первый, не побоюсь этого слова, современный перевод – выверенный, научно откомментированный – двух основных произведений Никколо Макиавелли. Пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить человека, благодаря титанической работе которого книга вышла в свет. Это переводчик Макиавелли Марк Юсим. Я надеюсь, что у нас найдется немного времени, и Марк сможет выступить, поскольку мне представляется, он один из тех людей, которые, действительно, знают предмет, о котором мы сегодня говорим.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Андрей Константинович, а как насчет книги для Думы?

А.К. СОРОКИН:

Это само собой разумеется, Петр Давидович.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Сейчас я хотел бы предоставить слово Екатерине Юрьевне Гениевой.

Е.Ю. ГЕНИЕВА:

Я спешила на заседание Никитского клуба из Санкт-Петербурга. По дороге в Пулковский аэропорт мое внимание привлекла ярко-освещенная витрина одного из бутиков, поскольку он назывался «Никколо Макиавелли». К сожалению, из-за отсутствия времени я не могла остановиться и посмотреть, что же за диковиные наряды продаются там, но потом подумала, слава Леви Строссу, который говорил, что массовая культура отражает штампы нашего сознания. И если есть коммерческо-политическая компания, которая занимается организацией всяких презентаций, выставок, которая называется «Никколо Макиавелли», то, собственно говоря, почему не может быть бутика «Никколо Макиавелли».

Я с большим интересом в течении увлекательнейших полутора часов с лишним слушала истории о человеке, мыслителе и писателе,

которого я знаю, скажем так, по зову образования и по зову интереса, поскольку в нашей библиотеке вышла книга «Максима Макиавелли». Знаете, я не узнала автора книги, которую только сейчас презентовал Андрей Константинович Сорокин. Не узнала настолько, что я твердо убеждена, что и Андрей Константинович Сорокин, и я, и библиотека, и Александр Владимирович Захаров и Петр Давидович Баренбойм – все, кто принимал участие в выпуске книг Макиавелли, сделали это не зря. Потому что почти все вы (я не говорю о Ф. М. Бурлацком, В.С. Мясникове и, конечно, об авторах новейших исследований о Макиавелли) говорите о человеке, которого никогда не существовало, которого надо уметь читать между строк. В рассуждениях о нем вы сбиваетесь на то, что стало называться макиавеллизмом, упреки в котором не хотят принимать депутаты.

Макиавелли пишет не только о государственных законах и о том, как добыть и удержать власть. Он пишет о самом трудном, что увидел в нем великий Пушкин и выразил Стендаль: «Мэкиавель открыл человека». И колоссальная работа, проделанная моими коллегами из Библиотеки иностранной литературы, которые по крупицам собирали высказывания известных деятелей о Макиавелли, которым были интересны его мысли, показывает именно то, что есть в эпиграфе, выбранном Петром Давидовичем Баренбоймом в его статье – неординарной, полемической, неожиданной. Этот эпиграф начинается со слов: «Ведь обязанность порядочного человека учить других, как сделать то хорошее, чего он сам не сумел совершить из-за зловерности времени и фортуны».

А если вы (я уже видела, что многие листали эту книгу) откроете ее на странице 101, то вас ожидает не просто библиографическая удача и редкость. Вы услышите и прочтаете его «De profundis...», его «Слово увещательное к покаянию». Макиавелли был глубоко верующим человеком, но, будучи одновременно великим аналитиком, он понимал, что в светской религиозности его времени сокрыт тот же червь, который сокрыт в государственной власти. Он бесконечно изучал человеческую природу. По-моему, если я не ошибаюсь, Гюго назвал его даже не человеком Возрождения, он назвал его, что было бы чрезвычайно интересным здесь тоже осмыслить, одним из величайших европейцев. И в этом его посыл в сегодняшний XXI век.

Я думаю, что наше собрание показывает, что время Макиавелли только приходит. Оно только приходит, чтобы прочитать в новом переводе «Государя». А это очень не простое чтение, и, действительно, подвиг переводчика состоит в том, чтобы передать его в словах, которые мы сегодня в состоянии воспринять. Но эта книга не о том, как получить власть, эта книга о том, как власть получается. Эта книга о том, как, получив власть, постараться, если это тебе удастся, – а удастся далеко не всегда – остаться нравственным человеком. Я думаю, что в этом один из главных уроков политика, законодателя, человека, который прекрасно понимал, что такое может быть. Он не знал таких слов, как, например, гражданское общество, он не выводил эти слова ни в каких своих писаниях.

Я тоже расскажу о знаменитой байке, как Иосиф Виссарионович читал «Государя». Моя версия исходит от человека, который или которая хранила и вела библиотеку Иосифа Виссарионовича Сталина. Мы мечтали в свою книгу включить маргиналии Иосифа Виссарионовича. Они существуют. Возможно, это такой же миф, как, приблизительно, те, которые мы рассказали здесь друг другу о Никколо Макиавелли. Иосиф Виссарионович не только читал и не только острым или тупым ногтем отчеркивал какие-то страницы там, где макиавеллизм был ему созвучен, он делал чрезвычайно интересные пометы. Где же книжка? Где же еще одна библиографическая редкость и находка? Ее, как говорит молва, забрал из этой библиотеки Николай Иванович Рыжков. У меня была надежда, что он ее отдал в свою библиотеку подле Прохоровского поля. Я не поленилась поискать там, нет ли издания Макиавелли тех лет, но, увы. Оно, вероятно, пока еще в личной библиотеке...

Конечно, в выпущенной нами книге нет многих текстов, которые мы хотели воспроизвести. Но это не последнее издание, будем надеяться, что в будущем выйдет еще одно. Я могу сказать, что, наверное, я здесь выступаю не только потому, что мне так захотелось отстоять Никколо Макиавелли, и не по праву того, что в издательстве моей библиотеки вышла вот эта книга. А, может быть, потому, что когда-то, в тяжелый момент, когда меня одолевали различные комиссии, коллеги из итальянского посольства спросили: какой бы я хотела памятник, чтобы они нам помогли поставить во дворике Библиотеки иностранной литературы? Наверное, если бы я поду-

мала и не была полна макиавеллистических мыслей, подчерпнутых к тому же у Петра Давидовича, я бы сказала что-нибудь приличное, вроде Вергилия, Петрарки. Мои губы сложились в слово Макиавелли. На мое горе или на нашу радость с Петром Давидовичем посланник был из Флоренции. И, встав и приложив руку к сердцу, он сказал: «Сеньора, это мой долг». Он приблизительно сказал так же, как только что Андрей Константинович, обещая, что у всех депутатов ГД будет «Государь». Я подумала: «Жаркое итальянское солнце... забудет!». Но бронзовый бюст Макиавелли работы скульптура Кудина приехал через 2 месяца. И 2 месяца я прожила в своем кабинете с Никколо Макиавелли, потому что я ничего не могу поставить в Москве без разрешения Юрия Михайловича Лужкова. И после моего, крайне «макиавеллистического» письма Юрию Михайловичу, где я объясняла, что 850-летие Москвы не мыслимо без бюста Макиавелли, мы получили это разрешение. Но каков же был парад юристов, законников, послов, которые пришли на открытие первого в России памятника человеку, мыслителю, о котором Александр Сергеевич Пушкин писал: «Он был великим знатоком природы человеческой»!

С.П. КАПИЦА:

Теперь я понимаю, почему так настаивают на том, чтобы раздать эту книгу депутатам Думы. У нас будет маргинальнейшая история.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Скажу, что я впервые встречаю директора библиотеки, который с таким восторгом говорит о пометах на библиотечной книге. Будем надеяться, что книга найдется.

Е.Ю. ГЕНИЕВА:

Дорогой Петр Давидович, я должна заступиться за библиотечную честь. Я говорю не только о пометах на полях книг, я говорю в данном случае об особо редких изданиях.

И.Н. КУКЛИНА:

Прежде всего, я хотела бы поздравить Сергея Петровича от имени Союза комитетов солдатских матерей России. Солдатские матери – это трезвые политики. Они уважают только тех, кто действительно

достоин уважения. Сергей Петрович, мы Вас очень уважаем, любим, поздравляем и желаем Вам здоровья и всего самого доброго.

Я сегодня не ожидала академических дискуссий в Никитском клубе. Мне казалось, что разговор о Макиавелли должен выбиться из академических рамок. Он не может быть ограничен ими. И, несмотря на всю толерантность, дипломатию, изысканное образование присутствующих и т. п., все-таки дискуссия, действительно, выбивалась из академических рамок. Я считаю, что это как раз и было интересно.

Никколо ди Бернарди (позвольте мне такую фамильярность) был, конечно, великим умом, но и великим реалистом своей эпохи. Реализм XVI века – это не тот реализм, что в XXI веке. И в своем времени, мне кажется, он был великим реалистом. Мои отношения с историей были испорчены в раннем детстве, когда мне приходилось закрашивать черной тушью портреты тех, кого в 1937 году арестовывали. Поэтому я всегда видела историю (не знаю, может быть, это так сформировалось) как спрессованные мифы двух видов: те, которые спускались сверху и те, которые откладывались в народном сознании. Мне кажется, что разговор о Никколо Макиавелли – это повод обсудить, как мы живем. А именно: отношение между государем или государством и подданными или народом. Вот суть, в общем-то, дискуссии о Никколо Макиавелли.

Сегодня говорили, что существует много мифов о Макиавелли и само выражение макиавеллизм – популярное выражение, известное всему миру. Почему именно его учение, его личность осталась на уровне популярного сознания, массового сознания? Я думаю, потому что человек – грешный, а власть грешна втройне. Потому что власть очень часто, очень долго и почти везде демонстрировала то, что массовое сознание вкладывает в понятие «макиавеллизм». То есть хитрость, лживость, подлость по отношению к своему народу, эгоцентризм, эгоизм, стремление только к самосохранению и самовоспроизводству власти. Конечно, уровень этого «макиавеллизма» у власти разный. Я не буду говорить об историческом развитии, которое обуславливает разный уровень отношений государства и народа. Но, тем не менее, я думаю, что в этом проявилось восприятие Макиавелли, которое для нас сейчас очень важно, потому что макиавеллизм, мне кажется, в нашей власти расцвел самым махровым цве-

том. Я-то думала, по наивности, что наши депутаты будут говорить о разделении властей или о реформах и т. д., но, по-видимому, это не составляет предмет их главных забот. И меня это очень огорчило. На мой взгляд, это еще раз подтверждает, что все что писал, что родил Макиавелли, актуально для нашего времени. Актуально для низов, а я считаю, что я выступаю снизу, и никогда не принадлежала к властным структурам.

А.Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ:

Рад, что наш разговор о Макиавелли приобрел аналитический характер. Я бы хотел, только в несколько другом разрезе, вернуться к тому, о чем говорил Владимир Степанович Мясников.

Макиавелли, конечно, гениальный человек, в этом сомнения никакого нет. Я думаю, если бы это было не так, то его бы не читали и не переиздавали. Это просто ответ на вопрос о значении того, что он сделал. Зачем деньги тратить и переиздавать, если писал, как кто-то сказал, наивные вещи. А ведь переиздаем, читаем, даже рекомендуем еще почитать, подумать, прочитав между строк, как говорила Екатерина Юрьевна. Я стал думать, как же все-таки оценивать Макиавелли? Гений – безусловно, но гении, они разные бывают. Есть основоположники, создатели – в какой-то степени Макиавелли, конечно, основоположник и создатель. Но все-таки его нужно оценивать в контексте не только западной истории, но и мировой, в частности, учитывая полностью то, что было сделано в другой части мира – на Востоке.

Владимир Степанович говорил о трактате «Артхашастра» Каутильи. Это IV век до нашей эры. То есть люди писали и думали, – может быть, более наивно, так как каждому времени присущи свои ограничения – о том же, о чем много позже писал Макиавелли. И, наверное, одно из первых таких письменных произведений – «История Синухета», придворного египетского фараона Аминохета Первого, который царствовал во втором тысячелетии до нашей эры, в так называемое «среднее царство». Конечно, это не был такой трактат, как тот, который написал Макиавелли. Более того, по степени обобщения это даже не был такой трактат, который написал Каутильи. Это было, скорее, описание судьбы человека при власти, рядом с тронem. Описание влияния интриг и власти на человека, ко-

торый находился рядом. Но, тем не менее, многое, затронутое в этом произведении, через сотни лет анализировал и Макиавелли.

Тематика трактатов в определенной части схожа. Трактат Каутильи интересен тем, что автор вывел традицию описания политических проблем на другой уровень обобщения. Каутилья фактически создал или стал разрабатывать теорию политического искусства, или «нитишастра». То же, чем потом занимался Макиавелли.

Значение Макиавелли состоит также и в том, что он написал о многом. К примеру, в демонстрировавшемся только что новом издании его трудов есть трактат «Государь», трактат о Флоренции, но нет трактата о военном искусстве, который, к счастью, переведен на русский язык. Мысли Макиавелли о военном искусстве, кстати, не менее интересны, чем его размышления о судьбе государства, человека в государстве, человека при власти, человека во власти, избранного народом, человека во власти, получившего власть не от народа. У Каутильи тоже есть понемногу обо всем. И многие главы его трактата перекликаются с идеями Макиавелли, особенно с 9 и 22 главами «Государя».

Древнеиндийская традиция, конечно, не была единственной. Древнекитайский трактат «Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан»), о котором упомянул Владимир Степанович, – один из примеров. Пожалуй, управление государством, взаимоотношение во власти, стратегия управления – самая разработанная тематика древнекитайской и китайской традиции. Известны трактаты «Чунь Цю» или «Весны и Осени» и даже, собственно, не сами «Весны и Осени», приписываемые Конфуцию или отредактированные Конфуцием, а комментаторская литература, возникшая вокруг этого памятника. Это – «Цзо-чжуань», это – «Го юй» или «Нравы царств», где представлено не просто описание, скажем, интриг или действий государя или советы, как удержать власть, но взгляд сверху на происходящее в государстве. Многие мысли завуалированы, читаются между строк.

Существовали и трактаты о военном искусстве и искусстве стратегии. Я имею в виду, прежде всего, Сунь Цзы. В древнекитайской традиции понятие «стратегия» записывается двумя иероглифами, которые расшифровываются как «планы военных действий». Истоки этого, конечно, в «целенаправленности» военной деятельности: нужно выиграть, прежде всего, в войне, потом в борьбе за власть,

потом в удержании власти и так далее. Здесь я снова переброшу мостик к Макиавелли. Ведь он писал не только о человеке во власти, не только о военном искусстве, о политических и военных планах, он писал о стратегиях. С этой точки зрения, я бы назвал его одним из теоретиков науки «стратегия», которая существует, которую изучают, которой занимаются. В этой науке значение Макиавелли бесспорно.

Если мы упомянем чуть-чуть более позднюю традицию – XII-XIV вв., – то в восточных обществах к этому времени была создана целая наука об управлении государством, о том, для чего это нужно, какими способами удержать власть. И все рассуждения, в частности и самого Макиавелли, о тактических приемах нужно воспринимать как отнюдь не самые важные. Главная идея или, по крайней мере, одна из основных – для чего это нужно. У Макиавелли, кстати, это есть, а до него об этом писалось и в древнекитайской, и в древнеиндийской традиции. К средним векам в Китае, вообще, была разработана целая наука об управлении, в частности, трактаты Ли Гоу. Они переведены на русский язык профессором МГУ З.Г. Лапиной, несколько раз издавались, но известны все же меньше, чем трактаты Макиавелли. Кстати, есть переводы этих трактатов на русский язык, а переводов на английский язык нет.

Кроме того, не только в китайской традиции, но и в арабо-исламской и индо-мусульманской традиции были разработаны к XIII веку уже целые серии трактатов о науке управления в рамках жанра «князь-зерцало» или «поучение владыкам». Упомяну лишь некоторые из этих трактатов: «Жемчужина на пути, или политика владык», «Уловки и хитрости», «Промахи и радости», «О тонкости в устройении дел», «Устройство владычества», «Политика», «Утешение властелина», «Хитрости и уловки в войне», «Напоминание сотрапезнику властелина», «Изысканное одеяние, или утонченная хитрость». Только по названиям трактатов можно увидеть, что их тематика во многом совпадает с более поздними трактатами Макиавелли.

Если говорить об индо-мусульманской литературе «зерцал», то там были созданы трактаты «Законы войны и мужества», «Предписание земной власти», «Сокровище правителей» и др. То есть правильно будет воспринимать созданное Макиавелли как часть мирового наследия стратегической мысли. Его вклад в это направление неоспорим. Он открыл законы политики, как сказал Ф. Бурлацкий –

я бы не стал так смело утверждать. Макиавелли сумел обобщить, в его трудах есть провидение, он очень далеко и глубоко продвинул это направление мысли – с этим я соглашусь, это реалистическая оценка его вклада в мировую мысль. У Екатерины Юрьевны прозвучало слово «аналитик» в отношении Макиавелли. Я бы сказал, он – стратег и аналитик, или аналитик-стратег. И в этом его значение.

И я хотел бы завершить свое выступление цитатой. Арнольд Тойнби в свое время сказал, что если бы политики и писатели прослушали курсы по стратегии, то, сколько чепухи не было бы написано и сказано. И я представил себе, иногда ведь хочется пометчать, что Флорентийское общество напитается новыми членами, наверное, введет членские взносы, и будет думать о том, какие широкомаштабные проекты осуществить. Одним из таких проектов могло бы быть издание серии книг «Сокровищница мировой стратегической мысли», где будут представлены трактаты Макиавелли и всех его предшественников и последователей как на Западе, так и на Востоке.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Замечательно. Флорентийское общество берет уже под свое крыло и древнеиндийскую и древнекитайскую и древнеегипетскую историю.

В.С. АВТОНОМОВ:

Я хочу выступить кратко, свести воедино две основные темы нашего заседания: день рождения Сергея Петровича и чествование Никколо Макиавелли. Сегодня наше обсуждение носит импривизиационно-юбилейный характер, проводятся параллели – далекие и близкие. Я как экономист и историк экономической мысли, хочу провести параллель из области своей науки.

Петр Давидович в первой статье этой замечательной книжки прослеживает некие параллели между Макиавелли с некоторыми современными экономистами. Я считаю, здесь можно ему кое-что подсказать. Есть ненавязчивый намек на Джеймса Бьюкенена, нобелевского лауреата, но он, скорее, «внук» Макиавелли, если можно так сказать. А что касается немцев в «финансовой конституции», то они – «двоюродные племянники». Если говорить об экономисте в качестве примера «сына» Макиавелли, то это Йозеф Шумпетер – вели-

кий австрийский экономист, во многом сделавший в своей области науки (и именно в отношении государства тоже) то, что Макиавелли сделал в науке управления государством. Если, как мы сегодня говорили, Макиавелли сражался с религиозной моралью, то Шумпетер противостоял благостному отношению к государству, свойственному английской экономической мысли, как такому доброжелательному повелителю, который имеет в виду только благосостояние подчиненных и всеми силами это благосостояние умножает. Йозефу Шумпетеру, во-первых, как католику и, во-вторых, может быть, потому что по происхождению он был итальянцем (есть гипотеза, что настоящая фамилия его предков Джанпьетро), эта постная протестантская мораль внушала большое раздражение. Он выступил с трезвым беспристрастным анализом политики, с экономической теорией политики – в общем, стал первым основателем экономической теории политики.

В своей книжке «Капитализм, социализм и демократия» 1943 года он изобразил демократию как политический рынок. На этом рынке политики выступают как фирмы, продавцы, а избиратели – как покупатели, которыми отчасти манипулируют продавцы. И, соответственно, возникла чисто экономическая модель благородного института, которым является демократия. При этом Шумпетер, безусловно, был человеком с идеалами, как и Макиавелли, о чем сегодня много и красноречиво говорили. Он верил в науку, в частности, в то, что наука должна раскрыть природу экономических, социальных явлений, природу человека. И такое сочетание некоторого цинизма его теории с безусловным идеализмом его субъективных устремлений – это и есть то, что, на мой взгляд, роднит двух выдающихся мыслителей прошлого.

Переходя ко второй теме сегодняшнего заседания, хочу сказать, что я не случайно исходил из этой параллели. Я выбрал в качестве подарка Сергею Петровичу трехтомник Йозефа Шумпетера «История экономического анализа», который только что вышел под моей редакцией. Мне кажется, этот подарок сегодня как нельзя более уместен.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

По-моему, очень уместен. И не забудьте о Флорентийском обществе тоже. Тем более, что Вы рекомендовали учесть параллели!

Сейчас мы передаем слово Леониду Соломоновичу Мамуту.

Л.С. МАМУТ:

Мне понравился общий ход рассуждений господина Лукова. Я с ним во многом согласен. Дело в том, что фигура Макиавелли крайне противоречива. Я вспоминаю, что, скажем, политико-правовые взгляды Аристотеля или Локка не вызывают такие споры, острую борьбу мнений как, например, взгляды Платона, взгляды Макиавелли, взгляды Руссо и т. д. И это далеко не случайно, не буду развивать этот сюжет дальше.

Я хотел бы обратить внимание на то, что политико-правовая концепция Макиавелли, которой мне так или иначе приходилось заниматься, с моей точки зрения, может быть дифференцирована на две отличные друг от друга сферы: философско-политическую и прикладную, скажем, политико-эмпирическое знание. Эти сферы, конечно, коррелируют, но они достаточно разные. И поэтому, когда мы задаемся вопросом, демократ Макиавелли или антидемократ, республиканец или монархист, патриот или антипатриот, то возможны бесконечные споры, и я думаю, что придти к единому мнению если и удастся, то не очень скоро. Что касается таких вещей, как философско-политические взгляды Макиавелли, то здесь, я считаю, споров меньше.

Госпожа Гениева привела слова А.С. Пушкина о том, что Макиавелли был великим знатоком природы человеческой. Но как Макиавелли ее понимал? Человек по природе своей подл, зол и порочен – вот какую природу человека открыл Макиавелли и экстраполировал это на понимание природы народа. Можем ли мы забывать об этом, рассуждая о взглядах Макиавелли в связи с современным пониманием состояния народных масс, общества и т. д.? Это же факт.

Совершенно очевиден антиисторизм Макиавелли. Он, вообще, видел историю как нечто развивающееся циклически, а не как исторический процесс, как определенное поступательное движение. Он видел, так сказать, моменты взлета и моменты падения. Видел историческую синусоиду, но не видел вертикаль, не видел спираль исторического развития. Это тоже факт, и на этот счет, по-моему, особых споров нет.

Я хотел бы также обратить внимание на то, что Макиавелли явно преувеличивал и позитивно оценивал роль насилия в политико-правовом, политико-государственном развитии. Могут быть разные причины, обусловившие его позицию, но это тоже факт.

Конечно же, можно найти и в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» некоторые призывы к морали, нравственному поведению, и в «Государе». Но таким призывом, как говорил известный русский государствовед Николай Николаевич Алексеев, можно подобрать не меньше призывов совершенно другого толка. И я согласен с господином Воскресенским, который совершенно правильно сказал, что Макиавелли был архигениальный человек, и в таком качестве мы его воспринимаем и оцениваем.

Макиавелли утвердил постулат самостоятельной трактовки политики (в этом я повторяю Маркса). Причем, отделил политику не только от религиозной морали, он в существенной мере отделил от морали вообще. Этот момент отделения имеет много негативных черт, но здесь есть и позитивные моменты, потому что политика – относительно самостоятельная сфера жизнедеятельности общества, которую никак нельзя отождествлять со сферой моральной жизни. Смешение этих двух разных сфер, оборачивающихся сплошь и рядом морализаторством, ничего продуктивного для реальной политики не дает. Макиавелли был реальным политиком, и в этом смысл его стараний отделить сущее от должного. Отделить, но не противопоставить сущее должному, отделить!

И еще хочу обратить внимание на один позитивный момент, имеющий для нас первостепенное значение. Макиавелли очень хорошо понимал, что форма должна максимально точно соответствовать материалу. Под материалом он имел в виду человеческий материал, реальное состояние общества. Макиавелли был сторонником смешанного устройства государства, отчего его и монархисты в свой лагерь тащат, и республиканцы, и, вроде, обе стороны правы. Так вот, политико-правовые формы, избираемые отдельными монархическими правителями или группой правителей в республиках, оптимальные политико-юридические формы, оптимальные методы политической деятельности, если следовать Аристотелю, должны исходить из точного, глубинного понимания реального экономического политического и социально-культурного состояния общества. Всякая иная политика, которая не считается с тем, что говорил Аристотель о необходимости соответствия политико-юридических форм и форм жизни, вообще, реальному состоянию человеческого материала – такая политика обречена на неудачу.

Спасибо за предоставленное слово. Сергей Петрович, Вам низжайший поклон и самые добрые пожелания. Долгие лета!

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Кстати, очень интересный ораторский прием: выступить, а в конце пожелать Сергею Петровичу долголетия.

Л.С. МАМУТ:

Абсолютно правильно. Не зря же я читал Макиавелли.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Это – Макиавелли в жизни. Правда, нам во Флорентийском обществе ближе неоплатонизм.

Михаил Геннадьевич Делягин, Вам слово.

М.Г. ДЕЛЯГИН:

Я обучался азбуке с вывесок. И в значительной степени сталкивался не с самим Макиавелли, а с наследием его эпигонов, которые как положено, все извратили.

Однако, мне кажется, что нам здесь очень важно не поддаваться соблазну сосредоточиться на том, чтобы давать Макиавелли свои оценки. Если мы впадем в этот грех, мы рискуем уйти в сторону от главного. Я так думаю потому, что ошибкам Макиавелли можно посвятить отдельную конференцию.

Но мы нуждаемся в совершенно ином – не в изучении его ошибок, а в том, чтобы понять его величие и причины этого величия.

В самом деле, ну, казалось бы, за что его помнить? Ну, смотрите, неудачливый государственный деятель, изгнанник, подвергшийся пыткам, от которого не осталось даже портрета. Однако, прошло 500 лет, и мы его до сих пор перечитываем с карандашиком. В чем причина этого?

Главный урок для себя, который мы можем извлечь из его жизни и славы – это необходимость мужества, в том числе мужества в познании. Надо не бояться познания, даже если оно противоречит каким-то нашим представлениям о том, что хорошо, а что плохо, что морально, а что нет. Сила Макиавелли – в его откровенности и логике. Он предельно откровенен, очень логичен и абсолютно до-

казательно – что является для нас самым страшным и неприятным – раскрыл то, чего человечество стыдилось за 2000 лет до него, и будет стыдиться еще много тысяч лет после него.

Один из самых важных его выводов: одна из самых важных с точки зрения практики вещей, заключается в том, что, к сожалению, технология государственной власти очень многое позволяет такого, что не позволительно простому человеку. И поэтому государственная власть не должна забывать о той цели, которую она преследует.

Многим великим людям приходилось делать аморальные вещи. Черчилль знал о готовящемся Перл-Харборе, а может, и Рузвельт знал; Тэтчер сознательно провоцировала Фолклендскую войну; я уж не говорю о корейских диктаторах, которые расстреливали мирные демонстрации для обеспечения подъема экономики, и про события на площади Тяньаньмынь, которые открыли Китаю дорогу в стабильное будущее.

Кстати, очень интересно бы посмотреть, что было бы, если бы в нашей стране удалась в свое время попытка толкнуть Горбачева на действия, подобные событиям на Тяньаньмынь, страна стояла на грани. Там всего-то не вовремя отдернули занавесочку с окна, когда Горбачев принимал решение.

Впрочем, говоря об аморальных решениях политиков, надо начинать с начала. Вспомним хотя бы Моисея, с которого началась наша писаная история. Ну не верю я, что он 40 лет водил этих бедолаг по пустыне в целях нравственного совершенствования. Это типичная официальная версия. На деле, боюсь, все было проще: Моисей был военным вождем, и его власть проистекала из критичности ситуации. Если ситуация стала бы нормальной, он тут же потерял бы власть – вот потому он и держал народ в пути. И лишь когда он понял, что умирает, что уже все заканчивается, только тогда он сказал, что вот, мол, все: дошли. Здесь – Земля Обетованная.

И ведь он так это сказал и так поступил, что тот случайный клочок земли, на котором это произошло, воистину стал Землей Обетованной и вот уже две тысячи с лишним лет ею остается.

Все приведенные мною примеры подтверждают очень важный и очень грустный урок, преподанный нам Макиавелли: история прощает аморальность. Если, конечно, конечная цель избрана верно, и, что очень важно, хватает нам сил, чтобы ее достичь.

Это очень страшный урок, потому что здесь нет однозначных рецептов. Я позволю напомнить в этой связи об одной из наиболее актуальных в современном российском обществе проблеме – так называемом «парадоксе спецслужб».

Ведь, почему спецслужба она называется «спец»? А потому что ей позволено нарушать закон в критических ситуациях, которые этот закон заранее предусмотреть не может. Причем, степень критичности ситуации определяет сама спецслужба, и отсюда проистекают все злоупотребления. Но когда мы сталкиваемся со спецслужбой, которая находится полностью под контролем общества, она оказывается абсолютно недееспособной и проваливает все, что ей поручают.

И мне кажется, что урок Макиавелли для нас в том, что раз уж политическая технология безнравственна по необходимости и неизбежности, как технология власти, то хотя бы цель ее должна быть нравственна.

И здесь с нами злую шутку играет русский язык, великий и могучий. Потому что, насколько я понимаю, сильное государство, которое было главной целью по Макиавелли, на его языке означало вовсе не то, что мы под этим понимаем сейчас.

Это не некрасовский «кулак-скуловорот» и это не товарищ Сталин, который стал лучшим менеджером XX века в нашей стране по той одной единственной причине, что после Столыпина он вообще был единственным менеджером в нашей истории XX века. И меня, кстати, очень пугает, что он здесь у нас в ходе дискуссии приводился чуть ли не как главный авторитет. Меня пугает, что чуть ли не главный критерий качества работ Макиавелли состоит в том, что он проходит в нашем обсуждении как чуть ли не главный авторитет. Потому что самое лучшее, что мы можем сказать о Макиавелли – это то, что товарищ Сталин делал в его работах отметочки и подчеркивания.

Так вот, для Макиавелли сильное государство – это вовсе не государство, применяющее насилие или жесткий контроль. Для него сильное государство – это всего лишь успешное общество, и аморальность, которой мы так пугаемся до сих пор, связана с тем, что в разных ситуациях успешное общество может быть разным. В том числе, этот успех может достигаться и аморальными методами. Но это – технология, с которой ничего нельзя сделать, – которую можно либо использовать, либо не использовать.

Здесь были сказаны две замечательные фразы, на которые я не могу не откликнуться. Прежде всего, я не могу подобрать никакой жизненной аналогии, – которую можно воспроизвести в данной аудитории для характеристики нашей современной демократии как девственной. Я потратил два часа обсуждений, которые здесь шли, на попытку подобрать аналогию, но я не смог это сделать.

И второе: здесь когда-то было сказано, что лучшим последователем Макиавелли был Борис Николаевич Ельцин. Уважаемые коллеги, ну что же вы? Ну давайте не будем обижать действующего президента. Он нам еще покажет. Спасибо. И, конечно, я присоединяюсь к поздравлениям по поводу двух прекрасных праздников.

В.Л. ТАМБОВЦЕВ:

Хочу остановиться на двух моментах, имеющих отношение к сегодняшней нашей тематике. Первый из них заключается в том, что мы как-то уже свыклись с тем, что есть нормативная теория, а есть позитивная теория, по крайней мере, в сфере экономической науке. С точки зрения различения этих двух теорий, нормативной и позитивной, все эти мучительные поиски ответа на «детский» вопрос: Макиавелли, он «хороший» был или «плохой»? – строго говоря, лишены смысла. Подобно тому, как нормативная наука говорит о том, что хорошо было бы иметь, а позитивная говорит, как что-то устроено, так и Макиавелли: он не хороший и не плохой. «Просто» он занимается описанием реальности, а это описание понимается иногда как рекомендации, что меня удивляет, честно говоря. Так вот, когда он занимается таким описанием, то не он «плохой», а жизнь такова, такова технология осуществления и сохранения власти.

Когда же он начинает заниматься нормативными конструкциями, то занимается тем, чем занималась вся политическая наука, начиная от известного мне первого политолога Платона с его «Диалогами». Вот здесь вопрос, «хороший» или «плохой» – вопрос нравственной оценки, моральной оценки – для автора соответствующей нормативной конструкции становится определяющим ее смысл. Все нормативные конструкции, говорящие о должном, могут быть как «хорошими», так и «плохими», и это уже начинает зависеть от того, как мы, читатели, оцениваем соответствующие нормативные концепции. То есть когда мы говорим о нормативной составляющей

в той или иной политологической, экономической, философской или нравственной теории, и становимся на нормативную точку зрения, вот здесь и начинаются неразрешимые проблемы. Неразрешимые в принципе, с научной точки зрения, поскольку наука есть прежде всего описание чего-либо. Макиавелли в качестве творца нормативных концепций, нормативных конструкций, выступает как республиканец. Да, он высказал такую позицию. Наша точка зрения может отличаться или совпадать с его позицией, однако, нам он интересен, прежде всего, как создатель дескриптивной теории, описания технологии осуществления некоторой политики.

Второй момент, о котором я хочу сказать, – это соотношение политической теории и политической практики или технологии. В экономической теории есть высокоабстрактная и очень интересная теория отраслевых рынков. С другой стороны, мы знаем, что есть маркетинг, как массовая практическая деятельность: надо с таким-то человеком встретиться, такому-то позвонить – вот тогда товар пойдет. Налицо очень большая разница между теоретическим описанием функционирования рынка и практическим маркетингом. В связи с этим, слушая сегодня чрезвычайно интересные выступления, – аналогии с Древним Востоком, Египтом, Китаем и так далее, – я подумал вот о чем. Хотелось бы высказать это в качестве пожелания, причем я сразу хочу сказать, что не надо поступать по-советски – «кто высказал инициативу, тот ее и осуществляет», я не готов. Инициатива же заключается в следующем. В рамках истории экономической мысли, Владимир Сергеевич (Автономов – ред.) не даст соврать, есть такая совершенно уникальная книга, где автор – Такаши Негиши – проделал следующую интересную вещь. Он реконструировал в терминах современной экономической теории воззрения классиков экономической мысли. К сожалению, мне неизвестно, есть ли подобного рода реконструкции политических теорий, сформулированных в древности соответствующими классиками Востока и Запада, в терминах современной политической теории. А ведь это было бы чрезвычайно интересно – именно логически реконструировать политическую мысль того времени так, как ее понимает современная теоретическая политология: как трактуется политический актер, в какой мере учитывается его оппортунистическое поведение и так далее, и так далее. Мне кажется, что это небезынересная задача для

политологов вообще, и для Флорентийского общества – в частности, поскольку, как здесь сегодня отмечалось, Макиавелли выступает одним из основателей именно современной политической теории.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Мы приближаемся к концу нашего заседания. К сожалению, коллеги, не все мы изучили замечательный итальянский язык, не все имеем возможность читать Макиавелли в оригинале. Поэтому наш Макиавелли, если взять только что вышедшую книгу «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», – это Макиавелли М.А. Юсима, переводчика, соавтора. Как Марк Аркадьевич донес до нас, так в нас Макиавелли и отзовется. Вам слово, Марк Аркадьевич.

М.А. ЮСИМ:

Прежде всего, я должен сказать, что к замечательному сегодняшнему празднику, на который я имею честь быть приглашенным, чудесным образом добавился еще и праздник для меня, поскольку я впервые увидел здесь книжку со своим переводом. Я не знал о том, что она уже появилась. Хочу поблагодарить еще раз Андрея Константиновича и издательство, потому что, действительно, этот перевод очень долго лежал без движения. И кстати, сегодня еще один праздник: день святого Валентина, об этом тоже никто, по моему, не упоминал.

Единственное, что я хочу в порядке уточнения заметить: нельзя называть этот перевод, это издание «правильным переводом», как сказал, наверное, в шутку, уважаемый Петр Давидович. Это, конечно, версия, интерпретация Макиавелли, как и другие. Еще в начале 80-х годов появился перевод «Рассуждений» Р.И. Хлодовского, в то время, правда, частичный, в котором участвовал как комментатор присутствующий здесь Михаил Леонидович Андреев. Поэтому, конечно, я предлагаю лишь один из вариантов перевода. Надеюсь, что он будет наряду с другими принят с интересом.

Теперь я хотел бы сказать что-то и о Макиавелли. Дело в том, что мне трудно говорить на эту тему, поскольку я занимаюсь ею очень давно не только как переводчик. У меня есть две книги. Одна из них называется «Макиавелли в России. Мораль и политика на протяжении пяти столетий», то есть как раз с XV – XV веков и до наших дней.

Эта монография посвящена, собственно, нашей сегодняшней теме. В двух словах трудно сформулировать ее содержание. Я услышал много интересного сегодня, и у меня есть желание вступить в диалог одновременно со всеми, кто сегодня выступал.

С другой стороны, в общем-то, мысли повторяются и все, что можно сказать о Макиавелли, давно уже сказано до нас. Например, сравнения с восточными трактатами, с «Архашастрой» и с Каутильи; они проводились и ранее, в том числе в русскоязычной литературе, как и сравнения трудов Макиавелли с китайскими трактатами. Некоторые факты нуждаются в уточнении. Екатерина Юрьевна упоминала о пометках Сталина, но все-таки, по-видимому, маргиналий к тексту «Государя» и «Рассуждений» не было, как пишет Николай Рыжков в своей книге. Он приводит цитаты с подчеркиванием. Будем надеяться, что когда-нибудь издание с пометками Сталина отыщется.

Николай Петрович Шмелев в своем романе об эпохе Ивана Грозного упоминает о трактате Макиавелли, который, якобы, кто-то в то время читал. Но маловероятно, чтобы в середине XVI в. на Руси кто-то мог читать Макиавелли в подлиннике почти, в том числе и сам Иван Грозный. Первый перевод Макиавелли, первое издание его трактата «Государь» на латыни относится, если я не ошибаюсь, к 1560 году. То есть даже хронологически в то время, когда происходит действие в романе, доступной москвитам книги не существовало.

Теперь буквально по существу обсуждаемой темы: уроки Макиавелли сегодня в России. Как известно, главный урок истории – это то, что люди никаких уроков из нее не выносят. Макиавелли был энтузиастом изучения истории, с тем, чтобы применить ее в современной жизни. Он мечтал возродить римское величие. Он был замечательным историком при всем его «антиисторизме» (последнее утверждение более чем спорно). Он написал «Историю Флоренции», шедевр, по словам Маркса. Но если мы обратимся к книгам Макиавелли, то увидим, что на самом деле он не дает конкретных рецептов, он рассматривает историю как поле для изучения опыта. И, по-видимому, к его наследию тоже можно и нужно применить, как к любому историческому наследию, этот метод. История – это повод для размышлений. Потому что никогда и ничто не повторяется в истории в точности. Но мы можем изучить прошлое, чтобы лучше в нем ориентироваться, чтобы понять, как действовать нам самим.

Очень многие писали о качествах, которые необходимы государю: щедрость, добродетельность и т.д, но именно Макиавелли остался такой, своего рода, занозой в памяти человечества. Почему? Потому что он имел смелость дать рекомендации, заявить, что государь не может в определенных ситуациях следовать добру, потому что этот путь губителен. Вот именно это будоражит до сих пор умы, как я полагаю. И именно это заставляет вспоминать Макиавелли и снова задаваться теми же самыми вопросами. Но поколения исследователей уже показали, что ни приписываемая ему аморальность, ни утверждение, что цель оправдывает средства, на самом деле у Макиавелли не присутствуют.

Ссылаясь на кого-то и на что-то, надо быть очень точными. У Макиавелли нет утверждения, что человек «подл от природы». Он говорит, что люди от природы склонны ко злу. Это совершенно другое. Чтобы человек стал добрым, его нужно воспитать, нужны определенные усилия. Также он пишет, что только из необходимости рождаются добрые дела. И то же самое в отношении теории «цель оправдывает средства». Макиавелли считает, что для спасения государства все средства хороши. И этот принцип соблюдается в политике. Но это совсем не то же самое, что «цель оправдывает средства», не формулировка этой теории, которая сама по себе достаточно идеологична, провокационна, вызывающа. Ближе всего к формулировке этой теории подходит монах фра Тимотео в комедии «Мандрагора», который говорит, что нужно всегда смотреть на намерения. Если намерение доброе, то можно изменять мужу или делать аборт. Здесь эта фигура выведена с явно сатирическими целями.

Разговор о сегодняшней России в контексте Макиавелли показывает некоторое противоречие: с одной стороны, мы упрекаем действующих политиков в макиавеллизме, самыми плохими оказываются те, кто больше всего проявил себя макиавеллистом. С другой стороны, мы говорим, что полезно читать Макиавелли. Как же это противоречие разрешить? В исторической литературе его разрешают часто с помощью утверждения, что Макиавелли описывал, а не рекомендовал. Да, с одной стороны так, в его трактатах виден дескриптивный подход. Но дело в том, что чисто дескриптивных наук не существует. Даже истины математики, как говорил

В.И. Ленин, оспаривались бы горячо, если бы они затрагивали интересы людей. А уж в практической философии, как раньше называли этику, дескриптивности гораздо меньше. Нормативность присутствует в ней изначально, так как в любой человеческой деятельности есть некая заданность, некая цель и есть некая субъективность. Поэтому, конечно, оправдание Макиавелли как наблюдателя и естествоиспытателя само по себе недостаточно, неточно.

Второй момент, который оправдывает Макиавелли, (если его нужно «оправдывать») – это то, что он сам дистанцируется от негативных моментов политики. Он пишет: «толпа считает, что если государь добился успеха, то он прав, но в мире все решает толпа». То есть он указывает: да, это так, к сожалению. Да, это распространенный стереотип. Но сам он не считает успех оправданием в последней инстанции, хотя для политика это важнейший критерий.

И третье, по моему мнению, самое важное, Макиавелли не разделял мораль и политику, как это принято считать, согласно существующей формулировке. Это если мораль понимать не как свод неких заповедей, а как руководство к действию человека. Макиавелли показал особую роль морали в политике, морали как психологии человека и групп. Он показал, что собственно от отношения людей к поступкам, политическим событиям зависит исход этих событий, зависят судьбы государей и государств. И вот сегодня перед нами особенно ясно предстает важность и справедливость этой его мысли, этой идеи, с которой он носился, потому что сегодня мы очень четко видим, какую роль видимость играет в политике, как велика бывает пропасть между реальным объективным, подлинным содержанием событий, что видят многие политики, и той картиной, которая искусственно создается у зрителей, у массы. Но мнение массы по-прежнему играет решающую роль в политике, которая вершится как и история, преимущественно, в умах людей.

В заключение, я хочу сказать о том, какой урок мы должны, на мой взгляд, извлечь из учения Макиавелли о морали и политике. Может ли быть политик, государь моральным и должен ли он себя соответствующим образом вести, если такой теоретик, как Никколо Макиавелли, показал, что следовать морали, общепринятой морали, ее элементарным заповедям для политика часто невозможно, что

только благих намерений для политика недостаточно. Мне кажется, что политик должен поступать по совести, хотя это не всегда будет совпадать с требованиями морали. Конкретные решения, конкретные поступки человека всегда будут каким-то выбором между ценностями, диктатом разных ценностей.

М.Ю. АЛЕКСЕЕВ:

Я скажу несколько слов по теме нашего сегодняшнего обсуждения. Иначе бы мне не дали слова, чтобы связать его с поздравлением Сергея Петровича.

Я достаточно осторожно и, сказал бы даже, напряженно отношусь к творчеству Макиавелли и его интерпретациям с того момента, как на тумбочке у своей супруги обнаружил книгу Федора Михайловича Бурлацкого «Загадки Макиавелли». Сегодня же, когда я сказал, что иду на заседание Никитского клуба, моя супруга попросила при случае купить книгу «Государь». Я ощущаю определенную угрозу своим позициям главы семьи, если это творчество будет глубоко изучаться. Мне кажется, что одна из причин феномена Макиавелли заключается в том, что он действовал в двух ипостасях, в двух сферах. Он был и практикующий политик – другое дело, насколько эффективный и насколько крупный, – и в тоже время он был деятель в духовной сфере. Я думаю, что одно из главных учений Макиавелли заключается в том, что он показал некоторые черты природы власти. А именно: власть – это сфера, где игра идет без каких-либо правил. То есть главное правило поведения в сфере власти – это то, что никаких правил не существует.

И, слава Богу, что есть люди, действующие вне этих правил, связанные с деятельностью в других сферах человеческого бытия, а именно в духовной, где иные законы поведения. Я хочу поздравить от имени нашего банка и от группы «Интеррос» Сергея Петровича Капицу, который добился всеобщего уважения, больших достижений в духовной сфере, не прибегая к качествам, используемым в сфере власти.

Мы тоже занимаемся культурной деятельностью и издаем книги, в частности, серии «Культурное наследие», которые хотим подарить Сергею Петровичу в день его рождения.

С.П. КАПИЦА:

Буду очень кратким. Я хочу всех поблагодарить за невероятно интересный вечер. Я думаю, что он был интересен не только мне, но и большинству присутствующих. Это замечательно, когда ты можешь слышать серьезные рассуждения, да еще тебя иногда упоминают. Вот за это я хотел поблагодарить присутствующих и особенно Московскую межбанковскую валютную биржу за ее гостеприимство. Возможность этой встречи, на которую пришли мои близкие родственники, по-моему, только подчеркивает, что наш Клуб – не только деловые обсуждения, не только издания, но и человеческие контакты, на которых в итоге все и основано. Я думаю, что Макиавелли это тоже понимал, поэтому можно быть и хорошим макиавеллистом. Надеюсь, мы будем продолжать развивать это и дальше. Еще раз большое всем спасибо!

А.В. ЗАХАРОВ:

С днем рождения, дорогой Сергей Петрович! Мне тоже хотелось бы как председателю Попечительского совета Никитского клуба сделать несколько несложных выводов.

Первое. Дискуссия, на мой взгляд, удалась, и, как в свое время говорил известный литературный герой, «легкость в суждениях была достигнута необыкновенная».

Второе. Дискуссия о Макиавелли, макиавеллизме и прочих понятиях актуальна всегда, как актуально искусство править, держать власть – так, чтобы «кровь выступала из-под ногтей», по выражению Владимира Владимировича (Маяковского – ред.).

Третье. Мы и сегодня следуем многим советам Макиавелли. Например, спустя пять веков к нам вернулось понятие «семьи», и на деле было доказано, что «семья» вновь может весьма успешно править на протяжении определенного исторического периода. Мы вновь обратились к политике сдержек и противовесов, разработанной не без участия Н. Макиавелли, которая приобрела новое современное звучание. И, наконец, мы опять стали жить «по понятиям», правда, несколько «модернизированным». Потому как, если помните, семья Медичи исповедывала идеологию неоплатонизма. На Платона Медичи молились, это был их культовый философ, одним из краеугольных камней учения которого было представление

об эйдосах – первопричинах. И хотя наши «понятия» носят иной, современный смысл, но в принципиальном смысле мы тоже являемся последователями эпохи Макиавелли.

Меня, получившего воспитание в духе марксистско-ленинской традиции, много лет учили обращаться к первоисточникам. Прошу прощения, что не могу изменить старым привычкам, и приведу цитату из «Государя»: «Итак, государь, взошедший на престол по милости народа, должен хранить его расположение, а это сделать будет нетрудно, ибо народ желает только избежать притеснений». И такими «простыми» советами «Государь» изобилует в избытке. И если мы им будем следовать, то, как говорит В. Познер в известной телепрограмме, наступят другие времена.

Последнее, о чем я хотел бы сказать, что Макиавелли, макиавеллизм совместимы только с глубокой внутренней эстетикой, которая непременно переходит в этику. Чего нам всем вместе в современной эпохе не достает? Я думаю, того, чему учит Макиавелли и его эпоха: быть легкими, изящными и красивыми в мыслях – тогда будут более изящными и наши поступки. Так что желаю всем нам изящных мыслей и поступков.

Вас, Сергей Петрович, я еще раз поздравляю с днем рождения и желаю, чтобы Вы надолго оставались президентом Никитского клуба!

**ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ Ф.М. БУРЛАЦКОГО
«НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ, СОВЕТНИК
ГОСУДАРЯ»**

**СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
ФЛОРЕНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
И НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ПОЛИТОЛОГИИ
ПРИ РАН**

15 марта 2002 г.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Уважаемые коллеги! Позвольте мне открыть совместное заседание Флорентийского Общества и Научного совета по политологии при Российской Академии наук. Флорентийское Общество – это молодая организация, объединяющая людей, которые любят Флоренцию и Ренессанс XV века – Кватроченто. Когда корреспондент «Известий» спросила меня: какова конечная цель Флорентийского Общества, если говорить в двух словах, я ответил: если в двух словах – поездки во Флоренцию.

Флорентийское Общество имеет отношение к выходу книги «Максима Макиавелли», авторами которой стали в том числе и двое судей Конституционного Суда РФ. Во Флорентийское Общество вступают известные люди, некоторые из них (например, Виктор Герашенко) спрашивают: это не масонская организация?

Хотя нас очень много важных, ценных и значимых членов Флорентийского Общества, но думаю, что одним из самых важных, придающим Обществу вес и солидность является Федор Михайлович Бурлацкий. Поэтому на сегодняшнем заседании Флорентийского Общества мы сначала обсудим его книгу, а затем перейдем к дискуссии о том, что значат в нашей жизни Флорентийский Ренессанс, Макиавелли и основанная им политология.

Объясню, почему я оказался Президентом Флорентийского Общества. Семь учредителей организовали Флорентийское Общество

и сразу стали думать о его символике, но во Флоренции мы никаких галстуков или косынок для женщин с изображением Флоренции не нашли. Несколько позже в США, на острове Нантакет, я купил-таки галстук, на котором изображена карта Флоренции 1467 года. Имея такой весомый аргумент, я получил должность Президента Флорентийского Общества.

Теперь перейдем к обсуждению книги Федора Михайловича Бурлацкого «Никколо Макиавелли, советник государя». Интересно, что эта книга опубликована в первом издании достаточно давно, в 1977 г. Сейчас она не просто переиздается в третий раз. Она переиздается в рамках новой концепции, она открывает серию, в которой будут портреты Хрущева, Мао Цзедуна, Андропова, Горбачева, Ельцина и т.д. Эти личности будут рассматриваться с точки зрения советников, которые были у этих прямых государей или государей в кавычках, и с точки зрения Макиавелли. Взгляд от имени Макиавелли позволяет нам запланировать обсуждение этих книг на наших следующих заседаниях.

После первого заседания Флорентийского Общества мы собирали письменные материалы. Когда люди выступают, то они говорят нормальным человеческим языком. Но когда просишь, чтобы написали на тему «Флоренция, Макиавелли, Ренессанс, 15-й век», люди начинают писать вольно или невольно, подражая стилю той эпохи, конечно, как каждый его знает или представляет. А Федор Михайлович, мне кажется, в образ Макиавелли вошел и почувствовал его, может быть, намного серьезнее, тоньше, глубже, чем другие авторы. Литературы о Макиавелли много. Я, например, не стал бы утверждать, что прочитал всю её. Но, по крайней мере, большую часть из того, что выходило за последние годы на русском и английском языке, удавалось посмотреть. Вы знаете, такой книги нет. Нет такого подхода, нет такой глубины проникновения в образ человека, который был блестящим драматургом, стихотворцем, дипломатом, политиком, ученым, историком, юристом. Макиавелли знают все. Это имя известно всем, хотя не все читали о нём. Политолог, ученый, оставил такой след в истории, один остался от блестящей плеяды политиков, юристов, историков XV-XVI вв., вообще всей той эпохи. Скульпторы, художники, архитекторы того времени остались в истории, имена выдающихся юристов ушли, забылись, исчезли, а имя Макиавелли

не забыто. Библиография огромная, всё время расширяется. Книги, выходящие в разных странах мира, посвящены творчеству, деталям, аспектам, нюансам в работах Макиавелли. Это явление само по себе заслуживает внимание. Я считаю, что мы живем в одном историческом времени с Флоренцией XV-XVI вв. Мы еще не вышли за пределы этого исторического этапа. И поэтому нам так близко, дорого и волнительно то, о чем писал Макиавелли. Но этот феномен требует своего осмысления. Поэтому, Федор Михайлович, Вам слово.

Ф.М. БУРЛАЦКИЙ:

Я, конечно, чувствовал бы себя очень неловко, если бы стал представлять и расхваливать свою книгу. Поэтому я буду говорить не о книге, а о самом Макиавелли, о том, в какой степени он сейчас не только интересен как чтение, потому что он был блестящим стилистом. Насколько он интересен и уместен для понимания того мира, в котором мы живем. Я хотел бы продолжить мысль, которую высказал обдуманно Петр Давидович. О том, что мы живем в одной эпохе. Это кажется странным, прошло 500 лет, столько произошло в мире. Весь мир стал совершенно другим, по крайней мере, внешне, и тем не менее страсти, описанные Макиавелли, портреты, нарисованные им, и особенно ткань политической жизни и портреты государей как будто застыли на века, пришли к нам, и живут вместе с нами. В одной из своих книг, я, наверное, в дурном расположении духа написал: «Рожденный в XX веке, я прожил жизнь в средневековом государстве». Я действительно так считаю, что государство, которое у нас было еще недавно, может быть, отличалось от средневековых государств Италии в худшую, а не в лучшую сторону. Вы помните, сколько страстей было вокруг Варфоломеевской ночи, блестящую книгу Мериме «Хроника времен Карла IX». Человечество было потрясено тем, что несколько десятков тысяч гугенотов были казнены в одночасье. А что делалось в нашей стране? А что делалось в Германии? А что делалось в Китае? Весь XX век как будто списан с книги Макиавелли «Государь».

Я очень рано почувствовал какое-то тяготение к фигуре Макиавелли, потому что это нечто мистическое. Одной из предпосылок было то, что на дачах ЦК КПСС я встретил помощника Сталина, который мне рассказал, что Сталин периодически заказывал томик

Макиавелли, изданный под редакцией, между прочим, Каменева, которого Вышинский потом обвинил в макиавеллизме. Просматривал этот томик, читал «Государя» и возвращал обратно в библиотеку. Вот эта деталь, что он возвращал в библиотеку, мне казалась очень занимательной. Ему не хотелось, чтобы его соратники думали, что он чему-то может научиться у Макиавелли.

Я думаю, что все здесь сидящие прекрасно понимают и не надо ломиться в открытую дверь, чтобы доказывать, что Макиавелли и макиавеллизм это абсолютно разные вещи. Я попытался объяснить это в книге, не знаю, насколько сделал это убедительно. Но до меня это сделали многократно люди высоких умов: Спиноза, который писал, что Макиавелли был республиканцем и великим гражданином, Руссо, Маркс и, между прочим, Александр Сергеевич Пушкин, который интересовался Макиавелли и произносил и писал эту фамилию немножко странным образом «Макхивель». То, что Макиавелли не был макиавеллистом, а просто дал фотографию нравов государственных деятелей того времени, и предшествующих, и, как мы убедились, последующих времен, говорит и сама его биография. Он не был успешным политиком, он был, в сущности, неудачником в политике. Он прослужил республике 14 лет, потом пришли Медичи, он оказался в тюрьме и потом многократно пытался вернуться к государственной деятельности. И даже сама книга «Государь» была адресована Джулиано Медичи. Ему, правда, не удалось преподнести, потому что тот очень сердился на него как на республиканца. Он преподнес его Лоренцо Медичи, но всё равно безуспешно. Так до конца и не вернулся, даже когда возродилась Республика. Он написал о себе слова, которые я бы отнес ко многим из нас: «Человеку честному неизбежно должно погибнуть среди бесчестного большинства». Но поскольку мы не погибли, то, вероятно, у нас большинство не бесчестно.

Я не буду подробно рассказывать о том, что можно прочесть в книге, и о том, что можно в особенности прочесть у Макиавелли, я хотел бы это как-то соотнести с тем, что мы переживаем сейчас. Мы живем вот уже много лет, трудно сказать, сколько, в эпоху после средневековья. Потому что система, которая у нас была, мало отличалась и от крепостнической, и монархической системы с тираническим лидером во главе. И очень многие идеи и сейчас чрезвычайно важны для нас, для понимания того, что происходит. Первое, что

я бы сказал в этой связи, это политический человек, человек у власти. Очень странно, но у меня такое чувство, я не знаю, как у других, что как раз в этой сфере человек практически не менялся. Я даже не знаю, кто был интереснее – римские сенаторы или наши сенаторы, кто был образованнее, кто в большей степени был патриотичен, кто лучше понимал, что делать с государством.

Макиавелли говорил, что не надо рассчитывать на любовь подданных. Надо делать ставку на страх, потому что страх – это куда более сильное чувство, чем любовь. И странным образом, мы в наше время были свидетелями того, как страх перед тираном порождал массовое преклонение. И не только у нас, но и во многих других странах.

Этот образ политического человека соседствует с нами и сейчас. Посмотрите, что говорят наши депутаты, что пишет наша пресса по поводу политического процесса: «политика – это грязное дело». Что такое, почему политика должна быть грязным делом? Потому что отношения господствующих и подчиненных просто меняли свои формы и механизмы, а психология оставалась той же.

Вот странным образом мы пережили эпоху, которая очень карикатурно напоминает то, что происходило во Флоренции. В период большого скачка к демократии, если сопоставить фигуры представителей семей этого времени и того времени, поневоле скажешь, что история, может быть, движется не только вперед, но и, как говорили наши классики, зигзагами – то вперед, то назад, то по спирали. Он придавал огромное значение проблеме стабильности государства, борьбы против дезинтеграции. Ну помните, что «Государь» завершается главой со страстным призывом к единству Италии. Прошло несколько веков, пока эта идея Макиавелли осуществилась. Для нас это очень актуальная проблема. Не потому, что на наших глазах разрушилось великое государство. Не Советский Союз разрушился, а великая Российская империя. К добру ли, не к добру ли, многие спорят по этому поводу, но если дальше пойдет процесс дезинтеграции, то нам снова придется перечитывать Макиавелли для того, чтобы искать пути соединения распадающихся частей.

Два слова о работе, которой очень многие из здесь присутствующих занимались, – о работе советников. Макиавелли говорил, что есть три типа советников. Одни ничего не понимают, когда им даже

объясняешь, вторые понимают, когда им объясняешь, третьи рожают идеи. Что меня больше всего удручает в сфере политики? То, что у нас так и не появились советники третьего типа, т.е. те, кто знает, как делать реформы. У нас не было человека, похожего на Людвига Эрхарда, на Дэн Сяопина с его черной и белой кошкой или на японского Охиту. Все делалось вручную, ремесленно, по формуле Наполеона, которая всем очень нравилась: надо броситься в воду, а потом посмотреть, как научиться плавать.

Два слова о последних событиях, к которым мы никак не вырабатываем разумное отношение. Мы мечемся всё время на всех уровнях. На высоком политическом уровне, на уровне советников и просто граждан, и не знаем, как реагировать. Те, кто собрались в Беловежской пуще и готовили документ о распаде Советского Союза, конечно, не знали, что произойдет с Россией. Они совершенно не представляли себе, что разрушают всю геополитическую картину современного мира. Всю картину. Потому что осталась одна супердержава.

Макиавелли был автором важнейшей идеи баланса сил, идеи равновесия как главной гарантии мира и предотвращения войны, идеи разумных соглашений. Посмотрите, что получилось. Получилась пирамида, почти напоминающая пирамиду Мавроди в современном мире, когда одно действительно демократическое государство наводит порядок во всем мире самыми жесткими, военными, методами, навязывает демократию народам, которые еще не знают, что это такое. И которые, конечно, должны были идти к этому на протяжении десятилетий, а, может быть, и больше. Поэтому мне кажется, что Макиавелли актуален, но не только Макиавелли. Конечно, сколько было умов в нашей истории. Если бы мы хоть немножко возвращались к ним время от времени, просвещали себя и особенно тех, кто властвует над нами, наверное, дела бы в стране шли намного лучше.

В заключение я хотел бы прочесть вам слова, которые мне кажется, больше всего и лучше всего объясняют феномен этой личности. Книга «Государь» была написана Макиавелли мимоходом, за три месяца. Его основная республиканская книга, «Рассуждения». Потом были «История Флоренции», «Мандрагора», «Клиция», переписка со многими другими деятелями той поры. Макиавелли сам очень обижался, что его не ставили на одну доску с великими художниками и поэтами Возрождения, например с Данте. Так вот в заключение я хо-

тел бы вам зачитать как раз из Данте. Секрет силы и обаяния Макиавелли лучше всего выражают слова его великого наставника – Данте:

*«Залит проклятым ядом целый свет.
Молчит объятый страхом люд смиренный.
И ты, любви огонь небесный свет,
Вели восстать безвинно убиенным.
Подъемли правду, без которой нет
И быть не может мира во Вселенной».*

Правда, одна только правда: обнаженная, жестокая, восхитительная, единственная, невыносимая. Вот что делает музыку, стиль, определяет неповторимость всего творчества Никколо Макиавелли. Вот что восхищает, притягивает или отвращает тех, кто читал или читает его произведения. Есть таинственный соблазн в правде. И Макиавелли – пророк её. Спасибо за внимание.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Спасибо большое, Федор Михайлович. Как хорошо, что я выступил до Вас. Теперь приступаем к обсуждению. У нас во Флорентийском Обществе всё очень демократично. Прошу Вас, Александр Абрамович Галкин.

Ф.М. БУРЛАЦКИЙ:

Александра Абрамовича вы знаете. Это один из самых крупных интересных наших политологов, член Академии политических наук. Автор совершенно незабываемой и бессмертной книги о фашизме, написанной в ту пору, когда вообще нельзя было писать о фашизме, и мой старый друг и соавтор.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Пожалуйста. И если можно, нажимайте кнопку у микрофона. У нас, чтобы избежать любого подозрения в масонстве, всё записывается.

А.А. ГАЛКИН:

Книгу Федор Михайлович написал блестящую. Любой автор, который хочет оставить о себе память в истории политологии или

литературы, будет гордиться такой книгой. И я думаю, что мы собрались не для того, чтобы говорить комплименты Федору Михайловичу. Он не нуждается в наших комплиментах. Мы собрались для того, чтобы, отметив это бесспорно положительное явление, новое издание переработанной книги, все-таки поговорить о проблемах. Федор Михайлович уже положил начало этому. Он ряд проблем назвал, но не все. Тут сыграла свою роль, наверное, свойственная ему скромность. Но я, поскольку меня это не касается, меня никто не обвинит в саморекламе, считаю нужным обратить внимание на один аспект. Ведь эта книга не случайно называется «Никколо Макиавелли. Советник Государя». Здесь не только поставлена проблема, но предложено определенное решение этой проблемы, которая остается одной из важнейших проблем в политологии. И если говорить о сходстве тогдашнего времени, 500 лет тому назад, и сегодняшнего времени, то смысл сходства не в том, что существуют некие параллели. Параллели всегда можно найти в любой исторической ситуации.

Существует проблема, решение которой не было найдено тогда и не найдено до сих пор. Это проблема отношения советника и политического деятеля – суверена, который принимает политическое решение. Вот, собственно говоря, насколько я понимаю, так возникла идея Макиавелли. Она связана с тем, что Федора Михайловича (я не верю в его мистические связи с Макиавелли), как человека определенного склада, определенной биографии, определенных нравственных устоев, мучила проблема: почему умные и хорошие советы, как правило, на политическом уровне игнорируются? Потому что вся жизнь его была связана с этим. И я к этому имел какое-то косвенное отношение, потому что Федор Михайлович в свое время привлекал меня к подготовке разного рода документов. И тогда эта проблема существовала. Она была для нас особенно болезненна, потому что в конце 50-х-начале 60-х годов сложилась прослойка интеллигенции (она не совсем точно впоследствии стала называться шестидесятниками), которые работали в рамках системы, видели все её недостатки и, будучи патриотами, пытались преодолеть изнутри недостатки системы. Федор Михайлович был одним из тех, кто создал группу ярких консультантов. Эта группа пыталась разрабатывать проблемы, влиять в позитив-

ном плане на принятие политических решений. И никаких особых эгоистических соображений у них не было. Утверждение, которое сейчас любят использовать так называемые восьмидесятники, будто эти люди думали только о карьере, идут от невежества или от зависти. У поколения восьмидесятников отсутствует очень важный стержень. У поколения шестидесятников был нравственный постулат – постараться сделать хорошо для своей страны, влияя на систему принятия политических решений.

Тогда перед этой категорией людей всё время вставала болезненная проблема: мы хотим добра, мы видим реально недостатки, мы ощущаем, к чему могут привести все эти недостатки – они могут привести к катастрофе страны, не системы, а страны – но почему самое интеллектуальное, самое умное и самое нужное отвергается на политическом уровне? И мне кажется, что идеи Макиавелли очень важны. Не потому только, что он был выдающимся деятелем Возрождения, не только потому что он был философом, писателем, драматургом и т.д. А потому, что он впервые поставил, но попытался решить эту проблему. Но ему не удалось эту проблему решить до конца. Вот почему книга Федора Михайловича, когда она вышла впервые, вызвала такую активную реакцию, такой активный интерес. И вызвала недовольство на уровне, на котором принимаются политические решения.

Но эта проблема до сих пор не нашла своего решения. Есть чисто формальные объяснения этого. Скажем, советник считает, пытается анализировать и решить вопрос о том, как надо делать, чтобы было хорошо. Политические деятели разного уровня и разного масштаба оценивают это с других позиций. Насколько возможно делать то, что предлагает советник, и не получится ли негативный результат лично для него, учитывая различную расстановку политических сил и т.д. Эта дилемма очень болезненно проявляется. Я не знаю, как сейчас складываются отношения между советниками и политической властью, властью решений. Но когда я имел возможность наблюдать это наблюдать, то проблема решалась, как правило, в негативном плане. Но отрицательные последствия такой ситуации сказываются не только на небольшом круге элиты, но на всей стране в целом. Спасибо.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Спасибо. Теперь слово предоставляется Алексею Викторовичу Шестопалу.

А.В. ШЕСТОПАЛ:

Дорогой Федор Михайлович! Дорогие друзья! Я хотел бы сказать не сколько слов о первой встрече с книгой Макиавелли, которая тоже была по-своему отмечена некоторым мистицизмом. В 1953 году дача того читателя Макиавелли, о котором говорил Федор Михайлович, на озере Рица, была брошена, охрана разбежалась. И там осталось два человека, которым некуда было идти, – старик садовник и старая кухарка. И туда приехали несколько молодых людей. Мы остановились в свитском корпусе, и старик-садовник показал нам сначала розы, а кухарка показала нам свое хозяйство. Затем мы пошли посмотреть кабинет и спальни. В кабинете стоял стол и шкаф с книгами. Причем там в основном стояли энциклопедии и справочники. А в спальне стоял другой шкафчик, где была художественная литература, причем художественная литература была с пометками, сделанными синим и красным карандашом. Впервые в жизни там я увидел томик Макиавелли. Он стоял, как я сейчас очень хорошо помню, рядом с томом Шиллера. Конечно, очень хотелось взять что-то на память, но в 1953 году рука еще не понималась. Но я запомнил этот томик, он явно в библиотеку не возвращался с пометками читателя. Вот такая была история. Спасибо.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Спасибо. Найти бы этот томик. Для Флорентийского Общества была бы замечательная находка. Рядом с томиком Шиллера. Есть какой-то ориентир. Сейчас выступит Борис Евгеньевич Куракин.

Б.Е. КУРАКИН:

Я присутствую здесь на правах друга Федора Михайловича. Во-первых, я благодарен за то, что попал на встречу, на которой раньше мне в Москве не доводилось присутствовать. Дважды в год мы с супругой участвуем в клубе, который называется «Второе возрождение», но он проводится в городе Сенага в Италии. Клуб собирает достаточно интересную европейскую интеллектуальную публику, и

в его работе участвует ряд интересных людей, которых мы подбираем вместе с итальянским сопредседателем, Арманде Вердильоне. Там идет очень серьезная, интересная беседа. Я думал, что в Москве ничего подобного нет, и очень доволен, что был не прав.

Если говорить о фигуре Никколо Макиавелли, которому Федор Михайлович посвятил интересную книгу, то прежде всего задаешься вопросом, почему Макиавелли появился во Флоренции, а не в другом городе. Кто любит или знает Италию, видимо осознают, что отношение к флорентийцам других итальянцев особое. Во-первых, отсутствует симпатия к жителям Флоренции. Во-вторых, признается их превосходство. Попасты во флорентийское общество, тем более интеллектуальное, сложно, и да промышленный истеблишмент для не-флорентийцев дело невозможное. И именно Флоренция притягивает сливки британского интеллектуального сообщества, в том числе юридического и промышленного, культурного. Как вы знаете, на левом берегу реки Арно, где расположен, помимо дворцов знати, и великолепный, лучший в Италии ресторан Лоджио, в основном селятся британские аристократы. Это очень интересно.

Флоренция – это притяжение интеллекта, прежде всего. И то, что Макиавелли начал диалог еще в то время между властью имущими и мозгами обладающими, что не одно и то же, вообще говоря, требует осмысления. И сегодня особенно, о чем прямо сказал Федор Михайлович. Но он достаточно осторожно высказался, что власть обладающая и мозги обладающие – это, к сожалению, сегодня не знак равенства, по крайней мере, в нашей необъятной России. Уважаемый профессор Галкин поставил вопрос: почему же не возникает диалог между умными советниками и большими и владеющими огромной властью функционерами? Я думаю, этот вопрос достаточно серьезный и требует своего осмысления. Если позволено будет, возьмем пример Европы. Де Голль, высоко одаренный человек, был настолько велик, что интеллектуально не только не подавлял, но и доверялся советникам. Нужно быть великим, чтобы над Андре Мальро быть «принципе» – это название книги Никколо «Il Principe» (Государь) – или влиять на великолепный ум, которым был посол Советского Союза в Париже Виноградов. А между прочим еще вопрос: кто был более близким советником Де Голля – Виноградов или Мальро. Видимо, только свободный и исключительно ода-

ренный интеллект имеет вокруг себя людей не менее, мягко выражаясь, одаренных, чем сам власть имущий.

Что мы имеем сегодня в Америке? Всем очевидно, что техасский стиль и мировая дипломатия Талейрана, Горчакова и многих других несовместимы. Но, уже начиная с Америки 30-летней давности, президентом становился специально подготовившийся человек – к этому относились очень серьезно. Кеннеди совершенно спокойно, не опасаясь, имел вокруг себя очень одаренных людей – и Артура Шлезингера, и Кеннета Галбрэйта. Он их назначал послами для того, чтобы Америка, соблюдая все правила мировой дипломатии, одновременно завоевывала хороший имидж.

Когда сегодня (я не хочу никого обижать) приезжаешь в любую страну и встречаешь нашего посла, который до этого был кем-то вроде начальника морского порта или вообще не имел дипломатической карьеры, то от него уже не ожидаешь чего-то выдающегося, как от посла великой России, типа Коллонтай. Ведь то, что происходит, как Федор Михайлович сказал, происходит не с системой, а со страной. Слово патриотизм еще имеет свое значение, хотя мы практически девальвировали слова «патриот» и «патриотизм». Покажите мне газету любую, где вообще упомянуто слово «патриотизм» за последнюю неделю.

Мы – граждане разрушенной страны. В бане в Беловежской Пуще она была действительно разрушена, да? Возможно, да. Никколо Макиавелли тоже жил в разрушенной стране, но это не мешало ему быть патриотом.

На все эти мысли, которыми я рискнул поделиться с друзьями Федора Михайловича и с ним самим, наводит его книга.

А теперь предложение, Федор Михайлович. Мы называемся Флорентийским Обществом, а Флоренция – это прекрасная Тоскана, где рядом и Сиена, и Пиза. Не влюбиться во Флоренцию и в её окружение невозможно. Я думаю, есть смысл объединить усилия клуба «Второе возрождение» и Флорентийского Общества, я отвечаю за возможные последствия своих обещаний, с тем, чтобы последующее заседание, на которое я пригласил бы желающих, состоялось в прекрасном городе Сенаго (это 18 км от Милана), на вилле Сан-Карло Борнео – XVI век, 365 комнат (по числу дней в году). Я очень благодарен за приглашение и за возможность высказаться.

Ф.М. БУРЛАЦКИЙ:

Совершенно неожиданный финал, который, мне кажется, вызывает энтузиазм не только у автора книги.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Спасибо большое за выступление. Я думаю, что, действительно, надо объединять усилия. Будем встречаться один раз под Миланом, второй раз под Флоренцией, то есть надо выездные заседания проводить. Главное, чтобы не было встреч на Колыме. Кстати, о роли бань в судьбе империй. Помните, Римский Сенат решил, что Карфаген должен быть разрушен. А мне люди, которые побывали в Тунисе на месте Карфагена, говорят, там не всё разрушено. Оставили баню, потому что римские солдаты все-таки на баню не подняли руку. Она до сих пор стоит, а Римская Империя распалась, потому, что не все постановления Сената исполнялись в точности. На самом деле баню не надо оставлять, потому что, как показывает пример, самое опасное место бывает.

А приглашение об объединении усилий мы с удовольствием принимаем, и я думаю, что это должно усилить и энтузиазм наших выступающих, потому что тут уже не просто поездки во Флоренцию, но и в Милан. Мы начинаем набирать обороты. Марат Викторович Баглай, очень хочется, чтобы Вы, как Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, высказали свое мнение о книге Федора Михайловича.

М.В. БАГЛАЙ:

Спасибо за приглашение. Хотя вообще-то я не знал, честно говоря, о существовании такого Общества. И пришел просто на двух человек на Бурлацкого и на Макиавелли, двух старых друзей, которых мы знаем как неразлучных. Но я сначала следующее скажу. Поскольку мы недавно отмечали юбилей Федора Михайловича, то я хотел бы его поздравить с тем, что он встречает свой юбилей не просто выслушиванием комплиментов, а показом своей реальной многолетней работы, которую он никогда не бросал, результат которой сегодня мы снова держим в руках. Я хочу поздравить тебя, Федор Михайлович, с тем, что этот юбилей ты встречаешь таким образом. Всем нам пример.

Теперь несколько замечаний. Что означает переиздание этой книги? Когда она вышла в первый раз, это было то время, когда мы все восприняли её как очередную возможность чего-то очень умного, хорошего и нужного прочесть между строк. Было такое время, когда история политической мысли поднимала имена забытые, как бы многим и ненужные, но умела так соединить это с требованием времени, что становилось ясно, в чем дело. Теперь эзопов язык не нужен. Теперь всё можно напрямую говорить. Зачем писать «между строк»? Я это воспринимаю как развитие тезиса, который сформулирован в книге, и что я вообще считаю задачей политологии и истории политической мысли. Если правда то, что Макиавелли и мы все живем в одном времени, которое еще не закончилось, то история политической науки и политологии должна, сопоставляя времена, выявить единство закономерностей, по которым развивается человечество, цивилизованное и разумное. Начиная, предположим, с этого времени, а, может, еще раньше и по сегодняшний день и, следовательно, вскрыть некоторые вещи, которые простые люди не замечают, не знают. Наука должна раскрывать то, что невидимо, а не описывать то, что есть. Думаю, что эта книга как раз этому поможет. Поможет показать не просто связь времен, как любят у нас говорить, а поможет нам всем понять единство скрытых связей, явлений, закономерностей развития психологии, политической психологии в частности, психологии управления, связь между тем, что было тогда и что было чуть позже, что дошло до сегодняшнего дня. Федор Михайлович, я в этом вижу цель переиздания твоей книги. Полагаю, и другие увидят её значение и, надеюсь, даже уверен, что оценят. Я полистал книгу и уже в этом убеждаюсь.

Теперь такой неожиданный момент, как вы потом увидите, к делу относящийся. Не далее как сегодня, Конституционный суд вынес решение о том, что действующий у нас закон, который разрешает сфетствовать людей без суда, противоречит Конституции. Такое решение вынесено. И вы сейчас увидите, как я спикирую на Макиавелли. Что было главное для выработки такого решения? Это была борьба двух идей: целесообразности и свободы. Это разве не Макиавелли? Мы, правда, все привыкли, в ушах звучит старое, якобы макиавеллистское, главное правило: цель оправдывает средства и т.д. И всё это, между прочим, не совсем так, насколько я еще тогда ура-

зумел, да? Целесообразность и свобода. Положение в стране такое, что 150 односоставных судов не в состоянии регулярно давать санкции на арест людей. И в этом случае, если демократия возобладает (а она возобладала), преступники будут гулять на свободе, ведь если вы за 48 часов не найдете суда, где положено получить санкцию на их арест, или не получите эту санкцию, то вы будете обязаны их отпустить. И преступники будут гулять на свободе. Нецелесообразно, а условий нет. Верховный Суд России говорит, что для создания необходимых условий и необходимого количества судов, которые бы смогли это всё делать, требуется 1,5 миллиарда рублей. А денег нет. Но люди, которых сажают без санкции суда и которые знают, что это противоречит Конституции, они обращаются к нам с вопросом: почему мы должны сидеть? Надеюсь, вы поняли из моего рассказа, как важны вечные идеи об ограничении свободы, о пределах свободы, о том, что важнее, где целесообразность, что должно перевешивать, каковы границы свободы и так далее.

Насколько я помню, здесь сидят, я чувствую, люди очень образованные и во власти этих идей. А я только во власти воспоминаний, только судебные истории могу рассказывать. Макиавелли всё время склонялся то туда, то сюда: от республики к монархии. Когда установилась демократия в Италии, страна начала расползаться, и Макиавелли выступил с идеей единства страны, что, как мы все понимаем, не обходится без ограничений свободы. Не обходится, но, видимо, и не должно обходиться. Здесь есть какая-то скрытая историческая субстанция, которая всё время проявляет себя, но без чего единого государства создать нельзя. Эта вечная тема, которая была обозначена Макиавелли, все эти годы меня волновала, и сегодня она снова приходит в нашу жизнь. Хочу сказать «спасибо» Федору Михайловичу, что своей книгой он оживляет эти рассуждения, размышления.

Если честно сказать, то лучшей книгой Федора Михайловича я считаю не эту. Самой сильной и полезной его книгой я считаю «Ленин и политика государства». Эта книга положила начало развитию политологии в нашей стране. По этому своему значению та книга, по-моему, имела просто огромное значение для нашей страны. Роль она сыграла огромную. Так что поздравляю тебя, Федор Михайлович, желаю продолжать дальше. Спасибо.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

После такого выступления Вам нужно присоединиться к Флорентийскому Обществу.

М.В. БАГЛАЙ:

Я не отказываюсь.

Ф.М. БУРЛАЦКИЙ:

Я хотел бы ответить на то, что сказал Марат Викторович, если вы позволите. Ты затронул нечто, и Саша Галкин затронул струну главную, особенно сейчас, за прошедшие 50 лет, вы знаете мою биографию лучше, чем другие. С каким энтузиазмом, с каким риском, с какими перепадами судьбы приходилось бороться за то, чтобы демократические и реформаторские идеи торжествовали. Но вот что касается этой идеи, о которой говорил Марат Викторович, что Макиавелли называл целесообразная или необходимая жестокость. Когда были подписаны Беловежские соглашения, что надо было сделать президенту Горбачеву? Макиавелли, если бы он был советником, сказал бы Президенту, что их надо посадить, что это измена родине – роспуск государства тремя людьми, которые никаких полномочий не имели для этого! Но не хватило у Президента СССР ни власти, ни характера. И так же во многих других случаях нашей истории последних двух десятилетий. Это очень серьезный вопрос, вопрос ограничения свобод, вопрос неизбежной жестокости.

Теперь несколько слов о политологии. Благодаря работе группы консультантов, о которой говорил Александр Галкин, политология состоялась. И труд наш, как говорили в аппарате, не пропал даром. Хотя спасибо нам никто не сказал. Новое поколение политологов всеми силами старается забыть заслуги нашего поколения, как вообще историю этого времени, как будто не было умных людей, как будто бы не было либералов настоящих, которые часто с риском для себя что-то делали. Алексей Викторович Шестопал, мой любимый человек, руководил кафедрой философии, которая на самом деле была первой кафедрой политологии, первой в нашей стране. И об этом тоже никто не вспоминает.

Марат Викторович сказал о значении переиздания. Это частично переизданное, частично дополненное, но суть не в этом. Суть в

том, что за этим следует. Это сериал. Начало сериала книг, которые частично я написал и дорабатываю, частично – напишу. Скоро будут выпущены книги о Хрущеве, о Мао Цзэдуне. Дальше будут книги о Горбачеве, Ельцине, может быть мне удастся написать о Кеннеди. Я уже писал о нём пьесу. Мне хотелось, чтобы камертон всей этой серии задал Макиавелли, как это ни странно. И в каждой книге будет такая врезка, которая идет курсивом – «глазами Макиавелли».

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Вот уж не знаю, что посоветовал бы Макиавелли Горбачеву. Мне кажется, что в нашей дискуссии акцент сделан на том, что умных советников не слушают глуповатые правители. Но не нужно забывать, что советников у правителя бывает много и зачастую все они советуют разное. Как не вспомнить президента США Гардинга, который писал примерно следующее: «Одни советуют что-то и они правы, другие советуют противоположное и тоже правы... Боже, что за работа!»

Мне думается, что когда мы будем обсуждать книги Федора Михайловича Бурлацкого из серии «Советник Государя» нам следует более углубленно обсудить вопросы и выбора советников, и выбора между их советами. Слово предоставляется Алексею Алексеевичу Кара-Мурзе.

А.А. КАРА-МУРЗА:

Я хочу объяснить, почему такая настойчивость практического политолога и советника в отношении фигуры именно Макиавелли. Макиавелли, на мой взгляд, это символ уважения к профессии политолога и советника. Ведь в Италии существует культ Макиавелли. Казалось бы, трагическая судьба, очень сложный человек, противоречивый, сделавший гораздо меньше того, что мог бы. Вы знаете, он похоронен во флорентийском Соборе Санта-Кроче. Рядом пантеон величайших людей Италии и Флоренции. Почти напротив там Галилей. Вот уровень уважения нации к профессии политического консультанта, советника и политолога. У нас были аналогичные люди в истории. Например, Михаил Михайлович Сперанский. Но о нём не пишут, а пишут только об Александре I, об Аракчееве, и всё.

А либеральное лобби вокруг Александра II. Его окружали не только не западники, там ведь были и славянофилы. Там были князь

Владимир Черкасский, Юрий Самарин, братья Милютины и т.д. Основу лобби составил кружок, организованный в Италии, в салоне великой княгини Елены Павловны.

Мне кажется, это счастливое событие, что Федор Михайлович дал себе труд начать эту серию. Проблема истории – это не проблема государей, их ошибок, их самодурства или их прозрения. Эта книга значительно усложняет нашу российскую историю, то есть приближают её к реальности. Реформы, как и контрреформы, делаются не одним человеком, они делаются определенным кругом, в котором есть определенная конкуренция. Очень часто при одном государе существуют разные группы. Они осмысливают варианты, а он принимает определенные решения. И здесь много моих товарищей, друзей, политологов, заведующих кафедрами и преподавателей ряда университетов, профессоров политологии. Я, например, со своей стороны начал ориентировать своих студентов на эту проблематику, связанную со взаимоотношениями политической элиты и государя. В России ведь благодатное поле. К сожалению, не всегда так везет с источниками.

Эта книга в какой-то степени источник, как и другие книги Федора Михайловича. Это свидетельство очевидца. Естественно, трудно подобрать исторические источники. Но ведь крайне интересна ключевая фигура и российской истории – Иван IV Грозный – первая половина правления относительно либеральная, европейские реформы, он так и назвал свое правительство – избранная рада, избранная категория советников. Он был, может быть, молод, неопытен, но, тем не менее, многое было сделано. Это – Алексей Адашев, Сильвестр и так далее. А потом пришли другие люди, начался террор и опричнина. Это загадка не его личного сумасшествия, как иногда интерпретируется в истории, это загадка ближнего круга в значительной степени. Просто мы не можем проникнуть в эту проблематику.

Об эпохе Николая II уже гораздо больше источников. Воспоминания Витте, например, которые переизданы в очередной раз. Все это благодатная тема, на мой взгляд, для историков политической мысли, для политологии и т.д. Мне кажется, что Макиавелли это еще и фигура, которая остро резонирует с российским самосознанием именно по той причине, о которой Федор Михайлович сказал. В свое время Макиавелли считали первостепенной фигурой.

В одной из своих книг я высказываю версию о том, что поэма «Медный всадник» – это русское переложение «Государя» Макиавелли. Это Государь-кентавр, который Россию поднял на дыбы над бездной. Бездна – это, как известно, стихия разлившейся Невы. Это мировое зло, разливающееся, по Макиавелли, и Государь как некая плотина, которая стоит. Совершенно очевидно, что Пушкин учил итальянский язык, пытался читать Макиавелли в первоисточнике. Прекрасно знал Макиавелли, о чем есть масса свидетельств. Отсюда моя версия, которую я итальянцам излагал. Они были поражены новизной такого подхода, но совершенно не удивились. В массе других случаев в отношении других культур такие переключки присутствуют. И, наконец, как человек, который не так давно завершил книжку о русских во Флоренции, я хочу поздравить Флорентийское Общество, которое нас сегодня пригласило, помогло организовать презентацию.

Флоренция это уникальное место, которое давало творческий импульс для очень многих. Туда Чайковский специально приехал писать «Пиковую даму», а Достоевский там написал роман «Идиот», что уже само по себе могло бы закрепить Флоренцию в истории русской культуры. Есть вещи, которые не так заметны, но которые давали огромный импульс. Вот фигуры русского серебряного века – Бердяев, Лев Платонович Карсавин и Георгий Петрович Федотов. Для них именно Флоренция стала импульсом для творчества. Бердяев пишет об этом в начале своей книги. Поэтому я считаю, что тема связи Макиавелли и Италии с судьбой российской культуры, на мой взгляд, чрезвычайно плодотворна, Желаю Федору Михайловичу новых книг, а Флорентийскому Обществу – успехов. Спасибо.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Слово предоставляется Михаилу Юрьевичу Алексееву.

М.Ю. АЛЕКСЕЕВ:

Я хотел бы поблагодарить Федора Михайловича за книгу и за то, что она переиздана с дополнениями. Всегда приятно, когда хорошая работа доступна не только тем, кто сумел её купить несколько лет назад. Мне кажется, что эта работа интересна по целому ряду обстоятельств, и наша сегодняшняя дискуссия дает для этого определенное основание. Здесь мы не были свидетелями, какие разные

мнения, оценки и суждения были высказаны относительно одной работы, посвященной личности одного человека. Каждый здесь увидел что-то свое. Я думаю, что эта работа, помимо того, что она дает очень интересную историческую фактуру, представляет собой, если хотите, какие-то зашифрованные автором мысли и поэтому дает постоянную пищу для размышления. А главная проблема, как я её вижу, о чем говорится в этой книге, это соотношение власти и интеллекта. Власти и её интеллектуального обеспечения и наполнения. Возможна ли в принципе просвещенная монархия, просвещенная власть или есть какие-то антагонистические противоречия между ними? Почему ценные и разумные советы не всегда воспринимаются, не всегда доходят, часто отвергаются. Это, как мне кажется, одна из основных проблем. Мне кажется, что хотя в книге явно нет элементов автобиографичности, но, тем не менее, фигура Никколо Макиавелли очень близка Федору Михайловичу. Я думаю, что какие-то параллели и в судьбе Никколо Макиавелли и автора этой книги, безусловно, можно найти. Личные моменты тоже здесь наверняка присутствуют.

Если можно высказаться относительно судьбы автора книги, то она тоже очень интересна. Федор Михайлович, как известно, находился в определенный период времени в опале как к одному режиму, который он очень остро критиковал, так и к другому режиму, за который он боролся. К сожалению, в жизни так случается, что интеллект, порядочность и честность оказываются несовместимы с деятельностью тех лиц, которые, находясь у власти, обречены принимать ежедневно практические решения. В этом очень серьезная проблема, и как её решить – большая загадка. Я думаю, человечество не скоро еще придет к тому, чтобы найти какие-то оптимальные формы. Мне еще раз хотелось бы поблагодарить Федора Михайловича за очень интересную работу, которую приятно читать. Она не для разового чтения. Она для размышления на очень долгое время. Спасибо.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Спасибо, Михаил Юрьевич. Алексеев Михаил Юрьевич, заместитель председателя одного из крупнейших банка России – Росбанка. Флорентийское Общество думает о спонсорах тоже, по-

этому мы стараемся крепить союз финансистов и флорентийцев. Козимо Медичи Старший нас бы поддержал. Но Михаил Юрьевич рассказал на прошлом заседании Флорентийского Общества, что начал испытывать некое беспокойство, когда обнаружил книгу Макиавелли на ночном столике своей жены. Поэтому тут у него намного более продуманные, чем у многих, подходы. Сейчас слово предоставляется Г.С. Старушенко.

Г.С. СТАРУШЕНКО:

Чтобы остановить сползание к очень опасному рубежу человеческого общества, об этом говорил автор книги, которую мы сейчас обсуждаем, необходимо тем, кто стоит у руля, давать разумные советы. А эту необходимость признавал, в частности, Де Голль. Задают людям, научным сотрудникам и тем, кто стоит у власти, вопрос: почему у нас не получилось ничего с попыткой построить новое, прогрессивное, более гуманистическое общество, чем общество частного предпринимательства? И почему у нас так туго, так медленно осуществляется движение к обществу, которое показало свои положительные результаты? Один мой коллега и коллега Федора Михайловича очень удачно, как мне кажется, сформулировал ответ на этот общий вопрос. Он сказал, что Россия слишком рано вступила на путь строительства социализма или ориентации на социализм. И слишком поздно вступила на путь капитализма, с опозданием на несколько столетий.

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Большое спасибо. Автору нужно ответить на критические замечания, если таковые были.

Ф.М. БУРЛАЦКИЙ:

Я очень благодарен всем участникам и тем, кто выступил, и тем, кто пришел не просто почтить, а из интереса не столько к книге, сколько к фигуре Макиавелли, а может быть и к Флорентийскому Обществу. Здесь какая-то загадка в создании Флорентийского Общества в Москве, и в его заседаниях в помещении центральной биржи страны. Это само по себе интересно, наводит на размышления о том, куда перемещается интеллектуальная жизнь.

Я думаю, что каждый выступавший высказал интересные суждения. Было бы смешно, если бы я пытался кого-то поправлять и на что-то реагировать. Вот единственное, что меня еще мучает как человека, который всё это видел и сверху, и рядом, и снизу, и как ученого. Все-таки я довольно много читал и думал, о странной судьбе России. Это такая загадка, перед которой мы до сих пор стоим в недоумении. Некоторые хотят это истолковать как необычность нашей цивилизации, может быть, её превосходство в некоторой степени, все славянофилы на этом стояли. Я вспоминаю странное суждение, которое высказал один греческий профессор на праздновании 2000-летия греческой демократии. Он мне лично сказал, он не говорил это публично, что мы, греки, дали России, кроме православия, через Византию еще два качества – лживость и вороватость. Я не думаю, что это надо отнести к нации в целом. Я лично не считаю себя носителем таких качеств. Я думаю, что никто из присутствующих так о себе не скажет. И правильно сделает. Но когда я думаю об историческом процессе, который мы наблюдаем эти 50 лет, то есть о нашей элите – коммунистической или посткоммунистической, то все-таки возвращаюсь к этому суждению греческого коллеги. Мы вынашивали, мы думали, что можно сделать это иначе. Но все-таки немножко лживости, и довольно много вороватости. И, наверное, не только это.

Если говорить более серьезно, то, конечно, мы застряли на этапе крепостничества и полурабства, который и сегодня не закончился, поскольку многие получают 100 или 150 долларов. Это еще полуфеодальное существование. Даже во времена Варфоломеевской ночи, я думаю, французские крестьяне жили лучше, чем живет большинство нашего населения сейчас. Так что мы очень припозднились на пути к современной цивилизации. И потом мы надеялись на большие скачки – ленинские, сталинские, ельцинские и так далее. Я думаю, что прав Александр Сергеевич Пушкин, я преклоняюсь не только перед ним как перед поэтическим гением, а как перед крупнейшим социальным мыслителем. Он мимоходом высказал в «Капитанской дочке» мысль, что лучшие изменения, самые глубокие изменения – это те, которые происходят постепенно, без насильственных действий. Потому что надо изменить нравы людей. Мы имеем сейчас демократию, но мы не имеем ни одного демократа. Назовите мне

хотя бы одного человека, который способен функционировать как демократ, то есть сотрудничать, искать компромиссы, слушать чужое мнение, не стараться уничтожить противника или оболгать его через телевидение или прессу.

Я очень благодарен всем вам за то, что вы пришли. Я убежден, что всё это вас волнует и интересует не в меньшей степени, чем меня. Я абсолютно не претендую на открытие каких-то истин. Хотя мне казалось одно время, когда я был молодым, что я способен на это. И даже вы помните, я одно время экспериментировал довольно много с разными идеями.

Спасибо вам. Давайте и дальше будем думать над нашей историей, над нашим характером, над нашими нравами, и самое главное – над тем, что же все-таки можно сделать. Спасибо.

А.В. ЗАХАРОВ:

Знаете, интереснейший разговор продолжается в этих стенах. Ровно месяц назад здесь состоялось заседание Никитского клуба. Тогда тоже обсуждался Макиавелли, его мысли и всё это соотносилось с окружающим и не всегда радующим нашим миром. Мы продолжаем разговор о себе, о современности, через Никколо Макиавелли, его чувство, его разум, и, конечно, мы присутствуем на уникальном событии, когда советник говорит о советнике, причем величины достаточно крупные. Федор Михайлович 30 лет советовал разным людям, и я уверен, давал очень добрые и умные советы. Одна из тем, которая сегодня звучала, – почему же добрым и умным советам не следуют?

Было сказано, что почти выглядит полумистично, что мы сегодня обсуждаем такие высокие, сложные темы в стенах финансовой организации. Но я могу сказать, что если посмотреть на жизнь из нашего «окопа», то я бы выбрал из всех тем, которые сегодня обсуждались, тему отторжения. Отторжения интеллектуального, хорошего, полезного, рационального. Одна из больших, огромных и сложных проблем – преодоление огромной, разлитой вокруг нас иррациональности. Многие испытывают даже в финансовой, деловой сфере огромное чувство разочарования от каких-то непонятных решений, поступков и помыслов или вообще от их отсутствия. Отсутствие помыслов, и высоких, и не высоких, – это тоже одна из проблем нашей

жизни. Мы не можем сформулировать и найти себя. Я думаю, потому так важен разговор о современности через историю.

Флорентийцы, в том числе финансисты и купцы, в XV веке сумели преодолеть иррациональность окружающего мира, сумели поразить высотой и глубиной своих духовных помыслов. Например, Козимо Медичи Старший не только сделал флорин первой единой европейской валютой и создал первую международную банковскую группу, которая кредитовала королей Англии и Франции, но выращивал и поддерживал цвет флорентийской художественной элиты, создал первую в мире публичную библиотеку, сохранил от забвения рукописи Платона, даже пытался спасти Византию и помирить католическую и православную церкви.

Сегодня было сказано, что мы живем как бы в едином историческом времени, мы не отделены пятью столетиями оттого, что происходило во Флоренции XV-XVI веков – Флоренции Макиавелли. Мы видим живого, гнущегося, умного, тонкого человека, который искал себя. Спустя пять веков, здесь, в Москве, в Третьем Риме, мы размышляем в такой неспешной, неторопливой беседе о том, что чувствовал и думал Макиавелли, и что сегодня нас беспокоит. Например, какие сенаторы лучше – прежние или нынешние, как надо воспитывать народ – нужно ли больше страха или больше любви. Насколько сильно мы изменились или произошла смена исторических одежд? Какой наиболее уважаемый цвет во Флоренции, Петр Давидович?

П.Д. БАРЕНБОЙМ:

Алый.

А.В. ЗАХАРОВ:

А мы под алым знаменем прожили 70 с лишним лет без особого оптимизма. Единство государства и системы ограничения ценностей. Насколько мы себя должны сами ограничить, в чем мы должны найти свой императив, хотя его вроде бы Данте до нас сформулировал? Советники есть – советуют, советов их вроде бы не слушают. Все хотят что-то советовать, не у всех получается. Пока не выстроена стройная система ценностей, понятных нравственных ценностей. Когда мы жили в марксистско-ленинскую эпоху, мы жили в очень по-

нятной системе координат, очень стройное учение было. Сейчас от такой стройной позиции мы отошли, а новой не выработали. Что мы можем друг другу пожелать? Чтобы у нас в стране советники были не второго типа, а – как было сказано – третьего. Те советники, которые рождали бы идеи, идеи плодотворные, идеи рациональные, идеи, которые проходили бы не только через разум, но и через чувства. Ведь далеко ли мы ушли от эпохи Пушкина? Он писал:

*«Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно.»*

Я думаю, если мы сегодня слова эти повторим, мы вспомним еще раз окружающую нас действительность. Огромное спасибо автору за то, что он нас заставляет думать, мыслить и чувствовать через те образы, которые волнуют его. Федор Михайлович, спасибо Вам огромное. Спасибо всем тем, кто пришел и принял участие в этой хорошей, доброй беседе. Спасибо.

ИДЕИ МАКИАВЕЛЛИ В РОССИИ XXI ВЕКА

Доклады участников круглого стола

Ф.М. Бурлацкий

ЗАГАДКА И УРОК НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

Парадоксальность жизненного пути Никколо Макиавелли заинтересовала меня, когда я стал заниматься его историей. Как странно сложилась его судьба: стремительный взлет и такое же падение. В двадцать девять лет он занял видный пост секретаря Флорентийской республики и четырнадцать лет выполнял ее ответственные поручения. Потом опала, тюрьма, ссылка и литературная деятельность, показатели которой надо учитывать уже в другой системе координат.

Почему же человек, который заявил о себе как выдающийся политический мыслитель, так и не преуспел как политический деятель? Почему он не воспользовался советами, которые так щедро раздавал правителям, деятелям своего времени? Загадка.

Вдумайтесь и в такие факты. Макиавелли написал множество работ: «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «Военное искусство», «История Флоренции», комедия «Мандрагора», новеллы. После него осталась замечательная, искрящаяся как шампанское, переписка с Франческо Веттори и другими современниками, выполненная в лучших традициях эпистолярного жанра. Его донесения Совету десяти по поводу политических миссий при дворе Цезаря Борджиа, французского короля Людовика XII, германского императора и других властителей того времени – самостоятельные объекты исторического и литературного анализа.

Но славу – странную, неровную, отчасти даже скандальную – создал ему «Государь», написанный за несколько месяцев. С какой целью был написан «Государь»? Служит ли эта работа, в которой, по мнению многих, Никколо Макиавелли заявляет себя сторонником

тирании, выражением его подлинных взглядов? Или это поступок, вызванный преходящими соображениями, подобно тому, как это было с Галилеем, отрекшимся от своих взглядов? Все это тоже загадка, как и судьба учения Макиавелли – предмет, достойный самого пристального внимания исследователей.

Странно, что именно «Государь» – книга, может быть, второстепенная для самого Макиавелли, оказалась в центре внимания последующих поколений. Это пристрастие читателей можно было бы отнести на их собственный счет: в конце концов, каждый ищет то, что хочет найти. Но в книге есть достаточно поводов для самых нелестных предположений о позиции, да и о самой личности ее автора. Но дело не только в этом. Так ли уж разителен контраст между «Государем», «Рассуждениями...» и «Историей Флоренции», если брать за основу мировоззрение флорентийского секретаря?

Был ли сам Макиавелли макиавеллистом? Содержит ли его учение то, что в нем пожелали увидеть многие? Или правы мыслители, начиная от Спинозы и Руссо, которые открыли в учении Макиавелли нечто иное, а именно: первый по-настоящему глубокий анализ политической власти, выполненный к тому же с прогрессивных патриотических позиций? А если это так, то почему же его труды дали повод для подлинно макиавеллистического их истолкования.

Загадочно соотношение Макиавелли и макиавеллизма. Макиавеллизм, как известно, приобрел совершенно однозначное толкование. В слове «макиавеллизм» сошлось все самое отвратительное, что можно увидеть, сказать и помыслить о жестокости и лицемерии, беспринципности и хитрости, коварстве и лживости политического человека, политической власти. Слово «иезуит» звучит менее одиозно. «Макиавеллистический замысел», «макиавеллистическая улыбка» и прочее – все это закреплено в сознании как синоним худших проявлений худших качеств худших из людей. Цель оправдывает любые средства – эта ужасная формула, как полагают многие, не была нигде изложена с большей откровенностью, чем в «Государе», где она к тому же облечена еще в научную форму.

Потрясает загадка личности, загадка призвания Никколо Макиавелли. Подумать только: этот человек мечтал о карьере чиновника в небольшой Флорентийской республике, совершенно не понимая своей природы, того, что в нем было заложено Богом,

как говорили в старину, не ценя в себе по-настоящему великого художника, писателя, мыслителя.

И по мере проникновения в личность великого флорентийца передо мной высветился образ многоликого человека, он – наподобие тени отца Гамлета – как будто возникал из ночного тумана, который невозможно охватить, объять одним определением. Наставник тиранов в «Государе» уступает место убежденному демократу в «Рассуждениях...», суровый мыслитель – легкомысленному комедианту, бескомпромиссный ученый – искательному чиновнику. Мне страстно захотелось приоткрыть секрет этой Атлантиды. Каждая из версий о том, кем был Макиавелли, находила свое основание в его трудах и поступках.

Но почему не открыть правду еще об одном побуждении, которое, быть может, является главным? Совершенно личное, относящееся не столько к Макиавелли, сколько к моей собственной судьбе. В начале своей карьеры я испытал стремительный взлет, а затем болезненное падение. Совсем молодым человеком я был вырван из академической среды и стал одним из советников вождя, а после его отстранения сам подал в отставку, что имело драматические последствия. В состоянии глубокого кризиса, который дополнялся семейным, я испытал какое-то странное чувство родственности своей судьбы с судьбой флорентийского советника. Я понял, что есть некий фатум в жизни и деятельности советников в разные эпохи и в разных странах, что советник – это не только роль, но и свойство характера, структура личности. Больше того, я ощутил какую-то мистическую связь между собой и своим великим предшественником. Я, конечно, не имею в виду масштаб таланта, а что-то роковое в перипетиях жизненного пути.

Макиавелли был отвергнут дважды: диктатурой Медичи, а затем пришедшими ей на смену республиканцами. Казалось бы, человека, брошенного в тюрьму тираном, должны были бы приветствовать после его изгнания, но этого не произошло. Точно так было и со мной. Три десятилетия я боролся со сталинским коммунизмом, но, когда к власти пришли антикоммунисты, я оказался не нужен. Я выглядел живым упреком «демократам», которые только что вылупились из яйца, а до этого были правомерными жрецами старого режима. Вчерашние партсекретари, которые исключали меня из партии, бы-

стро сменив мундиры и лексику, сохранили свою власть. На что им были люди, которые действительно выстрадали свободу и продолжали бороться за нее в новых условиях?

Иными словами, я испытал чувства позднего Макиавелли и все значение пророчества, высказанного им о самом себе: человеку во всех отношениях честному неизбежно суждено погибнуть среди бесчестного большинства. Честный республиканец, первый великий провозвестник единства разобщенной и конфликтующей Италии, он не преуспел как политик и был многократно оклеветан как писатель при жизни и посмертно.

Только проникнув в структуру личности, побудительные мотивы его поведения, изучив его жизненный опыт, темперамент, систему ценностей и предпочтений, то, что присуще ему как личности и в то же время характерно для социального слоя, который он представляет, мы можем составить верное представление и о системе его взглядов.

То был типичный характер политического художника эпохи Возрождения, которая выплеснула в сферу художественного и научного творчества все самое прекрасное и живое, что зрело в лоне итальянского духа.

Макиавелли – это певец человеческой доблести, храбрости, смелости, предприимчивости, энергии, глубины и гибкости ума, беззаветности в служении великим целям. Все ничто, все преходяще. Одни государства сменяются другими, одни народы завоевывают других, одни религии уступают место другим. И только слава о человеке, о его великих подвигах, о его мастерстве переживает все времена и составляет главное достояние человеческого общества. Герои делают историю, и только героизм способен вдохнуть живую душу в любое восприятие.

Этим духом пронизаны все книги Макиавелли, что придает им своеобразный аромат и объясняет многие крайности суждений и увлечений их автора. Он способен восхищаться, в сущности, почти любой личностью, независимо от нравственной оценки ее поступков, если видит в ней незаурядность, исключительность, способность к свершениям, к преодолению рутины и обыденщины. В этом смысле Макиавелли – увлеченный романтик, даже в большей мере, чем Кампанелла с его наивными мечтами о коммунистическом рае как ближайшей перспективе человеческого общежития.

Жажда величия водила рукой Макиавелли, когда он писал «Государя» и «Рассуждения...». Не собственного величия, а величия человека вообще. Он лихорадочно искал людей, способных к великим подвигам и великим преобразованиям, способных запечатлеть себя в памяти человечества.

Мужественная героика лежит в основе поиска Никколо фигуры Освободителя. Из великого множества творений эпохи Возрождения единственное, что может быть сопоставимо с идеалом Макиавелли, – это «Моисей» Микеланджело. Любопытно, что он был создан почти одновременно с «Государем» Макиавелли. В отличие от «Давида», где торжествует юношеская уверенность в себе, в образе Моисея воплощен могучий образ народного вождя, наделенного страстями вулканической силы, в котором физическая мощь, высокий интеллект и вдохновение пророка спаяны в единое целое, преодолевающее самые страшные препятствия. Глубокий, грозный, непримиримый взгляд, физическая мощь, фанатический порыв к цели – не эти ли черты привлекали Макиавелли, который так часто возвращается к образу Моисея?

Антропоцентризм Ренессанса получает в «Государе» новое и достаточно неожиданное истолкование. Исследование зиждется на анализе человека, его страстей человека, его желаний, страхов, предпочтений, воли и целей.

Новому метод «Государя» с большой степенью адекватности может быть назван скорее психологическим, чем социологическим, хотя и это последнее свойственно работе. Наиболее важное открытие Макиавелли, однако, состояло не в этом: идеей человека пронизано творчество, в сущности, всех без исключения деятелей Возрождения – историков, писателей, художников, философов.

Необычность подхода Макиавелли в том, что он показал все особенности поведения человека в сфере политической власти. Человек может быть хорош или плох по своей природе, прекрасен или безобразен в сфере искусства, благороден или вульгарен в личной жизни. Но это все еще ничего не значит, когда он окунается или втягивается в силу обстоятельств в политическую сферу. Здесь он как бы сбрасывает с себя, одну за другой, свои привычные маски и действует по новым законам – законам политической жизни. По мысли Макиавелли, правила политической игры, правила вза-

имоотношений между властвующими и подвластными, а также внутри властвующих групп построены на дихотомии господства и подчинения, на всесии того, кто обрел орудия властвования, и бессии того, кто их не имеет. Все это деформирует, а чаще всего уродует нормальное поведение человека.

Политический театр делает пьесу и ее героев, а не герои делают политический театр – к этому выводу ведет нас мысль советника государей. Его человек так похож и так не похож на человека Микеланджело. Он так же прекрасен в своей доблести, он так же возвышен в своих порывах, но в то же время он уродлив, он искажен в соответствии с масками политического театра. И когда Никколо твердит о природе человека: будь то государь, аристократ или представитель народа, он имеет в виду, в сущности, политического человека, вовлеченного в сферу власти.

Такой подход к антропоцентризму был подлинным открытием эпохи Ренессанса. Все увидели человека совершенно с другой стороны. Да, он способен к доблестным, мужественным поступкам – такова знаменитая Микеланджелова «Virtu» (предельное напряжение воли), – но посмотрите, на что это направлено, как бы восклицает Никколо! В сфере политики доблесть подвижничества во имя личной власти превращается в свою противоположность, в преступление перед человечностью. Макиавелли не морализирует по этому поводу. Это, в конечном счете, слишком простое и легкое занятие. Он обнажает свойства политического человека как проявления человеческой природы в сфере власти.

Почти пятьсот лет спустя после смерти Макиавелли, когда человечество как будто бы проделало гигантский путь в сторону прогресса и цивилизации, современные государи как живые тени сходят со страниц его книги, написанной много веков назад. Восстань из гроба Макиавелли, он мог бы испытать мрачную гордость, так как его предсказания о неизменности политических нравов, о пагубности единоличной власти оказались пророческими.

Гибкость ума, необычайная даже для итальянца эпохи Возрождения, больше всего сказала как раз при подходе Макиавелли к вопросу о целях и средствах в политике – это одна из коренных проблем, где сходятся едва ли не все основные теоретические и практические вопросы политической жизни. Здесь заложена и нрав-

ственная оценка планов и результатов политической деятельности, и критерий ее эффективности.

Макиавелли впервые в истории политической мысли заострил внимание на этой проблеме и всесторонне и многообразно исследовал ее на обильнейшем историческом материале. Не будет преувеличением сказать, что это главное, чем он интересуется и в «Государе» и в «Рассуждениях...».

Если государь хочет держать народ в повиновении, он должен выбрать такие-то средства. Если народ хочет свергнуть тиранию, то ему лучше употребить такие-то методы. Если правителя больше всего занимают завоевания, тогда пригодны такие-то способы обращения с народом и войском. Если, напротив, он сосредоточен на обеспечении безопасности и обороны, тогда ему следует употребить такие-то средства. Государь, желающий раскрыть заговор, должен действовать так-то. Заговорщики, желающие расправиться с государем, должны действовать так-то. Иными словами, все зависит от того, кто и какие цели ставит, а Макиавелли тут как тут со своим советом: этим целям отвечают именно такие средства. Такая манера, которая поначалу может показаться беспринципной, на самом деле в конкретных условиях того времени, когда Макиавелли выступил со своими трудами, означала привнесение элемента научного знания в политическую жизнь.

В соответствии с историческими обстоятельствами необходимо избирать и цели, и средства для их достижения. В одних случаях нужна жестокость, в других – снисходительность, в одних – насилие, в других – мягкость. И сама цель должна определяться только на основе исторических обстоятельств. Мы уже видели, что Макиавелли предостерегает против выдвижения цели установления республики в развращенном обществе или против выдвижения цели установления монархии в среде народа, готового бороться за свою свободу до конца. Он пишет о целесообразности направленной жестокости как раз в зависимости от того, помогает она или мешает добиться определенных целей. Он упрекает одних политических деятелей за то, что они слишком злоупотребляли методом насилия, например Агафокпа, а других, например Савонаролу и Содерини, напротив, за чрезмерную мягкость. Вся книга «Государь» и в особенности максимы, характеризующие поведение государя, могут быть правильно поняты, если

мы посчитаемся с позицией автора, толкующего проблему власти не с точки зрения морали или определенных идеалов и принципов, а с точки зрения правильного соотношения целей и средств в политике.

Значит ли это, что Макиавелли был как раз таким, каким его изобразили его враги? А именно – макиавеллистом? Что именно из этого источника взяли иезуиты свой пресловутый лозунг «цель оправдывает средства», что именно сюда стекаются все мутные потоки политической и военной деятельности, прикрывающие самые гнусные жестокости ссылками на величие целей?

XX век подтвердил и оправдал представления Макиавелли о власти, о безнравственности политики, о неизбежности государственной жестокости и государственного насилия. Этот век стал примечательным по жестокости тиранической власти.

Макиавелли первым употребил понятие «*stato*» – государство в современном смысле – и первым указал на его социальную и политическую природу. Социальную – поскольку связал воедино государство и сословия, политическую – поскольку видел главную сущность власти в ней самой: в ее стремлении себя сохранить, отстоять, расширить, увеличить.

Макиавелли полностью отверг клерикальную систему взглядов на государство и власть и возродил политические представления древних. Но это не было простым повторением истин, изложенных Титом Ливием, Плутархом, Цицероном и другими знаменитыми мыслителями, политиками и юристами древнего мира. Он заново осмыслил политические ценности в свете практического опыта своего времени и совершенно по-новому выстроил их иерархию.

На первое место он поставил единство итальянской нации; на второе – свободу и благосостояние граждан; на третье – безопасность государства и, наконец, его силу и мощь.

Современного читателя, несомненно, заинтересуют необыкновенно тонкие суждения Макиавелли о политическом человеке – человеке, функционирующем в сфере власти. Макиавелли нарисовал живую модель государя, которая до сих пор может служить зеркалом для любого тиранического правителя самого разного социального толка.

Но Макиавелли не только описал властителей, он ярко изобразил портрет политического человека на всех ступенях социальной

лестницы. Он показал, как деформирует личность человека общение с дурными властями, как тираническая власть развращает народ.

Макиавелли разрушил миф о государстве как о воплощении национального духа и показал, что государство – это и есть те люди, которые властвуют над обществом. Этот вывод и сейчас звучит как приговор всякому государю.

Природа политического человека, описанная Макиавелли, практически и не изменилась за пять веков, как почти не изменилась и природа массового политического человека. Еще раз подтвердилась истина: гений вечен. Макиавелли и сейчас дает нам ключ к разгадке природы власти, властителей и им подвластных.

О СООТНОШЕНИИ ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ У МАКИАВЕЛЛИ

Л.О. Иванов
Советник судьи КС РФ

Сегодня некоторые выступающие говорили, что суждения Макиавелли об оправдании жестокости и коварства в политике, за которые ему так доставалось в течение прошедших уже почти пяти столетий от многочисленных критиков, не следует понимать буквально: автор, мол, вовсе не разделял высказанных убеждений, а использовал их в качестве некой метафоры, с трудом улавливаемой нами, но понятной его современникам.

Такая позиция не нова и имеет право на существование, но, на мой взгляд, явно ошибочна. Мало того, что она слабо аргументирована, но еще и уводит в сторону от поиска решения подлинной проблемы творчества Макиавелли – проблемы соотношения политики и морали. Особенно в свете обсуждаемых нами вопросов взаимосвязи взглядов Макиавелли и политических реалий современной России.

Для нас, людей начала третьего тысячелетия, не так уж и важно, как воспринимали Макиавелли его современники, да и последующие поколения (хотя, конечно, для исследователей Ренессанса это очень важный вопрос). В конце концов, каждая эпоха живет своей жизнью и откликается прежде всего на проблемы, которые представляют для нее живой интерес. В современной политической жизни России таковой проблемой, безусловно, является отношение политики и морали. И в этом смысле и «Государь», и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», если их читать «открытыми нынешними очами», не только ставят, но и предлагают свое решение этой проблемы. Хотя можно (и нужно) спорить о том, правильно ли мы сами интерпретируем предлагаемые нам великим флорентийцем решения.

И здесь не обойтись без обращения к исследователям, глубоко анализировавшим тексты Макиавелли. Так, И. Берлин одну из глав-

ных заслуг автора «Государя» и «Рассуждений...» видит в признании им того факта, что цели, в равной степени священные, могут противоречить друг другу. Что целые системы ценностей могут вступать в конфликт, для решения которого невозможен никакой объективный третейский суд, и что происходит это не просто в исключительных обстоятельствах, не в результате аномалии, а представляет собой элемент нормальной человеческой ситуации.

Макиавелли считает, что у общественной жизни своя собственная мораль, для которой христианские принципы (или какие-то индивидуальные абсолютные ценности), как правило, оказываются существенным препятствием. В политике действуют свои нормы, и хотя она не требует постоянного террора, но позволяет применение силы там, где это необходимо для содействия целям политического сообщества. Сам Макиавелли не воспринимает коллизии ценностей как конфликт. Просто тем людям, для которых выбор силовых средств оказывается тяжким, смертельно опасным испытанием, нельзя вмешиваться в политику и вообще в какую бы то ни было важную сферу человеческой жизни, поскольку их мировоззрение не позволяет решать такого рода задачи. Иными словами, люди могут выбрать либо спокойную, добродетельную личную жизнь, либо достойное и преуспевающее социальное бытие, но не то и другое вместе¹.

И. Берлин не видит в таком понимании Макиавелли отделения им политики от этики и нравственных начал, а лишь признание того, что может существовать больше, чем одна, систем ценностей, и нет никакого критерия, общего для этих систем, позволяющего сделать разумный выбор между ними.

И еще один, связанный с этим ходом рассуждений финальный вывод. «Всякий, кто исповедует христианскую мораль и считает христианское государство ее воплощением, но в то же время во многом соглашается с политическим анализом Макиавелли... стоит перед дилеммой, которая, если прав Макиавелли, не только еще не решена, но и неразрешима. Это Гордиев узел, который... завязал автор «Государя» – узел, который можно разрубить, но не развязать»².

---

¹ Цит. по Берлин И. Оригинальность Макиавелли // Подлинная цель познания. Канон. М., 2002. С. 355, 357, 362.

² Там же. С. 365-366.

Изложенная интерпретация видит разрешение проблемы политики и морали у Макиавелли, по сути, в ее принципиальной неразрешимости. Другими словами, стороны анализируемого отношения разводятся по «разным углам» и в каждом из них политика и мораль уже не находятся в противоречивом единстве, поскольку начинают функционировать лишь в границах своей отдельной системы ценностей. Первая – в области общественной, а вторая – частной жизни. Строго говоря, такого рода подход не является действительным разрешением противоречия, а лишь его видимостью. И вряд ли предложенное понимание соотношения политики и морали у Макиавелли способно объяснить проверенное историей столь враждебное отношение к автору «Государя» со стороны ортодоксальных защитников традиционной морали.

Казалось бы, действительно, Макиавелли отделяет политику от морали, но отделяет все же весьма условно, чтобы вскоре дать первой определенную моральную оценку. В XXVI главе «Рассуждений...» он с сожалением замечает: «Меры эти до крайности жестоки и враждебны всякому образу жизни, не только что христианскому, но и вообще человеческому. Их должно избегать всякому: лучше жить частной жизнью, нежели сделаться монархом ценой гибели множества людей». А в главе XXI «Государя» автор пишет: «Однако в том и состоит мудрость, чтобы, взвесив все возможные неприятности, наименьшее зло почесть за благо»³.

Таким образом, в макиавеллиевском понимании проблемы политики и морали, видимо, не следует ограничиваться констатацией разведенности этих сфер, а попытаться поставить вопрос, – что особенно нам сегодня и интересно, – с какими же все-таки моральными мерками следует подходить к оценке политики и политиков. Учитывая, конечно, что здесь моральные мерки могут (или не должны?) отличаться от обыденной, традиционной морали.

Один из крупнейших отечественных знатоков Ренессанса Л. Баткин в связи с этим замечает, что шаг к научному рассмотрению политики, сделанный Макиавелли, основывается всецело именно на моральных послылках. Но чисто нравственная позиция в рамках обсуждаемой проблемы «выглядит жалко, потому что подменяет

---

³ Цит. по Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 422-423, 368.

суть дела и увиливает от правды... Ведь речь идет вовсе не о том, что лучше: нравственное величие или политический успех. Речь идет о том, как совместить то и другое (выделено мною – *Л.И.*), принципиальность и расчетливость, ибо вопрос не о нравственности, отвергающей запятнанную область политического действия, возносящей себя над политикой, ищущей человечности вне политики, а о нравственности в самой политике, где она непременно должна быть еще и выгодной, т.е. безнравственной по определению»⁴.

Каков же должен быть современный ответ на вызов Макиавелли? Или достаточно ограничиться пониманием того, что для оценки нравственности в политике не годятся нравственные критерии, которыми мы руководствуемся в частной жизни? Сам Л. Баткин, являясь не только крупным ученым, но и человеком, вовлеченным в начале 90-х годов в довольно активную политическую деятельность, отвечает на этот вопрос за Макиавелли, казалось бы, совсем не в макиавеллиевском духе. Он считает, что порядочные люди при любых обстоятельствах останутся и в ходе политической борьбы порядочными людьми. При этом не исключено, пишет он, что «столкнувшись, скажем, с необходимостью противостоять беспощадному и лицемерному насилию тоталитарного режима, такие люди будут вынуждены заново решать, что, собственно, значит для них оставаться порядочными. Нравственность рождается в момент выбора – под личную ответственность, а не как результат наложения готовой парадигмы»⁵. Думается, данное суждение в целом вполне согласуется с логикой и духом творений Макиавелли.

Таким образом, в общей форме, т.е. теоретически, противоречие политики и морали разрешимо. Но происходит это почти каждый раз как решение задачи трудного, порой мучительного конкретного жизненного выбора. И самое главное, что далеко не всегда самому субъекту, делающему этот выбор, так уж ясно, какое из возможных решений наиболее соответствует разделяемым обществом критериям нравственности. Здесь есть единственный, справедливый и мудрый судья – история. И только она, как правило, с течением вре-

---

⁴ Цит. по *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995. С. 359.

⁵ Там же. С. 362.

мени расставляет все по своим местам. Простого готового решения для каждого частного конфликта между политикой и моралью, уверен, нет и быть не может.

Как известно, область морали и права, с точки зрения содержания норм, соотносятся как целое и его часть. И если невозможно регламентировать осуществляемый политиком нравственный выбор, то иначе обстоит дело в узком спектре такого выбора, т.е. ограниченного действием правовых норм. В этих, правовых пределах печально известная максима, приписываемая Макиавелли, о цели, оправдывающей средства, заслуживает несколько иных оценок, поскольку в области права, особенно конституционного, сложная диалектика цели и средств имеет важное и теоретическое, и прикладное значение. В частности, в судебной практике с этой проблемой приходится сталкиваться довольно часто, когда нарушаются законные права и интересы граждан и встает вопрос о правомерности этих нарушений. Напомню, что в соответствии с Конституцией РФ (часть 3 статьи 55) права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Как видим, с точки зрения конституционного права (и не только российского) возможно использование правоограничительных средств, если это оправдано некоторыми высшими целями.

Остатется, правда, старая проблема соразмерности целей и средств: кто и каким образом наполнит конкретным смыслом слова «в той мере, в какой это необходимо». Важный комментарий к ним дал Конституционный Суд РФ: «государство, даже имея цель воспрепятствовать злоупотреблению правом, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные целями меры». Этот принцип соразмерного ограничения прав и свобод, закрепленный в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, означает, что публичные интересы, перечисленные в данной конституционной норме, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям (постановление по делу о проверке конституционности части пятой

статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина).

И все-таки согласимся, что полной ясности, когда же государство – самый грозный субъект политической деятельности, – может правомерно нарушать права своих граждан, данное разъяснение не дает. И это еще раз подтверждает высказанную ранее мысль, что общие решения такой проблемы как соотношение целей и средств в политике (а это, по существу, и есть один из частных случаев проблемы соотношения политики и морали) не дают и не могут дать заранее ясного ответа по конкретным конфликтным столкновениям политических целей и средств их достижения.

Так что, скорее всего мы еще долго будем размышлять и спорить над проблемами, которые в столь острой и яркой форме поставил перед человечеством в своих творениях Никколо Макиавелли, – вечными проблемами великого флорентийца.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРИЛОГИИ АЛЕКСЕЯ КАРА-МУРЗЫ О РУССКИХ В ИТАЛИИ

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

Как глава Флорентийского Общества, – такой, знаете, почетный титул, – я должен сказать, что открывать это заседание очень приятно. Во-первых, оно уже третье. Это важно. У нас уже есть история. Во-вторых, представлять замечательные книги, которые нам подготовил Алексей Алексеевич Кара-Мурза, одно удовольствие. После выхода этого трехтомника член Флорентийского Общества Алексей Алексеевич уже вошел в историю так же незаметно, как когда-то вошел в нее автор книги «Образы Италии» Муратов и как все те, кто писали об Италии, особенно о Флоренции и России. Потому что тема оказалась вечной, нескончаемой, видимо, бессмертной.

И еще одно обстоятельство вселяет оптимизм и уверенность в будущем дне. Делегация Флорентийского Общества недавно посетила Флоренцию. Там мы представились флорентийской Синьории. И вот этот флаг, маленький флаг Флоренции, вручен Флорентийскому Обществу в зале Лоренцо Великолепного в Палаццо Веккьо, который является официальным залом Флорентийского правительства для приемов иностранной делегации. Мы были приглашены в президиум на торжестве, которое состоялось на площади Синьории, под статуей микеланджеловского Давида. Подобное действо могло проходить только во Флоренции: празднование годовщины сожжения Савонаролы. Это было костюмированное представление с флагами, в национальных костюмах и т. д. Там выступали официальные лица города, и в их речах продолжался спор: кто больше был прав? Правильным ли был подход первых Медичи в управлении городом? Или верным был подход Савонаролы? Пять сотен лет прошло. А во Флоренции продолжают спорить на эти темы. Было очень приятно и интересно, что мы, оказывается, можем ответить на это. У нас в Конституционном Суде есть судья Владимир Ярославцев, который является сторонником Савонаролы и большим его поклонником.

Имеются другие судьи, например Юрий Данилов, который скорее ближе к идеям Платоновской академии Лоренцо Медичи. Наверное, вообще на свете есть только два места, где могут об этом спорить пять веков спустя. Это Флоренция и Москва. Так что, в общем, легитимность нашего Флорентийского Общества заметно повысилась. Вплоть до того, что мы уже подготовили эмблему общества, идею которой предложил Александр Владимирович Захаров. По трем вариантам эмблемы мы предлагаем провести тайное голосование. Я сразу скажу об идее, чтобы не затягивать процесс.

На эмблеме изображен зубец Кремлевской стены, которую, как известно, построили флорентийцы. А внутри этого зубца – цветок лилии, то есть флорентийский герб. Оказывается, существует громадная разница между французской, анжуйской лилией, которая является мертворожденной, и живородящей флорентийской лилией – лилией, которая цветет.

Таким образом, вниманию присутствующих представлены три картинки, понравившийся вариант следует отметить крестиком.

Мы так понравились флорентийской Синьории, что в итоге нас пригласили на ужин. Шел оживленный разговор. И когда министр иностранных дел правительства Флоренции Еугенио Джани подводил итоги встречи, он сказал: «Надо же, какие вы образованные, как вы много знаете о Флоренции! И особое впечатление на меня произвел господин Захаров, который наизусть знает всю «Божественную комедию» Данте!» Нужно сказать, что Александр Владимирович не дрогнул, опровергать не стал.

А. В. ЗАХАРОВ:

Я не понимаю по-итальянски, поэтому....

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

Но, тем не менее, сразу по приезде Вы купили трехтомник Данте, так что, я думаю, все впереди.

А. В. ЗАХАРОВ:

Действительно, у нас была замечательная поездка во Флоренцию, где мы почувствовали этот вот неподдельный интерес, который существует, к развитию отношений в рамках Флорентийского Обще-

ства. И один из руководителей мэрии сказал, что он приятно удивлен, что в России такие уважаемые люди проявляют интерес к связям с Флоренцией, к установлению системных и серьезных контактов. Но что касается Данте Алигьери, то действительно, в рамках наших разговоров был затронут этот сюжет. Единственное, на что я сподобился, это цитата из первой части, из «Ада», меня это больше привлекло.

Мы знаем, что интерес к творчеству Данте настолько высок, что в Москве есть общество по изучению его наследия. Не так давно в саду «Эрмитаж» был день Европы, который замечательно организовала Екатерина Юрьевна Гениева. Я давно не видел такой великолепной феерии чувств, мыслей, красок. Все происходило именно в том месте, где установлен памятник одному из великих флорентийцев, Данте Алигьери. Я могу сказать, что до этого момента не знал, что в Москве установлен такой памятник...

Была развернута широкая продажа замечательных книг. Я купил «Божественную комедию» с изумительными комментариями.

Как известно, Данте серьезно разговаривал с теми знаменитыми флорентийцами, которые в том числе содействовали его изгнанию из города. И он выносил приговор по-своему. Многие из них стали знамениты и навсегда вошли в историю благодаря этому произведению и гневу Данте, который обрушился на них в «Божественной комедии». Мне кажется, Флорентийское Общество – своеобразный мост между Москвой и Флоренцией. Наша первая поездка во Флоренцию в рамках Флорентийского Общества говорит о том, что мы переходим от размышлений на эту высокую тему к действиям. И сегодняшняя наша встреча – презентация трилогии, в рамках которой есть рассказ о знаменитых русских во Флоренции, тому хорошее подтверждение. Поэтому, я думаю, мы с удовольствием послушаем автора и узнаем еще много интересного о Флоренции и ее взаимоотношениях с Россией. Спасибо.

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

Спасибо. Сейчас «Муратов наших дней» Алексей Алексеевич Кара-Мурза представит свою трилогию, но мы договорились, что во Флорентийском Обществе мы будем больше говорить о Флоренции.

А. А. КАРА-МУРЗА:

Спасибо. Я благодарю всех хозяев сегодняшней встречи: и Флорентийское Общество, и Никитский клуб, и Биржу. Поверьте, для автора очень ценно внимание к его работе дружеской и квалифицированной аудитории. Я здесь вижу многих товарищей и друзей по науке, по московской клубной жизни. И я отдельно хотел бы поблагодарить издательство «Независимая газета». Тут присутствует директор издательства, одновременно идеолог его издательской политики Ольга Морозова. Действительно, очень многие вещи происходят благодаря счастливой случайности. Получилось, что нас познакомили третьи лица, и проект сразу завертелся, хотя он сначала в планах не стоял. Ну, издательская динамика здесь как-то сошлась с тем, что и тексты были уже во многом у меня готовы. И все это достаточно быстро вышло. Здесь присутствуют и другие сотрудники издательства. Я их тоже благодарю, поскольку я увидел эту работу изнутри, – тяжелая, прямо надо сказать, работа. И когда автору кажется, что текст готов, для издателя все только начинается. «Независимая газета», на мой взгляд, одно из самых уважаемых и в то же время стильных и изящных издательств. Я очень рад, что попал в хорошую компанию авторов, которые издаются и переиздаются в этом издательстве.

Теперь о самой задумке. Когда я около двух лет работал во Франции, я начал собирать материал о знаменитых русских в Париже. Оказалось, что это тема совершенно неисчерпаемая. И книга все время расплзалась, и очень трудно поставить точку, потому что для профессионального историка (а я по образованию историк) всегда понятна мера своего незнания предмета. Очень трудно выбрать 30 русских фигур из 300 первейших фигур, которые так или иначе связаны с Парижем. И – главное – непонятно, вокруг чего в Париже центрируется сама проблематика. Другое дело – Италия. Все три города, которые уже представлены в серии – это Флоренция, Рим и Венеция. (Кстати, серия будет продолжена: в издательстве уже лежит четвертый том – «Знаменитые русские о Неаполе», куда будут включены также материалы обо всем Неаполитанском заливе – о Капри, о Сорренто, о Помпеях. И там появятся новые интересные персонажи. Но это отступление: сегодня речь идет о презентации уже готовых томов.)

В Италии оказалось, что вокруг каждого города центрируется некоторая проблема. Да, Париж – это очень здорово, я его очень люблю. Но какая проблема могла бы центрировать книгу о русских в Париже? Проблема эмиграции как таковой? Или Французская революция? Немножко банально все звучит. Да, Париж был для русских местом изгнанничества, но в то же время это место некоторого шика, некоторого отдохновения, но все это – не проблема, на мой взгляд. Я ведь по новой своей специальности – философ, сейчас заведу отделом социально-политической философии в Институте философии Академии наук. Для философа профессионального очень важен не просто исторический материал, но и его центрирование вокруг некой философской, если хотите, глубинной экзистенциальной проблемы.

Все три итальянских тома, которые сегодня представлены, концентрируются вокруг серьезных философских проблем. Рим – это проблема вечности истории, вечного города. Что такое в истории вечность? И в римском томе собраны 30 персонажей, которые размышляли над тем, что такое вечность в истории в связи с вечным городом Римом.

Венеция – это тема умирания, умирания цивилизации. Русских она тоже цепляла очень сильно. Многие понимали, что русская цивилизация – всегда на грани небытия, ее золотой век в прошлом. Это – тоже проблема. Это медленное «проседание цивилизации», подобно тому, как Венеция опускается под воду...

Флоренция, о которой мы сейчас ведем речь, это сразу две темы. Одна тема – в большей степени интеллектуально-политологическая. Здесь правильно говорилось – тема Данте... Мережковский очень точно сказал: «Данте – это священный патрон всей мировой, литературно-политической эмиграции». Да, тема эмиграции и изгнанничества для русских – одна из самых тревожных и самых значимых. Это одна тема флорентийская. А вторая – это уже связано не с собственным мироощущением русского изгнанничества, а связано просто с исторической ролью Флоренции. Флоренция – это родина творчества. Там что-то такое произошло, что дало импульс всему европейскому ренессансу. Там жили те люди, которые сейчас являются ключевыми для понимания всей новой Европы. Вот я, когда шел сюда, подумал: а что может вообще в Европе сейчас (да и в мире, возможно) сравниться с культурно-исторической ролью Флоренции,

из городов? Из столичных и не столичных городов? Да, Флоренция была столицей великого герцогства Тосканского. Некоторое время, всего несколько лет, была первой столицей объединенной Италии. И все-таки это сегодня не столичный город. И – такая общепризнанная культурно-историческая значимость... Наверное, Санкт-Петербург в чем-то может сравниться, а кто еще? Да, многие сильные и исторически значимые города претендуют на некоторую самостоятельную роль. Приходит на ум Барселона, Эдинбург, но все они недотягивают, безусловно, до Флоренции. И в этом смысле, конечно, Флоренция культурно-исторически выше Венеции. Правильно сказал тот же Мережковский, что «Венеции могло и не быть». Это – такая оригинальная завитушка на истории, но в принципе ее могло и не быть. Да, здорово, что она есть. Но ее могло и не быть. «А что было бы с нами, если бы не было Флоренции?» – спросил Мережковский...

Теперь несколько слов о самой работе над книгой о Флоренции. Да, не все значимые персонажи там присутствуют. Тот же самый Мережковский – у меня очень много материалов по нему. Они с Зинаидой Гиппиус много жили и во Флоренции, и под Флоренцией. Но я, опять же, как профессиональный историк, знаю меру своего незнания, в данном случае – Мережковского, поскольку очень много в западных архивах вещей и там слишком много материалов, чтобы писать об этом скудно.

Отдельная огромная тема: Мережковский и Муссолини. Ведь это лично Муссолини дал ему «грант» на написание книги о Данте... Короче говоря, Мережковский не вошел в книгу не потому, что я его не знаю, а потому, что я его слишком хорошо знаю. И слишком хорошо знаю, чего я о нем не знаю...

Еще предстоит доработать многие вещи. Я, например, много думал, надо ли включать в книгу о Флоренции Иосифа Бродского? Он тоже многократно там был, хотя это не был его город. Венеция – его город. У него есть прекрасные стихи о Флоренции, но, тем не менее, пока я отставил эти вещи.

Кстати, Тарковским написана «Ностальгия» во Флоренции – знаю, где, знаю, как, кто окружал его, но эти вещи тоже требуют еще особой работы. Как, кстати, требуют особой работы и другие тома.

Тут ведь есть еще одна большая проблема – чисто рабочая, творческая. Очень много исследователей, которые всю жизнь пи-

шут биографию одного человека. Есть блестящие совершенно примеры того, как это делалось. И, наверное, все персонажи, которые в моей книге, а там 25–30 персонажей на книгу и иногда они пересекаются, тем не менее, есть блестящие общие биографии того или иного персонажа, героя. А вот я попытался пойти другим путем. Я взял 30 персонажей, которые пишут на одну и ту же тему. Не все об одном, и не один обо всем, а 30 человек великих пишут на одну и ту же тему. Вариации на тему Флоренции в данном случае. А второе – меня интересовала не просто биография. Я хотел почувствовать хотя бы один день из его жизни в городе. Вот это, на мой взгляд, – высший пилотаж историка. Не просто знать вообще обо всем, а если это историк, он должен почувствовать хотя бы один день настоящего. И вот там, где мне удавалось это сделать, мне кажется, больше всего я доволен именно этими моментами. Причем не всегда везет с источниками, конечно. Хорошо, когда есть такой источник, такой как дневник Чайковского о том, как он писал «Пиковую даму» во Флоренции. И многие читали сам первоисточник. Естественно, для меня это был базовый источник о Чайковском, хотя очень много дополнительных вещей, которые перепроверяются, сопоставляются: мемуарная литература, переписка и т. д. А вот по Достоевскому таких источников нет. Он жил на трех квартирах во Флоренции. Первый его приезд очень сложно мне достался. Идентификация места, где был он в 1862 году вместе с Николаем Страховым всего неделю. И тем не менее удалось установить место, контекст, через вот такие боковые ходы. Второй адрес, где, собственно, и был написан роман «Идиот». Единственная, кстати, внутри, в черте города мемориальная доска, посвященная знаменитому русскому. Написано: «Где-то в этих местах Федор Михайлович Достоевский написал свой роман «Идиот»...» Прямо напротив Палаццо Питти – это очень известное место, хотя я заметил, что многие даже русскоязычные гиды этого не показывают, все бегут по Виа Гвиччардини прямо в Палаццо Питти. Хотя напротив висит мемориальная доска. Ну не совсем понятно тогда, что ж такой мрачный роман и почему в мемуарах такие мрачные воспоминания об этой квартире – если выходит прямо на королевский дворец. Тогда получается, что он жил не там, а где-то в переулках. И вот удача такая исследовательская. Я, кстати, сравниваю эту историческую работу с походом опытного грибника за

грибами. Он не просто идет и хватает все, что попадется по дороге, – он знает, где искать. Вот, на мой взгляд, высший пилотаж исследователя, к чему я всегда призываю своих студентов и аспирантов, – это научиться знать, где искать. Потому что, прочесывая все подряд, ничего невозможно создать. Нужна интуиция. Идешь в «историчку» и чувствуешь: вот там что-то должно быть... открываешь – и точно: есть!

Так вот в одну из поездок во Флоренции я зашел в знаменитую библиотеку, «Кабинет Вьесе», как его все называют. Многие русские посещали эту библиотеку. И действительно, формуляр: Федор Михайлович Достоевский, и, естественно, адрес. Адрес, где он останавливался тогда во Флоренции. Я увидел, что это тот же самый дом, на котором мемориальная доска. Но только совместив это с некоторой мемориальной литературой, мемуарами Анны Георгиевны Сниткиной-Достоевской, которая говорила про этот ужасный колодец, когда выглядываешь в окно, и про ту, извините, вонь, которая идет из этого места. Это, конечно же, не напротив королевского дворца, а окна выходили в один из маленьких переулочков. И вот там был написан «Идиот», в дешевой квартире. Анна Григорьевна тогда уже была почти на сносях, выписали тещу, втроем, в одной маленькой комнатке. После этого приходит письмо от Каткова, из «Русского вестника», где печатался порциями «Идиот», о том, что деньги будут высланы в ближайшие дни. И Достоевский, чтоб сэкономить, меняет квартиру и переселяется в худшие условия, в район Нового рынка, а деньги все не идут и не идут. И он уже не экономит, а он уже только тратит. Раньше он платил помесечно, а теперь он платит поденно, а денег все нет и нет, а температура за 40 по Цельсию, потому что это июль и август. И вот тогда многие вещи становятся понятными. Кстати, по Достоевскому работа еще предстоит, вот эта третья его квартира в районе Меркато Нуово... Он пишет в мемуарах о том, что, выглядывая в окно, видит лоджии Нового рынка, слышит жуткий крик людей и ослов, и только успокаивает вот этот знаменитый бронзовый «порчеллино» («поросенок») – хотя тот, кто посещал Флоренцию, знает, что это не поросенок вовсе, а большой бронзовый кабан. Так вот, Достоевский видел его из своих окон. Но нет точного адреса; библиотеку он уже не посещал в такую жару, и только можно догадываться, где он жил...

Поэтому это неисчерпаемая, конечно, тема: знаменитые русские во Флоренции. Но то, что Флоренция сделала для русской куль-

туры, это совершенно беспрецедентный вклад. И я хотел в заключение подчеркнуть: Флоренция способна и дальше многое приносить русской культуре. Ведь в 10-е годы по почину знаменитой русской меценатки графини Варвары Бобринской тысячи русских провинциальных земских учителей ездили в специальные, дешевые экскурсии в Италию. И именно Флоренция была центром этой поездки. И есть воспоминания. Это, конечно, был не просто поверхностный туризм, а это был некоторый шанс для человека, который работает на nive образования, и этот шанс, я уверен, большинство пыталось использовать. Не знаю, насколько это успело принести пользу всей русской культуре, но то, что стратегический выбор был сделан правильно, безусловно.

Были более элитарные поездки – студенческие, магистерские поездки, под руководством знаменитого русского историка Ивана Михайловича Гревса, знаменитого знатока Флоренции. Эти путешествия Гревс готовил месяцами, готовился вместе со студентами, называя поездку во Флоренцию не просто туризмом, но паломничеством. Они изучали буквально каждый дом в историческом развитии. У них был целый план, они жили три недели во Флоренции. По мысли Гревса, Флоренция выше Рима, тем более Венеции.

Сейчас «русские караваны» (как их называют итальянцы) снова стали заметны на улицах Италии. Кто бывал, знает, что на площади Сан-Марко, например, в Венеции русский голос слышен чаще любого другого. Можно спорить о качестве этих поездок. Но я – оптимист. Меняются приоритеты спустя практически век, вновь складывается ощущение огромной интеллектуальной пользы Италии...

Поэтому я хочу еще раз поприветствовать этот почин создания в Москве Флорентийского Общества, пожелать ему успеха, пожелать всем, кто еще не был во Флоренции, обязательно там побывать. Наверное, она входит в тройку городов, незаменимых для гуманитария. Ну а я обещаю, что будут, наверное, новые книги, хотя после каждой книги я оглядываюсь, думаю, что я больше уже не потяну. И вот когда я издал трехтомник, я отказался от Генуи, отказался от Милана, от Неаполя. Но через два месяца как-то немножко передохнул и для себя сказал: «Нет, Неаполь я все-таки напишу, вместе с Капри и Сорренто». Не знаю, что будет дальше. Я думаю, что наше общение интеллектуальное поможет всем нам. Здесь очень многие

относят себя к «русским европейцам». Мы много написали на эту тему. Я думаю, что такие акции, как тот «карамзинский юбилей», который праздновался недавно в Эрмитаже, как те проекты, которые делает Библиотека иностранной литературы; как то, что делается и будет делаться во Флорентийском Обществе, – все это поможет нам создать ту интеллектуальную среду, в которой нам всем будет лучше и интересней работать. Спасибо большое.

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

Большое спасибо, Алексей Алексеевич. Вы, конечно, имеете право взять слово на любой стадии нашей дискуссии. А теперь начнем дискуссию. Выступления 5–7 минут. Кто возьмет слово?

Е. Ю. ГЕНИЕВА:

У меня, Алексей Алексеевич, к вам вопрос в связи с тем, что вы не включили, и сделали это, судя по всему, совершенно сознательно, Иосифа Бродского в число своих великих русских, которые связаны с Флоренцией. Мне было все-таки очень интересно узнать причину.

Но у меня есть еще и второй вопрос. Флоренция прошла по судьбам русских людей, в том числе и современных, не по касанию, а довольно глубоко. Я думаю, что аудитории это известно, а если нет, то Вам-то, конечно, известна связь Андрея Дмитриевича Сахарова с Флоренцией. Есть его заметки по Флоренции, очень любопытные, следует отметить. Мне, конечно, было бы очень интересно узнать, почему Вы так жестоко отсекали такой вкусный, лежащий на поверхности материал. Спасибо.

А. А. КАРА-МУРЗА:

Большое спасибо, что вы сейчас заговорили об Андрее Дмитриевиче Сахарове. Это – развитие темы русского изгнанничества. Сюда же относятся и Бродский, и Тарковский. У меня есть большие заготовки, связанные с этой проблематикой русского диссидентства. Причем я начинаю ее издавала. Ведь Великое Герцогство Тосканское было достаточно либеральным. Во всяком случае, в XIX веке там было очень много эмигрантов из Австро-Венгрии, существовали диссидентские клубы. Кстати, Николай I во время поездки по Италии

очень быстро покинул Флоренцию именно по причине того, что ему казалось, что это «рассадник диссидентства», он почувствовал там «интеллектуальную фронду». Вот над этим большим проектом, связанным с проблемой русского изгнанничества, я еще буду специально работать. И Андрей Дмитриевич Сахаров займет в нем, безусловно, подобающее ему высокое место.

С. П. КАПИЦА:

Я поделюсь своими впечатлениями о Флоренции. Они относятся к 1968 году. Приблизительно в то время состоялась моя встреча с Сахаровым. Мне бы хотелось обратить ваше внимание на «Путевые заметки» по Италии Сергея Ивановича Вавилова. Замечали вы их или нет, я не знаю. Екатерина Юрьевна Гениева кивает, видимо, сигнализирует, что она о них знает. Алексей Алексеевич, Вы говорили, что будете писать о Неаполе. В Неаполе была морская биологическая станция, которая, кстати, находилась под большим влиянием русских ученых, Ковалевского и Мечникова. Вы обратили на это внимание? Идеи Мечникова, которые, по существу, лежат в основе современной теории иммунитета, зародились в Неаполе.

Есть еще одна занятная вещь. Галилей жил в Италии, но подпольно его труды издавались в Голландии. Самое любопытное, что то же самое издательство издавало века спустя «Рассуждения о мирном сосуществовании и прочем» Сахарова. Голландия всегда была неким оплотом свободомыслия, и вот почти через 400 лет два великих мыслителя нашли выход своим идеям именно в голландском издательстве. Один из Флоренции, другой в тот момент своей жизни – из Нижнего Новгорода. Об этом мне хотелось напомнить, говоря о великом городе.

Ф. М. БУРЛАЦКИЙ:

Я прочел небольшой очерк Николая Бердяева о Флоренции и о взаимопроникновении культуры русских людей и итальянской, в особенности флорентийской культуры. На очень небольшой площадке он высказал самое главное о русском характере, русской культуре, несколько тяжеловесной, углубленной в себя и драматичной, трагической по своей направленности и изяществу, легкости,

глубине необычной флорентийской итальянской культуры. Нас всегда тянет к тому, чего недостает нам самим.

Мне по дальней ассоциации пришла в голову мысль, может быть, спорная и немножко странная. Соотношение русской и американской культур, и русской и европейской культур, наше тяготение то к Европе, европейской культуре, европеизму, то к Америке.

Меня всегда поражало, что Ленин, который был, в общем-то, культурным и образованным человеком, при всех обстоятельствах так не любил Европу. Он столько времени прожил в Европе, но ненавидел ее установления, постоянно ругал парламент, практически ничего не писал о памятниках исторических европейских и так далее.

Затем Сталин и Ленин в какой-то степени сориентировали нас именно на Соединенные Штаты. Соедините-ка, помните, «соедините русский революционный размах и американскую деловитость». Все мы несколько помешались на этом соединении. И дело дошло до того, что Хрущев, это уже на моей памяти, включил все это в программу партии, догнать и перегнать не Европу, а как раз Соединенные Штаты. Это очень любопытно.

И потом после Хрущева мы все время примерялись к США. Ну, может быть, потому, что мы претендовали на звание сверхдержавы, но и не только поэтому. Мне в этом видится нечто другое. Мы готовы были от Запада заимствовать то, что японцы позаимствовали у Запада еще в 60-х годах прошлого века, то есть технологическую культуру. Вот откуда это тяготение к США. Мы хотели взять технику, организацию, строить паровозы, машины, пушки, бомбы. И не хотели заимствования подлинной культуры. Отсюда наше пренебрежение к старушке Европе или невнимание к ней вопреки русской национальной традиции, которая прекрасно воплощена в произведениях, которые подобрал для нас Алексей Кара-Мурза. Это ценнейшее в этом смысле издание.

Мне кажется, что мы сейчас подходим к рубежу понимания того, что мы европейцы. Вот говорят, что мы евроазиаты. Это мне кажется (и всегда казалось) вздором. Азиатчина оказала на нас чудовищное влияние – иго, и через него многие другие невкусные сюжеты. На самом деле изначально мы были европейцами, потом стали утрачивать эти качества. А теперь, может быть, мы возрождаемся как русские европейцы. Русские европейцы до революции

дают нам блистательные в этом отношении рецепты и указания, где искать, что искать, чему учиться.

Флоренция в этом смысле – оазис. И архитектура, и изобразительное творчество в целом, и поэзия, и политическая культура. Мы начинаем «обнюхивать» политическую культуру Флоренции. И мне кажется, что наше сообщество могло бы содействовать через Флоренцию, через Италию тенденции европеизации, духовной, культурной европеизации. Это не значит переориентацию, антиамериканизм, который мне совершенно не нравится, но все-таки это возвращение, духовное возвращение в Европу.

В заключение я хочу поблагодарить от всей души Алексея Кара-Мурзу. Я общался с ним на политическом поприще и не знал, как глубоко и как интересно он «копает» в сфере культуры и как полезно работает на ниве духовности. Спасибо.

В. К. КАНТОР:

Я начну с книг, ради которых мы, в общем-то, собрались. Перед нами совершенно удивительные книги. И я хотел бы поставить их в некоторый контекст. Я как раз занимаюсь проблемами русского европеизма и даже выпустил книжку «Русский европеец». Меня всегда поражало, что, говоря о русском европеизме, мы поминаем обычно Германию, разумеется, Францию, известна галломания русских дворян, Англию, англоманов меньше, но все-таки и они были. И почти никто, как правило, в историко-культурных трудах не упоминает про Италию. Это удивительно. Меня еще в университете поразило, что «Мертвые души» строятся как трехчастная Дантова «Божественная комедия». И написан только первый акт, «Чистилище» не дописано, а на «Рай», исходя из материалов о России, у него, конечно же, и духу не хватило. Какой же рай в этой стране? «Рай» можно сделать только так, как сделал Данте.

И потом, дальше – больше. Как-то какие-то отголоски я увидел у Гончарова, даже немного об этом написал. Все говорят о Данте. Анне Андреевне Ахматовой однажды задали вопрос, читала ли она Данте? На что она горделиво подняла голову и ответила: «Я всегда читаю Данте». Вот камертон русской культуры!

Я не случайно вспомнил Гоголя и поминаю сейчас Ахматову. Я уж не говорю про Мандельштама с его разговором о Данте и так

далее. Алексей Кара-Мурза вспоминает здесь своих родственников, деда с бабушкой, которые бывали в Венеции. Мой дед – бывший профессор геологии лапландского университета, написал две пьесы. Одна называлась «Сандро Боттичелли», а другая «Виктория Колонна». Таким образом, у меня, так же как и у Алексея Алексеевича, тяга к Флоренции носит семейный характер. Как выяснилось, русских европейцев не так мало.

Мне было очень приятно и интересно читать книги Алексея Кара-Мурзы. Я не говорю о том, что чтение само по себе захватывающее, можно сидеть, листать, можно открывать в середине, а можно читать подряд. Было бы время, поскольку эта книга требует какого-то времени. Но я сейчас о другом. Алексей увидел здесь, на мой взгляд, очень важную вещь. Он не случайно начал с Данте, фигуры знаковой для русских изгнанников. Мы сейчас вспоминаем Флоренцию как место европейской святой культуры, но не надо забывать, что Флоренция была местом, из которого Данте был изгнан.

Между прочим, у Савонаролы и Медичи, о чем упоминал Петр Давидович, были очень серьезные столкновения. Савонаролу ведь казнили не просто так, его сожгли. Надо вдуматься, до какой энергии и ярости доходили эти споры.

Наверное, все уважаемые мной здесь присутствующие читали Томаса Манна, где этот вопрос будет поставлен, и где Томас Манн так и не ответил, кто же прав. И не помню кто, по-моему, Пико делла Мирандола, спрашивает Лоренцо Медичи о Савонароле. «Мне трудно ответить, – говорит он, – но кажется, нравственность стала возможна». Савонарола – символ нравственности, а Лоренцо Медичи – символ прекрасного, эстетики. Два этих момента сошедшиеся, гениально угаданные Томасом Манном в Италии, во Флоренции, Алексей замечательно показал в своих книгах. Это касается не только Флоренции, я имею в виду и Венецию, и Рим, разумеется. И каждый город со своей темой. Хотя тема все та же. Вот это странное и естественное сближение трагического и возвышенного, которое, может быть, выразил Мандельштам в своих строчках: «Может быть, из тяжести недоброй и я когда-нибудь высокое создам».

Я считаю, что эти три книги заполняют нишу в сознании, повествуют о взаимопроникновении двух культур. Италия сыграла важную роль для России. И Алексей сумел это нам показать. Как говорил

Хайдеггер, чтобы понять, надо показать. Европа пошла из Италии. Италия – родина Ренессанса, который потом охватил всю Европу, по своему переворотил, вызвал ответную Реформацию. Скажем, был небезызвестный немец, Гете, влюбленный в Италию. Он считал, что это лучшее, что ему в жизни довелось увидеть. По-моему, это говорит о многом.

Любой крупный деятель европейской культуры, конечно, пережил боль и очарование Италией, и русские мыслители и художники тоже. Именно это Алексей отчетливо нам показал, за что, в общем, кроме спасибо, сказать, наверное, ничего нельзя.

Удивительно, всегда кажется, как просто то, что он сделал – собрал, прокомментировал, издал. А ведь самое простое – это надо придумать, это надо осознать. Именно это осознание дорогого стоит.

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

Да, Флоренция стоит бедни. Все-таки приятно быть президентом Флорентийского Общества. Хочется себя считать главным флорентийцем в Москве, поскольку должность главного европейца уже занята. Дело в том, что у нас выходит журнал «Вестник Европы». Его главным редактором является Ярошенко Виктор Афанасьевич, который с факелами и фейерверком утвердил свое право называться главным европейцем Москвы. Поэтому, Виктор Афанасьевич, я думаю, надо что-то сказать.

В. А. ЯРОШЕНКО:

Должен признаться, сегодня я испытываю глубокое чувство зависти к Алексею Кара-Мурзе. И я рад за него, потому что читал его книжки политологические, философские. Они высокопрофессиональны, они умны. В них видно глубокое эмоциональное напряжение и такой внутренний восторг души, который переворачивает жизнь. Я представляю, с каким удовольствием он писал их и работал над этим благодарным материалом.

Я думаю, Алексей Алексеевич вряд ли остановится на серии этих блестящих книг, он пойдет дальше. Я думаю, что все меньше и меньше его душевных струн будут затрагивать такие важные для России вещи, как политология, как структура нашей власти. Такие глубокие исследования, связанные с историческим обоснованием в рус-

ской душе тяги к этим священным камням, не случайны. Я вспоминаю презентацию книги Владимира Кантора года три назад, когда была фотовыставка Алексея Алексеевича «По священным камням Европы». Блестящие фотографии. Он ведь, наверное, мог воспользоваться правом автора и, как многие, собственными фотографиями иллюстрировать свою книгу. Но даже в этом он достаточно скромнен.

Взгляните внимательнее, вроде бы это просто русские о Венеции, русские об Италии, русские о Риме, но в качестве единой нити повествования все время идет очень ненавязчивая, интеллигентная и увлеченная авторская интонация.

Россия и Европа – это абстракция, а если рассматривать взаимосвязь России и конкретной страны, конкретного человека или города – это уже острая находка.

В числе будущих тем автор, на мой взгляд, мог бы затронуть российское православие и итальянский католицизм. Это совершенно не банально. Ведь Россия всегда в какой-то степени противопоставляла себя Италии именно из-за католицизма. И поэтому темы России и Рима, России и Флоренции, которая была как бы диссидентом Рима, невероятно интересны.

Я когда-то, лет двадцать назад, на протяжении двух лет работал в журнале «Сельская молодежь». Те два года я просидел в исторической библиотеке. И написал некий такой текст «Любовь к Венеции». Я помню, что он начинался с того, что моя любовь к Венеции создана из текстов, из книжек и картин.

В то время никуда нельзя было поехать, поэтому я написал: «Сидите дома, мой читатель. Любите, как я, на расстоянии». В общем, я до сих пор продолжаю «любить на расстоянии», потому что так нигде и не бывал. А вот недавно побывал в Греции, и в этом номере описал свои восторженные бульканья неофита, который прикоснулся к античным камням.

Нам предстоит снова пройти Европу пешком, нам предстоит всю Европу прожить. Европеизм и антиевропеизм состоит из нашего к нему эмоционального отношения. Русское сознание всегда очень противоречиво. Мы постоянно позиционируем себя с Европой в какой-то очень сложной комбинации.

В заключение хотелось бы отметить, что для Алексея Алексеевича Венеция – это город смерти, а для меня это город, который

разрушил Константинополь, разграбил и погубил Грецию, в некотором смысле уничтожил Акрополь. Спасибо.

М. С. КИСЕЛЕВА:

Я – доктор философских наук и работаю в журнале «Человек». В связи с теми красивыми и действительно очень содержательными книгами, которые мы сегодня имеем счастье прочесть, мне пришло на память когда-то читанное и не раз пересказанное студентам ощущение новизны досуга, о котором говорил Никколо Макиавелли. Досуг – это великое счастье человека, и только тогда человек и может жить, когда он имеет этот досуг и употребляет его на обогащение своего духовного мира. И вот после тяжелого рабочего дня, придя домой и сняв с себя пыльные, официальные одежды, ты облачаешься в прекрасную тогу, берешь в руки книги, открываешь их и начинаешь прекрасную беседу с людьми, которые тебе дороги.

Люди, дорогие сердцу Никколо Макиавелли, жили в античности. В наши дни с помощью книг Алексея Кара-Мурзы мы можем ощущать себя почти в том же состоянии, в каком ощущал себя Макиавелли, когда он открывал книги своих друзей. Мы тоже можем открыть книгу «Знаменитые русские...» благодаря нашему другу Алексею Алексеевичу Кара-Мурзе, звездному историку, что для меня, например, является большой неожиданностью. Эту сторону его таланта я не знала. А благодаря Флорентийскому Обществу мы имеем возможность беседовать о прекрасных минутах, пережитых когда-то русскими людьми во Флоренции. Чувства, пережитые этими людьми, переполняют наши сердца.

И еще один вопрос: предполагается ли присутствие прекрасных флорентиек на заседаниях Флорентийского Общества? Ведь Флоренция, как известно, оставила в искусстве замечательные художественные образы великолепных дам эпохи Возрождения. Очень, надо сказать, ученых дам.

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

Как председатель Флорентийского Общества хочу вас заверить, что мы создавали общество, конечно, ради и из-за прекрасных флорентиек. Флоренция, да это ведь женщина, это вечная

весна! А мы, мужчины, просто на службе великого флорентийского женского начала.

М. В. ЛЕВНЕР:

Сегодня много говорилось о том, что на улицах Италии все чаще слышна русская речь, а на площади Сан-Марко она превалирует. А прислушивался ли кто-нибудь к содержанию этой речи? О чем говорит молодежь или более взрослые люди? Никто из них не знает истории итальянских городов, по большому счету многие вообще не понимают, где они находятся. Путеводители, используемые туристами, дают им абсолютно поверхностные знания.

На мой взгляд, очень важно, чтобы люди, особенно молодые люди, дети знакомились с Флоренцией через воспоминания, мемуары великих соотечественников и сопоставляли свои ощущения от современной реальности с прочитанным. Поэтому, мне кажется, Екатерина Юрьевна, что в Вашей программе «Пушкинская библиотека» подобные книги должны обязательно попасть и в сельские библиотеки, и в школьные библиотеки. Хотя бесспорно, нельзя познавать и любить мир только через книгу. Мне кажется плодотворной идея о том, что Флорентийское Общество могло бы способствовать поездкам школьников и студентов во Флоренцию. Конечно, они должны ехать в эти места уже с определенным гуманитарным багажом, обогащая свои знания не с помощью поверхностных путеводителей, а, например, с помощью таких великолепных книг, которые всем нам подарил сегодня Алексей Кара-Мурза. Книги действительно замечательные. От имени моей семьи большое Вам спасибо.

В. И. РАДЧЕНКО:

Ну, а теперь о Флоренции. Меня как юриста, давно пришедшего к убеждению о целесообразности отмены смертной казни, не может не привлекать тот факт, что Флоренция, точнее герцогство Тоскана, стала первым государством в Европе, а возможно, и в мире, отменившим в законодательном порядке смертную казнь. Произошло это в 1786 году, когда эрцгерцог Леопольд обнародовал Уголовный кодекс, исключивший лишение человека жизни в качестве меры уголовного наказания.

Обычно это событие связывают с именем Чезаре Беккариа, выдающегося гуманиста, провозгласившего в середине XVIII века необходимость отказа от смертной казни, чьи идеи были положены в основу Уголовного кодекса Тосканы. Отдадим должное Беккариа, но без особой ауры, которая свойственна Флоренции, вряд ли его идеи стали бы реальностью.

Окунувшись в атмосферу Флоренции, ознакомившись с ее историей, начинаешь понимать, почему именно здесь произошло столь значимое событие. С начала XII века город становится коммуной, в нем устанавливается республиканская форма правления, и несмотря на то, что временами власть сосредотачивалась в руках кучки олигархов, широкие политические и экономические свободы, присущие Флоренции, способствовали превращению города в один из центров Возрождения. С ним связана деятельность таких титанов той эпохи, как Данте, Боттичелли, Микеланджело, Макиавелли.

Свобода мысли, свобода творчества предрасполагали к развитию идей гуманизма, высокая концентрация шедевров искусства на единицу площади, естественно, приводит к мысли о высокой ценности человеческой жизни.

И я думаю, не случайно именно во Флоренции были впервые реализованы мечты гуманиста Беккариа. Сегодня отмена смертной казни стала свершившимся фактом, но тех, кто был первым, забывать нельзя.

У нас серьезные проблемы с установлением правового государства. Не могут нормально работать законы в той стране, где большая экономическая база общества, наши политические и экономические неурядицы не позволяют реализовать тот потенциал, который заложен в нашей правовой системе, воплотить в жизнь те возможности, которые мы получаем в ходе судебной реформы. Когда бываешь в Европе, видишь, что там во многом решены экономические проблемы, а значит, и в полной мере работает правовая система.

Нам сегодня приходится состязаться с Португалией. Я был в Португалии. Заезжаешь в португальскую деревню и вдруг чувствуешь, что это очень напоминает мою родную брянскую деревню. С одной разницей: у них в деревне есть таверна, а у нас таверны нет, поэтому пьют каждый в индивидуальном своем огороде. Думается, у

нас есть надежды на сближение экономического уровня, а это сблизит нашу правовую систему с европейской.

Впечатления от поездки во Флоренцию просто великолепные. Видимо, правильно, что в конце XIX века Флоренция шесть лет была столицей объединенной Италии, потом Вечный город вернул себе честь быть столицей. Но все-таки несколько лет духовная столица страны (именно так я воспринимаю Флоренцию) была юридической столицей. Когда выходишь на площадь Синьории, невольно попадаешь под впечатление той концентрации истории, государственного интеллекта и искусства, которые там сосредоточены. Статуи великих флорентийских скульпторов, галерея Уффици – это, конечно, производит впечатление, особенно когда ты попадаешь туда впервые. Сами флорентийцы привыкли, по-моему. На центральных площадях коренных флорентийцев встретить сложно. В основном там разная речь. Но, что правильно было отмечено, часто слышен русский язык. Сегодня здесь много говорилось о том, что молодежь плохо знает Италию. Что же, можно только посочувствовать. С другой стороны, очевидно, что в 20–25 лет вес имеют другие ценности, чем в 40 и старше. Поэтому не будем особенно упрекать нашу молодежь. Но, естественно, следует по мере сил помогать молодым в обретении знаний о том, что такое Италия, что такое Флоренция.

Современная Европа во многом начиналась с Италии, потому что без эпохи Возрождения, наверное, не было бы ни блестящей культуры Франции, ни великого технологического прорыва Англии и Германии. По-видимому не было бы реформ Петра Первого и всего, что благодаря им происходило с Россией впоследствии.

Говоря о современной правовой системе, также нельзя не отметить, что ее родиной, колыбелью права была Италия. Курс римского права юристы изучали в советские годы, изучают и сейчас. Именно поэтому мне очень приятно, что сегодня здесь с разных точек зрения мы говорим о Флоренции, которая действительно, наверное, один из самых замечательных и один из самых выдающихся городов мира.

Наше Флорентийское Общество представляет собой весьма необычную форму объединения людей, интересную арену для интеллектуального общения. А одним из важнейших результатов деятельности общества и лично его президента, Петра Давидовича

Баренбойма, на мой взгляд, является просветительство, благое дело по сближению двух культур.

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

Я должен сказать, что, конечно же, в Москве не хватает тепла. Нам не хватает, всем нам не хватает Ренессанса. И почему возвращение к идеям Ренессанса сейчас наиболее обостренно? Ведь что такое была Флоренция? Маленькое государство на карте Европы. С военной точки зрения, совершенно беззащитное. Но они противопоставили более сильным соседям величие духа, красоту, культуру и преодолели все свои затруднения.

Здесь есть какие-то аналогии с современной Россией. Кроме того, просто хочется чувствовать себя хоть чуть-чуть флорентийцем, чувствовать себя хоть чуть-чуть причастным к Ренессансу. Нести этот Ренессанс в себе. Ведь в России он, Ренессанс, еще не состоялся. А так хочется, чтобы все случилось, чтобы начало Ренессанса пришлось на наши дни. Если нет Ренессанса в стране, создадим его в отдельно взятом помещении, в отдельно взятом сообществе людей. Мы будем на этом настаивать.

Я должен сказать, что Алексей Алексеевич Кара-Мурза, безусловно, человек Ренессанса, только, как и каждый из нас до объединения во Флорентийское Общество, он нес это в себе в одиночестве. Он, конечно, сделал невероятный прорыв. Его трилогия крайне важна. И то, что выйдет «Неаполь», это очень хорошо. Но у меня есть предложение. Алексей Алексеевич, а почему обязательно идти все время вширь? Может быть, сосредоточиться после Неаполя на доработке Флоренции? Вы представляете, это будет великая книга, если вы включите туда пожелания Екатерины Юрьевны Гениевой, свои собственные наработки. Не откладывайте на потом. Сделайте сейчас, пока есть Флорентийское Общество, выпел, президент, наконец. Я уверен, Ваши усилия будут поддержаны. Эта книга может разойтись и будет в любой библиотеке страны. В каждой школе. Школьники будут писать. Школьники будут ездить. И все это объединится вокруг Вашей книги.

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

А теперь внимание! Сейчас Александр Владимирович Захаров будет наизусть читать «Божественную комедию».

А. В. ЗАХАРОВ:

Мы все находимся под вечным впечатлением от Флоренции, и книги Алексея Кара-Мурзы помогают нам облечь наши ощущения в слова. Благодаря этим замечательным книгам, даже находясь в России, мы имеем возможность путешествовать по флорентийской земле, вновь открывать для себя этот огромный мир. Я бы сказал, что Флоренция – это не просто город, это какое-то особое место, которое обладает эффектом магниевой вспышки, произошедшей уже почти пять столетий, и даже более, назад, но светящей до сих пор.

Читая трилогию Алексея Кара-Мурзы, я ознакомился с первыми впечатлениями Бенуа от Флоренции. Он пишет, что его пленило во Флоренции сочетание чего-то очень строгого, почти мрачного, с тем, что является необычайно ласковым. Именно таковы и мои личные ощущения от этого города, но для того, чтобы сформулировать их подобным образом, надо, видимо, родиться Бенуа и приехать во Флоренцию в конце XIX века.

Ссылаясь на замечательную книгу Алексея Кара-Мурзы, я привел вам первые впечатления Бенуа от Флоренции, а вот первые впечатления австрийского поэта Рильке: «Вырасти рядом с такими вещами, созреть в окружении всего этого великолепия, это же должно в известном смысле воспитывать даже самых темных...» Рильке пишет об одном великом флорентийце: «Ни один человек на свете не в состоянии создать столько красоты, чтобы полностью ею облечься». Так вот, если говорить о Флоренции как о некоей совокупности людей, которые создавали красоту, то это, на мой взгляд, как раз и есть то место на земле, которое воплощает в себе столько красоты, что человечество вполне способно ею облечься.

Я думаю, тема красоты и воспитания в себе высоких эстетических начал будет актуальна всегда. Она всегда будет звучать в рамках Флорентийского Общества серьезно и высоко. И поскольку я, после нашего ужина с флорентийским министром Еугенио Джани, обречен не только выучить несколько строф «Божественной комедии», но и стремиться к тому, чтобы когда-то, может быть, к концу пути, знать наизусть всего Данте, я хочу завершить наше сегодняшнее заседание цитатой из «Чистилища». На мой взгляд, строки, которые я сейчас хочу предложить Вашему вниманию, как

нельзя более перекликаются с целями и замыслами Флорентийского Общества. Ведь что такое Флорентийское Общество? Это вечное паломничество в вечный мир Флоренции, что весьма созвучно драматургии, которая есть в «Божественной комедии». Ведь это же большое путешествие, путешествие в иные миры. Данте начинает «Чистилище» как раз такими словами:

*Для лучших вод подъямля парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине.*

Так и мы будем блуждать в этой яростной пучине духа и красоты, которая называется Флоренция, черпая в ней все лучшее.

ЗАСЕДАНИЕ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ПОСВЯЩЕННОЕ 750-ЛЕТИЮ ФЛОРИНА И 600-ЛЕТИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАРЬЕРЫ ДЖОВАННИ МЕДИЧИ

12 ноября 2002 года

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

У нас осталось три юбилея и последнее заседание в этом году. Поэтому начнем с самокритики. Третий юбилей – 500-летие Леонардо да Винчи. После серьезного обсуждения мы поняли, что тема слишком значительная для объединения с другими. И поскольку это 500 лет со дня рождения, то решили, что несколько месяцев разницы погоды не сделают, и мы проведем это юбилейное заседание в феврале следующего года. Примерно так. И тема будет не просто юбилей Леонардо да Винчи, а универсальность знаний, которые этот человек сочетал в себе наиболее ярко. Но два других юбилея мы не можем пропустить. Это 750-летие со времени чеканки первого золотого флорина, первой единой валюты Европы. Я здесь буду давать свидетельские показания, потому что в культурной столице Европы 2002 года, бельгийском городе Брюгге прошла выставка «Ганза – Медичи», и, к сожалению, те схемы, о которых я вам расскажу, и географическая и структурная, в каталоги выставки не попали. Выставка уже закончилась. Поэтому по памяти я восстанавливаю то, что напрямую связано с Россией и напрямую связано с Флоренцией.

Второй юбилей – это 600-летие с того времени, когда Джованни Медичи, которого намного меньше знают, чем его сына Козимо Старшего или правнука, Лоренцо Великолепного, занял первую государственную должность во Флоренции. Он занял ее всего на два месяца, потому что во Флоренции государственные должности замещались на такой срок на основе выборов, слепых выборов. Слепую вынимали бумажку из сумки, куда набрасывались записки с именами граждан, которых можно было избирать. И вот на два месяца Джованни занял первую свою государственную должность. Потом он еще несколько раз ее занимал, каждый раз на два месяца, и тем самым создал конституционное чудо, которое во Флоренции сыграло критическую роль в развитии искусств. Вот эти две даты.

Я с присущей мне легковесностью сделаю короткий «доклад» по обоим юбилеям. У нас, кстати говоря, к традиционному флорентийскому знамени, которое подарила нам флорентийская Синьория, прибавилось еще знамя провинции Тоскана, врученное нашему Обществу. Очень интересно, что гербом провинции Тоскана является Пегас. Чуть позже мы скажем о той серьезной работе, которая сейчас проводится обществом, отчитаемся о поездке во Флоренцию, расскажем о ближайших планах. Но пока я начну свой так называемый доклад с материала, которого до выставки «Ганза – Медичи» в городе Брюгге мне никогда видеть не приходилось. Там я впервые увидел схему структуры банковско-промышленной группы Медичи, увидел и поразился, потому что по изоциренности и разветвленности, она может дать фору многим современным финансово-промышленным группам.

Ганза в представлении авторов выставки начиналась с нашего Великого Новгорода, проходила через германские города и заканчивалась в Брюгге. То есть горизонтально, если иметь в виду карту Европы, от Новгорода, через Германию до Брюгге, шел поток товаров, туда и обратно. Брюгге был в то время ключевым портом Ганзы. Вертикально, из Италии, шли финансовые потоки. Оказывается, Медичи и целый ряд других итальянских банковских домов, из которых Медичи, благодаря и вкладу в историю, и, кстати, вкладу финансовому, оказались наиболее знаменитыми, финансировали эту торговлю. Получилась такая вот горизонталь с вертикалью. И оказалось, что золотой флорин, который был 750 лет назад отчеканен во Флоренции, являлся одной

из основных валют, которые применялись в Ганзе, на всем этом великом европейском торговом пути. Он был особенно ценен тем, что его достоинство обеспечивалось торговой мощью Флоренции, а также финансовой мощью банкирского дома Медичи и других банков.

Кстати, первая биржа мира, это была валютная биржа, была создана именно в городе Брюгге. Очень интересна ее история. На площади в Брюгге рядом с домом, когда-то принадлежавшим купцу Ван Берсу, и через дорогу от снесенного сейчас «флорентийского дома» – центра флорентийского купечества, торговали купцы. Бартер не очень у них был, видимо, в ходу, и когда нужно было менять монеты различных стран, расчетной единицей у них часто был золотой флорин. Так вот, на этой площади производились расчеты и обмен валют. А когда шел дождь, (который в Брюгге идет довольно часто), купцы уходили в дом Ван Берга. В итоге его имя превратилось в название биржи и разлетелось по свету, переведенное на все языки. Это случилось в XIV веке.

Медичи имели филиал своего банка в Брюгге. Этот филиал сыграл очень важную роль, как показывает та же выставка в развитии итальянского искусства, а также в развитии фламандского искусства. Глава отделения банка Медичи в Брюгге скупал лучшие произведения фламандских мастеров, и они попадали во Флоренцию, оказывая явное влияние на местных мастеров. Благодаря Медичи и некоторым другим флорентийским и нефлорентийским банкирам, которые заказывали фламандские произведения искусства и финансировали Ганзу, фламандские купцы богатели и, в свою очередь, заказывали во Флоренции творения итальянских мастеров. В итоге, знаменитая скульптура Микеланджело и произведения многих итальянских скульпторов и художников находятся в музеях и соборах Брюгге, абсолютно уникальных, которые могут бросить вызов любому собранию живописи в любой столице.

Так произошло первое взаимовлияние в рамках Ренессанса. Вернемся к Медичи. У Медичи было отделение банка в Брюгге, которое финансировало французских королей. У них было отделение банка в Лондоне, которое финансировало английских королей. И, как показывает выставка и та схема, о которой я вам рассказал, они финансировали или обеспечивали своими финансовыми потоками торговлю в рамках Ганзы.

И вот, глядя на Великий Новгород, который единственный из российских городов замыкал эту цепочку Ганзы на Востоке, я подумал о том, что Иван Грозный, кажется, первый начал прорубать окно, форточку или брешь в Европу, в свою очередь, уничтожив все вольности и торговлю Великого Новгорода. А на самом деле у нас была дверь в Европу, и если бы она сохранилась, может быть, многое бы пошло по-другому.

Ну что ж, теперь коротко о Медичи. Джованни Медичи – самый скромный из Медичи. Не с него начинается род Медичи, который до этого несколько столетий был во Флоренции достаточно известным. Представители этого рода избирались на государственные должности на пару месяцев, не больше, с правом иногда повторно-го избрания, если им выпадал жребий. Те представители семейства Медичи, которые участвовали в государственной жизни Флоренции до Джованни, участвовали в формировании, я бы сказал, концепции этого правления. Все мы знаем о восстании чомпи. Восстание пролетариата, которое привело, кстати, во Флоренции к расширению числа цехов ремесленников, допущенных к государственной власти. Так вот, представитель семейства Медичи, который был на два месяца избранным правителем как раз в период восстания чомпи, поддержал восставших, почти единственный из всей тогдашней Синьории. И хотя потом восстание было подавлено, у народных масс, как мы любим говорить, так же как и у среднего сословия, и у пролетариата, осталось уважение к семейству Медичи.

Но все-таки в своей основе семья знаменитых Медичи начинается с Джованни, который заложил основы знаменитого банкирского дома и который в периоды, когда он был у власти непосредственно или в периоды, когда он мог влиять на власть, провел во Флоренции налоговую реформу. Флоренция с тех времен и почти до настоящего времени остается образцовым местом, где платят налоги. Он ввел прогрессивный налог, подвергнув ему всех, и бедных и богатых, чего до него не было. Тем самым он ввел во Флоренции систему социального и политического баланса. Семья Медичи, кстати, семья не аристократическая, потому что во Флоренции ко времени, когда Джованни пришел к власти, аристократы не допускались к государственным должностям. Если человек аристократического происхождения хотел занять государственную должность во Флорен-

ции, он должен был отречься от аристократического титула. Это был единственный из известных и крупных городов Европы с такой традицией. Джованни, тихий, скромный человек, основал мощнейший финансово-банкирский дом, финансово-промышленную группу, потому что туда входили не только банки, но и много предприятий, в первую очередь по переработке шерсти.

Его сын, Козимо Медичи Старший, по мнению многих, является образцом правления, при этом он крайне мало занимал государственные должности, был главой той самой партии, которая объединяла простой народ и средний класс. И уже на базе этого партийного правления он развивал, во-первых, свой банкирский дом, во-вторых, искусство, поощряя художников, заказывая им работы, занимаясь тем, что называется благотворительностью, но в масштабах невероятных. Даже Джордж Сорос и то, наверное, при пересчете на деньги ему бы уступил. Кроме того, Козимо – это человек, который спас произведения Платона, которые находились в различных монастырях Европы. Их не переводили на латынь, так как греческого языка почти не знали. Они погибали в этих хранилищах, были неизвестны. Козимо скупил эти рукописи по всей Европе. Он организовал переводы произведений Платона на латынь, позднее на итальянский, он вернул их к жизни. То же самое он сделал с книгами Каббалы, но это мы сейчас не будем обсуждать, чтобы не расширять слишком рамки нашей дискуссии. Козимо Медичи был человеком, который предпринял гигантскую последнюю попытку объединить церкви, православную и католическую. Он обеспечил проведение во Флоренции в течение двух лет Флорентийского Собора, итогом которого была Уния об объединении церквей. Уния не продержалась и нескольких лет, она была нарушена с обеих сторон. Но если говорить о влиянии (после Великого Новгорода я долго не вспоминал Россию), о влиянии на Россию, то оно было фундаментальным, как любое флорентийское влияние. Потому что там была и московская делегация, состоящая из монахов греческого происхождения, которые вывезли из Флоренции рецепт аквавита, скандинавской водки, настоящей на травах. Этот рецепт и послужил основой для начала производства русской водки. Так что в любом случае дело Козимо не пропало даром.

Теперь я бы перешел к короткому творческому отчету о том, что сейчас делает Флорентийское Общество. А может быть, мы это от-

ложим ближе к концу, потому что это и конкурс для школьников, студентов и аспирантов о Флоренции. Победители поедут во Флоренцию. Это целый комплекс взаимоотношений с Флоренцией, включая отношения с флорентийским университетом, и Торгово-Промышленной Палатой, и «Русским обществом» во Флоренции. Но, чтобы мы не оторвались от темы Медичи и флорина, от темы денег власти и власти денег, от темы олигархов в хорошем смысле этого слова, я думаю, что дискуссию следует продолжить в этом направлении. В процессе разговора свой отчет о поездке во Флоренцию нам представят присутствующие здесь члены московской делегации, которые рецепта водки не вывезли в этот раз. Сзади нас уже «реют» два флага, флорентийский и тосканский, и, кстати говоря, специалисты говорят почему-то не о флорентийской, а о тосканско-флорентийской культуре.

Е. Ю. ГЕНИЕВА:

Во-первых, я хочу всех порадовать. Закончен огромный труд, Петр Давидович Баренбойм посмотрел его весь, как ответственный редактор книги «Хождение во Флоренцию». Я очень надеюсь, что в следующий раз, когда мы окажемся в этом замечательном городе, мы сумеем подарить этот труд друг другу и нашим флорентийским коллегам.

Второе, это конкурс творческих работ о Флоренции для детей, о котором мы уже так много говорили. Первоначально программа задумывалась как конкурс сочинений, но фонд предлагает провести ее в жанре дебатов, школьникам и студентам первых курсов будет предоставлена возможность говорить на темы Флоренции, ее истории, культуры, ее значения для России. Если у высокочтимых членов Флорентийского Общества не будет возражений, мы начнем эту программу после 13 января. Она сейчас будет опубликована, информация о ней будет разослана, как предполагается, во все 89 регионов России, и к тому моменту, когда в апреле мы будем подводить ее итоги, она пройдет, по нашим подсчетам, в 10–12 городах нашей страны.

М. АНДРЕЕВ:

Лоренцо Великолепный.

Род Медичи дал Флоренции, Италии и Европе много заметных имен, среди которых два папы римских (Лев X и Климент

VII) и две королевы Франции (Екатерина, жена Генриха II и вдохновительница Варфоломеевской ночи, и Мария, жена Генриха IV). Их первоначальное семейное ремесло, врачи и аптекари, отразилось в родовом имени и гербе (знаменитые медийские шары – это изображение обыкновенных пилюль), но известности и влияния Медичи достигли, занявшись торговлей и финансовыми операциями. Их участие в политической жизни Флоренции отмечено начиная с середины XIII века, но значительным оно становится только к концу следующего столетия, когда Сильвестро Медичи, избранный гонфалоньером справедливости, возглавил восстание чомпи. Представитель другой ветви рода, Джованни ди Биччи, основал в 1397 году банк Медичи, быстро выдвинувшийся на первые роли не только в Италии, но и во всей Европе. Его сын Козимо не только успешно продолжил дело отца, но и стал в 1434 году некоронованным правителем Флоренции: власть Козимо и его наследники в трех поколениях осуществляли, не обладая никакими титулами, не получая никаких инвеститур и не занимая никаких государственных должностей. На рубеже XV–XVI веков Медичи трижды изгонялись из Флоренции, пока в 1530 году не вернулись с помощью имперских войск к власти окончательно. Алессандро был первым герцогом Флоренции (с 1532 г.) и последним представителем старшей ветви рода – в 1537 году он был убит двоюродным братом Лоренцино (или Лоренцаччо) Медичи (история, давшая сюжет знаменитой трагедии Мюссе), и ему наследовал Козимо, выходец из другой ветви (восходящей к брату Козимо Старшего), первый великий герцог Тосканский, сын прославленного кондотьера Джованни делле Банде Нере. Его потомки правили Тосканой на протяжении двух веков, пока в 1737 году эта династия не уgasла и власть не перешла к герцогам Лотарингским. Последним видным политическим деятелем из рода Медичи был Луиджи, в начале XIX века в течение почти двух десятков лет возглавлявший правительство королевства обеих Сицилий.

Среди множества этих имен, существенно важных для истории Италии, два выделяются особо – Козимо Старший и его внук Лоренцо, прозванный Великолепным. Козимо – потому что с ним Медичи впервые пришли к единоличной власти, потому что власть эта осуществлялась невиданным в истории образом (без титулов, званий и должностей, фактически без какого-либо изменения ста-

рых республиканских форм), потому, наконец, что этот, выражаясь современным языком, делец, не получивший никакого систематического (ни по старым, ни по новым, гуманистическим меркам) образования, – был наделен поразительным чутьем ко всякой перспективной культурной инициативе. При нем Флоренция вырвалась в архитектурные лидеры Италии и, следовательно, всей Европы, при нем не испытывали недостатка в заказах Брунеллески и Микелоццо, Донателло и Филиппо Липпи. Но дело не ограничивалось меценатством, скорее то, чем он занимался, можно назвать, опять же впадая в грех терминологической модернизации, целенаправленной политикой в области культуры. Он не только основывал и пополнял библиотеки – он создал своего рода идеальную модель библиотеки, которая легла в основу типового современного книгохранилища. Он не только поддержал молодого Марсилио Фичино – он направил его на тот путь, который привел к созданию прототипа базовой европейской научной институции, академического сообщества.

Еще более разносторонней личностью был Лоренцо. Единственное, в чем он уступал деду, это в таланте финансиста: банк Медичи при нем захирел, филиалы в Лондоне, Брюгге и Авиньоне обанкротились. Как государственный деятель он был, по крайней мере, не ниже: оказавшись у кормила власти неполных двадцати лет, он уверенно провел Флоренцию через внутренние смуты (самая известная из которых – заговор Пацци 1478 году, стоивший жизни Джулиано, его брату и соправителю) и через внешние угрозы (самая опасная из которых – война 1478–1480 годов с папским Римом и Неаполитанским королевством) и добился установления в Италии системы политического равновесия, которая чуть ли не впервые со времен Древнего Рима на значительное время покончила с внутри-итальянскими войнами. Для культуры он сделал не меньше деда: существенно пополнил собрания антиков, поддерживал Верроккио и Боттичелли, не стеснялся скромным учеником посещать заседания флорентийской Платоновской академии и почтительно внимать урокам Марсилио Фичино. Но в одном Лоренцо деда, безусловно, опередил: он был поэт, и поэт незаурядный.

Писать стихи Лоренцо начал с молодых ногтей и не переставал до конца жизни. Работал чуть ли не во всех тогда известных поэтических жанрах, кроме эпического. Начал с комической поэзии: «Ненча

да Барберино» – портрет деревенской красавицы, данный глазами и языком ее поклонника и односельчанина; «Охота на куропаток» – бытовая зарисовка почти в духе фламандской школы; «Пир» – каталог прославленных флорентийских пьяниц, оформленный как пародия на петрарковские «Триумфы». Затем обратился к поискам классической гармонии: в пасторальных картинах «Коринто» и «Аполлона и Пана», в философских размышлениях небольшой поэмы «О высшем благе», в мифологических стилизациях «Амбры». В последние годы не без влияния Савонаролы (отношения с которым у Лоренцо были сложные, но во всяком случае не односторонне враждебные, как их раньше изображали) на первый план вышла религиозная поэзия. И все время продолжала отделяться и пополняться книга лирических стихов, «Канцоньере». Масштаб дарования Великолепного оценивали по-разному, но никто не оспаривал того факта, что в послепетрарковский период Лоренцо как лирический поэт если кому-то и уступал первенство, то лишь одному Анджело Полициано.

Лоренцо часто вменяли в вину как раз разнообразие его творчества, отсутствие в нем единого центра и общего пафоса. Действительно, трудно себе представить, что один и тот же поэт является создателем исполненных самого традиционного благочестия лауд и ликующей вакхической песни (припев которой, кстати, *Chi vuol esser lieto, sia: Di doman non c'è certezza* относится к числу самых знаменитых поэтических строк, когда-либо сказанных по-итальянски). Общее, на самом деле, есть – в отношении к языку. Лоренцо Медичи начинал писать в то время, которое Бенедетто Кроче не без основания назвал «веком без поэзии»: победоносная экспансия гуманистических вкусов превратила латынь в единственный язык культуры, и даже на творчество трех «флорентийских венцов» стали поглядывать свысока и не без пренебрежения. Принципиальная универсальность гуманистической латыни, не признававшей никакой пространственной и временной конкретики, вполне могла лишить Флоренцию центрального места в языковом и литературном процессе, и тогда все дальнейшее развитие итальянской литературы пошло бы по другому пути. Доказать совместимость гуманистической программы и итальянского, в основе своей тосканского, языка взялся Лоренцо Великолепный, и это его личная инициатива и личный почин – к этому его не подталкивали и не побуждали те, у кого

он учился, ни Кристофоро Ландино, ни Марсилио Фичино. Как поэт он всю жизнь этим и занимался: доказывал, что писать обо всем и одинаково красиво можно и должно по-итальянски. Доказал – чему в равной степени способствовал и его поэтический, и его политический авторитет. Вряд ли совершенно случайно то обстоятельство, что старейшая европейская академия, Академия делла Круска, вот уже пять столетий занимающаяся защитой и сохранением итальянского языка, с 1974 года размещается в одном из красивейших дворцов, построенных при Лоренцо – в Палаццо Медичео ди Каstellо.

А. Н. ШОХИН:

Я в первый раз присутствую на заседании Флорентийского Общества и не ездил во Флоренцию в составе делегации. Но в свое оправдание могу сказать, что я только вчера вернулся из Флоренции.

Мне кажется, что одна из проблем состоит в решении вопроса о том, стоит ли нам в рамках наших исследований по изучению флорентийского наследия выходить за рамки города. Безусловно, лучшие свои достижения Флоренция показала именно как город, а не как великое герцогство Тосканское.

Однако будет ли полноценным знание о Флоренции, если мы не посетим, скажем, Монтепульчано, где, как известно, производятся лучшие тосканские вина, которые в свою очередь являются лучшими итальянскими винами? И дело не только в винах. Я видел в Тоскане великолепные средневековые города, во многом похожие на средневековую Флоренцию. В равной степени это касается и других направлений. Например, могущество Флоренции неразрывно связано с Ливорно. Возможно, деревенька Винчи также будет представлять для нас интерес в силу известных причин. Может быть, какие-то другие тосканские города нужно включать в орбиту деятельности общества?

Я, к сожалению, не был подключен к ранним проектам деятельности Флорентийского Общества, и, в порядке приобщения, мне хотелось бы быть проинформированным обо всех направлениях его деятельности, обо всех проектах, с тем, чтобы не предлагать того, что уже делается. Затем я бы с удовольствием включился в работу по конкретным направлениям. Спасибо.

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

Спасибо. Очень важное замечание, потому что далеко выходить за пределы флорентийской городской черты мы не должны. Нужно иметь в виду, что на довольно узком пятачке во Флоренции сосредоточена пятая часть всех мировых шедевров: живописи, скульптуры, архитектуры. И местные психиатры хорошо знают так называемый «эффект Стендаля», когда блестящий молодой человек, в прошлом наполеоновский офицер, упал в обморок в галерее Уффици, не выдержав обилия впечатлений. У некоторых людей, по сведениям местных психиатров, случаются не только обмороки, но и более серьезные психические расстройства. Поэтому следует выезжать в Тоскану, на природу, но потом обязательно возвращаться к городским истокам.

Есть такой Международный брюссельский банковский клуб, российско-европейский. По нашей инициативе он планирует проведение своего заседания во Флоренции в мае следующего года. Дело в том, что в Тоскане находятся старейшие банки Италии. Там очень интересные банковские традиции. Кстати, власти и Флоренции, и Тосканы с большим энтузиазмом относятся к проведению подобных банковских форумов на своих территориях.

Там есть маленький тихий город Лукка, который так и не поддался Флоренции в течение всей истории. Но сейчас справедливость восторжествовала, он включен в территорию Тосканы, подчиняется Флоренции. Лукка – город, который известен своими банками, до сих пор функционирующими. Такими тихими, надежными банками. В этом городе только 10 лет назад стал развиваться туристский бизнес. До этого город не поощрял приезд иностранных туристов, несмотря на то, что находится по соседству с Пизой и многими памятниками архитектуры, такими интересными для туристов. Власти Лукки считали, что это вредно для молодежи, для тишины города, в рамках которого развивался банковский бизнес.

Кто хотел бы выступить с отчетом, самоотчетом, прошу только не забывать Медичи и особенно золотой флорин. Федор Михайлович Бурлацкий, Вас я представляю сам.

Ф. М. БУРЛАЦКИЙ:

Спасибо большое. Я, прежде всего, хотел бы выразить свое глубокое удовлетворение и признательность членам группы, в со-

ставе которой я был во Флоренции. Пожалуй, я никогда не путешествовал с такими высокообразованными, интеллигентными и приятными людьми, хотя во Флоренции был уже многократно.

Моя первая поездка во Флоренцию, в Италию, страшно сказать, была в 1957 году. Я поехал туда в составе делегации партийных функционеров средней руки. Мы огромными, широко раскрытыми глазами смотрели на необыкновенный мир Флоренции, и эта поездка укрепила меня в мысли, которую впоследствии очень точно сформулировал президент Флорентийского Общества Петр Давидович Баренбойм: «Мы живем в эпоху Макиавелли, все еще живем в эпоху Макиавелли». Находясь там, я очень часто размышлял о том, что роднит нас с макиавеллиевским периодом в истории Флоренции и всей Европы.

Я не очень верю в то, что в России в ближайшей перспективе возможно нечто, подобное тому фантастическому взлету культуры, искусства, который произошел во Флоренции. Это дается откуда-то свыше, и я не думаю, что такая благодать падет на наш народ. Но по-прежнему актуальным остается, на мой взгляд, использование флорентийского опыта.

Стоит продолжить размышление о нашей политической действительности не только глазами Макиавелли, а вслед за ним, конечно, и Гвиччардини, и других крупных фигур итальянского Возрождения, но и Томаса Мора, и многих других политических фигур XIII–XIV–XV веков. Этот опыт крайне важен для нас, потому что мы с нашими политическими институтами и нравами ползем, на мой взгляд, как раз по этой эпохе.

Символично, что в политической и духовной жизни Флоренции, как и в современной России, немаловажную роль играли финансовые структуры, например банкирский дом Медичи. В этой связи уместно будет задуматься о нравах в нашем бизнесе.

Макиавелли довольно сурово судил политиков, однако, на мой взгляд, нравы в бизнесе во Флоренции или в Западной Европе даже в те времена стояли на несколько порядков выше, чем в современном российском бизнесе. Это несопоставимо. В то время простое пожатие руки обозначало сделку, никто не убивал соседа только потому, что тот не вернул вовремя долг. Я не знаю, в каком виде можно пропагандировать привнесение каких-то нрав-

ственных начал в современное российское предпринимательство, но в целом эта тема мне кажется весьма актуальной.

Ну а всем членам Флорентийского Общества я бы от всей души пожелал хотя бы краткосрочной поездки во Флоренцию с тем, чтобы возобновить в себе флюиды высокого духа. И поверьте, жизнь станет немножко слаще. Спасибо.

А. Н. ШОХИН:

Федор Михайлович, а Вы не идеализируете нравы тех времен? В частности, если взять более раннюю, чем XV век, историю, там и гвельфы с гибеллинами, и изгнание Данте только по принципу партийной принадлежности, и воровство тела Микеланджело, и так далее.

Ф. М. БУРЛАЦКИЙ:

Я как раз разделил политические нравы и нравы в сфере бизнеса. Как ни странно, я все-таки настаиваю на том, что нравы в сфере бизнеса были намного чище, если можно говорить вообще о чистоте нравов в подобной сфере, чище и достойней, чем политические дрязги, о которых вы говорите. Ну, может быть, я сужу об этом со стороны и не знаю всего.

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

Когда мы впервые попали во флорентийскую Синьорию и представились, министр иностранных дел городского правительства внимательно расспрашивал нас о Флорентийском Обществе. У него в кабинете висела огромная картина «Допрос Савонаролы» (вообще, когда мы оказались в кабинете мэра, то убедились, что лучшие произведения искусства можно увидеть именно там).

Так вот, когда министр узнал, что членом нашего общества является судья Конституционного Суда Владимир Григорьевич Ярославцев, который в книге «Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века» написал статью о Савонароле (она называется «Джироламо Савонарола и Никколо Макиавелли. Несостоявшийся диалог»), доверие к нам значительно увеличилось, и мы были приглашены на площадь Синьории под статуей Давида в президиум. Там как раз в этот день праздновали то, что только во Флоренции и можно празд-

новать, – годовщину со дня сожжения Савонаролы. Так что благодаря Владимиру Ярославцеву мы попали на это торжество.

В. Г. ЯРОСЛАВЦЕВ:

Как верно отметил в своем выступлении Федор Михайлович Бурлацкий, мы действительно должны пытаться через призму эпохи Макиавелли и Савонаролы разглядеть приметы нашего времени. Ничто в истории не бывает напрасно, и если общество не извлекает уроков из истории вообще и из истории Флоренции в частности, то мы тогда напрасно, с моей точки зрения, живем, создаем всевозможные институты, партии, проводим всевозможные политические и гуманитарные мероприятия.

Не случайно в моей статье использовался своеобразный литературный прием, он называется «несостоявшийся диалог» между Макиавелли и Савонаролой. Я искренне благодарен Федору Михайловичу Бурлацкому за то, что по его книге познакомился с творчеством Макиавелли. Это было очень давно. Постепенно мое увлечение крепло, и совершенно случайно я узнал, что Макиавелли и Савонарола были современниками, жили рядом, в одном городе. Однако им не довелось повстречаться. Но как интересно видеть, как один и тот же событийный ряд проходит через мироощущение, мировоззрение, на первый взгляд, совершенных антиподов, абсолютно разных людей, объединенных в то же время преданностью Флорентийской республике. И вот как раз этот своеобразный их несостоявшийся диалог подвиг меня к попытке угадать то, что говорится о современности.

Мы видим и синдром послушания, и властную вертикаль, – все то, что живой нитью пронизывает нашу новейшую историю. Не стоит полагать, что это кем-то придумывалось и существовало лишь умозрительно.

Для того чтобы избегать будущих ошибок в управлении государством, нам, безусловно, необходимо учитывать опыт прошлых лет, в данном случае я говорю об опыте Флоренции. Все мы прекрасно понимаем, что управляемой демократии нет и быть не может. Только от нас зависит, чтобы демократия в нашем обществе была подлинной, единственно возможной, чтоб мы действительно жили в обществе XXI века, а не плелись в хвосте событий, повторяя прошлые ошибки. Спасибо.

А. А. ГАЛКИН:

Я не убежден, что все содержание нашей деятельности следует сводить к попыткам почерпнуть что-то конкретное, практически-политическое из опыта Флоренции XIII–XIV–XV веков. Мы ведь не ставим перед собой задачу по превращению Флорентийского Общества в структуру, занимающуюся исключительно разработкой политической теории либо способствующую законодательной деятельности Думы и Совета Федерации. Мы – общество, которому интересен феномен культуры, и Флоренция, на мой взгляд, для нас интересна, прежде всего, как феномен культуры, художественный феномен, феномен-загадка.

Ну вот, спрашивается, как это получилось? Один из городов Италии в условиях общего упадка в Европе вдруг становится факелом, по-настоящему, светочем, который освещает своим огнем на протяжении столетий всю европейскую и не только европейскую историю. Можно ли это связывать только с феноменом Медичи при всем том огромном, безусловном влиянии, которое Медичи оказали на развитие Флоренции того периода? А может быть, где-то во Флоренции, где республика возникла еще до Медичи, были заложены какие-то основы, которые уходят своими корнями в более глубокие исторические слои? Стоит покопаться в истории, ведь что-то же определило такое удивительное явление.

В этой связи я вспомнил один эпизод, произошедший со мной много лет тому назад на главной площади Флоренции. Я беседовал с одним из представителей местной интеллигенции и культуры и бросил фразу: «Смотрите, какой интересный кирпич, и как здорово сделана стена!» Он говорит: «Ну, ведь производство кирпича и архитектура – это наше историческое достояние». Я легкомысленно задал вопрос: «Вы имеете в виду итальянцев или тосканцев?» Он ответил: «Не итальянцев и не тосканцев, мы этруски. Мы представители одного из самых древнейших народов Европы. Когда эти дикие римляне ходили еще в волчьих шкурах, у нас была огромная культура, у нас впервые на этом полуострове, а может быть, и в Европе было кирпичное производство. У нас были прекрасные здания – жаль, почти никто в Европе об этом не вспоминает». И я вдруг подумал: действительно, а почему, когда речь идет об Апеннинском полуострове, мы знаем только римскую историю, а как же все остальное?

А. А. КАРА-МУРЗА:

Во-первых, я тоже хотел бы поблагодарить организаторов поездки. Я думаю, что наше Флорентийское Общество может выставить сразу несколько первых составов для любого зарубежного представительства. Но тот состав, который ездил, конечно, был блестящий. И, кажется, флорентийцы почувствовали, что мы серьезные партнеры. Свидетельство тому – организация для нас сразу нескольких сугубо эксклюзивных экскурсий. Например, экскурсия в знаменитейший «Коридор Вазари», куда я много раз мечтал попасть (и один раз был очень близок к этому), но так и не попал. Как известно, это коридор, соединяющий два дворца – Палаццо Веккьо и Палаццо Питти. Там расположена самая знаменитая в мире галерея автопортретов великих художников. Когда-то это было туристское место – теперь туда простым смертным не попасть. Так вот, вице-мэр Флоренции два часа лично водил нас. Но надо сказать, что мы тоже не ударили лицом в грязь. Вице-мэр все тащил нас к автопортрету Шагала – это была «русская кульминация» экскурсии. А мы, помните, показали ему по дороге автопортрет Ореста Кипренского – мэр не имел представления ни об этом портрете, ни о самом художнике. Он не знал, что Кипренский много работал в Италии, был чрезвычайно знаменит, особенно в Риме и в Неаполе, и что он скончался и похоронен в Риме, и поскольку был католиком в конце жизни, похоронен в очень престижной римской церкви. А для русских художников автопортрет Кипренского в «Коридоре Вазари» был культовым местом. Есть мемуары, что Суриков, Васнецов, Врубель стремились к этому месту как к символу признания русских в Италии, давали там клятву сделать все, чтобы, как и Кипренский, прославить Россию и прославить себя.

Или другая суперэкскурсия – по внутренним апартаментам Палаццо Веккьо, где сейчас находятся рабочие помещения флорентийской Синьории и куда никого, разумеется, не пускают. Нам удалось даже постоять на знаменитейшем балконе Палаццо – абсолютно историческом месте, откуда выступали многие исторические личности – от Савонаролы до Муссолини. Сейчас это место известно по некоторым блокбастерам – например, по фильму «Ганнибал Лектер» с Энтони Хопкинсом в главной роли. Кульминация фильма происходит на этом балконе – попасть туда нельзя было и мечтать.

И конечно, после всего этого задумываешься уже не о том, что для нас может сделать Флоренция, а как нам дальше развивать сотрудничество с флорентийцами. И здесь есть несколько предложений. Во-первых, очень трогательно была встреча с Италияно-российским обществом в их офисе. Это офис, но видно, что это очень обжитое, родное для местных активистов место. И у меня ощущение, что надо подготовить какую-то программу по патронажу этого, в общем, уникального места для Флоренции, для Италии, действительно поддержать этих подвижников, любителей России, которые изучают язык, культивируют русскую культуру. Следует помочь им, может быть, с комплектованием библиотеки.

Во-вторых, переговоры наши показали, что мы сейчас находимся в очень интересной точке возможного сотрудничества русских с Флоренцией. Я имею в виду планы флорентийской Синьории и правительства по санации того района, который раньше принадлежал семейству Демидовых, русскому семейству. Это тоже, в общем, уникальное место для русской колонии во Флоренции, потому что долгое время именно там, в Сан-Донато, была единственная православная церковь, более или менее демократичная, куда приезжали очень многие. И после этого в XX веке эту территорию совершенно трансформировали, там заводы и так далее. Сейчас они собираются санировать эту территорию, превратить ее в культурный центр с некоторыми университетскими кампусами, с новым культурным пространством, и, судя по тому, что нам говорил вице-мэр, они хотят сохранить за этим пространством имя Демидовых. И уже ближайшие годы станут кульминацией этого проекта. Екатерина Юрьевна Гениева обсуждала с ними конкретные вещи, связанные с возможностью контактов. Здесь очевидно, что и мы могли бы помочь, работающие в Академии наук, и представители бизнеса. Это будет большой культурный проект, в котором, на мой взгляд, русские имеют преимущество. Они в ближайшие годы хотят провести какие-то демидовские акции, в которых мы можем принять участие. Кто, как не Флорентийское Общество, может здесь лидировать с российской стороны? Во Флоренции, вы знаете, есть и другие демидовские места. Это Палаццо Никколо Демидов, Палаццо Серрристори, где он жил, и несколько других палаццо в том же районе. Это и его знаменитая усадьба и парк в пригородах Флоренции – в Пратолино.

Теперь несколько слов о культурно-политическом феномене Флоренции, о чем здесь многие говорили. Мировое значение флорентийской культуры бесспорно, а вот что касается финансово-политической стороны дела, тут не стал бы, например, фетишизировать уровень демократичности флорентийской коммуны или какую-то уникальную предпринимательскую этику. Там всякое бывало: постоянные войны, заговоры, изощренное коварство власти и пр. Конечно, миф о предпринимательско-политической уникальности Флоренции – это полезный миф, как был полезен для всей Европы нового и новейшего времени миф об уникальности афинской демократии и о полисной демократии вообще. В истории это был очень сложный феномен, и чем все это кончилось для греческих полисов, тоже известно.

И последнее. Александр Николаевич Шохин затронул вопрос, где кончаются концентрические круги нашего интереса к Флоренции и к державе Медичи – к Великому герцогству Тосканскому. Был назван город Ливорно, главный порт Тосканы. Это, кстати, один из центров пребывания русских в Италии. По одной простой причине. Это было, конечно транзитное место для русских, но очень важно, что там была действующая греческая православная церковь, которая сохранилась. Я ее видел в сентябре – это, безусловно, священное место для очень многих русских. Туда, например, специально приезжали из Рима. В Риме долгое время существовали лишь домовые церкви при русских представительствах. А вот место, которое многократно описано в русской мемуарной литературе, в письмах и так далее, это греческая православная церковь в Ливорно. Ну и, кроме того, конечно, уникальные тосканские места – и Лукка, и Пиза, и Сьена, и Сан-Джеминиано. Я добавлю сюда, может быть, к «этрусской теме», и Фьезоле. Это тосканские места, которые тоже могли бы быть объектом нашего внимания, коль скоро речь идет не только о флорентийской коммуне, но и о государстве Медичи, о феномене Великого герцогства Тосканского. Спасибо.

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

Вообще, конечно, хорошо быть выходцем из хорошей семьи. Это можно сказать, и вспоминая Медичи, и говоря о семействе Кара-Мурзы. Потому что в книге «Хождение во Флоренцию» фигурируют два Кара-Мурзы.

Я все-таки рискну поспорить, сказав, что деловая и политическая эстетика флорентийского государства это все-таки не миф, и не миф ни Козимо Медичи, ни Лоренцо. Если Лоренцо после десяти лет правления в один день повесил 50 человек, так это когда его брата зарезали в церкви. Уж извините, другого выхода, наверное, не было, когда Римский Папа послал легатов, и вместе с семейством Пацци они устроили резню в церкви и зарезали любимого брата Лоренцо, Джулиано. А что, Вы думаете, спасло самого Лоренцо? Физическая сила? Он отличался необыкновенной физической силой, был победителем всех рыцарских турниров на площади Санта-Кроче. Нет, его спасла приверженность к философии, потому что представители Платоновской академии прикрыли его своей грудью от кинжалов убийц. Так что все это не миф семейства Медичи, особенно Козимо и Лоренцо. И я думаю, что мы, когда отмечаем 600 лет прихода Джованни к государственной власти, имеем для этого основания.

Е. Ю. ГЕНИЕВА:

Я очень хочу продолжить то, о чем говорил Алексей Карамурза. После каждой такой вот поездки, во всяком случае, у меня возникают неизбежные обязательства. Церковь (я не о церкви в Ливорно, я о той русской православной церкви, где находятся знаменитые деревянные двери, купленные Демидовым, и которая на следующий год, в сентябре, будет отмечать свое столетие), – замечательная, красивая маленькая церковь, все изразцы которой сделаны, естественно, во Флоренции, что вызывает какие-то особые ностальгические ощущения, потому что они похожи на наши изразцы.

А. И. КОМЕЧ:

Передо мной все говорили о любви к Флоренции, и я не хочу нарушать эту традицию. Однако разговоры о торжестве гуманизма, праве, справедливости рисуют нам все-таки мир идеализированный и не очень похожий на сложную, драматическую и часто жестокую картину жизни города в XV веке. Даже слово «гуманизм» понималось в ту эпоху иначе, чем сейчас. Когдаходишь в капеллу Медичи и погружаешься в атмосферу этого искусства, то в ней не слишком много от торжества справедливости, оптимистической веры в право и демократию. Это искусство высокого элитарного духа и трагизма,

и стихи самого Микеланджело – «мне любо спать, а пуще быть скалой, когда царят позор и преступления» – свидетельствуют об этом с безусловностью.

Мифы нашего времени часто искажают действительность в двух направлениях. Одно связано с наивным представлением о розовом моральном совершенстве. Но этот же век дал множество примеров и героизма, верности, и цинизма, предательства. С другой стороны, распространено суждение о прямой связи стремления к большему визуальному реализму художественного языка эпохи с отходом от духовных ценностей христианской религии. Но и это наивно, глубокая вера светится в произведениях многих художников, и тот же Микеланджело – одна из самых глубоких подобных фигур эпохи. Не надо забывать, что это была эпоха жестоких и глубочайших столкновений духовных интересов, эпоха религиозных войн.

Но было качество человеческой индивидуальности, на котором держался и гуманистический пафос времени, и высокое понятие о справедливости. И оно было сущностным для эпохи и новым в отношении к прошлому. Оно воплощалось в понятии доблести – *Virtu*. В нем соединялись необыкновенная энергия и предприимчивость, вера в свои силы и чувство собственного достоинства, чести. И это качество было проявлением индивидуальным, мощным, подчас суровым и резким. Оно рождало героев и гениев. Нам сумас-

шедшим образом не хватает людей такой ответственности, силы, энергии, увлеченности своим делом.

Флорентийцы, в целом, люди отчетливые, деловые, лишенные венецианского *délce far niente*. Флоренция – каменный город, и воздух Тосканы ясен и прозрачен. Высокое интеллектуальное напряжение эпохи цивилизовало энергию нового класса, открыло для него искусство – и поток инвестиций в эту сферу вместе с поклонением общества прекрасному породил поколения художников-новаторов.

Я очень сожалею, что за потоком дел и обычных забот приезжающие во Флоренцию обычно не видят большей части того прекрасного, что наполняет ее улицы, церкви, дворцы. Высказанная здесь идея создания CD, могущего для многих раскрыть художественные богатства города, кажется мне очень привлекательной. Я был бы счастлив, если бы все члены Флорентийского Общества, сидящие за этим столом, прошли улочки и переулки Флоренции, заглянули в ее дворики, дворцы, церкви.

Общение с Флоренцией полезно и в некоторых конкретных отношениях. Во время нашего последнего пребывания в городе я спросил Александра Николаевича Крутова, как он провел утро. Услышав, что он гулял на южном берегу Арно, и помня, что он первый раз во Флоренции, я сказал ему, что большая часть шедевров искусства находится на северном берегу. Он меня привел в восторг своим ответом: «Дело не только в шедеврах, есть еще и очарование исторической среды». Это замечательное высказывание для человека, который живет в Москве, где историческая среда изгоняется из города необыкновенно интенсивно и практически ежедневно. Примеров тому масса, последние украшения – высотка на площади Павелецкого вокзала или здание в начале Арбата, напротив ресторана «Прага». Может быть, научимся ценить среду в Москве, и хоть где-то она уцелеет.

Чувство малой родины, духовной особенности и идентичности сохраняют и люди, в ней выросшие. Мы были с Екатериной Юрьевной Гениевой в Фонде Ромуальдо дель Бьянко во Флоренции. Они проводят ежегодно до 70 международных недельных семинаров, всячески поощряя все связанное с городом и Тосканой, содействуя духовному развитию и становлению молодежи. Они готовы принять нашу молодежь, рассмотреть наши темы. Они, кстати, вы-

пустили небольшой альбом, посвященный русским во Флоренции. Я думаю, что конкретные дела явились бы наиболее важной формой деятельности Флорентийского Общества. Я полностью согласен с необходимостью поддержки Русского общества во Флоренции. Пребывание великих русских – Демидова, Чайковского и других – это замечательный повод нашего присутствия и соучастия. Я, например, с душевной болью увидел удручающее состояние мрамора на фасадах Баптистерия, знаменитого Сан-Джованни. Но им итальянцы займутся, видимо, сами. А вот визуализация пребывания русских во Флоренции могла бы стать нашей заботой. И если сохранилась гостиница, где Чайковский написал «Пиковую даму», то на ней надо установить мемориальную доску. У нас есть в составе общества замечательные специалисты-историки, я имею в виду, прежде всего, Алексея Алексеевича Кара-Мурзу, и мы могли бы составить конкретную программу действий.

К. М. ДОЛГОВ:

Сегодня я первый раз пришел на заседание Флорентийского Общества. Я думаю, это замечательно, что подобное общество существует, а состав его впечатляет любого, кто имеет возможность с ним познакомиться.

Прежде всего, мне хотелось бы сказать пару слов о том, что, с моей точки зрения, мы можем сделать для Флоренции или для укрепления наших отношений с ней. Благодаря институту «Открытое общество» я работал целый месяц в архивах Флоренции и искал там неопубликованные письма, неопубликованные донесения Макиавелли. Я нашел более 50 документов, которые не были напечатаны даже в Италии, и занялся их расшифровкой. Но это далеко не все наследие Макиавелли, потому что он написал более 4000 писем, и из них опубликовано, может быть, 4/5. То же самое можно сказать о Гвиччардини и о Лоренцо Великолепном, хотя итальянцы уже издали много томов его писем. Насколько я знаю, у нас пока нет этих переводов. Я думаю, что в рамках Флорентийского Общества нам стоит каким-то образом способствовать тому, чтобы наследие корифеев итальянской культуры переводилось на русский язык и действительно стало достоянием нашего народа, нашего общества. На мой взгляд, это очень поучительно.

Личность Макиавелли всегда воспринималась и воспринимается неоднозначно. Но, говоря о том, что Макиавелли является в какой-то степени основоположником современной политики, не следует забывать, что, в первую очередь, Макиавелли можно назвать основоположником современной дипломатии. Все его политические идеи сформировались в то время, когда он был на дипломатической службе. А был он на ней 14, почти 15 лет. За это время он написал огромное количество дипломатических посланий, где были сформулированы, в основном, все принципы, на которых зиждется современная политика.

К сожалению, в России практически нет опубликованных дипломатических посланий Макиавелли, и, мне кажется, Флорентийское Общество могло бы способствовать их переводу и изданию. То же самое можно сделать по целому ряду других мыслителей Италии. И прежде всего тех мыслителей, которые жили во Флоренции. Поверьте, это огромное богатство. Наша дипломатия сейчас переживает трудное время. Если бы нам удалось опубликовать труды Макиавелли, Гвиччардини, всю эту переписку, для наших дипломатов это было бы просто открытие. Ведь во времена Макиавелли дипломатия во Флоренции переживала колоссальный расцвет, и искусство ведения переговоров было там на самом высоком уровне. И вот если бы нам удалось что-то сделать для опубликования архивов того времени, я думаю, что российские, да и не только российские, дипломаты сказали бы нам за это огромное спасибо.

Ф. М. БУРЛАЦКИЙ:

Мне бы хотелось сказать пару слов о нашем Флорентийском Обществе и об отдельных его представителях, что я сейчас и сделаю с большим удовольствием. Вот, например, Константин Михайлович Долгов, с моей точки зрения, человек уникального духа. Он, еще будучи советским министром, удивил меня своим глубоким интересом к работам Макиавелли. Советский министр, который интересуется такими вещами, это просто поразительно. Он опубликовал целый ряд очень интересных вещей. Так что мы двигались параллельно. Я чуть раньше начал свои исследования, он чуть позже, потому что я постарше. Но интерес к Макиавелли шел все-таки от нашей советской, русской действительности.

Сейчас Константин Михайлович Долгов продолжает свои работы, связанные с Флоренцией, и, как видите, заинтересовался возможностью опубликования произведений, которые не изданы в самой Флоренции. Его интерес к работам Макиавелли в дипломатической сфере не случаен, поскольку в настоящий момент Константин Михайлович, по моим сведениям, заведует кафедрой в Дипломатической академии.

Вообще, мне кажется, что на заседания Флорентийского Общества всякий раз собираются очень интересные люди. И независимо от того, какие практические выводы следуют из всего сказанного в ходе наших обсуждений, уже само общение, на мой взгляд, приносит огромную пользу. Очень приятно чувствовать себя среди людей, которые увлечены тематикой Флоренции, которые обмениваются мнениями свободно, по-человечески, безо всякого стремления обнаружить свои лучшие качества. Это, собственно, еще пушкинская традиция. Сама игра интересна, потому что игра – это и есть жизнь. И наша встреча – это часть такой игры, независимо от того, как много практического мы сделаем. Тут не надо переоценивать себя и не надо надрываться, мне кажется. Потому что сделать следует очень много, и каждый индивидуально делает свое дело, но все вместе мы можем сделать намного больше.

Но, как я уже сказал, само общение для меня имеет колоссальную ценность. Мне кажется, больше всего следует ценить тот особый дух Флоренции, который витает на наших собраниях. Через формирование этого духа на основе взаимности, на основе общения, на основе великих идей, которым мы поклоняемся, можно оказывать какое-то влияние на современность.

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

Спасибо. Вы высказали очень мудрую мысль о том, что не нужно надрываться.

Г. П. ПАДВА:

Федор Михайлович Бурлацкий напомнил мне многое связанное с Флоренцией, когда говорил о приятности общения. Когда я много лет тому назад в качестве частного лица (тогда еще не было

Флорентийского Общества) попал во Флоренцию, меня там тоже принимал вице-мэр. Он пригласил меня на обед, угощал отменным вином и беседовал со мной. Он сказал, что счастлив встретиться с русским юристом и что у него ко мне много очень интересных, важных вопросов. «Вот скажите, – спросил он, – как вы относитесь к смертной казни?» Я открыл рот, а он продолжал: «Я отношусь к этому вопросу так...» И минут 15 рассказывал мне о том, что смертная казнь не должна существовать нигде, в том числе и в России. После этого он сразу спросил мое мнение о суде присяжных и дальше еще минут 15 рассказывал мне о своей позиции. Мы пообещали, а я так и не успел вставить ни слова. А на следующий день мне сказали, что вице-мэр был в полном восторге от общения с российским юристом, потому что он давно не имел такого приятного и умного собеседника. Я думаю, что если наши с вами беседы будут проходить по примеру этого моего флорентийского знакомого, то это будет замечательно. Это к вопросу о приятности общения.

Кроме того, я должен вам признаться, что в свое время как истый советский человек, не читая Макиавелли, относился к нему крайне отрицательно. Но совершенно по другой, не советской, а по тайной, диссидентской причине.

Дело в том, что я где-то когда-то прочел, что томик Макиавелли был настольной книгой Иосифа Виссарионовича Сталина. И с тех пор до того, как я познакомился с трудами Федора Михайловича Бурлацкого и самого Макиавелли, я был уверен, что все те мерзости, которые творились в нашей стране, произошли от Макиавелли. Я очень благодарен судьбе, что все-таки сумел познакомиться с тем, что писал сам автор. А затем, благодаря вступлению во Флорентийское Общество, стал более глубоко изучать труды Макиавелли, и должен признаться, что я очень сильно заблуждался. Не все мерзости, которые встречались в нашей стране, были связаны с именем Макиавелли. Благодарю вас.

А. В. ЗАХАРОВ:

Надо сказать, что сегодня очень оптимистичное заседание. Во-первых, благодаря Ф.М. Бурлацкому мы открыли и утвердили один из новых принципов Флорентийского Общества. Принцип называется «не надрываться». Я думаю, это должно войти в устав

нашего общества. Во-вторых, сегодняшнее наше заседание вновь подтвердило, что мы продолжаем жить в эпоху Макиавелли, и, значит, связи Общества с Флоренцией развиваются и крепнут. В-третьих, мне хотелось бы отметить существование известного утверждения, которое, насколько мне известно, еще ни один из адвокатов не опроверг, что все дороги ведут в Рим. Так вот, сегодня, по итогам нашего обсуждения, мы можем сказать, что многие дороги ведут во Флоренцию.

Флоренция вообще интересна с разных сторон. И я бы, например, выделил четыре момента: мир флорентийских ценностей, Флоренция как экономическое хозяйство, Флоренция как мир идей и Флоренция как мир высокого искусства. Сегодня мелькали такие термины и фразы, как институционный процесс, цеховая культура, то, о чем сейчас так много говорится в контексте корпоративной культуры.

Золотой флорин... Если посмотреть на Флоренцию с этой стороны, то она представляет для нас огромный интерес как пример весьма значимого экономического успеха, который перерос в совершенно потрясающий духовно-эстетический прорыв. Не так много, наверное, в истории современной и не современной мы найдем таких примеров, когда сначала возникала цеховая культура, цеха ремесленников, институты самоуправления, и это сопровождалось таким гуманитарным подъемом...

Даже если говорить вскользь, мир флорентийских ценностей очень гармоничен и противоречив одновременно. С одной стороны, отмена смертной казни, а с другой стороны, как это сегодня звучало, – флорентийское рукопожатие.

Когда мы были в одной из наших поездок в Синьории, в Палатцо Веккьо, нам показали кабинет герцога Франческо Медичи, куда он водил для последнего разговора своих оппонентов. У Медичи был на руке перстень с шипом, пропитанным ядом. Смысл флорентийского рукопожатия в данном случае сводился к тому, что Медичи было достаточно лишь одного пожатия руки, чтобы его оппонент отправился в мир иной.

В соответствии с уставом, очень строгим уставом Флорентийского Общества, каждый его член обязан словом и делом пропагандировать высокие идеалы Флоренции и исповедующего их

Флорентийского Общества. Так вот, я хотел бы доложить к вопросу о цехах и самоуправляемых организациях. Не далее как сегодня в Государственной Думе были слушания по законопроекту, только не о самоуправляемых, а о саморегулируемых организациях. И ваш покорный слуга, как член Флорентийского Общества, в качестве примера прототипа, прообраза, привел именно цеха Флоренции. Потому что, как известно, цеха стали бурно создаваться в Италии в IX–X веках.

Однако очень интересный пример дает именно Флоренция, когда в XII веке она становится серьезной самоорганизующей силой, подчас и политического свойства. Известно, что к концу XII века Флоренция в составе 21 цеха пришла в городское самоуправление. Таким образом, законодательное оформление институтов самоуправления имеет уже исторический прообраз, в том числе во Флоренции.

Когда мы обсуждаем возможность принятия подобного закона, мы говорим о том, что предприниматели должны объединиться по своим профессиональным интересам, отдать часть своих полномочий саморегулируемым организациям, то есть позволить им выработать стандарты профессиональной и иной этики, а за это цеха (в нашем историческом контексте – саморегулируемые организации) будут защищать профессиональные объединения перед государством. Флоренция – живой пример этому. Вот что, на мой взгляд, имеется в виду, когда мы говорим о том, что живем в эпоху Макиавелли. Таким образом, сегодня в стенах Государственной Думы прозвучала пропаганда идей Флорентийского Общества.

Мне кажется, нам, всем вместе, предстоит длительное, бесконечное путешествие в мир Флоренции. Если рассматривать Флоренцию как мир идей, то в основном это будут идеи платоновского или, в крайнем случае, неоплатоновского свойства. Когда я смотрю на купол работы Брунеллески и облака, которые его окружают, мне кажется, в них парят эйдосы Платона, эйдосы прекрасного.

Почему концентрация высокого, красивого и культурного, как бы мы сказали, во Флоренции столь велика? Об этом сегодня говорил президент Флорентийского Общества. Потому что увлечение платоновскими и даже неоплатоновскими идеями привело к очень большой концентрации мира эйдосов, который содержит

и эйдосов эстетики и прекрасного, которые, как бы сказали философы, эмануруя, преосуществляются или преосуществились в произведении самого высокого искусства, которое до сих пор, как купол Брунеллески, радует, удивляет и увлекает нас всех. Поэтому путешествие по миру Флоренции продолжается. Видите, сколько дорог ведет во Флоренцию! Я их только четыре обозначил, но их гораздо больше.

ГОСУДАРСТВО КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Заседание
Московско-Петербургского философского клуба
и Флорентийского Общества
в Институте философии РАН

14 апреля 2010 года

А. А. ГУСЕЙНОВ:

Государство как произведение искусства – тема неожиданная, необычная, в этом сила и слабость этой темы. У нас сейчас сложилась такая ситуация, когда ни в нашей политологии, ни в нашей философии, ни в нашей юридической науке, насколько я понимаю, нет какого-то устоявшегося представления о том, что такое государство. В рамках нашей политологии и политической мысли тема государства сведена на какой-то маргинальный уровень. А ведь традиционно государство было концентрированным, высшим воплощением политики.

Если говорить о государстве как произведении искусства, что, прежде всего, должно иметься в виду? С одной стороны, эстетическое оформление государства, парадность, ритуальность – одним словом, все, что связано с дизайном пространства государства.

С другой стороны, то место, которое отведено культуре и искусству в государственных приоритетах. Этот аспект темы уходит своими корнями как раз в Ренессанс, во времена расцвета итальянских государств.

Но мне кажется, эту тему – государство как произведение искусства – можно понимать не только в том смысле, что государство, как и всякое иное явление, имеет свой эстетический аспект. И оно может быть осмыслено с эстетической точки зрения. Государство, на мой взгляд, может быть понято и в прямом значении – государство как произведение искусства, как, скажем, роман Толстого

«Война и мир» или опера Чайковского «Евгений Онегин». Такой подход может пролить некий новый свет на понимание государства.

Эстетическое как срез реальности есть единство смысла и чувственной конкретности. В этом случае предметы берутся в их самоценности, их рассмотрение соответствует их собственной мере. Если хотите, когда смысл вещи не отрывается от самой вещи, в отличие от других форм культуры. Наука отрывает смысл вещи от самой вещи, который задается в форме каких-то упорядоченностей, законов и так далее. Мораль отрывает смысл вещи от самой вещи тем, что задает некие обязательные правила поведения. Даже религия отрывает вещь от самой себя тем, что помещает эту вещь в какую-то другую реальность, где эта вещь уже не является причиной самой себя. Искусство тем и отличается, что оно рассматривает вещь не в какой-то пассивной или страдательной перспективе. Здесь предметы утверждаются в их уникальности, индивидуальности и самодостаточности.

На самом деле государство – это всегда определенная общность людей. И вне ее государство не существует. Что это за общность? Здесь наиболее ясно высказался Аристотель. Исходным пунктом его рассуждения, поскольку у него политика вырастает из этики, является человек, который стремится к некоему совершенству. Он стремится к добродетельно-счастливному существованию.

Рассуждая далее, Аристотель приходит к выводу, что для добродетельной счастливой жизни нужен досуг, нужно свободное время, чтобы человек был свободен от тягот жизни, от всего того, что задается и предписывается ему природной и социальной необходимостью – забота о пропитании, семье, собственной безопасности и т. д. Одним словом, он должен иметь досуг.

Досуг – это пространство эвдемонии, или пространство человеческого счастья, говорит Аристотель. В нем человек может реализовать свое стремление быть совершенным, наполнить свою жизнь тем смыслом, который он, как разумное существо, находит наилучшим. Это пространство находится по ту сторону экономики, по ту сторону семьи, по ту сторону всех необходимостей.

Аристотель задается вопросом – хорошо, попал человек в это пространство, и что он там находит? Ничего, кроме таких же индивидов, как он, озабоченных тем же, что и он, – желанием или стремлени-

ем к лучшему, к совершенному, к бессмертию. И между ними устанавливается общение, в ходе которого и возникает то, что Аристотель называет политическим общением. Возникает полис, возникает государство. Вот где исток и тайна государства. Это – свободное общение индивидов, или общение индивидов, поскольку они свободны, общение индивидов в той мере и поскольку они стремятся к высшему благу. Это общение, в ходе которого индивидуальное стремление каждого из них к высшему благу становится общим благом всех. Общее благо всех оказывается тем солнцем, вокруг которого все объединены, но, в отличие от солнца, которое видят все, это мысленно заданное и невидимое солнце их совместного существования.

Итак, согласно Аристотелю, политика – это публичное пространство, внутри которого люди и ведут разговоры, совершают поступки, которые имеют определенную нацеленность – на высшее благо. Потом появляется справедливость как принципиально новый способ организации отношений между людьми в рамках этого пространства, в отличие от того, как эти отношения задаются, скажем, социальной необходимостью, где обязательно должна быть иерархия, насилие и так далее. Здесь принципиально другая ситуация, связанная с тем, что мы обобщаем в понятии справедливости ее назначение быть цементирующим основанием этого публичного пространства.

Почему же государство есть произведение искусства? Да просто потому, что из такого подхода вытекает, что государство – это то, что создают граждане в процессе своего общения, когда они общаются ради прекрасной цели и в формах прекрасной деятельности. Это означает, что нет каких-то изначально данных канонов, что государство не является экземпляром какой-то серии, частным случаем каких-то законов. Оно есть изначальная, прекрасная в себе реальность в том виде, в каком ее люди создают. И при таком понимании государство, конечно, есть произведение искусства. Граждане в их совместной деятельности творят и создают то, что отдельный художник создает своим индивидуальным творчеством, когда он пишет роман, рисует картину и так далее.

Излишне говорить, что такое понимание государства, конечно, имеет огромные следствия, в том числе, достаточно важные и актуальные и для нашего российского государства, для его демократического строительства.

Но здесь возникает вопрос, является ли наше государство, как оно представлено, союзом граждан, и где эти граждане.

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

«Государство как произведение искусства» как тема и концепция вытекает из вопроса соотношения государства и культуры. Политологи, философы и, тем более, юристы, как мне кажется, привыкли несколько снисходительно относиться к идеям представителей художественной литературы и искусства, например, о природе того же государства. Поэт Евгений Евтушенко написал: «Плохой вкус – это рычаг политики... Плохой вкус – это наша национальная проблема... Когда политика, ведущая себя, как путана, напяливает подвенечное платье, плохой вкус не делает ее девушкой... Употребление блатного лексикона, чтобы «стать ближе к народу», – это плохой вкус... Считать войну до победного конца единственным выходом, даже если война бесконечна, – это плохой вкус... Да и сам наш парламент – это выставка вопиюще плохого вкуса некоторых избирателей... Считать, что спасение России лишь в устаревших системах, скомпрометированных историей, – в монархии, в капитализме, в тоталитарной версии социализма, не предлагая ничего нового, – это плохой вкус». Строки из книги «Памятники не эмигрируют» (2005) заслуживают цитирования, хотя их автор, на мой взгляд, не может считаться мыслителем уровня Бродского, провозгласившего в своей Нобелевской лекции необходимость развития эстетической концепции государственности в качестве противовеса современному государству. Мандельштам в трех стихотворениях 1933 года («Мы живем, под собою не чуя страны...», «Квартира тиха, как бумага...» и, конечно, «Власть отвратительна, как руки брадобрея...») лучше выразил суть сталинской государственности, чем тысячи (в основном последующих) томов философских, исторических и юридических исследований. Именно о нем (сознательно) и Бродском (невольно) очень удачно сказал Евтушенко:

*...Немыслим профессионал-пророк.
Бессмертны лишь герои-дилетанты,
Неловкие с эпохой дуэлянты,
Не знающие, как нажать курок.*

Можем вспомнить умевшего нажимать на курок охотника и бойца Эдуарда Багрицкого, который посмел при жизни писать и печатать, что «зеленое сукно на столе вождя как болото всасывает в себя карандаши и пресс-папье», чтобы в другом стихотворении уже продолжить образ:

*Стол раскидывался как страна,
В крови и чернилах квадрат сукна,
Ржавчина перьев, бумаги клоч –
Всё друга и недруга стерегло...
Их нежные кости сосала грязь.
Над ними захлопывались рвы.
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреленной головы.*

Правда, он умер раньше 1937 года, который пережить у него шансов не было, но ведь печатал в цензурных условиях, и его, в отличие от литературных критиков XXI века, понимали некоторые его современники. У культуры, как мы видим, в любых условиях прорывается врожденная функция одергивания зарвавшегося государства, но также придания смысла и содержания его существованию, если мы, конечно, заговорим о конституционном правовом государстве.

Недавно скончавшийся великий сербский писатель Милорад Павич писал, что государство может иметь родословную, а может быть и выскочкой, может быть дешевой проституткой или дорогой женщиной, может быть хорошо или плохо одето, может предать свой род. Далее он пишет: «Государство приходит в упадок, если в нем хорошо живут те, кто его разрушает, и плохо живут те, кто его укрепляет... Должен признаться, что мне было довольно неуютно в государстве, созданном нашими отцами, боровшимися за светлое будущее, я никогда не чувствовал себя в нем хорошо. Потому что государство отцы кроили не по моим, а по своим меркам, они создавали его не для потомков, не для детей, не для нас, а только для себя». Павича еще в XX столетии критики заслуженно назвали «первым писателем XXI века». И он, по сути, выразил то, что должны чувствовать современные молодые люди в России по отношению к нашему более старшему поколению.

Боюсь, что не все мы, родившиеся до, скажем, 1970 года, осознаем, что государство под названием Россия (официально СССР) благополучно (то есть почти без крови) исчезло с лица Земли, а в новом, ранее никогда географически и геополитически не существовавшем, государстве тоже под названием Россия мы не более чем не очень понятные пришельцы из советского прошлого. Мы люди, потерявшие свое государство, а значит, и не обладающие каким-либо авторитетом перед лицом его нынешних граждан, тем более что мы продолжаем мыслить старыми категориями: кто в масштабе СССР, кто – Московской Руси. Подлинные же хозяева современной России – люди, родившиеся в ней, и, пожалуй, те, кто не успел в СССР присягнуть Ленину и партии даже в качестве пионера, то есть родившиеся не раньше 1983 года. Они другого государства, кроме нынешнего, не знают. Кроме того, они все больше отдаляются от нас на волне современной технологической революции. Между сегодняшними и постсоветскими россиянами не просто разрыв поколений, а разрыв стран и среды обитания. Если старшее поколение и сейчас, когда Россия географически отброшена от Европы на тысячи километров, все еще продолжает говорить об окнах и форточках в Европу, то наша молодежь не нуждается даже в двери, так как просто не видит никакой стены.

Возможность съездить дешевым туром пока не лимитирована, а при желании, настойчивости и знании языка каждый из них может надеяться прорваться по грантам на учебу, а без грантов и на работу. Скоро любой референдум, выборы, опрос об отношении к любому законопроекту можно будет проводить в 12 часов московского времени одновременно по всей стране с использованием компьютеров и мобильных телефонов с контролем, предотвращающим подтасовку результатов. Думаю, через несколько лет они просто разгонят всю политическую элиту, играющую с ними сейчас в комсомольские поддавки типа «наши – ваши», а заодно и научную элиту, если та не предложит идеи, соответствующие задачам XXI столетия.

Я так прямо говорю об этом сейчас в здании Института Философии Российской академии наук потому, что организатор нашей дискуссии, самый мудрый человек России и по должности, и по существу, Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов так сильно поставил вопрос о современном звучании идей Якоба Буркхардта для со-

временной России, что к этому уже нельзя не прислушаться. За такие идеи молодежь будет только благодарна старшему поколению. Думаю, публикация нашей дискуссии внесет положительный перелом в изучение философско-правовой проблемы формирования новой конституционной модели правового государства в России XXI века. Такая модель поможет становлению страны и, в конечном счете, может стать образцом для многих других государств.

Для Буркхардта, как я понял, главным было обратить внимание на выдвинутую (хотя и не сформулированную) самим временем Ренессанса концепцию государства как произведения искусства. То государство, которое делает культуру одним из главных приоритетов, в его понимании подходит под такую категорию.

Николай Рерих, которого все знают как художника, а многие знают его и по другим каким-то увлечениям, в том числе по политической деятельности невероятного направления, оказался еще и теоретиком государствоведения, теоретиком государства как произведения искусства. Он продолжил мысль Буркхардта о приоритете культуры в государстве и мысль Достоевского о том, что красота спасет мир, оформив их в конкретные юридические формы.

Пакт Рериха есть набор идей, каким должно быть государство и каким должен быть путь к тому, чтобы государство стало произведением искусства. По Рериху, это такое государство, в котором доминантой является культура. Кажется, утопическая мысль, очень абстрактная, легко может быть оспорена с таких же абстрактных позиций. Но Рерих с этой наивной формулой покорила половину земного шара, то есть почти половину независимых государств того времени. Он не только добился от них поддержки этой идеи, но и подвиг их к подписанию конкретного юридического документа – Пакта Рериха, значимость которого до сих пор еще не осознана, а идеи не воплощены в жизнь. Завтра будет как раз 75-летие, когда в кабинете Франклина Рузвельта, в Овальном офисе в Белом доме 21 государство подписало Пакт Рериха.

В чем суть этого короткого документа? Рерих быстро убедился после Первой мировой войны, что ничего сделать нельзя с ростом уровня насилия и агрессии, который существует в мире. Поэтому он добивался обуздания военной силы, запрета для военных разрушать произведения культуры и науки, в том числе и университеты,

которые оказывались под защитой Пакта Рериха. Он выдвинул простую и – я еще раз говорю – наивную мысль, чтобы запретить уничтожать произведения искусства в ходе войн. Был принят документ о приоритете культуры над военной необходимостью. Советский Союз, надо сказать, приглашенный к участию в этом Пакте, замалчивал его и не подписывал. Сразу после войны появилась Гагская Конвенция ООН, где идеи Пакта Рериха и сам Пакт упоминаются в тексте Конвенции, но его главная мысль была перевернута: военная необходимость была поставлена первой, а затем уже шла речь о защите культурных объектов.

В соответствии с этой конвенцией каждая страна должна представить список своих культурных объектов, которые, после регистрации их в ООН, подлежат защите в случае военных действий. И Советский Союз, и нынешняя Россия до настоящего времени не подали список своих культурных объектов в соответствии с этой конвенцией для защиты от войны. Скажу специально для наших гостей из Санкт-Петербурга, что сейчас юридически защищает город от военного удара нахождение под охраной ЮНЕСКО, потому что он имеет особый статус, единственный в России. Кстати, продолжение строительства небоскреба Газпрома приведет к тому, что вскоре защита ЮНЕСКО будет снята.

Государство как произведение искусства – это то государство, в котором поощряется творчество; которое верит в идеалы. Что касается Пакта Рериха, у нас среди юристов почти никто не знает о существовании этого документа. Поэтому мне кажется, что государство как произведение искусства – это государство, где ценятся идеи Пакта Рериха.

А. А. ГУСЕЙНОВ:

Можно так сказать, что государство – это пространство, где процветают свободные занятия. Правильно? Свободные занятия – искусство, культура, философия...

В. М. МЕЖУЕВ:

Я сторонник не сакрализации государства, ни его эстетизации, а его рационализации. Потому что эстетизация государства – это есть своеобразный вид его сакрализации.

Теория государства, которая была разработана Аристотелем и Платоном в какой-то степени, Платон просто больше преимущества отдавал не политикам, а философам, это была теория для избранных. Это была теория свободного пространства, но только предназначенного для граждан, для эллинов, и то не для всех, а для афинских эллинов. Эллины были свободнорожденными, а все остальные – варвары, и их судьба – быть рабами.

Только возникает вопрос – а кто их кормить будет? Кто будет заниматься производством? Кто будет заниматься созданием тех жизненных благ, без которых слишком много философией не занимаешься? Здесь возникает другая проблема – государство должно определиться в отношении этих вопросов. Ну хорошо, оно будет вольным сообществом философов, художников и кого еще. Тогда непонятно, зачем нужна политика.

В новое время государство, конечно, обрело иные функции. Оно стало синонимом уже не избранных, не полиса, а общества. Если общество – это прежде всего сфера приватности, тогда спрашивается, каким здесь должно быть государство? Государство выступает действительно как некоторая машина, но никак не эстетическая конструкция. Это во времена Возрождения можно было так говорить, потому что Возрождение, конечно, было очень эстетизированное мировоззрение. В новое время государство выступает как машина, которая принуждает частных собственников, людей, преследующих свой частный интерес, действовать так, чтобы они не перегрызли друг другу горло – вот его главное назначение.

Государство здесь выступает не функцией производства искусства, оно выступает функцией правового государства. Правовое государство – это и есть рационализация государства, есть правовой рационализм. Что там эстетически можно объяснить – я понятия не имею!

Эпоха Возрождения – это время имперских театров, имперской архитектуры, имперской музыки, имперского зодчества. Вся высокая культура работала на покровителей, не только светских, но и религиозных. Все делалось по заказу либо двора, либо священных иерархов. Надо сказать, что вкусы, видимо, были достаточно высокими у заказчиков, потому что создавались шедевры, несмотря на то, что работали на государственный заказ.

Правовое, рациональное государство патронирует не художника, а потребителя. Единственное, оно обязано обеспечить следующее. Все то, что создал художник как свободный творец, должно дойти до потребителя. Это и обеспечивает государство демократическое, в отличие от недемократического государства, которое патронирует искусство. Буркхардт мог как угодно описывать деяния государства, но он не жил в новое время. Он описывал не эпоху демократии правового государства, а жизнь отдельных княжеств и королевств итальянского периода Ренессанса.

Совершенно очевидно, что жить в XXI веке и идти по пути эстетизации и сакрализации государства, отбрасывая момент рационализации, это путь в никуда. А что такое рационализация – я повторяю еще раз: введение государства в правовое пространство, вот чего мы никак в России не можем достигнуть.

И. Г. ЯКОВЕНКО:

Безусловно, в государстве присутствует эстетическая составляющая. Иными словами, государство в глазах его подданных, в глазах его граждан выступает как эстетический феномен. Видимо, это связано с природой сакрального. Государство сакрально – нравится это Вадиму или мне или не нравится, но такова реальность. А сакральное понимается как антитеза безобразного. Но дело в том, что эстетическое субъективно, всякое суждение эстетическое есть суждение вкуса, а вкус – вещь субъективная. Скажем, я – человек европейских ценностей и ориентаций. Для меня формы репрезентации какого-то азиатского владыки лишены эстетического, они выражают предельный характер власти, ее величие, несоразмерность этой власти мне, человеку. И в этом отношении они глубинно безвкусны. А для носителей других ценностей и другого мировосприятия эти формы, в которых являет себя государство, – архитектурные, эстетические, ритуальные, – прекрасны и органичны. Поэтому надо понимать, что об этих формах как о прекрасном говорить трудно. Можно говорить о государстве как об искусстве, выражающем дух общества. В этом отношении это искусство, но говорить о том, что государство объективно или универсально прекрасно, с моей точки зрения, сложно.

Я так полагаю, что сакрализация государства коренится в природе государства. Люди не могут относиться к государству толь-

ко как к некоторому социальному или политическому институту. Это вещи довольно известные, и нет смысла об этом много говорить. Любое государство всегда будет себя эстетизировать. Оно всегда будет работать на ритуальные формы, на самопредставление, всегда будет самовыражать себя некоторым образом, который предполагает особое отношение к государству. И в этом отношении оно неотделимо от искусства. Только, я повторяю, это очень частное искусство, по частному поводу, которое адекватно конкретно данному обществу данной локальной цивилизации и данной эпохи.

В. Н. ШЕВЧЕНКО:

Государство как организация совместной жизни людей на определенной территории есть очень часто результат неосознанного творчества по законам красоты и вместе с тем оказывается постоянно создаваемой и пересоздаваемой конкретной вещью, которую можно рассматривать и как произведение искусства. Как все это выглядит с точки зрения рассмотрения бытия государства в истории во взаимодействии с другими государствами. Государство как деятельность и верховной власти, и низов озабочено прежде всего не эстетикой и не рационализацией. Любое государство, в том числе и российское, если оно желает и далее существовать в истории, должно быть озабочено тем, как преуспеть в истории, говоря сегодняшним штампом, как быть конкурентоспособным на мировой арене. И вместе с тем оно стремится, так или иначе, к реализации общего блага для всех, носителем которого оно и является. Так вот что на первое место должно ставить государство – права, свободы, демократические процедуры или выживание государства в условиях нередко жесточайшей конкуренции на мировой арене, включая и объявленные и необъявленные против государства войны. По замыслу, по идее, российское государство всегда было, есть и будет носителем идеи общего блага, и всегда будет потребность в сакрализации российского государства. Но это сегодня совершенно не актуальная проблематика, она становится все более и более маргинальной. Теперь для нас на первое место выходят совершенно другие вещи, о которых здесь говорил Вадим Михайлович, – права и свободы человека. Но если реализацию прав и свобод ставить во главу угла, то это путь, который нами не будет успешно пройден, это тупиковый в этом смысле путь.

Если говорить сегодня, то нужно говорить не просто о проблемах модернизации, в том числе и государства как основы политической системы. Нужно говорить о том, как сегодня выжить российскому государству, почему сегодня актуальной вновь становится идея особого пути развития российского государства. Именно особого. И тогда в этом плане мы можем говорить о том, что и право, и демократия есть средства решения вполне определенных задач, связанных с развитием европейской, шире – западной цивилизации.

Мы сможем успешно существовать только как державное, централизованное государство. Отсюда и неизбежный патерналистский характер российского государства (формы патернализма бывают разные). В противном случае мы остаемся недостроенным национальным государством, тяготеющим к распаду, потому что федерация может спокойно быть только в том случае, если субъекты федерации находятся на более-менее одинаковом уровне развития, как в ФРГ. Но у нас сегодня в государстве все обстоит по-другому. Нельзя на это закрывать глаза.

Для нас самая главная проблема – это не строительство демократических институтов на западный манер. Самая главная проблема, которая стоит для российского государства, – как избежать реальной и большой опасности выпадения из истории.

Сегодняшние рассуждения об эстетике и рационализации российского государства должны быть соотнесены с той великой целью, которую мы должны перед собой ставить. Иначе выпадение из истории неизбежно, и оно может привести к тому, что мы станем еще одной Грецией или Египтом, куда будут ездить туристы, чтобы посмотреть культурное достояние великого прошлого страны. Сегодня мы наблюдаем, что идущий вот уже двадцать лет процесс деградации и регресса российского общества замедлился, но он еще не остановлен. Деградация по всем параметрам – социальным, культурным, экономическим, политическим – продолжается. И в этом отношении нужно еще раз поставить вопрос о том, чем же действительно сегодня должно заниматься государство.

Все меньше мы занимаемся проблемой развития российского государства в сегодняшней весьма динамичной истории, и все больше мы ставим в центр внимания трудности внедрения западных ценностей в российское общество. Самым лучшим решением это-

го вопроса будет, если Россия распадется на 30–40 маленьких, по-настоящему демократических государств. Вот тогда действительно в каждом из них можно построить настоящую демократию – маленькую, аккуратную, где все будет рационализировано, эстетически красиво и никакой сакральности. Неужели мы обречены на такой бесславный конец российского государства?

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ:

У меня будет два очень конкретных вопроса. И они будут обращены к Вам, уважаемый Абдусалам Абдулкеримович, председательствующему на нашем круглом столе, и к Вам, Вадим Михайлович.

Первый вопрос: ответьте мне, пожалуйста, как работать с вашим понятием государства в научных, в частности, правовых исследованиях. Второй вопрос. Когда заказчиком произведений искусства и его потребителем становится население, в демократическом государстве, то не приведет ли это, как мы уже видим, к появлению массового искусства и массовой культуры?

А. А. ГУСЕЙНОВ:

В каждой Конституции говорится о том, что у государства есть какие-то цели – процветание, благо граждан. Правильно? И государство должно служить этим целям. Если понимать государство правовое так, как говорит В.Межуев, что оно должно обслуживать потребителей. Иначе говоря, общество – это совокупность частных граждан, каждый из которых преследует свои цели, а государство их обслуживает, чтобы не передрались. Да будь трижды проклято это правовое государство, если оно в этом состоит! Не может такого быть. Тогда лишены всякого смысла все исторические поиски каких-то совершенных форм организации общественной жизни. Поэтому я должен сказать, на самом деле, и в нашем государстве, и в современном мире есть какие-то стороны, сквозь которые просвечивает модель государства Аристотеля. Например, почему у нас каждый гражданин имеет один голос? Кто может мне ответить? Почему самый последний бомж имеет такой же голос, как Абрамович, Путин и так далее? Из какого понимания государства это исходит? Это исходит из аристотелевского, из того, что это союз граждан, союз равных. Или другой пункт – почему наши правители все время хотят убедить,

что они работают ради общего блага, как рабы на галерах? Из чего они исходят? Почему они всех нас хотят убедить, что они не ради себя и своих дружков, которых они тянут во власть, работают, а ради всех нас? Да потому, что они тоже исходят из этой общей, сидящей в голове у каждого правителя, мысли о том, что деятельность государства концентрируется вокруг общего блага.

В. М. МЕЖУЕВ:

Понимаете, у нас так повелось в России – мы все время искусство называем культурой. Никакой художник культуру не создает, он создает произведение искусства. Тогда будет понятно, в чем должна заключаться деятельность государства. Простой пример. Роман Булгакова «Мастер и Маргарита» был написан к 1940 году. Это было произведение искусства. А в культуру роман вошел в 1966 году, когда он был издан и стал достоянием читателей. Кино, которое сняли и положили на полку, никому не показали, может быть произведением искусства, даже выдающимся. Культурой оно становится тогда, когда доходит до зрителя. В правовом отношении это очень важная вещь. Значит, культуру создают художник и потребитель в своем взаимодействии. Где происходит встреча художника и потребителя? Это называется институтом или учреждением культуры. Если мы возьмем, скажем, театр как союз драматурга, художника, режиссера, актера, то это вид искусства. Театр, куда приходит публика, – это учреждение культуры. Это может быть кинотеатр, это может быть консерватория, музей и т.д. Вот за учреждения культуры отвечает государство. Государство не указывает художнику, какую музыку ему писать, пьесу или роман сочинять. Это глупости. Искусством управлять нельзя. Искусство неуправляемо, это продукт свободной деятельности. Управлять можно местом, где происходит встреча художника и зрителя. Вот это подлежит правовому регулированию. Значит, эти места должны быть всем доступны, они должны быть всем по карману, они должны быть обращены в равной степени ко всем.

Действительно, когда художник переориентируется с патернализма государственного на рынок, происходит то, что вы называете массовой культурой, то есть когда художник работает на рынок. Он не поднимает до себя читателя или зрителя, а опускается до их уровня, до массовой, потребительской культуры. Культура становит-

ся товаром. Что можно этому у нас противопоставить? Это действительно большая проблема, которая решается в теории за счет освобождения человеческого времени от давления рабочего времени.

Свободное время – это время, где я сам себя делаю. Каждый человек – художник в одном смысле слова. Любой человек создает одно, уж точно одно произведение – самого себя. Это произведение может быть интересным, нужным, вызывающим какое-то уважение, какой-то авторитет, а может быть и так – скорее отвернуться и забыть. Чтобы я был интересен, нужен, вызывал к себе интерес, находил общение с другими, я должен с собой что-то делать. Если перед человеком такую задачу поставить, он будет искать в искусстве не то, что его на сегодняшний день развлекает, а завтра он забудет, а тот самый материал, из которого он может вылепить самого себя. Вот как я это понимаю. Если человек перед такой необходимостью не стоит, ему все равно, кто он, – тогда он штампуется в обществе как поточное производство какого-то предмета на заводе. Сегодня это, к сожалению, и происходит. Это есть главная проблема, над которой ломают головы философы: как выйти за рамки массового общества и массовой культуры. Возложить здесь надежду на государство – извините, не верю.

В. И. ЛАФИТСКИЙ:

Я вернусь к теме нашего заседания – государство как произведение искусства. Я выскажу такую четкую мысль, четкий тезис – государство не возникло бы, если не было бы искусства. Можно приводить множество примеров. Израиль был создан только благодаря Торе и другим священным книгам Танаха. Не было бы этих священных книг – не было бы Израиля. Появление священных гимнов Авесты Заратустры привело к созданию древнеиранского государства. Если мы пойдем дальше на восток, в Индию, мы увидим, что без Рамаяны, без Махабхараты не было бы ни арийских княжеств, ни древнеиндийских царств. Можно упомянуть такие великие памятники, как поэма Гесиода, «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Без них не было бы эллинского мира. То есть искусство так или иначе, но оно рождало государство. И в дальнейшем искусство сопровождало развитие государства, оно оценивало государство, оно корректировало его развитие.

И последний тезис. Сейчас есть два пути: либо путь искусства, либо путь технократизма. Как раз я стою за то, чтобы государство развивалось по пути искусства, а не технократизма, который убивает душу государства.

И. С. ФИЛИППОВ:

Мне кажется, что, в конечном счете, нет уж такого большого противоречия между рационализацией государства и его эстетизацией. В конце концов, математика может быть даже очень красивой. В этом смысле нашему государству, мне кажется, недостает как рационализации, так и определенной эстетизации. Посмотрите, какого качества наше законодательство – один закон противоречит другому, один кодекс другому. Не успеем издать какой-нибудь кодекс, как он немедленно обрастает десятками и сотнями поправок. Кто же думал, как же такое может быть? Почему его нельзя было сделать истинно красивым изначально, непротиворечивым? У нас действительно много делается для сакрализации государства. Разрабатываются ритуалы. Они могут быть и красивыми. Но сказать, что управление страной у нас организовано как-то красиво, было бы невозможно. Так же, как нельзя сказать, что оно организовано рационально. Об этом неприятно говорить, но смотрите на наших депутатов – как они выглядят и как они себя ведут. Мне кажется, что в известных границах рационализация и эстетизация государства совместимы.

И. ГОЛОВАНОВА:

Во многом споры и дискуссии между философами и юристами возникают в силу того, что все-таки юристы исходят из понимания государства как средства. Классическое определение государства, которым оперирует современная доктрина, это, в общем-то, концепция государства как средства. То, о чем сегодня говорил А.А. Гусейнов, – это все-таки государство как цель. Без понимания этого водораздела мы вряд ли сможем благотворно дискутировать на эту тему. И, в частности, тема сегодняшнего заседания – государство как произведение искусства – это, прежде всего, разговор о государстве как о цели. Это моя первая реплика. Второе мое замечание состоит в том, что принципиально различаются между собой достаточно одномерная романская концепция государства и метафизическая германская

концепция государства. Только при ясном понимании того, что это абсолютно разные подходы, возможна плодотворная дискуссия.

С. Ю. КАШКИН:

Мы в ходе дискуссии как раз и пытаемся увидеть государство как средство, ведущее к цели. Улавливаете? И через эту призму мы выделяем в государстве несколько важных элементов. Это искусство создания государства, искусство управления государством, далее культура управления государством, которая разделяется на политическую культуру, правовую культуру и нравственно-этическую культуру. Последняя тоже есть составная часть государства как произведения искусства. При этом никуда не денешься еще от одной стороны – красота государства как гармония исторически изменчива, как и всякая красота.

Д. Д. ОСИПОВ:

Я услышал в главных докладах три варианта определения того, что есть государство как произведение искусства. В предыдущем выступлении говорилось о том, что в государстве должна быть гармония – это есть аристотелевская мера. Государство есть мера гармонии между чем и чем? Между формой и содержанием. А дальше можем уже определять, насколько, в какой мере одно соответствует другому. Я согласен с тем, что говорил А. А. Гусейнов. У Аристотеля речь идет не просто об эстетической форме, в том числе об этической форме. Государство Аристотеля – это государство дружбы, которое, скажем так, красиво выстроено.

Второй вариант понимания государства как искусства, о чем говорил П. Д. Баренбойм, это то, что государство как искусство имеет некую культурную функцию. Я согласен с этим. Мне кажется, это очень важная тема, которая не разработана, прежде всего, культурная политика. На основе чего мы можем говорить о культуре, как о юридическом явлении, имеющем правовые основания? Главная часть культурной политики – культурное право – вообще выпало из нашей государственной практики, его просто не существует.

Здесь Рерих очень интересен как яркий пример человека, который вообще не был юристом, но он дошел до юридических оснований того, что мы называем культурой.

Третий вариант для меня более близок. Первоначально государство все-таки творило не просто государство, но власть. Мы можем говорить о власти, об эстетике власти. Властвующая персона, как ее ни называть – царь, император, – они пытались творить государство. В древнем мире, конечно, к этому процессу подключалось 15–20 процентов греков/римлян, которые участвовали в процессах творчества государственных форм бытия. Но 80 процентов, конечно, были лишены этой возможности.

Суть демократии, когда мы начинаем говорить о современной ситуации, заключается в том, что правовое государство как раз и выступает средством подключить к процессу творчества как можно больше людей. Я считаю, что единственная форма достижения гармонии в современном государстве это, конечно, юридическая форма. Других способов творить государства нет.

Правовая система понимается как то, что творится не только юристами, но и всеми другими людьми. Право на создание законов должны иметь не только элита, не только юристы, но и то, что мы называем гражданским обществом. То есть, все люди, находящиеся на разных ступенях социальной лестницы, должны иметь возможность участвовать или, по крайней мере, влиять на создание юридических норм. Я считаю, что современное правовое государство имеет прочную философскую базу. Начиная с XVII–XVIII веков философы-просветители создавали демократическое правовое государство. Это уникальная ситуация, когда философы в свое время имели большую значимость, чем властители. Короли склоняли головы перед философами. До этого, конечно, мы вряд ли сегодня доживем, но важно найти форму участия философов в решении нынешних проблем государства.

Самое последнее, хотел бы сказать, что сегодняшняя дискуссия, мне кажется, является формой такой беседы, которая, собственно говоря, и демонстрирует бытие государства как некий творческий процесс. А где его еще творить в интеллектуальной форме? Здесь, на нашем круглом столе.

Л. О. ИВАНОВ:

Говорят, что наиболее близким аналогом Конституции России является французская конституция. Но взгляните на наше государ-

ство и на Францию – это совершенно разные вещи. Исходя из этого сравнения, я вижу, прежде всего, очень плодотворный подход, связанный с тем, чтобы дать феноменологическое описание нашего государства. Вот какое оно в реальности, каковы реальные отношения. Вроде бы формально у нас должно быть много похожего, а этого нет. Ведь участником построения государства является не только власть. Конечно, действия власти очень важны. Но и все мы, граждане, тоже вносим свой вклад. Поэтому и получается такой очень сложный синтез государства и гражданского общества. Далее. Отношения власти и, скажем, электората, наши межличностные отношения на уровне коллектива по сравнению с каким-либо европейским научным учреждением, а мне приходилось с ними сотрудничать, это, вы знаете, большая разница. И так во всем. Было бы очень важно описать то, что можно назвать нашим государственным бытом. В свое время француз де Кюстин описал николаевскую Россию, он оставил для последующих поколений очень интересный срез тогдашней нашей жизни. И вот, если мы сегодня смогли бы получить, условно говоря, такое описание, мы бы тогда, наверное, сказали – вот наше государство как произведение искусства. Это может быть сделано и в виде научного трактата.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ:

Будем ли мы рационализировать государство или, напротив, его поэтизировать – все равно мы, по-моему, рисуем некоторый идеал государства, к которому стремимся или который хотим на земле создать. А идеал, видимо, имеет и рациональные, и эстетические черты. Можно сказать, что идеал – это рационально-эстетический конструкт, который мы создаем в теории и к которому мы хотим приблизиться в жизни. Аристотель сформулировал этическое понимание государства. В современном понимании идеал государства, видимо, выражен в современных конституционных универсалиях, таких как демократическое, правовое, социальное государство. Скажем, мы записали в Конституции идеи правового демократического государства. Но мы очень далеки от них.

Но представим себе, что этот идеал политико-правового современного конституционализма реализован, и мы сформировали новый тип личности в нашем обществе. А что это за тип личности,

соответствующий современному конституционализму? Это человек, видимо, самостоятельный, инициативный, рациональный. Причем сугубо рациональный, который хорошо понимает законы, им четко следует. Эмоциональность здесь особенно не приветствуется. Это человек – индивидуалист, который смотрит на жизнь так, чтобы хорошо обеспечить себя, свою жизнь, свою семью, в этом его задача. Этот человек должен подозрительно смотреть на свое государство и правительство и каждый раз, каждые четыре года, переизбирать высшее руководство.

Рассмотрим еще один из тех идеалов, которые заложены в нашей Конституции. Вторая статья Конституции России говорит так (любимая моя тема – это вторая статья Конституции). Статья звучит так: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В свое время, в 90-е годы, был знаменитый спор, правда, заочный, между нашим первым мэром Санкт-Петербурга – А.А. Собчаком и Иоанном, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским. Собчак, естественно, исходя из либеральной модели, упирал на то, что права и свободы человека превыше всего, они есть высшая ценность. А митрополит Иоанн отвечал ему следующее. Замечательно высокая мысль о верховенстве прав человека фактически питается эгоизмом и самомнением. Она ведет к изоляции людей друг от друга, к классовой борьбе, к разъединению общества. В нашей православной культуре, он говорил, всегда на первое место выступали обязанности, а не права.

Поэтому, мне кажется, когда мы говорим об идеале государства и политико-правовом идеале, нужно иметь в виду, что этот идеал часто сталкивается с культурой народа. К примеру, американцы насаждают этот политико-правовой идеал демократического государства в Ираке, но ничего из этого не получается. Ирак не хочет жить по модели американцев. Я не думаю, что мы сейчас можем насадить такой идеал и в Китае. Китай живет и процветает, но они не хотят западную модель государства насаждать у себя в обществе. Если мы берем разнообразие культур в мире, то тот идеал, который сейчас сформулирован – политико-правовой, правовое демократическое государство, – это далеко не идеал для многих стран и далеко не всегда он формирует тот тип личности, который мы с радостью примем.

А. В. ЗАХАРОВ:

В начале нашей дискуссии уже было отмечено, что «Государство как произведение искусства» – тема неожиданная и необычная. Споры нет. А вот насколько выбранная тема актуальна? Насколько важно в начале XXI века вновь вернуться к разговору, начатому более 100 лет назад швейцарским мыслителем о «государстве как сознательно задуманном построении»? Некоторые современные ученые полагают, что будущее невозможно предсказать, его нужно создавать. В условиях, когда миром правит многообразие, по их мнению, именно вопросы, а не ответы определяют будущее.

Сегодня модернизация – ключевое слово в современном российском политическом лексиконе. При этом, толкование этого термина имеет достаточно широкий диапазон. В узком смысле под модернизацией понимается придание экономике инновационного характера. В широком понимании этого слова речь идет о необходимости достаточно серьезных изменений во всех основных сферах общественной жизни: экономической, политической и социальной. Из уст политических экспертов нередко звучат весьма образные метафоры на заданную тему. Вот одна из них: «Российская модернизация – это такой политический евроремонт, наполненный инновационным технологическим содержанием». Можно спорить о том, как назвать процесс обновления общества: политическим евроремонтом или построением правового государства. Для определенной части мыслящей элиты ясно одно: изменения в стране необходимы. Остается лишь ответить на вопрос о сути предстоящих изменений. Подходы здесь могут быть самыми различными. Например, когда речь зашла о создании в России своей Силиконовой долины, на вопрос о том, чего не хватает для реализации этого проекта, председатель правления Института современного развития (ИНСОР) Игорь Юргенс ответил: «Адекватного законодательства, инфраструктуры, культуры общества». И далее добавил: «Проект получится, если будет готовиться свободными людьми, в свободной стране в творческих условиях. А в подготовленном в феврале 2010 года ИНСОРОм докладе «Россия XXI века: образ желаемого завтра» содержится утверждение, что без социально-политической модернизации невозможно и экономическая. Это означает, что наше общество должно готовиться к переменам или, по меньшей мере, осознать их необхо-

димось. Для этого необходимо создать определенные предпосылки. Одна из важнейших предпосылок – реализация задачи построения правового государства.

В этой связи можно сказать, что разработка доктрины понятия правового государства на уровне XXI столетия – это не благое пожелание, а обязанность государства и общества. Эстетические же концепции государственности могут стать ключом к разработке понятия правового государства, то есть понимания, в каком государстве мы живем, а точнее – какое государство надо строить. Сама концепция государства как произведения искусства не была сформулирована Якобом Буркхардтом в каком-то законченном виде. Она сводилась, в основном, к мысли, что государства и их правители того времени считали достижения в сфере культуры и искусства крайне важными для укрепления престижа государства и их собственного. В итоге это привело к государственной защите и поощрению наук и искусства. Отсутствие четкости в формулировании концепции нетрудно объяснить ее, с одной стороны, интуитивной творческой очевидностью, с другой – крайней трудностью увязывания с реальной государственной жизнью.

Начиная с первых лет XX века Николай Рерих стал разрабатывать эстетическую концепцию государственности, основанную на примате вопроса развития и защиты культуры и искусства перед всеми остальными направлениями государственной деятельности. По его мнению, эти приоритеты должны быть обязательно учтены в распределении государственного финансирования. Рерих полагал, что развитие культуры и искусства само по себе приведет к оздоровлению жизни государства и общества. Судите сами, насколько актуально звучит сегодня один из его заветов потомкам: «Сперва опознаем и сбережем культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными».

Размышляя об этом, следует также задаться вопросом о степени нашей восприимчивости к Слову великого соотечественника. В качестве лишь одного примера того, с каким трудом прививаются идеи Рериха к будущим поколениям, можно привести «диагноз», который поставил советской России Андрей Тарковский, писавший спустя много лет после появления рериховской концепции: «Если падение искусства очевидно, – это как раз налицо, а искусство –

душа народа, то народ наш, наша страна тяжело больны душевно». Главное положение философско-правовой концепции государства, разработанной Рерихом, гласит: обязанностью государства является поддержание и развитие духовной общности проживающего в нем населения. При этом государство должно быть в первую очередь ориентировано в своей созидательной деятельности на расцвет будущих поколений и эволюционное построение новой будущей цивилизации с помощью развития и поощрения образования и культуры. Эстетическая модель государства дает науке конституционного права и философии права необходимые подходы для начала разработки доктрины правового государства, которая, в свою очередь, должна обеспечить конституционную основу Возрождения в России и создания в ней (говоря словами Николая Рериха), «государства будущего». Сегодня в повестке дня стоит вопрос о возможности достижения идеи правового государства с высокой эстетической составляющей.

Хочется верить, что идея правового государства должна стать движущей силой достижения благосостояния и процветания граждан России. Не думаю, что такой подход выглядит утопичным. В конце концов, как сказано в одной умной книге: «Сильное воображение порождает событие». Идея правового государства записана в тексте Конституции – это закон, который власть обязана претворять в жизнь.

Создатели американской Конституции считали, что истинной целью человечества является стремление к счастью. В российской Конституции записано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Это означает, что главной целью при разработке стратегии России XXI века, включая ее правовую составляющую, должна стать личность, ее права, свободы и обязанности. Философы учат, что быть личностью значит быть свободным.

В начале 70-х годов XX века Андрей Тарковский, размышляя об ответственности за судьбу будущих поколений, написал также строчки: «Какими будут наши дети? От нас многое зависит. Но от них самих тоже. Надо, чтобы в них жило стремление к свободе. Это зависит от нас». Как воспитать в наших детях стремление к свободе? Наверное, в том числе через стремление к познанию прекрасного. Ф. Шиллер считал, что только путем красоты можно достичь свобо-

ды. Художник может и должен воспитывать красотой. И. Кант к тому же полагал, что красота немыслима без истины. Поэтому формула его философской системы содержит истину, добро и красоту, взятые в их единстве, замкнутые на человека, и его культурное творчество. Вспомним также утверждение Канта, что два человеческих изобретения можно считать самыми трудными: искусство управлять и искусство воспитывать.

Сегодня один из важнейших вопросов повестки дня страны можно сформулировать следующим образом: как в рамках объявленного модернизационного проекта наилучшим образом спроектировать будущее России? Практически речь идет об осуществлении своего рода управленческого реинжиниринга страны. Это означает, в том числе, и овладение правящей элитой искусством управления самим процессом преобразований и непрерывно происходящих изменений.

И еще раз о самом важном. Прежде чем приступить к осуществлению перемен в стране, необходимо, чтобы Государство и Общество впервые в отечественной истории твердо заявили, что главной целью проекта комплексной системной модернизации России должна наконец-то стать личность, защита ее прав и свобод. И что это не просто декларация и очередное сотрясение воздуха, а реальная цель. Тогда из такого целеполагания должна вытекать готовность к реализации соответствующих задач. В числе приоритетнейших хотелось бы назвать как минимум две: обеспечение в России в XXI веке Верховенства права и Верховенства культуры. А одним из базовых условий продвижения к намеченной цели должна стать реформа образования. Совершенно недопустимо для страны, которая рвется в завтрашний день, чтобы ее образовательная система готовила специалистов вчерашнего дня.

Главное средство производства в современном мире – интеллект. По мнению шведских экономистов – авторов нашумевшего бестселлера «Бизнес в стиле фанк», 300 лет назад богатство определялось наличием прав на землю. Затем главным фактором стал капитал. Теперь – это образование. При этом образование – это не заполнение голов голыми фактами. Образование – это эмоции и душа. А где эмоции и душа, там уже можно поговорить о воспитании и культуре. И именно новые поколения специалистов и ученых,

получивших современное образование, смогут создать образ будущей России и практически реализовать проект государства как сознательно задуманного построения, то есть проект под названием «Новая Россия».

Скорость изменений, происходящих в мире, ошеломительна. К этому новому состоянию мира трудно привыкать и адаптироваться, но с этим всем приходится жить. По мнению некоторых аналитиков, эпохи перемен в ускоряющейся информационной и социальной реальности – это перманентное состояние развития человечества. Вот, например, о чем говорится в видеоролике одной известной интернет-компании: «В середине первого десятилетия XXI века в год производится больше уникальной информации, чем за предыдущие пять тысячелетий». И далее: «Студенты, которые получают образование сейчас, будут работать по профессиям, которые еще не созданы; использовать технологии, которых сегодня еще нет; решать задачи, о которых мы сегодня даже не знаем».

Из всего сказанного хочется сделать один простой вывод: необходимо, чтобы Государство поставило в качестве приоритетной задачи реинвестирование значительной части своих доходов в свое Будущее, то есть – в Культуру, Образование и Науку.

П. Д. БАРЕНБОЙМ:

В заключение реплика – это после яркого выступления нашего финансиста. Государство как произведение искусства – это, наверное, государство, которое хотя бы умеет нарисовать свои деньги. Дело в том, что у нас сторублевая, пятисотрублевая банкнота, тысячерублевая банкнота – все нарисованы с ошибками. Например, на одной из них изображен памятник Ярославу Мудрому – не тот, что в Ярославле, а тот, что в Киеве, то есть в иностранном государстве. И в сторублевой банкноте тоже ошибка. Памятник Петру – не из Архангельска, а из Таганрога, и т. д.

Кстати, Мандельштам отлично сказал о ценностях культуры, используя образ флорентийской валюты XV века – золотого флорина: «То, что ценности гуманизма ныне стали редки, как бы изъяты из употребления и подспудны, вовсе не есть дурной знак. Гуманистические ценности только ушли, спрятались, как золотая валюта, но, как золотой запас, они обеспечивают все идейное обращение со-

временной Европы и подспудно управляют им тем более властно. Переход на золотую валюту – дело будущего, и в области культуры предстоит замена временных идей – бумажных выпусков – золотым чеканом европейского гуманистического наследства, и не под заступом археолога звякнут прекрасные флорины гуманизма, а увидят свой день и, как ходячая звонкая монета, пойдут по рукам, когда настанет срок».

В стране, которая фактически тратит три четверти из дошедших до расходной части бюджета бумажных денег на военные и близкие к ним дела, давно пора произвести их конвертацию в «золотые флорины флорентийского гуманизма» и при любом раскладе тратить не менее половины на культуру, образование и здравоохранение.

А. А. ГУСЕЙНОВ:

Мне кажется, возможно, даже против ожидания, у нас разговор получился. В заключение мне хотелось бы подчеркнуть только одну мысль, прозвучавшую здесь. Хорошо было показано, что эстетизация государства не противоречит его рационализации. Хочу еще добавить и сказать – эстетизация государства совсем не означает и не обязательно ведет к его сакрализации. В.М. Межуев в своем выступлении хорошо сформулировал одну вещь. Он сказал, что в свободном публичном пространстве каждый свободный человек создает свое произведение искусства – он создает себя, свою собственную жизнь. Это совершенно замечательная мысль. Но особенность публичного пространства в том, что это такое пространство, где все мы граждане, и в той мере, в какой мы граждане, тоже все вместе создаем одно произведение. Это произведение есть государство.

Одним из выступавших было прекрасно сказано: конституции Франции и России очень схожи между собой, а какие это разные государства! Вы просто посмотрите реально, и мы увидим, что каждое государство – это какая-то необычная конструкция. Правовое государство как символ рационализма – хорошо. Откуда берутся законы? Мы их создаем. Юристы и многие другие граждане создают эти законы. Это продукт нашего творчества. Мы же создаем сами свое государство! Центральная власть – откуда она? Она

формируется в соответствии с теми конституционными началами, которые мы задаем. И напрасно думать, что государство – это некая иррациональная реальность, которая находится вне сознательного контроля людей. Это такая социальная вещь, которая создается людьми. Одни ее формы рушатся, другие создаются в ходе творимой людьми своей собственной истории.

ОБ АВТОРЕ

Петр Давидович Баренбойм

Президент Флорентийского общества, адвокат, кандидат юридических наук.

Автор, соавтор, ответственный редактор свыше 40 книг, среди которых:

«Максима Макиавелли», 2001;

«Хождения во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре», 2003;

«3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера», 1996, 2003;

«Микеланджело в Капелле Медичи: гений в деталях», 2011;

«Флорентийская утопия: государство как произведение искусства», 2012;

«Мистика Фландрии и Утопия Брюгге», 2017;

«Этюды о Микеланджело», 2018;

«Michelangelo's Moment: the British Museum Madonna», 2018;

«500 years of the New Sacristy: Michelangelo in the Medici Chapel», 2019;

«Уроки конституционного кризиса 2020», 2020.

Читал лекции в Историко-архивном институте (РГГУ), МГУ, Высшей школе экономики (Москва), Десятом университете Парижа, Флорентийском университете и других вузах.

Петр Баренбойм
Макиавелли. Москва.
Флорентийское общество
(к двадцатилетию создания в Москве
Флорентийского общества)

Литературный редактор *Гулер И.*
Выпускающий редактор *Миронова М.*
Верстка *Миронова М.*
Корректор *Поварова С.*
Подготовка в печать *Прока С.*

Петр Давидович Баренбойм

Президент Флорентийского общества, адвокат, кандидат юридических наук.

Автор, соавтор, ответственный редактор свыше 40 книг, среди которых:

«Максима Макиавелли», 2001;

«Хождения во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре», 2003;

«3000 лет доктрины разделения властей.

Суд Сьютера», 1996, 2003;

«Микеланджело в Капелле Медичи: гений в деталях», 2011;

«Флорентийская утопия: государство как произведение искусства», 2012;

«Мистика Фландрии и Утопия Брюгге», 2017;

«Этюды о Микеланджело», 2018;

«Michelangelo's Moment: the British Museum Madonna», 2018;

«500 years of the New Sacristy: Michelangelo in the Medici Chapel», 2019;

«Уроки конституционного кризиса 2020», 2020.